

Фредрик Бакман

БАБУШКА ВЕЛЕЛА КЛАНЯТЬСЯ И ПЕРЕДАТЬ, ЧТО ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ

НОВАЯ КНИГА АВТОРА МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«ВТОРАЯ ЖИЗНЬ УВЕ»

Annotation

Девочке Эльсе почти восемь, а ее бабушке скоро семьдесят восемь. Одни называют бабушку эксцентричной, другие — «бодрой старушкой», третьи считают, что она просто съехала с катушек. Но для Эльсы бабушка — супергерой и самая лучшая подруга. Потому что всегда защищает внуку, независимо от обстоятельств. И потому что понимает ее как никто другой. Когда бабушка умирает, после нее остаются письма, которые Эльса должна доставить адресатам. Выполняя бабушкино поручение, она узнает много нового о необыкновенной жизни своего супергероя, срывается с реальным, а не сказочным злом, и обретет настоящих друзей.

- [Фредрик Бакман](#)
 -
 -
 - [1. Табак](#)
 - [2. Обезьяна](#)
 - [3. Кофе](#)
 - [4. Пиво](#)
 - [5. Лилии](#)
 - [6. Моющее средство](#)
 - [7. Кожа](#)
 - [8. Резина](#)
 - [9. Мыло](#)
 - [10. Гель](#)
 - [11. Протеиновые батончики](#)
 - [12. Ментол](#)
 - [13. Вино](#)
 - [14. Снюр](#)
 - [15. Стружки](#)
 - [16. Пыль](#)
 - [17. Плюшка с корицей](#)
 - [18. Дым](#)
 - [19. Бисквитное тесто](#)
 - [20. Магазин одежды](#)
 - [21. Воск](#)
 - [22. Какао](#)

- [23. Тряпка](#)
 - [24. Мечты](#)
 - [25. Елка](#)
 - [26. Пицца](#)
 - [27. Глёт](#)
 - [28. Картошка](#)
 - [29. Меренги](#)
 - [30. Духи](#)
 - [31. Ореховый пирог](#)
 - [32. Мороженое](#)
 - [33. Младенец](#)
 - [34. Бабушка](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Фредрик Бакман
Бабушка велела кланяться и передать, что
просит прощения

© Издательство «Синдбад», 2018

* * *

Обезьяне и лягушке. На вечность десяти тысяч сказок.

1. Табак

Каждый семилетний ребенок заслуживает иметь своего супергероя. Это факт. А кто не согласен, тому надо проверить голову.

Так считает бабушка Эльсы.

Эльсе семь, скоро восемь. Хотя семилетка из нее та еще — Эльса и сама это знает. Директор говорит, ей нужно «адаптироваться» и «выстраивать отношения со сверстниками». А мамы подружки называют ее «слишком развитой для своего возраста». Что на самом деле значит «наглая соплячка». Так они говорят, стоит ей поправить их, где ставить ударение в слове «жалюзи» или объяснить, когда говорят «одевать», а когда «надевать». Что для них, как правило, слишком сложно. Тогда эти светлые головы улыбаются натянутыми улыбками и говорят ее родителям: «Умна не по годам». Как будто это дефект, как будто их оскорбляет сам факт, что она не такая придурочная, как полагается в семь лет. Потому-то у Эльсы и нет друзей, кроме бабушки. У одноклассников все как положено по развитию: здравствуй, дерево. Но Эльса неправильная.

Да плюнь, говорит бабушка. Супергерои не такие, как все. Если бы суперспособности были нормой, обычных людей бы уже не осталось.

Бабушке семьдесят семь, скоро семьдесят восемь. И она тоже не соответствует своему возрасту. Бабушка уже старая, лицо у нее как мятая газета из мокрых ботинок, но никто не считает, что она для своего возраста слишком развита. «Бодрая старушка», так о ней отзываются те, кого она доводит до ручки. В ответ мама обещает возместить им нанесенный ущерб. А бабушка говорит, пусть эти идиоты пеняют на себя и где вообще людская солидарность, нечего было на ручник жать, видели ведь, человек параллельно паркуется на своем «рено». Бабушку бесит, что в больнице теперь и покурить спокойно нельзя, сразу срабатывает пожарная сигнализация. «Ваша политкорректность уже в печенках сидит!» — кричит она охранникам, когда те требуют затушить сигарету. Или взять хотя бы тот

случай, когда бабушка слепила снеговика, одела его в настоящую одежду и подложила во двор, прямо под окна Бритт-Мари и Кента — как будто кто-то упал с крыши. А в другой раз было дело, по району ходили аккуратненькие такие люди в очках и звонили во все двери. Они хотели возвестить о Господе нашем Иисусе, а бабушка вышла на балкон в распахнутом халате и стала палить по ним из ружья для пейнтбола. Бритт-Мари тогда долго не могла решить, что ее больше взбесило — ружье или отсутствие какого бы то ни было белья под халатом, поэтому в заявлении в полицию указала для верности оба обстоятельства.

Вот в таких случаях бабушку и называют «бодрой старушкой». Что в некотором смысле правда.

Люди считают, что бабушка совсем свихнулась. На самом деле бабушка — гений. Просто она немного с приветом. Вообще она раньше была врачом и получила много наград. Журналисты писали о ней статьи, бабушка ездила в горячие точки по всему миру, когда все остальные оттуда сбегали. А она спасала людям жизнь и боролась со злом на земле. Как настоящий супергерой. Но под конец кто-то сказал ей, что она уже слишком старая, чтобы спасать чужие жизни. Хотя, подозревает Эльса, этот кто-то имел в виду, что бабушка «слишком ку-ку». Так что теперь она больше не может быть врачом. Этого кого-то бабушка называет «обществом». Ох уж эта чертова политкорректность, из-за нее бабушке теперь не дают резать людей. А все потому, что эти идиоты запретили курить в операционной — ну кто, скажите, может работать в таких условиях?!

Поэтому теперь бабушка сидит дома и выносит мозг Бритт-Мари и маме. Бритт-Мари — это бабушкина соседка. А мама — это Эльсина мама. Вообще-то Бритт-Мари — это и мамина соседка тоже, потому что мама живет по соседству с бабушкой. Эльса тоже бабушкина соседка, ведь она живет вместе с мамой. Кроме, разумеется, каждых вторых выходных, когда она живет с папой и Лизеттой. И Джордж бабушкин сосед, ведь он мамин парень. В общем, все довольно непросто.

Но вернемся к сути дела: у бабушки есть две суперспособности — спасти чужие жизни и выносить мозг. Можно сказать, что бабушка — это супергерой с дисфункцией. Что такое дисфункция, Эльса посмотрела в «Википедии». Бабушкины ровесники говорят, что «Википедия» — «это такая энциклопедия, но в интернете». А Эльса говорит про энциклопедию, что «это такая „Википедия“, но бумажная». Так вот, Эльса посмотрела про «дисфункцию» и там и там. Это когда все работает, но не совсем так, как положено. И за это Эльса любит бабушку больше всего.

Но только не сегодня. Сейчас два часа ночи и Эльса очень устала, ей хочется одного: лечь спать. Но не тут-то было, ведь бабушка снова кидалась дерьмом в полицейского.

Все сложно. Почти как статус в Фейсбуке.

Эльса обвела взглядом маленькую прямоугольную комнату и зевнула так отчаянно, будто пыталась проглотить собственную голову, сомкнув челюсти на затылке.

— Говорила я тебе, не лезь через забор, — пробормотала она себе под нос и посмотрела на часы.

Бабушка не ответила. Эльса сняла шарф Гриффиндора и положила его на колени. Она родилась семь лет назад, на второй день после Рождества. Впрочем, скоро уже восемь. В тот день немецкие ученые зарегистрировали самое сильное электромагнитное излучение на земле. В электромагнитах Эльса, конечно, до конца не разобралась. Как она поняла, это что-то типа нейтронных звезд. А еще похоже на злобного Мегатрона из «Трансформеров». Некоторые непросвещенные люди, не читающие серьезную литературу, наивно полагают, что это детский сериал. На самом деле трансформеры — это роботы. Хотя с научной точки зрения они настоящие супергерои. Эльса обожает трансформеров и нейтронные звезды, а «вспышка электромагнитного излучения» ассоциируется у нее с другой вспышкой, когда бабушка пролила фанту на ее айфон, а потом решила подсушить его в тостере. Бабушка считает, Эльса особенная потому, что родилась в такой день.

Быть особенной — лучший способ быть не такой, как все.

Бабушка разделила табак на небольшие кучки и завернула их в прямоугольнички из хрустящей папиросной бумаги. Эльса тяжело вздохнула.

— Ты что, не слышишь? Я же тебе говорила: не-лезь-через-забор! — произнесла она с ударением на каждом слове.

Вообще-то Эльса не хотела расстраивать бабушку. Просто она страшно разозлилась. Так сильно разозлиться могут только очень уставшие семилетки в полицейском участке и мужчины среднего возраста, ждущие задержавшийся самолет, о котором нет никаких известий.

Бабушка ухмыльнулась, ища зажигалку в карманах своего большого, не по размеру, пальто. Похоже, она не воспринимала происходящее всерьез, потому что всерьез она вообще ничего не воспринимает. Кроме тех случаев, когда она хочет курить и не может найти зажигалку. Тут уж не до

шуток. Курение — это святое.

— Боже мой, да разве это забор? Было бы о чем говорить, — беспечно возразила она.

— Ты не божемойкай! Это не я кидалась дерьмом в полицейского, — напомнила Эльса.

Бабушка закатила глаза.

— Ну что ты долдонишь, прямо как мать твоя. У тебя нет зажигалки?

— Мне семь лет! — отрезала Эльса.

— И долго ты будешь этим прикрываться?

— До тех пор, пока мне не исполнится восемь!

Бабушка застонала, бормоча всякую чушь, вроде «ой-ой-ой, спросить уже ничего нельзя», и продолжила рыться в карманах.

— По-моему, здесь нельзя курить, — сообщила ей Эльса, уже немного успокоившись и ковыряя дыру в гриффиндорском шарфе.

Бабушка снова ухмыльнулась:

— Почему это? Просто надо открыть окно.

Эльса с сомнением посмотрела на окно.

— По-моему, эти окна не открываются.

— Что за чушь, это еще почему?

— На них решетка.

Бабушка недовольно перевела взгляд с окна на Эльсу.

— Вот времена настали, уже и в полицейских участках нельзя покурить. Мы живем в тоталитарном государстве!

Эльса снова зевнула.

— Можно твой телефон?

— Зачем?

— Залезть в интернет.

— А что там тебе?

— Да так.

— Ты слишком много времени тратишь на интернет.

— Не трачу, а провожу в интернете.

— Не придирайся к словам.

Эльса покачала головой.

— Тратят деньги, а не время. Ты же не говоришь: «Я провела две прекрасные сотни крон на эти новые брюки». Или говоришь?

— А ты слышала про одну девочку, которая была до того умная, что от большого ума померла?

— Я как раз слышала про ту, что жила долго и счастливо, — фыркнула Эльса.

В помещение вошел полицейский — судя по виду, запредельно усталый. Он сел по другую сторону стола, устремив на Эльсу и бабушку полный отчаяния взгляд.

— Я хочу позвонить моему адвокату! — заявила бабушка.

— Я хочу позвонить моей маме! — заявила Эльса.

— И все-таки сначала я позвоню адвокату! — настаивала бабушка.

Полицейский со вздохом достал стопку бумаг.

— Твоя мама уже едет сюда.

Бабушка стала задыхаться так картинно, как умеет только она.

— Зачем вы ей позвонили?! Вы в своем уме? Она будет злая как собака! — возмущалась она, будто полицейский предложил оставить Эльсу в лесу на воспитание диким волкам.

— Мы должны известить законного представителя ребенка, — спокойно объяснил полицейский.

— Я тоже законный представитель этого ребенка! Я ее бабушка! — Она даже привстала со стула, помахивая дымящейся сигаретой.

— Время два часа ночи. Кто-то должен о ней позаботиться. — Полицейский кивнул на часы и хмуро покосился на сигарету.

— Я! Я о ней позабочусь! — выкрикнула бабушка.

Полицейскому было трудно сохранять вежливое лицо, но он старался. И приглашающим жестом указал на комнату для допроса.

— Как вы представляете себе свое ближайшее будущее?

Бабушка обиженно поджала губы. И снова села, смущенно покашливая.

— Э-э... ну раз так... то... Конечно. Если начать цепляться к деталям, то дело труба. Но буду надеяться на лучшее. А ведь все так хорошо начиналось, пока вы не стали на меня нападать! — Бабушка оскорбилась до глубины души.

— Вы понимаете, что вы незаконно проникли на территорию зоопарка?

— Да там и забора-то почти не было! — возразила бабушка.

— Закон не знает никаких «почти».

Пожав плечами, бабушка смахнула что-то со стола, всем своим видом давая понять: вопрос закрыт и хватит уже об этом.

— У вас тут хоть покурить можно?

Полицейский энергично замотал головой. Бабушка подалась вперед и с улыбкой заглянула ему в глаза:

— А бывают исключения для симпатичных дам?

Эльса толкнула бабушку в бок, чтобы переключить ее на тайный язык, который знают только они. У всех приличных бабушек и внучек есть свой тайный язык, так и в конституции написано, говорит Эльсина бабушка. Ну или должно быть написано.

— Ба, прекрати! По закону ты не можешь приставать к полицейским! — одернула Эльса бабушку на тайном языке.

— Это кто сказал? — спросила на тайном языке бабушка.

— Полиция!

— Полиция существует для народа, я им налоги плачу! — огрызнулась бабушка.

Полицейский смотрел на них так, как смотрят на семилетнюю девочку и семидесятисемилетнюю бабушку, которые посреди ночи препираются в полицейском участке на тайном языке. Кокетливо подмигнув полицейскому, бабушка вопросительно кивнула на свою сигарету, но тот покачал головой. Тогда бабушка с важным видом откинулась на стуле и воскликнула на самом что ни на есть обычном языке:

— Ох уже эта ваша хваленая политкорректность! А сами устроили здесь апартеид для курильщиков!

Полицейский изменился в лице:

— Я бы на вашем месте выбирал слова.

Бабушка закатила глаза. Эльса внимательно посмотрела на нее:

— Как это пишется?

— Что? — Бабушка вздохнула, как вздыхает честный налогоплательщик, на которого ополчился весь мир.

— Апарта-что?

— А-п-п-о-р-т-е-и-д, — по буквам произнесла бабушка.

Разумеется, это слово пишется по-другому. Эльса убедилась в этом сразу, открыв «Википедию» в бабушкином телефоне. У бабушки серьезные проблемы с правописанием.

Полицейский листал свои бумаги.

— Сегодня мы вас отпустим. Но скоро вызовем снова в связи с незаконным проникновением и нарушением ПДД, — произнес он ледяным тоном.

— Как же достали эти андроиды, — простонала Эльса, тыкая пальцем в бабушкин телефон.

У бабушки андроид, потому что это старый телефон мамы. Сколько раз Эльса пыталась объяснить маме, что у всех нормальных людей — айфоны. С бабушкой все понятно, ей вообще телефон не нужен. Эльса еле уговорила ее взять мамин старый, потому что в умелых бабушкиных руках

телефон Эльсы то и дело попадал в тостер и другие сложные обстоятельства. Тогда Эльсе приходилось пользоваться бабушкиным, хоть он и андроид.

— Какие еще нарушения ПДД? — удивилась бабушка.

— Для начала вспомним незаконное управление транспортным средством.

— Как это незаконное? Это моя машина! Мне что, разрешение нужно, чтобы водить собственный автомобиль?

— Нет, — терпеливо покачал головой полицейский. — Но вам нужны водительские права.

Бабушка всплеснула руками.

— Да здравствует общество тотального контроля!

В следующий миг помещение содрогнулось от грохота. Это Эльса швырнула об стол несчастный андроид.

— Что с тобой, деточка? — спросила бабушка.

— При чем тут апартеид?! Ты сравнила запрет на курение с апартеидом! А это разные вещи! Ничего общего.

Бабушка испуганно замахала руками.

— Слушай, ну я же... Я же сказала, примерно...

— Даже примерно у них ничего общего!

— Господи, да это была просто метафора...

— Дебильная метафора!

— Откуда ты знаешь?

— Из «Википедии»! — рывкнула Эльса, показывая на бабушкин телефон.

Бабушка повернулась к полицейскому:

— А ваши дети такое себе позволяют?

Полицейскому было явно не по себе:

— В нашей семье детям не разрешается... пользоваться интернетом без присмотра...

Бабушка всплеснула руками, словно говоря: «Вот видишь!» Но Эльса лишь покачала головой и с упрямым видом скрестила руки на груди.

— Просто извинись, что кидалась в него дерьмом, и он нас отпустит! — фыркнула Эльса на тайном языке. Она еще не отошла от истории с апартеидом.

— Прости, — сказала бабушка на тайном языке.

— Ему скажи, а не мне, балда! — ответила ей Эльса.

— Фашисты извинений не заслужили. Я плачу налоги. Это ты БАЛДА!

— Сама такая!

Они демонстративно повернулись друг к другу спиной, скрестив руки на груди. Затем бабушка обратилась к полицейскому на обычном языке:

— Будьте добры, передайте моей избалованной внучке, что при таком отношении она может шагать домой хоть сейчас.

— Пф-ф! Скажите ей, что я поеду домой вместе с мамой! Пусть сама отсюда шагает.

— Скажите ей, что я по... — начала было бабушка.

Тут полицейский молча встал и вышел из помещения, закрыв за собой дверь — без стука, но так, будто сейчас отойдет подальше, уткнется в подушку и заорет что есть мочи.

— Вот что ты наделала! — сказала бабушка.

— Это ты наделала, а не я! — ответила Эльса.

В следующий миг вошла женщина-полицейский с мускулистыми руками и зелеными глазами. Похоже, она видела бабушку не впервые — судя по усталой улыбке, какой улыбаются те, кто уже имел дело с бабушкой, и тяжкому вздоху.

— Когда ж это кончится? У нас и без того есть чем заняться.

— Вот и хватит уже, — пробормотала в ответ бабушка.

И их отпустили.

Они стояли на тротуаре и ждали Эльсину маму. Эльса задумчиво теребила дырку в шарфе. Дырка — прямо на эмблеме Гриффиндора. Эльса изо всех сил старалась не заплакать. Ничего, бывает и хуже.

— Да ладно тебе, мама зашьет, — бодрым голосом сказала бабушка и ткнула ее кулаком в плечо.

Эльса испуганно подняла глаза. Бабушке явно стало стыдно, она вдруг посерьезнела и понизила голос:

— Мы можем... ну, ты знаешь. Мы можем сказать маме, что шарф порвался, когда ты пыталась помешать мне залезть в вольер с обезьянами.

Эльса кивнула, глядя шарф. Он порвался не в тот момент, когда она пыталась помешать бабушке залезть к обезьянам. Это случилось в школе, когда три старшие девочки, которые почему-то ненавидят Эльсу, зажали ее возле столовой, побили, порвали шарф и бросили его в унитаз. Их обидный смех до сих пор дребезжит у нее в ушах, как будильник.

Бабушка заглянула ей в глаза. Наклонилась поближе и сказала на тайном языке:

— В один прекрасный день мы привезем этих дебилок в Миамас и бросим их на съеденье голодным львам!

Эльса утерла слезы рукой, вяло улыбнулась.

— Ба, ты думаешь, я совсем идиотка? — прошептала она. — Я ведь знаю, что ты все это натворила ради меня. Хочешь, чтобы я забыла про школу.

Бабушка кашлянула, ковыряя гравий носком ботинка.

— Э-э... все-то ты знаешь. Ты моя единственная внучка. Мне так не хотелось, чтобы этот день навсегда запомнился тебе из-за истории с шарфом. Я решила, пусть лучше он запомнится тем, как твоя бабушка устроила диверсию в зоопарке...

— И сбежала из больницы, — хмыкнула Эльса.

— Угу, — хмыкнула в ответ бабушка.

— И кидалась дерьмом в полицейского, — напомнила Эльса.

— Да никакое это не дерьмо! Обычная земля! Дерьма там было всего ничего.

— Изменять воспоминания — это ценная суперспособность!

Бабушка пожала плечами.

— Не можешь отделаться от гадкой дряни — вытесни ее какой-нибудь дрянью поприятнее.

— Дрянь приятной не бывает.

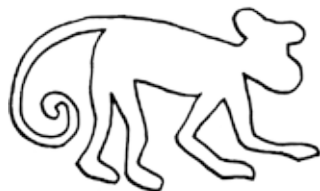
— Знаю.

— Спасибо, ба. — Эльса положила голову ей на плечо.

Бабушка кивнула:

— Мы, рыцари королевства Миамас, всего лишь выполняем наш долг, — шепнула она.

2. Обезьяна

Мама забрала их из участка. Похоже, она была дико зла, но владела собой и кричать не стала. Мама всегда владеет собой и почти никогда не кричит, ведь она полная противоположность бабушке. Эльса заснула еще до того, как мама пристегнула ее к креслу, и, когда они выезжали на трассу, была уже в Миамасе.

Миамас — это тайное королевство Эльсы и бабушки. Одно из шести во владениях Просонья. Бабушка придумала его, когда Эльса была маленькой, а мама с папой только что развелись. Эльса тогда боялась засыпать, потому что прочитала в интернете о ребенке, который умер во сне. Бабушка вообще мастерица на выдумки. Так вот, когда папа от них уехал и все стали такими кислыми и несчастными, Эльса каждую ночь в одной пижаме выбегала за дверь и, перейдя на цыпочках лестничную клетку, пробиралась в квартиру к бабушке. Они залезли в большой стенной шкаф, который никогда не переставал потихоньку расти, там слегка задремывали и отправлялись в путь.

Чтобы попасть в Просонье, до конца засыпать не надо. В том-то и хитрость. Уснуть надо только наполовину. И вот, в тот самый миг, когда глаза почти сомкнулись и ты уже одной ногой во сне, на границе между тем, что ты знаешь, и тем, во что веришь, вот тут-то ты и пускаешься в путь. Верхом на облаконе — бабушка решила, что добраться в Просонье можно только так. Облаконь приходит через балконную дверь, они садятся ему на спину и несутся во весь опор — все выше и выше, пока не покажутся всякие удивительные волшебные и безумные существа, которые населяют Просонье: энфанты, жалеи, Щас и ворсы, снежные ангелы, принцы, принцессы и рыцари. Облаконь парит над бескрайними темными лесами, где живет Волчье Сердце и прочие монстры, и медленно, рассекая мягкие ветра и любясь ослепительными цветами, скользит вниз к городским воротам королевства Миамас.

Трудно сказать, какая тут связь: то ли бабушка тронулась умом оттого, что провела в Миамасе столько времени, то ли Миамас — такое сумасшедшее место из-за того, что бабушка там слишком часто бывала. Ясно одно, все бабушкины сказки родом оттуда. Ее самые чудесные и безумные сказки.

Бабушка говорит, что это королевство звалось Миамас по меньшей мере целую вечность десяти тысяч сказок, но Эльса-то знает, что Миамас обязан своим названием «пижаме»: в детстве она называла ее «миама». Однако бабушка продолжает утверждать, что ни черта она не придумала. Миамас и другие пять королевств Просонья существуют на самом деле, они гораздо более настоящие, чем настоящий мир, в котором «все экономят, пьют безлактозное молоко и все в таком духе». С настоящим миром бабушка не очень ладит. Тут слишком много правил, а бабушка с правилами не в ладах. Она жульничает в «Монополии», водит «рено», не обращая внимания на дорожные знаки, выносит из ИКЕА желтые сумки, а в аэропорту заходит за черту, которая огораживает паспортный контроль. Бабушка не закрывается в туалете. Это еще один из ее недостатков.

Но она умеет рассказывать лучшие сказки из десяти тысяч вечностей, а за это можно простить любой недостаток, — так думает Эльса.

Если сказка хорошая, значит, она пришла из Миамаса, говорит бабушка. Остальные пять королевств Просонья занимаются другими вещами. В королевстве Миревас сторожат мечты. В Миплорисе хранят все горе, какое есть на земле. Вся музыка родом из королевства Мимовас. В Миаудакасе собрали всю храбрость. А в Мибаталосе выросли самые смелые солдаты, сражавшиеся со страшными тенями в Бесконечной войне.

Миамас — любимое королевство Эльсы и бабушки, ведь самая благородная профессия там — сказочник. В Миамасе у сказочника власти больше, чем у короля. Фантазия там используется как валюта. Можно купить товар за звонкую монету, а можно за хорошую историю. И библиотека там зовется не библиотекой, а банком. В Миамасе книга — это целое состояние, а каждая сказка ценится на миллион. Бабушка каждый вечер привозит оттуда бесконечные сундуки с сокровищами. А в них — сказки о драконах, троллях, королях, принцессах и ведьмах. И о тенях. Ведь в каждой сказке есть свой ужасный злодей, и злодеи Просонья — это тени, ведь тени убивают фантазию.

А если уж человек взялся рассказывать сказки о тенях, то не обойтись без Волчьего Сердца. Потому что в Бесконечной войне он победил всех теней. Волчье Сердце — первый супергерой, о котором довелось узнать

Эльсе.

Каждую ночь бабушка берет с собой в Миамас Эльсу. Там ее посвятили в рыцари. Теперь у нее есть собственный меч и она может ездить верхом на облаконе. Эльса больше не боится засыпать по ночам. В Миамасе никто не считает, что девочка не может быть рыцарем, горы там достают до самого неба, бивачные костры никогда не гаснут, и никакие debilки не разорвут твой шарф с Гриффиндором.

Разумеется, бабушка утверждает, что в Миамасе закрываться в туалете не принято. Там даже есть специальный закон на этот счет, и за его соблюдением следят во всем Просонье. Но Эльса уверена, что это просто «другая версия правды». Так бабушка именуется вранье.

Так вот, на следующее утро Эльса проснулась в кресле в бабушкиной палате. Дверь в сортир была распахнута, там сидела бабушка, а в коридоре стояла мама. Бабушка как раз увлеченно излагала очередную версию правды. Получалось, прямо скажем, так себе. Настоящая правда состояла в том, что ночью бабушка сбежала из больницы, а Эльса улизнула из дома, пока мама и Джордж спали. Эльса и бабушка направились в зоопарк на «рено», там бабушка перелезла через забор. Задним числом это выглядит несколько безответственно с ее стороны — брать с собой среди ночи семилетнего ребенка. Тут Эльса не может не согласиться.

Бабушкины вещи были свалены в кучу на полу, от них пахло как в свинарнике (точнее, в обезьяннике), сама она объяснила, что, когда лезла к обезьянам через забор и этот тип стал орать, она подумала, мол, кто его знает, вдруг он насильник, вот и стала в него кидаться землей. А заодно и в полицейского. Мама устало качала головой, продолжая владеть собой, и повторяла, что бабушка все это выдумала.

Такие выражения бабушке не нравились, она предпочитала не столь унижительное «бросила вызов реальности». Мама была с ней не вполне согласна. Но изо всех сил владела собой. Ведь они с бабушкой просто земля и небо.

— Ты знаешь, это один из худших твоих поступков, — сказала наконец мама.

— Доченька, у меня и в мыслях не было ничего дурного, — беспечно ответила бабушка из сортира.

Тогда мама по пунктам перечислила, что натворила бабушка, а та в ответ только обронила, что у мамы совсем отсутствует чувство юмора. На что мама сказала, что хватит вести себя как безответственный ребенок. Но

бабушка гнула свое:

— Ты знаешь, как пираты заходят в дом?

Мама не ответила.

— Через черный йо-хо-ход! — донеслось из сортира.

Мама вздохнула, массируя виски. Бабушка фыркнула:

— Я же говорю, полное отсутствие чувства юмора.

Мама закрыла дверь в туалет, а вот это уже серьезно: бабушка ненавидит сидеть в туалете с закрытой дверью.

Вот уже две недели, как она попала в больницу. Каждый день она сбегала оттуда, брала Эльсу, и они шли есть мороженое, а если мамы не было дома, ехали домой и катались по перилам на лестнице. Или терроризировали зоопарки. Это уж как бабушка скажет.

Бабушка, разумеется, не считала, что это побег. Для побега нужны совершенно другие обстоятельства. То ли дело, если бы им пришлось сражаться с драконом, преодолевать препятствия, перелезть через высоченную стену или, на худой конец, через крепостной ров. Только почему-то мама и больничный персонал этого мнения не разделяли.

В палату зашла медсестра и что-то тихонько сказала маме. Протянула ей какую-то бумагу, которую мама подписала и вернула обратно. С тех пор как бабушка лежит в больнице, у нее сменилось восемь медсестер и один медбрат. Семерых она забракела, а медбрат сам от нее отказался. Бабушка поведала ему, что у него «симпатичная задница». Это был комплимент не ему, а заднице, утверждала бабушка, и нечего выделываться. В этом месте мама попросила Эльсу надеть наушники, но Эльса все же услышала, как бабушка кричит про разницу между «сексуальными домогательствами» и «дежурным комплиментом про задницу, боже мой!».

Вообще мама и бабушка много ругались. Сколько Эльса себя помнит, они все время ругаются. По любому поводу. Пусть бабушка супергерой с дисфункцией, зато мама — гиперфункциональный супергерой. Они примерно как Циклоп и Росомаха из «Людей Икс».

Жаль, что ее близкие не знают «Людей Икс». Никто не понимает, что она имеет в виду. А все потому, что они не читают серьезную литературу. Светлые головы — те вообще темнота, называют серьезную литературу комиксами, и приходится все упрощать и объяснять на пальцах, что «Люди Икс» — это супергерои. Хотя в строго научном смысле они мутанты, а это большая разница. Но если не вдаваться в тонкости, то можно просто-напросто сказать, что суперспособности у мамы и бабушки совершенно противоположные. Это как если бы Человеку-пауку — а это любимый

Эльсин супергерой — противостоял Халк, чья суперспособность заключалась бы в том, что он не мог даже вскарабкаться на скамейку. В хорошем смысле.

Вообще-то по определению у Циклопа и Росомахи не противоположные суперспособности, но если начнешь это объяснять человеку, который ничего в супергероях не смыслит, то усложнять не стоит, считает Эльса.

По зрелом размышлении Эльса решила, что проще сказать так: мама — это порядок, бабушка — это хаос. Эльса где-то прочитала, что хаос — сосед Бога^[1], а мама объяснила ей, что Хаос мог переехать к Богу только по одной причине: он больше не вынес соседства с бабушкой.

У мамы на каждый случай есть пометка в ежедневнике в телефоне и миллион всяких папок. За пятнадцать минут до встречи мамин телефон играет специальную мелодию. Если бабушке надо запомнить что-нибудь важное, она записывает это маленьким фломастером прямо на кухонной стене. И не важно, где она при этом находится — дома или в гостях. Иногда система дает сбой: в тот момент, когда требуется вспомнить необходимую информацию, нужно находиться там, где была сделана запись. Когда Эльса сказала об этом бабушке, та лишь ухмыльнулась: «Зато гораздо меньше риск потерять кухонную стену, чем дурацкий телефон!» Тогда Эльса напомнила бабушке, что мама никогда ничего не теряет. Закатив глаза, бабушка со вздохом ответила: «Ну конечно же твоя мама просто редкое исключение. А мое правило, знаешь ли, предназначено для несовершенных людей».

Совершенство — вот мамина суперспособность. С ней не так весело, как с бабушкой, зато она всегда знает, где лежит Эльсин шарф с Гриффиндором. «Если уж твоя мама не нашла какую-то вещь, значит, можно считать, что она и вправду потеряна», — шепчет мама Эльсе на ухо, обматывая ей шарф вокруг шеи.

Эльсина мама по натуре начальство. «Не только на работе, но и по жизни», — ухмыляется бабушка. Мама — не тот человек, с кем можно шагать в ногу — шагать можно только за ней. А бабушка — такой человек, от которого некоторые предпочитают держаться подальше, она не нашла ни одного шарфа за всю свою жизнь.

Начальство бабушка терпеть не может, в том-то и проблема с больницей, в больнице начальство из мамы лезет с особенной силой, потому что вообще-то она там и есть начальство.

— Господи, Ульрика, не надо преувеличивать! — закричала бабушка

из туалета, а в палату тем временем вошли новая медсестра и врач. Мама снова подписала документы и назвала какие-то цифры.

Мама прекрасно владела собой, она улыбнулась медсестре и врачу, но те, нервно улыбаясь в ответ, вышли из палаты. Долгое время из туалета не доносилось ни звука. Наконец мама начала подавать признаки беспокойства — как обычно, когда в присутствии бабушки становится слишком тихо. Она пригнулась и рывком распахнула дверь. Голая бабушка сидела на унитазе, закинув ногу на ногу и небрежно покачивала дымящейся сигаретой.

— В чем дело? Можно оставить меня в покое хотя бы на тот краткий миг, что я сижу в сортире?

Мама, держась за живот, массировала виски. Бабушка с серьезным видом кивнула, указывая сигаретой на мамин живот.

— Господи, успокойся, Ульрика, не забывай, что ты беременна!

— Может, тебе тоже не стоит об этом забывать? — сказала мама. Она по-прежнему владела собой.

— Шах, — пробормотала бабушка, глубоко затянувшись дымом.

Это такое слово, о значении которого Эльса догадывается, хотя точно не знает. Мама медленно покачала головой.

— Ты хоть понимаешь, как это опасно для Эльсы и будущего ребенка? — спросила мама, кивая на сигарету.

Бабушка закатила глаза.

— Ну задолдонила! Люди курили во все времена, и ничего, вон каких здоровых детей нарожали. Твое поколение не понимает, что человечество миллионы лет прожило без всяких тестов на аллергию и прочего дерьма, пока не пришли вы, такие все из себя уникальные. Думаешь, дикари тоже свои шкуры в стиральных машинах стирали при девяноста градусах, прежде чем детей заворачивать?

— А сигареты в те времена уже были? — лукаво спросила Эльса.

Бабушка тяжело вздохнула:

— Давай не будем, ладно?

Мама держалась за живот. Интересно, это Полукто пихается или мама закрывает ему уши, чтобы не слышало? Мама у них общая, а вот папой будет Джордж, поэтому Полукто приходится Эльсе полубратом или полусестрой. Но человеком он будет целым, это Эльсе пообещали. Пару дней она провела в страшном смятении, пока ей не объяснили, в чем разница. «Такая умная, а элементарных вещей не понимаешь», — ответила бабушка, когда Эльса решила у нее уточнить. Потом они еще три часа не разговаривали. А это для них новый персональный рекорд.

— Ульрика, милая, я просто хотела показать ребенку мартышек, — тихо пробормотала бабушка, затушив сигарету об раковину.

— Все, мое терпение кончилось, — мама была в полном отчаянии, хотя все еще владела собой. Она вышла в коридор, чтобы подписать еще какие-то документы с цифрами.

Бабушка действительно хотела показать Эльсе обезьян, это чистая правда. Дело было так. Поздно вечером они говорили по телефону — Эльса из дома, а бабушка из больницы. Они спорили о том, существует ли разновидность обезьян, которые спят стоя. Разумеется, бабушка ошибалась, это есть в «Википедии» и еще много где. Но потом Эльса рассказала историю с шарфом и бабушка решила, что им надо поехать в зоопарк, посмотреть обезьян и развеяться. Эльса выскользнула из дома, пока мама с Джорджем спали. И когда бабушка стала перелезать через забор, пришел ночной сторож, а потом полицейский. И бабушка стала бросать в них землей. Но они подумали, будто это дерьмо. Главным образом потому, что бабушка кричала: «ПОЛУЧАЙ ДЕРЬМОМ ПО РОЖЕ!»

Мама беседовала с кем-то в коридоре. Ее телефон не переставая звонил. Эльса села к бабушке на кровать. Бабушка надела ночную рубашку, села напротив и ухмыльнулась. Они достали «Монополию». Бабушка украла деньги из банка, и когда Эльса разоблачила ее, бабушка угнала машину, примчалась на вокзал и попыталась скрыться из города.

В палату вернулась мама. Выглядела она устало. Мама сказала, что Эльсе пора домой, потому что бабушке надо отдохнуть. На прощание Эльса обнимала бабушку, долго-долго.

— Когда ты вернешься? — спросила Эльса.

— Завтра! — пообещала бабушка бодрым голосом. Она ведь действительно каждый день возвращается.

Бабушка поправила Эльсе волосы, и, когда мама снова исчезла в коридоре, сказала ей с очень серьезным видом на их тайном языке:

— У меня для тебя есть важное задание.

Эльса кивнула, бабушка всегда дает ей задания на тайном языке, который знают только те, кто побывал в Просонье. Эльса всегда успешно их выполняет. Так делают все рыцари Миамаса. Это их долг. Единственное, чего они не могут, — покупать сигареты и жарить мясо, здесь Эльса бессильна. Потому что это так отвратительно. Даже у рыцарей есть свои принципы.

Растянувшись на полу, бабушка пошарила под кроватью и достала пакет. Это было не мясо и не сигареты. Это были сладости.

— Ты должна передать шоколад Другу.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Эльса поняла, о каком друге идет речь. Эльса в замешательстве посмотрела на бабушку:

— Ба, ты в своем уме? Смерти моей желаешь?

Бабушка закатила глаза.

— Хватит придуриваться. Ты хочешь сказать, что рыцарь Миамаса не осмеливается пойти на задание?

Эльса обиженно прищурилась:

— На слабо берешь.

— Зришь в корень! — ухмыльнулась бабушка.

Эльса выдернула пакет у нее из рук. В нем шуршали обертками конфеты «Дайм». Бабушка пояснила:

— Важно развернуть все конфеты. Иначе он будет страшно недоволен.

Эльса сердито заглянула в пакет.

— Что я ему скажу? Он даже не знает, кто я!

Бабушка фыркнула так, будто хотела пустить соплю.

— Конечно, знает! Господи. Просто скажи ему, что бабушка просит прощения.

Эльса изумленно посмотрела на бабушку:

— Прощения за что?

— За то, что надолго оставила его без сладостей, — ответила бабушка с таким видом, будто это и младенцу понятно.

Эльса снова заглянула в пакет.

— Отправлять свою единственную внучку на такое задание безответственно. Он ведь может меня убить.

— Не долдонь, — фыркнула бабушка.

— Сама не долдонь! — прошипела Эльса.

Бабушка улыбнулась в своей любимой манере.

В конце концов Эльса тоже улыбнулась. Вот всегда так.

— Ты должна тайно передать шоколад Другу, так, чтобы Бритт-Мари не заметила. Дождись, пока у них завтра вечером будет встреча жильцов, и прокрадись к нему!

Эльса кивнула. Хотя страшно боялась Друга и по-прежнему считала, что это дико безответственно — посылать на опасное задание свою единственную внучку. Но бабушка крепко сжала руками ее указательные пальцы, она всегда так делает, и тогда Эльса ничего не боится. Они снова обнялись на прощание.

— До встречи, о мой гордый рыцарь Миамаса, — шепнула бабушка ей на ухо.

Бабушка никогда не говорит «пока». Только «до встречи».

Когда Эльса одевалась возле дверей, она услышала, как бабушка с мамой обсуждали «уход и лечение». Мама попросила Эльсу надеть наушники, и та послушно выполнила просьбу. Эльса попросила наушники в подарок на прошлое Рождество, она очень скрупулезно проследила за тем, чтобы мама и бабушка заплатили за них пополам. Потому что так справедливо.

Теперь, когда они между собой ругаются, Эльса надевает наушники, делает звук громче и представляет, что мама и бабушка — актрисы немого кино. Эльса из тех детей, которые рано поняли, что по жизни лучше идти со своим саундтреком.

Последнее, что она слышала, — бабушкин вопрос о том, когда ей можно будет забрать «рено» со штрафстоянки. Бабушка говорит, что выиграла эту машину в покер. В детстве Эльса думала, что Рено зовут только бабушкину машину. Но однажды узнала, что это просто марка, они есть у многих. Но ей до сих пор кажется, будто это имя бабушкиного автомобиля. И оно ему ужасно подходит. Эльса представляет себе старика-француза, который все время кашляет. Бабушкин «рено» тоже старый, французский и ржавый, при переключении скоростей он издает такой звук, будто железные стулья волочат по бетонному полу. Эльса не раз его слышала: когда бабушка за рулем курит и ест шаурму, а руль держит коленями, она выжимает сцепление и кричит: «Давай!» — И Эльса переключает скорость.

Ей не хватает этих поездок.

Мама сказала бабушке, что с «рено» покончено. Бабушка с возмущением возразила, что это ее машина. Но без водительских прав за руль садиться нельзя, сказала мама. Тогда бабушка назвала маму «милая фрёкен» и сообщила, что ее права действительны в шести странах мира. Мама поинтересовалась, не входит ли случайно в их число Швеция. После чего бабушка обиженно замолчала и позволила медсестре взять у нее кровь.

Эльса пошла к лифту, потому что видеть не может шприцы — не важно, кого ими будут колоть, ее или бабушку. Она села на стул и открыла в айпэде «Гарри Поттера и Орден Феникса». Кажется, она перечитывает эту книгу в двенадцатый раз. Из всей серии она нравится ей меньше всего,

поэтому *всего лишь* двенадцатый.

Наконец пришла мама и забрала ее, они вместе спустились на стоянку, и тут Эльса вспомнила, что забыла в палате гриффиндорский шарф. Она побежала обратно.

Бабушка сидела на краю кровати спиной к двери и разговаривала с кем-то по телефону, она не видела Эльсу. Из разговора было понятно, что бабушка инструктирует своего адвоката насчет того, какое пиво надо купить, когда в следующий раз он придет к ней в больницу. Эльса знает, что адвокат приносит пиво тайком в огромных энциклопедиях, которые бабушка якобы использует для своих «исследований». Внутри такие энциклопедии пустые, в них хранятся упаковки с баночным пивом. Сняв с вешалки шарф, Эльса раскрыла рот, чтобы окликнуть бабушку, но та вдруг понизила голос:

— Марсель, но это же моя внучка! Да благословят небеса ее славную головку. Отродясь не встречала таких умных детей. Она вполне может взять на себя эту ответственность. Эльса — единственная, кто может принять правильное решение.

Воцарилось молчание, но немного погодя бабушка решительно продолжила:

— Я знаю, что она всего лишь ребенок! Но она умнее, чем все эти взрослые идиоты вместе взятые! Это мое завещание, и точка! А ты мой адвокат и должен с этим смириться. Делай, что тебе говорят!

Эльса стояла в дверях, затаив дыхание. Бабушка сказала:

— Да потому что я пока не хочу ей рассказывать! Каждый семилетний ребенок заслужил своего супергероя!

На этих словах Эльса повернулась и бесшумно вышла в коридор, обмотавшись мокрым от слез гриффиндорским шарфом.

Последнее, что она слышала, были бабушкины слова:

— Понимаешь, Марсель, я не хочу, чтобы Эльса знала, что я умру. Каждый семилетний ребенок заслужил себе супергероя, у которого не может быть рака, — иначе какой из него супергерой.

3. Кофе

Дом у бабушки непростой. Его запах ни с чем не спутаешь.

Строго говоря, дом самый обычный. В нем четыре этажа и девять квартир, и пахнет там бабушкой. И разумеется, там всегда стоит запах кофе. В доме есть прачечная для жильцов, где на стене висит свод правил под заголовком: «Для вашего удобства». Слово «удобства» подчеркнуто дважды. А еще там есть лифт, который всегда сломан, баки для разных сортов мусора во дворе, пьянчуга, бойцовый пес и бабушка.

В общем, самый обычный дом. Строго говоря.

Бабушка живет на верхнем этаже. В квартире напротив живут мама и Джордж. Джордж — мамин бойфренд, это здорово осложняет жизнь, потому что он бабушкин сосед. Джордж носит бороду и маленькую шапочку на затылке. Он ходит на пробежку в спортивных шортах, надетых поверх легинсов, любит английскую кухню и называет отбивную «стейком». Бабушка говорит, хорошо хоть, он такой симпатичный, а то тупой, как глобус. Она никогда не называет его Джордж, она говорит «мухомор». Не для того, чтобы позлить маму, хотя маму это раздражает. А чтобы Эльса знала: во всех ситуациях она на ее стороне. Так поступают любящие бабушки, когда родители ребенка разводятся и заводят себе новых партнеров. И вдруг сообщают ребенку, что у него будет сводный брат или сестра. Хорошая бабушка будет на стороне внучки. Всегда. Независимо от обстоятельств. А то, что маму это доводит до белого каления, — просто приятный бонус.

Мама с Джорджем пока не знают, кто у них Полукто — полудочка или полусын. Хотя на УЗИ уже видно. Но для Джорджа принципиально важно не знать заранее. Он всегда говорит «дитя», чтобы не «навязывать гендерную роль». Когда он впервые это сказал, Эльсе послышалось

«гендерный тролль». Ох и тяжелый у них тогда выдался вечер.

Полукто будут звать Эльвир или Эльвира, так решили мама с Джорджем. Когда Эльса рассказала об этом бабушке, та аж поперхнулась: Эльф-вир?

Ну да, Эльвир — это как бы мужская форма имени Эльвира, — принялась объяснять Эльса, но бабушка лишь покачала головой и усмехнулась: «Эльф Вир из обители эльфов? Они небось думают, что ребенок поможет Фродо добыть кольцо». Бабушка с Эльсой тогда как раз посмотрели все серии «Властелина колец», потому что мама недвусмысленно дала понять, что Эльсе этот фильм смотреть нельзя.

Эльса прекрасно понимает, что бабушка не желает зла будущему ребенку. Или Джорджу. Но бабушка есть бабушка, она всегда на стороне Эльсы, независимо от обстоятельств. Бабушка от нее не отвернулась даже в тот раз, когда Эльса рассказала, что ненавидит Джорджа. И даже Полукто иногда ненавидит. Вот и представьте себе, как можно не любить бабушку, которая, выслушав эти ужасные признания, все равно остается на твоей стороне.

Квартира у бабушки в точности такая же, как у мамы, только там царит беспорядок. Мамина квартира похожа на маму, а бабушкина — на бабушку. Мама любит, когда аккуратно, а бабушка — когда приятно.

В квартире этажом ниже, прямо под бабушкой, живут Бритт-Мари и Кент. Они очень любят вещи, и Кент все время рассказывает о том, что сколько стоит. Его постоянно нет дома, потому что он предприниматель. Кент любит шутить, что он все время что-то предпринимает. Он сам громко смеется своей шутке, а если остальные молчат, повторяет ее еще раз немного громче, как будто проблема в этом.

Бабушка считает, что Кент ужасный идиот, а слово «предприниматель» пришло к нам из Просонья, когда кто-то не расслышал слова «ничего не понимает он», так говорили о бродягах, пришедших в Миамас из других стран. Эльса еще не решила, стоит ли этому верить, но во всяком случае Бритт-Мари почти всегда дома, так что она-то вряд ли предприниматель. Бабушка говорит, что Бритт-Мари «работает старой перечницей на полную ставку». Они с бабушкой никогда не могут хоть в чем-то прийти к согласию. Это как если бы тушка кролика пыталась подружиться с открытым огнем. «У этой старухи мозоль на душе», — говорит бабушка. И правда, у Бритт-Мари всегда такой вид, будто она только что выбрала из коробки конфету с невкусной начинкой. Это она повесила в прачечной свод

правил «Для вашего удобства». Потому что всеобщее удобство для Бритт-Мари превыше всего, хотя они с Кентом — единственные во всем доме, у кого есть собственная стиральная машинка с сушилкой. Однажды, когда Джордж вернулся из прачечной, Бритт-Мари поднялась к ним на этаж, чтобы поговорить с мамой. В руках она держала мокрый клочок шерсти, который был обнаружен в фильтре сушилки. Она протянула его маме, словно это был новорожденный птенец, со словами: «Ульрика, по-моему, ты забыла это в прачечной!» Когда Джордж сказал ей, что в этот раз стирал он, Бритт-Мари улыбнулась, хотя ей явно было не до улыбок. «Ну и времена пошли, — ответила она и, благожелательно улыбнувшись маме, протянула ей клочок шерсти. — В этом кондоминиуме, милочка, мы опорожняем после себя фильтр сушилки. Для общего удобства!»

Вообще-то никакого кондоминиума у них пока нет, но скоро он появится, Бритт-Мари и Кент об этом позаботятся. И в нем будут свои правила. Так что Бритт-Мари — это бабушкин немезис. Эльса читает серьезную литературу и в курсе, кто такой немезис.

В квартире напротив Бритт-Мари и Кента живет женщина в черной юбке. Ее почти никогда не видно, разве что поздно вечером или рано утром — она быстрым шагом поднимается по лестнице и исчезает за дверью. На ней всегда туфли на высоких каблуках, безупречно выглаженная черная юбка, а под мышкой тоненькая папка. Из уха у нее торчит белый проводок с микрофоном, и она всегда с кем-то громко беседует. Женщина в юбке никогда не здоровается и не улыбается. Бабушка говорит: «Будь я ее юбкой, у меня бы тоже ни одной морщинки не было, с такой не забалуешь!»

Этажом ниже, прямо под Бритт-Мари и Кентом, живут Леннарт и Мод. Леннарт выпивает двадцать чашек кофе в день и всегда выглядит так, будто выиграл в лотерею. Он самый добрый человек в мире — почти, потому что самый добрый человек в мире — его жена Мод. И она всегда «как раз только что испекла печенье». А еще вместе с ними живет Саманта, которая спит круглые сутки. Саманта — это бишон фризе, но Леннарта и Мод это не смущает, они разговаривают с ней так, будто это человек. В присутствии Саманты они вместо «кофе» говорят «взрослый напиток». Бабушка считает, что они оба больные на всю голову, но с точки зрения Эльсы это не важно, — главное, что они добрые. Дома у них всегда найдутся мечты и объятия. Мечты — это такие печенья, а объятия самые настоящие, в буквальном смысле слова.

Напротив Леннарта и Мод живет Альф. Он работает водителем такси и всегда ходит в кожаной куртке. Настроение у Альфа обычно плохое, а подошва на ботинках тоньше папиросной бумаги, ведь он страшно шаркает при ходьбе. Бабушка говорит, это потому, что центр тяжести у Альфа ниже всех во Вселенной.

В квартире под Леннартом и Мод живут мальчик с синдромом и его мама. Мальчик на год с небольшим младше Эльсы, он всегда молчит. Его мама все время теряет вещи, из карманов у нее что-то сыпется, как у воров из мультика, когда полицейские их обыскивают и гора наворованного добра на глазах становится выше их. Но и у нее, и у мальчика такие приветливые глаза, что даже бабушка относится к ним нормально.

Напротив них, за лифтом, который никогда не работает, живет Монстр. Эльса не знает, как его зовут на самом деле, но его все боятся. Действительно все. Даже Эльсина мама, которая вообще ничего не боится в целом мире, тихонько толкает ее в спину, когда они проходят мимо квартиры Монстра. Никто из жильцов никогда его не встречал, потому что днем он на улицу не выходит, но на собрании жильцов Кент всегда повторяет: «Такие люди не должны разгуливать на свободе! Но в этой проклятой стране, вместо того чтобы посадить человека за решетку, потакают выдумкам психиатров!» Бритт-Мари строчила письма домовладельцам с требованием вышвырнуть Монстра: она твердо убеждена, что он привлечет сюда «других правонарушителей». Эльса не знает, что это значит. Похоже, Бритт-Мари тоже. Когда однажды Эльса спросила о Монстре у бабушки, та как-то странно на нее посмотрела и тихо ответила: «Есть вещи, которых лучше не знать». А бабушка, между прочим, сражалась с теньями на Бесконечной войне в Просонье и видела таких чудовищ, которые могут привидеться только в вечности десяти тысяч сказок.

Да-да, в Просонье измеряют время именно так — вечностями и сказками. Это, конечно, не лучший вариант, но часов там не существует и все отмеряют время по своим ощущениям. Если ты чувствуешь, что сейчас примерно без пяти минут вечность, то скажешь, что вечность не за горами. А если кажется, что еще пахать и пахать, значит, впереди целая вечность. Единственное, что вмещает в себя целую вечность, — это сказка; сказочная вечность — вечнее вечного. Но самая вечная вечность — это вечность десяти тысяч сказок. Это самая большая величина в Просонье.

Ладно, не будем отвлекаться. На первом этаже дома, где живут все эти

люди, есть комната для собраний. Там раз в месяц проходят встречи жильцов. В обычных домах жильцы встречаются не так часто, но в этом доме квартиры сдаются внаем, и Бритт-Мари с Кентом очень хотят, чтобы все жильцы дома «путем демократических преобразований» потребовали у домовладельцев продать им квартиры, чтобы дом перешел в их собственность и стал кондоминиумом. Для этого и нужны собрания. Правда, больше никто из жильцов не хочет приобрести свою квартиру в собственность. И честно говоря, тот аспект, что связан с демократическими преобразованиями, Бритт-Мари с Кентом любят меньше всего.

На этих собраниях всегда скука смертная. Сначала все вспоминают, о чем они ругались на предыдущих собраниях и на протяжении следующих двух часов снова скандалят по этому поводу. Потом достают ежедневники и начинают ругаться из-за того, когда назначить следующую встречу. А тут и расходиться пора. Но сегодня Эльса все равно пойдет на собрание, потому что ей надо знать, когда начнется очередной скандал, чтобы никто не заметил, как она прошмыгнет в дверь и пойдет на задание.

Кент еще не пришел, он всегда опаздывает. Альф тоже не пришел, потому что Альф всегда приходит минута в минуту. Но Мод и Леннарт уже сидели за большим столом, а Бритт-Мари с мамой стояли возле буфета и обсуждали кофе. Саманта спала на полу. Мод пододвинула к Эльсе большую коробку с мечтами. Леннарт сидел рядом и в ожидании кофе пил кофе из термоса, который принес с собой. Он всегда следит за тем, чтобы у него был кофе на крайний случай, пока он ждет настоящий кофе.

Бритт-Мари стояла возле раковины, нервно сцепив руки на животе, и смотрела на маму. Мама делала кофе. Поэтому Бритт-Мари так нервничала. Она считала, что лучше дожждаться Кента. Бритт-Мари всегда просит без Кента не начинать. Но мама не любит ждать, она любит все держать под контролем, поэтому она делала кофе. Бритт-Мари беспокойно смахивала со стола возле мойки невидимые крошки. Ей везде мерещатся крошки, которые нужно срочно смахнуть. Она благожелательно улыбнулась маме:

— Как там кофе? Все в порядке, милочка?

Однажды Бритт-Мари узнала, что мама терпеть не может, когда ее называют милочкой. Теперь Бритт-Мари всегда называет маму милочкой. И хотя мама сотни раз ей об этом говорила, все без толку.

— Да, спасибо, — сдержанно ответила мама.

— Давайте все же дождемся Кента, — благожелательно настаивала Бритт-Мари.

— Ну, кофе можно сварить и без Кента. Думаю, мы справимся, — сказала мама, стараясь владеть собой.

Бритт-Мари снова сцепила руки в замок и улыбнулась:

— Да-да, конечно, милочка моя, пусть будет по-твоему. Иначе и не бывает.

Мама смотрела в пространство с таким видом, будто умножала трехзначные цифры в уме. Она продолжала отмерять кофе.

— Бритт-Мари, это всего лишь кофе.

Бритт-Мари с понимающим видом кивнула и отряхнула с юбки невидимые пылинки. У нее на юбке всегда есть пылинки, которые видит только она и которые необходимо стряхнуть.

— Кент всегда готовит такой вкусный кофе. Так все считают, — сказала Бритт-Мари.

Мод немного нервничала. Она не любит конфликты. Поэтому она все время печет печенье — когда есть печенье, для конфликтов остается меньше места. Мод легонько толкнула в бок Эльсу и прошептала: «Бери еще». Эльса взяла два. Тем временем мама сказала Бритт-Мари, что варить кофе не так и сложно, а Бритт-Мари ответила:

— Конечно, конечно, Ульрика, у вас в семье для женщин вообще сложного мало!

Мама улыбнулась. Бритт-Мари тоже. Но было видно, что внутри они не улыбаются.

Глубоко вздохнув, мама насыпала кофе в мерный стаканчик. Бритт-Мари продолжала отряхивать юбку и как бы мимоходом сказала:

— Но мы все очень рады, Ульрика, что вы с малышкой Эльсой сегодня будете с нами, очень рады.

— Мм, — не разжимая губ промычала мама, продолжая отмерять кофе. Руки Бритт-Мари стряхивали пылинки.

— Мы ведь понимаем, милочка, как тяжело тебе найти время для ребенка, у тебя же карьера.

Мама так яростно сыпала кофе, как будто мысленно швыряла его в лицо Бритт-Мари. Но все же владела собой. Бритт-Мари подошла к окну, переставила цветок в горшке и сказала, будто думая вслух:

— А твой сожитель, понятное дело, целыми днями дома. Хозяйство ведет.

— Джордж сейчас в прачечной, — ответила мама, которая по-прежнему владела собой, и со всей силы нажала кнопку кофемашины.

Бритт-Мари кивнула:

— *Сожитель* — это ведь так теперь называется? Ну что ж, сейчас времена другие, мы все готовы принять, — Бритт-Мари снова приветливо улыбнулась. И, стряхнув с юбки пылинки, добавила:

— Конечно, это нормально, ничего плохого здесь нет.

Мама невозмутимо улыбнулась ей в ответ:

— Что ты хочешь сказать, Бритт-Мари?

Бритт-Мари подскочила на месте с таким видом, словно она в шоке оттого, что ее так превратно поняли, и вскрикнула:

— Ничего особенного, Ульрика, что ты, ничего особенного!

Когда Бритт-Мари злится или нервничает, она все повторяет дважды. Однажды Эльса с бабушкой съездили в ИКЕА и купили пушистые голубые пледы. Бабушка весь вечер чесала их щеткой, а потом собрала с пола клочья шерсти и набила в мешок. Ночью Эльса с фонариком стояла на шухере, пока бабушка бегала в прачечную, чтобы вытряхнуть содержимое мешка в барабан сушильной машины.

После этого случая Бритт-Мари еще несколько недель повторяла все по два раза.

В дверях появился Альф в скрипящей кожаной куртке с шоферским жетоном на груди. Сразу было видно, настроение у него ни к черту. В руке он держал вечернюю газету. Альф посмотрел на часы: ровно семь.

— В объявлении черным по белому было написано, что собрание в семь! — гаркнул Альф, обращаясь к пространству.

— Кент немного опаздывает, — прощebetала Бритт-Мари и, улыбаясь, сложила руки в замок. — У него в концерне очень важная встреча с Германией. — Похоже, Бритт-Мари хотела сказать, что у Кента встреча со всей страной.

Пятнадцать минут спустя в комнату ворвался запыхавшийся Кент, его пиджак развеялся, словно мантия. Кент кричал в телефон:

— Ja, ja, Klaus! Ja! We will dizcuzz it at ze meeting in Frankfurt!^[2]

Альф оторвался от газеты и забарабанил по циферблату наручных часов:

— Надеюсь, ты не очень расстроился, что мы все пришли вовремя, твою мать!

Не обращая на Альфа ни малейшего внимания, Кент сложил руки в театральный жесте и с усмешкой обратился к Леннарту и Мод:

— Ну что, начинаем? Дело у нас нехитрое, не детей строгать!

Он повернулся к маме и, усмехаясь, кивнул на ее живот:

— Нам и этого хватит!

Поскольку мама не упала под стол от смеха, Кент повторил еще раз, чуть громче, как будто мама просто не расслышала:

— Нам и этого хватит!

Мод разложила печенье. Мама подала кофе. Сделав глоточек, Кент аж подпрыгнул:

— Ох и крепкий!

Альф осушил чашку одним глотком:

— В самый раз!

Едва пригубив, Бритт-Мари, поставила чашку на ладонь и с благожелательной улыбкой сказала:

— По-моему, кофе достаточно крепкий, да.

Она исподтишка посматривала на маму.

— А ты, значит, милочка, пьешь кофе, несмотря на беременность?

Не успела мама и рот раскрыть, Бритт-Мари поспешно добавила:

— Нет-нет, конечно, ничего плохого тут нет. Это совершенно нормально!

Кент объявил собрание открытым, и начался двухчасовой спор о том, о чем все-таки спорили на прошлой встрече.

В этот момент Эльса незаметно ушла.

Комната для собраний жильцов находилась на первом этаже, прямо напротив входа в подъезд, рядом с лестницей, ведущей в подвал, гараж и прачечную. В прачечной возился Джордж. Поднявшись на второй этаж, Эльса нерешительно посмотрела на дверь, ведущую к Монстру. Ничего страшного, на улице пока что светло, а Монстр выходит только с наступлением темноты.

Затем она перевела взгляд на дверь соседней квартиры, где на почтовом ящике не было таблички с именем. Там жил Друг. Эльса стояла в паре метров от двери, затаив дыхание, в ужасе представляя, что он раскучурчит дверь, бросится на нее и вцепится в глотку, если услышит, что она подошла слишком близко. Только бабушка называет его Другом. Для остальных он бойцовая собака. Но больше всего его ненавидит Бритт-Мари.

Эльса не знает, как у него по части бойцовских качеств, но такого огромного пса она не видала за всю свою жизнь. Когда из-за двери доносится его лай, такое впечатление, что тебя лупят клюшкой по башке.

Вообще-то Эльса видела Друга лишь однажды, за несколько дней до того, как бабушка заболела. Она тогда испытала такой дикий ужас, словно встретилась нос к носу с тенью в Просонье.

Была суббота, они с бабушкой собирались на выставку динозавров.

Мама без спросу положила в стирку шарф с Гриффиндором и дала Эльсе другой. Зеленый. Цвет Слизерина! О чем она вообще думает, эта женщина, есть у нее хоть мало-мальская способность понимать другого человека?! Эльса до сих пор как вспомнит, так злится.

Друг лежал на бабушкиной кровати, словно сфинкс возле пирамиды. А Эльса окаменев стояла в дверях и во все глаза смотрела на гигантскую черную морду и глазищи — такие бездонные, что казалось, будто это дыры, ведущие в преисподнюю. Никогда в жизни Эльса не видела такого огромного существа.

Бабушка как ни в чем не бывало вышла из кухни и стала надевать пальто.

— Э-э-это... кто? — прошептала Эльса.

— Это Друг, — беспечно ответила бабушка, докрутив самокрутку. — Он тебе ничего не сделает, если ты ничего не сделаешь ему.

«Легко сказать, — с возмущением думала Эльса. — Такому чудовищу много не надо». Однажды в школе Эльсу ударила одна из девчонок, которые ее ненавидят, — только за то, что у нее «дурацкий шарф». Спрашивается, что ей Эльса сделала? Вот и тогда она стояла в коридоре, ее обычный шарф — в стирке, вместо него на шее совершенно другой шарф, который мама так бездумно на нее намотала, и размышляла о том, что чудовище ничего ей не сделает, если она ничего не сделает ему. А вдруг псу не по душе этот шарф? Где, черт побери, можно ознакомиться с универсальными правилами выживания в этом мире?

В конце концов Эльса выпалила:

— Это не мой шарф! Он мамин! У нее начисто отсутствует вкус! — и попятилась к двери.

Друг молча тарачил на нее свои адские зенки, иначе язык не поворачивается назвать эти черные блюдца. Во всяком случае, так казалось Эльсе. Вот-вот пасть раскроет, в этом Эльса не сомневалась. Но бабушка лишь покачала головой и, подмигнув Другу, пробормотала: «Ох уж эти дети». Бабушка сходила за ключами от «рено», и они двинулись на выставку динозавров. Эльса помнит, что бабушка оставила входную дверь полуоткрытой, и, когда они садились в машину, Эльса спросила, что в ее доме делает этот пес. А бабушка ответила:

— Он просто пришел в гости.

— А почему он всегда так страшно лает за дверью? — спросила Эльса.

— Он лает, только когда мимо проходит Бритт-Мари! — с довольным видом ответила бабушка.

— Почему?

— Чтобы немного развлечься, — ответила бабушка, улыбаясь от уха до уха.

Эльса спросила, с кем живет Друг, а бабушка ответила: «Господи, почему все обязательно должны жить с кем-то! Вот я, например, живу одна». А когда Эльса попыталась возразить, что это немного разные вещи, ведь бабушка не собака, та и вовсе перестала что-либо объяснять.

Так вот, Эльса стояла на лестнице и очищала от фантиков «Дайм». В двери было отверстие для почты: достаточно кинуть туда конфетку, и она окажется на полу в квартире. Первую конфету Эльса кинула так быстро, что крышка, прикрывающая отверстие, громко хлопнула. Дыхание у Эльсы остановилось, сердце стучало, как молот о наковальню. Но тут она вспомнила, что дело надо повернуть поскорее, иначе Бритт-Мари может что-нибудь заподозрить. Потому что Бритт-Мари ненавидит Друга. Эльса вспомнила, что несмотря ни на что, она рыцарь королевства Миамас, и снова приподняла крышку.

Послышалось чудовищное дыхание. Такое впечатление, будто в легких у чудовища грохотал камнепад. Сердце у Эльсы стучало так, что Друг наверняка ощущал вибрацию через дверь. Эльса осторожно приподняла крышку и сказала в отверстие:

— Бабушка просит прощения за то, что так долго не приносила сладости!

Она снимала с шоколадок обертки и пригоршнями кидала их на пол.

Почувствовав шевеление возле самой щели, Эльса в ужасе отдернула руку. На несколько мгновений воцарилась тишина. Потом послышался хруст, челюсти Друга с бешеной скоростью перемалывали шоколад.

Пока он ел, Эльса рассказывала:

— Понимаешь, бабушка заболела. — Эльса не ожидала, что ей будет так тяжело об этом говорить, голос дрожал. Кажется, Друг тоже насторожился и затаил дыхание. Она просунула в щель еще несколько конфет. — У нее рак, — прошептала Эльса.

Друзей у Эльсы нет, поэтому она не знает, как сообщать такие вещи. Но если бы друзья у нее были, Эльса хотела бы, чтобы они знали, что у бабушки рак. Даже если эти друзья — самые огромные существа со времен сотворения мира.

— Она просит прощения, — шепнула Эльса в черную щель и, вытряхнув туда остатки конфет, осторожно закрыла крышку.

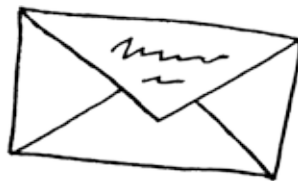
Она посмотрела на дверь Друга. Перевела взгляд на дверь Монстра. Если за первой дверью скрывается такое чудовище, то что за второй? Лучше об этом не знать.

Эльса вприпрыжку спустилась по лестнице. Джордж все еще в прачечной. В комнате для собраний ничего нового: все пьют кофе и ругаются.

Ведь это самый обычный дом.

Ну, строго говоря.

4. Пиво

Допустим, на улице два градуса тепла, а в больничной палате кто-то прячет под подушкой пивные бутылки. Окно открыто, чтобы выветрился запах табака, и Эльсина мама ничего не заметила.

Так пахло в палате у бабушки. И судя по запаху, дела шли довольно скверно.

Бабушка с Эльсой играли в «Монополию». Бабушка ни слова про рак не сказала, Эльсе это знать ни к чему. Эльса тоже не сказала ни слова о смерти, бабушке это ни к чему. Бабушка не любит разговоров о смерти и никогда не любила, особенно о своей собственной. Смерть — это бабушкин антагонист. Пока за дверью мама что-то тихо обсуждала с врачами, Эльса пыталась сделать вид, что все в порядке. Получалось так себе.

Бабушка усмехнулась с загадочным видом.

— Я рассказывала, как устроила на работу драконов в Миамасе? — спросила она на тайном языке.

Хорошо, что их никто не понимает, ведь в больнице у стен есть уши, говорит бабушка. Особенно если начальство в этих стенах — мама.

— Дык! Конечно! — вздохнула Эльса на тайном языке.

Бабушка кивнула и рассказала всю историю целиком еще раз. Так уж устроена бабушка. А Эльса внимательно слушала — так уж устроена Эльса.

Она знает, что люди часто за глаза говорят о бабушке, будто та «переходит границы». Бритт-Мари без конца это повторяет. Наверное, бабушка из-за этого так любит королевство Миамас, ведь там нельзя перейти границы, поскольку оно безгранично. И не в том смысле, в каком говорят по телевизору красивые люди — «безгранично!» — и встряхивают волосами, а по-настоящему. Никто точно не знает, где его начало, а где конец. Так происходит еще и потому, что в отличие от пяти других королевств Просонья, которые построены из цемента и камня, Миамас целиком и полностью построен из фантазии. И еще потому, что у Миамасской крепостной стены необычное чувство юмора. То ей вдруг

взбредет в голову переместиться на пару километров в глубь леса — просто потому, что захотелось побыть в одиночестве. А на следующее утро, глядь, она уже перебралась в самый центр города, чтобы окружить какого-нибудь дракона или тролля, — просто потому, что она на них обиделась. Например, за то, что они всю ночь пьянствовали и описали стену, пока та спала.

Надо сказать, что в Миамасе особенно много драконов и троллей, больше чем в любом другом королевстве Просонья, потому что главной статьей экспорта в Миамасе являются сказки. Светлые головы в реальном мире об этом даже не подозревают, что с них возьмешь. А вот в Миамасе у драконов и троллей неплохие перспективы на рынке труда, потому что каждой сказке нужны злодеи.

— Так было не всегда, — любит повторять бабушка с самодовольным видом.

— Ты сто раз это говорила, — вздыхает в ответ Эльса.

Но бабушка все равно рассказывает эту историю.

Было время, когда сказочники в Миамасе почти позабыли драконов. Особенно трудно было найти работу «возрастным драконам», объясняет бабушка Эльсе, а та устало закатывает глаза.

— Для драконов среднего возраста совсем не было подходящих ролей, — продолжает бабушка. В этом месте она всегда делает драматическую паузу и добавляет: — До поры до времени!

И тут бабушка излагает всю историю с самого начала. Оставшись без работы, миамасские драконы стали безобразничать, они круглые сутки пили водку, курили сигары и выясняли отношения с крепостной стеной. Наконец жители Миамаса стали молить бабушку о помощи: надо срочно принять меры по трудоустройству драконов. Вот тогда-то бабушка и придумала, что в конце сказок драконы должны будут сторожить сокровища.

До того момента у сказочников была большая проблема: как быть с сокровищами, которые добывают герои. Положим, нашли они его где-нибудь глубоко в пещере, забрали оттуда. А дальше что? Где эпическая битва? Где драматический апофеоз?

— Без этого любая сказка превращается в никудышную компьютерную игру, — обычно говорит бабушка, дойдя до этого места, и кивает, чтобы подчеркнуть серьезность своего вывода. В этом вопросе бабушка осведомлена хорошо, потому что летом Эльса научила ее играть в «Варкрафт», после чего бабушка несколько недель играла в компьютер сутки напролет, пока мама не сказала, что это «тревожная тенденция», и не

запретила бабушке ночевать в комнате Эльсы.

Как бы то ни было, благодаря бабушкиной идее сказочники решили свою проблему за один вечер.

— Поэтому в конце каждой сказки теперь есть драконы! Это я постаралась! — посмеивается бабушка. Так повторяется из раза в раз.

У бабушки на каждый случай найдется история из Миамаса. И без всякого случая тоже. Одна из них повествует о Миплорисе — королевстве, в котором хранится вся скорбь мирская. Злая ведьма украла у принцессы Миплориса волшебное сокровище. С тех пор поиски этой ведьмы продолжались непрерывно. Другая история посвящена двум братьям-принцам, которые были влюблены в принцессу Миплориса и своими кровопролитными битвами практически стерли с лица земли все Просонье.

Есть сказка о морском ангеле, который потерял своих близких и был из-за наложенного на него проклятия обречен вечно скитаться по морю вдоль берегов Просонья. И сказка об Избранном — лучшем танцоре Мимоваса — королевства, откуда происходит вся музыка мира. Тени решили похитить Избранного, чтобы уничтожить Мимовас, но облаконь спас его и нес на своей спине до самого Миамаса. А когда тени явились за ним, все жители шести королевств Просонья — принцессы и принцы, рыцари и солдаты, тролли, ангелы, ведьмы — договорились между собой, что будут защищать Избранного. И началась Бесконечная война. Она бушевала целую вечность десяти тысяч сказок, пока с гор не вернулись ворсы, а Волчье Сердце не вышел из леса. Они повели доброе воинство в последнюю битву и оттеснили теней обратно за море.

Про Волчье Сердце, разумеется, сложена отдельная сказка. Он родился в Миамасе, но, как и все солдаты, вырос в Мибаталосе. У него душа сказочника, но в груди бьется сердце воина. Это самый великий и непобедимый солдат из тех, что когда-либо жили в шести королевствах Просонья. Он прожил вечность множества сказок в дремучих лесах, но вернулся в Просонье, когда оно в нем нуждалось.

Бабушка рассказывала эти сказки сколько Эльса себя помнила. Сначала перед сном и чтобы обучить ее тайному языку, ну и еще немножко потому, что бабушка всегда была с приветом. Но в последние годы появилось и что-то другое. Что именно — Эльса никак не могла диагностировать.

Слово «диагностировать» Эльса смотрела в словаре.

— Положи вокзал на место, — сказала Эльса.

— Я его купила, — возразила бабушка.

— Ага, конечно. А ну клади обратно! — сердито сказала Эльса.

— Такое впечатление, что я играю в «Монополию» с Гитлером! — возмутилась бабушка, положив вокзал на место.

— Гитлер стал бы играть не в «Монополию», а в «Завоевание мира», — пробормотала Эльса, потому что она уже смотрела про Гитлера в «Википедии» и много спорила с бабушкой по поводу ее вечных сравнений с Гитлером.

— Шах, — пробормотала в ответ бабушка, и Эльса была почти уверена, что она использует это слово не по назначению.

В течение минуты они играли молча. Это был максимальный рекорд для их ссоры.

— Ты передала шоколад Другу? — спросила бабушка.

Эльса кивнула. Она не стала говорить о том, что рассказала Другу про рак. Потому что бабушка наверняка на нее обидится, но главным образом потому, что ей самой не хотелось говорить про рак. Вчера она читала о нем в «Википедии». Потом проверила, что значит «завещание», и так разозлилась, что всю ночь не могла уснуть.

— Как вы подружились с Другом? — спросила она.

Бабушка пожала плечами.

— Да просто взяли и подружились.

Знать бы, что это значит «просто взяли и подружились»? У Эльсы друзей не было, кроме бабушки. Но спрашивать Эльса не стала — знала, что бабушка расстроится.

— Миссия выполнена, — тихо сказала она. Такое выражение непросто перевести на тайный язык, хотя к делу это отношения не имеет.

Бабушка кивнула, исподтишка посматривая на дверь, словно боялась, что за ними подглядывают. Потом запустила руку под подушку. Бутылки с приглушенным звоном стукнулись друг о друга, бабушка смачно выругалась, увидев, что наволочка перепачкана пивом. Достала из-под подушки конверт и протянула его Эльсе.

— Вот тебе следующее задание, о рыцарь Эльса. Раскрой конверт не раньше завтрашнего утра.

Эльса скептически посмотрела на бабушку:

— Ты когда-нибудь слышала про имейл?

— Не морочь мне голову! Такие вещи по имейлу не сообщают!

Эльса взяла конверт и взвесила его на руке. Нащупала выпуклость снизу.

— Что там?

— Письмо и ключ, — сказала бабушка.

Она вдруг стала испуганной и серьезной — ни то ни другое для бабушки не характерно — и схватила Эльсу за указательные пальцы.

— Завтра утром тебе предстоит выполнить одно из сложнейших заданий и добыть сокровища, мой маленький храбрый рыцарь. Ты готова?

Бабушка всегда очень любила охоту за сокровищами. В Миамасе это один из видов спорта. По охоте за сокровищами устраивают соревнования, потому что она входит в программу олимпийских игр. Правда, публику олимпийские игры в Миамасе не собирают: участвуют в них невидимки, избегающие публичности.

Разумеется, Эльса любит искать сокровища. Не так сильно, как бабушка, потому что никто во всем королевстве за всю вечность тысячи сказок никогда не любил охоту за сокровищами так, как бабушка. Эльса любит охоту потому, что это занятие — только их с бабушкой. А бабушка готова на все, лишь бы поохотиться за сокровищами. Вот как в тот раз, когда они отправились за покупками и бабушка забыла, где она припарковала «рено». Или когда ей надо уговорить Эльсу проверить всю почту и заплатить по счетам, потому что бабушке невыносимо скучно делать это самой. А еще когда в школе устраивают день спорта и старшие дети бьют Эльсу в душе скрученными полотенцами.

Для бабушки все что угодно превращается в охоту за сокровищами. Парковка становится волшебной горой, скрученные полотенца — драконами, которых надо перехитрить. И тогда Эльса всегда выходит героем.

Эльса никогда не видела бабушку такой. Обычно бабушка говорит наполовину в шутку, наполовину всерьез. Но сейчас другой случай. Бабушка наклонилась ближе:

— Тот, кому достанется ключ, получит инструкции, как его использовать. Эльса. Ты должна защитить замок.

Бабушка всегда называет их подъезд замком. Эльса была уверена, что бабушка просто слегка с приветом. Но сейчас засомневалась.

— Ты должна защитить замок, Эльса! Защитить свою семью. И своих друзей! — решительно сказала бабушка.

— Каких друзей?

Бабушка обняла ладонями ее щеки и улыбнулась:

— Они скоро появятся. Завтра ты отправишься на задание, тебя ждет прекрасная сказка и невероятные приключения. Обещай, что не будешь

меня после этого ненавидеть.

У Эльсы защипало в глазах.

— Почему я должна тебя ненавидеть?

Бабушка погладила ее веки.

— Понимаешь, у бабушек есть право скрывать от внуков свои дурные стороны. Бабушки не рассказывают внукам, какими паршивками они были до того, как стали бабушками.

— Я прекрасно знаю тебя с разных плохих сторон! — возразила Эльса и тотчас добавила: — Например, ты не понимаешь, что айфон нельзя сушить в тостере!

Эльса хотела развеселить бабушку, но у нее ничего не вышло. Бабушка печально прошептала в ответ:

— Тебя ждет невероятное приключение и прекрасная сказка, о мой любимый рыцарь. Но по моей вине в конце этой сказки ты встретишь дракона.

Эльса недоверчиво прищурилась. Что-то новенькое! Что в конце каждой сказки есть дракон, бабушка всегда считала своей заслугой. И никогда не называла это виной. Бабушка вся сжалась — такой маленькой и слабой Эльса ее раньше не видела. Совсем не похоже на супергероя.

Бабушка поцеловала ее в лоб.

— Обещай, что не будешь меня ненавидеть, когда узнаешь, кем я была в прошлом. И обещай, что защитишь замок. И своих друзей.

Эльса ничего не поняла, но пообещала. Бабушка обняла ее и держала в объятиях долго как никогда.

— Отдай письмо тому, кто будет ждать. Он его брать не захочет, но ты скажи, что письмо от меня. Скажи, что ихняя бабушка просит прощения.

Она вытерла слезы, бегущие по щекам Эльсы. Не «ихняя», а «их» поправила Эльса. После дежурной перепалки на эту тему они снова сели за «Монополию», отведали плюшек с корицей и обсудили, кто бы выиграл, если бы Гарри Поттер подрался с Человеком-пауком. Смех, да и только. Просто бабушка ничего не смыслит в таких вещах, иначе бы и спорить не стала. Только бабушка может спорить о таких вещах, в которых ничего не смыслит. Любому ясно, что победа за Гарри.

Разумеется, Эльса любит Человека-паука. Дело не в этом. Давайте смотреть правде в глаза: кто устоит перед Гарри Поттером? Тут и говорить не о чем.

Бабушка достала еще плюшек из больших бумажных пакетов, спрятанных под другой подушкой. Они хранились там не потому, почему пиво, которое бабушка прятала от мамы. Просто бабушке нравится, когда

все, что ей нравится, собрано в одном месте. А пиво и плюшки бабушке очень нравятся.

Эльса узнала логотип на пакетах, бабушка всегда покупает плюшки в одном и том же месте. Она считает, что никто во всем мире больше не умеет делать настоящие миревасские плюшки с корицей. Ведь все плюшки делают в королевстве Миревас, это национальное блюдо во всех королевствах Просонья. Плохая новость: есть это блюдо можно только в национальный праздник Просонья. Хорошая новость: национальный праздник в Просонье отмечается ежедневно. «Печь плюшки — дело серьезное, это вам не в тапки срать», — сказала бабушка, которая сроду ничего не пекла. И которая, надеялась Эльса, не станет использовать тапки для подобных целей.

— Бабушка, ты правда поправишься? — робко спросила Эльса. Есть вопросы, на которые боишься услышать честный ответ, даже если тебе уже почти восемь.

— Конечно! — ответила бабушка без тени сомнения, хотя видела, что Эльса не верит.

— Обещай, — потребовала Эльса.

Бабушка наклонилась к самому уху Эльсы и прошептала на тайном языке:

— Обещаю, о мой милый, любимый рыцарь. Обещаю, что мне станет лучше. Все будет хорошо.

Бабушка всегда так говорит. Жизнь наладится. Все будет хорошо.

— Я все-таки думаю, что Человек-паук оставит от твоего Гарри мокрое место. — Бабушка попыталась вывести Эльсу из себя.

— Да у тебя совсем уже башка не варит! — закричала Эльса, хоть и понимала, что бабушке только это и нужно.

Бабушка засмеялась. Эльсе тоже стало смешно. Притом что всему есть границы и проходят они как раз там, где начинаются предположения, будто кто-то может победить Гарри Поттера. Тем не менее обе продолжали есть плюшки. И играть в «Монополию». Так долго обижаться Эльса не в состоянии.

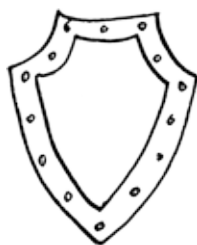
Солнце зашло. Стало тихо. Эльса лежала рядом с бабушкой на узкой больничной койке. Как только они задремали, явился облаконь. Он подхватил их и унес в Миамас.

Немного погодя в доме на другом конце города жильцы проснулись и вскочили посреди ночи: похоже, это завыла бойцовая собака со второго этажа. Человеческое ухо не слыхивало такого душераздирающего и

громкого воя со времен сотворения мира. Он словно бы проникал в реальность из самых глубин преисподней. Этот вой был похож на песню о печали и скорби всей вечности тысячи сказок. Он не смолкал всю ночь. До самого рассвета.

В больничную палату пробралось утро. Эльса проснулась в бабушкиных объятиях. А бабушка осталась в Миамасе.

5. Лилии

Если у тебя есть бабушка, считай, что за тобой целая армия.

Право внуков — знать, что есть человек, который всегда на твоей стороне. Независимо от обстоятельств. Даже если ты ошибаешься. Особенно если ты ошибаешься.

Бабушка — это одновременно щит и меч, это совсем особенный вид любви, недоступный ни одной светлой голове. Пусть в школе считают, что Эльса не такая, как все, подразумевая что-то плохое, пусть Эльса приходит домой с синяками, а директор говорит, что она «должна адаптироваться», а не «провоцировать других детей», — бабушка всегда на ее стороне. Она не позволяет ей извиняться. Не позволяет брать на себя вину. Никогда не говорит: «Не обращай внимания, тогда им надоест тебя доводить» или «просто отойди в сторонку, и все». Бабушка все знает. Все понимает. С бабушкой можно пойти в разведку.

Потому что вместе они банда.

Каждый вечер Эльсу ждет история из Миамаса. Чем сильнее растет Эльсино одиночество в реальной жизни, тем больше становится ее армия в Просонье. Чем сильнее удары скрученного полотенца днем, тем интереснее приключения, которые ждут ее ночью в королевстве Миамас. Там никто никогда не скажет, что она должна адаптироваться. Так что Эльса не особенно впечатлилась, когда папа первый раз взял ее с собой в Испанию и объяснил, что в этом отеле «все включено». Когда у тебя есть такая бабушка, то жизнь — это сплошное «все включено».

Учителя в школе говорят, что у Эльсы синдром дефицита внимания. Но это неправда. Она все книги о Гарри Поттере может рассказать наизусть. Она в точности знает, у кого какая суперспособность в «Людах Икс» и кто из них в состоянии победить Человека-паука. Она может с

закрытымі іачамі начертить карту Средиземья из «Властелина колец». Если, конечно, рядом в тот момент не стоит бабушка, которая тербит бумагу и ноет, что это скука смертная, и не уговаривает ее сесть в «рено» и отправиться куда глаза глядят в поисках приключений. Вот такая она неугомонная, бабушка. Она уже показала Эльсе все потаенные уголки Миамаса и других пяти королевств Просонья. Даже руины Мибаталоса, разрушенного теньми в Бесконечной войне. Эльса и бабушка стояли на скале у побережья, где пожертвовали собой девяносто девять снежных ангелов, и смотрели на море — когда-нибудь тени снова вернутся с другого берега. Эльса знает о тенях все, потому что бабушка говорит, что врагов надо знать лучше, чем самого себя.

Раньше тени были драконами, но злоба и мрак разъедали их изнутри так сильно, что они превратились в тени. А это гораздо опаснее. Они ненавидят людей и их сказки, эта ненависть была такой долгой и сильной, что тьма обьяла их тела и теперь различить можно только тени. Поэтому сражаться с ними так трудно — они могут исчезнуть в стене, раствориться в земле или улететь в никуда. Эти тени безумны и кровожадны; если они укусят, ты не умрешь, ты будешь обречен на бесконечные мучения: ты утратишь фантазию. Она вытечет через рану, оставленную их зубами, а ты станешь серым и пустым. Год за годом твое тело будет истончаться и рушиться, и в конце концов от него останется одна оболочка. Так будет продолжаться, пока на земле не останется человека, который помнит хотя бы одну сказку.

Но Волчьё Сердце победил теней в Бесконечной войне. Он пришел из лесов, когда сказки нуждались в нем больше всего, и оттеснил тени к морю. Однажды они вернутся. Наверное, поэтому бабушка рассказала ей все истории. Чтобы Эльса была готова.

Так что учителя ошибаются. У Эльсы нет проблем с вниманием. Просто она тратит его только на важные вещи.

Бабушка считает, что тугодумы всегда обвиняют в невнимательности тех, кто соображает быстро.

— Понимаешь, идиоты не в состоянии осознать, что неидиоты быстрее их додумывают мысль до конца и переходят к следующей. Поэтому идиоты всегда такие трусливые и агрессивные. Они до смерти боятся умных девочек.

Бабушка повторяла это Эльсе, когда в школе у нее выдавались особенно неудачные дни в плане дефицита внимания. Тогда они ложились в необъятную бабушкину кровать, над которой прямо на потолке висели

бесчисленные черно-белые фотографии, и щурили глаза до тех пор, пока люди на фотографиях не запляшут. Эльса не знала, кто эти люди, бабушка называла их своими звездами, потому что когда сквозь занавески начинал пробиваться свет уличных фонарей, снимки поблескивали, словно звезды в ночном небе. На них были изображены мужчины в военной форме, мужчины-врачи в халатах, мужчины безо всего. Высокие мужчины с улыбкой и мужчины с усами, невысокие и квадратные мужчины в шляпах — все стоят перед бабушкой и смотрят на нее так, словно она только что рассказала неприличный анекдот. Мужчины не смотрят в камеру, потому что не в силах оторвать взгляда от бабушки.

Бабушка еще совсем юная. И красивая. И бессмертная. Она стоит рядом с дорожным указателем, надпись на котором Эльса не может прочитать, а вокруг пустыня с палаткой и мужчины с пулеметами в руках.

На всех фотографиях есть дети. У одного забинтована голова, второй лежит на больничной койке под капельницей, у третьего только одна рука, а на месте другой культя. Но один мальчик цел и на вид совершенно здоров. Кажется, он сможет пробежать сто километров босиком. Он ровесник Эльсы, а волосы у него такие кудрявые и густые, что в них ключи потеряешь. Взгляд у мальчика такой, будто он только что узнал, где хранится тайный запас мороженого и фейерверков. Глаза большие, круглые, как шары, и такие темные, что белки в них будто мел на школьной доске. Кто он, Эльса не знала, но про себя прозвала его Волчонком-оборотнем, потому что они выглядят именно так.

Она часто думала расспросить бабушку о Волчонке. Но как только она собиралась это сделать, глаза начинали закрываться, и облакони уже несли ее вместе с бабушкой над Просоньем и вскоре приземлялись у ворот королевства Миамас. И Эльса откладывала вопрос на завтра.

Но наступил день, когда завтра не стало.

Эльса сидела на скамейке у большого окна. Она так замерзла, что зубы стучали. Мама разговаривала с какой-то женщиной с голосом, как у кита. В смысле, если бы киты умели говорить. Хотя, конечно, настоящего кита Эльса никогда не видела, но ей казалось, голос у него должен быть как у бабушкиного проигрывателя. Однажды бабушка решила сделать из него робота. Какого именно, она точно не знала, но получилось так себе. И после этого пластинки на проигрывателе стали говорить голосом кита. В тот день Эльса узнала, чем отличаются виниловые пластинки от компакт-дисков. Тогда она поняла, откуда у стариков столько свободного времени:

раньше они тратили его на то, чтобы менять пластинки, а теперь появился спотифай.

Она подняла воротник куртки и плотнее замотала вокруг шеи шарф Гриффиндора. Ночью как-то неохотно выпал первый снег. Первые снежинки презрительно фыркали, прежде чем растаять на асфальте, словно хотели подчеркнуть, что, будь их воля, они бы не падали. Сегодня снега выпало столько, что можно делать снежных ангелов. Эльса это обожает.

В Миамасе снежных ангелов можно делать круглый год. Хотя симпатягами, по мнению бабушки, этих ребят не назовешь. Ходят такие надменные, воображают о себе, вечно недовольны официантами в трактирах. «Вино нюхают и все в таком духе», — говорит бабушка. Но почему бы и не воображать о себе, если для этого есть все основания?

Вытянув ноги, Эльса ловила снежинки мысками ботинок. Она терпеть не могла сидеть на улице и ждать маму, но еще больше ненавидела ждать маму, сидя в помещении.

Хотелось поехать домой. Вместе с бабушкой. Даже их дом скучает по бабушке. Не люди, которые живут в этом доме, а само здание. Стены постукивают и трещат от тоски. А Друг выл две ночи напролет. Бритт-Мари заставила Кента позвонить в дверь, где живет Друг, но ему никто не открыл. Друг гавкнул так, что Кента аж об стенку шибануло. И Бритт-Мари позвонила в полицию. Она давно ненавидит Друга. Несколько месяцев назад Бритт-Мари ходила по квартирам и просила всех подписать петицию с требованием о том, чтобы домовладелец «вышвырнул этого ужасного бойцового пса».

«Нельзя держать собак в многоквартирном доме. Это вопрос безопасности! Подумайте о детях, они могут пострадать!» — объясняла всем Бритт-Мари с видом человека, пекущегося о детях. Единственными детьми во всем доме были Эльса и мальчик с синдромом, и Эльса сомневалась, что ее безопасность особенно беспокоит Бритт-Мари.

Мальчик с синдромом живет в квартире напротив ужасной бойцовой собаки, но его мама беспечно сообщила Бритт-Мари, что скорее бойцовая собака считает мальчика угрозой своей безопасности, нежели наоборот. Бабушка просто покатывалась со смеху, когда рассказывала об этом Эльсе, но Эльса смогла рассмеяться только после того, как удостоверилась, что Бритт-Мари не начнет ходить по квартирам с требованием запретить детей. Бритт-Мари — она такая, от нее всего можно ждать.

Петицию подписали только Леннарт и Мод — не потому, что они не любят бойцовых собак, нет, просто им трудно кому-либо в чем-либо отказать, особенно Бритт-Мари. Узнав об этом, бабушка спустилась к ним

на этаж и спросила, как они могут подписывать петицию против собак, если у них есть Саманта. Леннарт и Мод очень удивились. «Речь идет о собаках, а не о Саманте», — неуверенно сказал Леннарт. Мод кивнула и осторожно добавила: «Саманта у нас бишон фризе».

Пересказывая их разговор, бабушка неизменно именовала Леннарта и Мод мудачками, так что пришлось ее поправить и объяснять, что так вообще-то не говорят, это называется «психические расстройства». А бабушка, закуривая новую сигарету, пробормотала, что «эта чертова политкорректность уже в печенках сидит».

Бритт-Мари с благожелательной улыбкой объяснила бабушке, что Саманта — «это вам не какая-нибудь ужасная бойцовая собака!». Как по Эльсе, так внешний вид обманчив, и, если Саманта на вид довольная и спокойная, это не значит, что внутри ее не идет борьба. Но вслух этого говорить не стала. Кто ее знает, что она подумает, эта Бритт-Мари.

Эльса прыгнула со скамейки и стала ходить туда-сюда, чтобы немного согреться. Рядом с окошком женщины-кита находилось кафе. Возле дверей стояла белая рекламная раскладушка с ценами: «ЭКСПРЕССО всего за 19 крон». Эльса изо всех сил держала себя в руках, так велит мама. Но под конец не выдержала, достала из кармана красный маркер и аккуратно зачеркнула букву «К» в слове «экспрессо».

Полюбовавшись на результат, Эльса кивнула, убрала маркер и снова села на лавочку. Склонив голову набок, она закрыла глаза и почувствовала, как холодные ножки снежинок колют лицо. Вдруг до нее донесся запах табачного дыма, и поначалу Эльса сама себе не поверила. Этот запах казался таким приятным, она глубоко втягивала его ноздрями, и почему-то ей сразу стало тепло и спокойно.

Но вскоре к этому добавилось и что-то еще. Что-то сжало ребра. Сигнал тревоги.

Мужчина стоял чуть поодаль. В тени многоэтажки. Видно его было довольно плохо: тонкий силуэт и огонек сигареты. Фигура словно лишена очертаний. Мужчина стоял вполоборота, как будто не видел ее.

Эльсе почему-то стало страшно, она пошарила рукой по лавке в поисках оружия. Странно, обычно мысль про оружие посещает ее только в Миамасе. В реальной жизни ее первый порыв — убежать, и только в Миамасе благородные рыцари в случае опасности выхватывают меч. К тому же сейчас никакого меча поблизости не было.

Снова подняв глаза, Эльса увидела, что мужчина все так же на нее не смотрит, но она могла поклясться, что теперь он стоит чуточку ближе. Его

по-прежнему окружала тень, хоть он и отошел подальше от многоэтажки. Будто бы это тень не от дома, а от него самого. Эльса зажмурилась и, когда снова открыла глаза, ей уже не казалось, что мужчина придвинулся ближе.

Она была в этом просто уверена.

Соскользнув со скамейки, Эльса попятилась к большому окну, попытавшись нащупать ручку двери, и наконец проскользнула внутрь, споткнувшись о порог. Она стояла в коридоре, дыша так, что сердце готово было выпрыгнуть из груди. И только когда дверь за ней, предварительно тренькнув, закрылась, она поняла, почему запах дыма внушил ей чувство спокойствия. Мужчина курил тот же табак, что бабушка. Эльса его ни с чем не перепутает, потому что она помогала бабушке крутить самокрутки. Бабушка говорила, что пальчики у Эльсы «такие крошечные — в самый раз для этих чертовых трубочек».

Эльса смотрела в окно и уже не могла отличить тени от реальных людей. На мгновение ей показалось, будто мужчина так и стоит на другой стороне улицы, но вскоре она уже сомневалась, что когда-либо его видела.

Когда мамины руки нежно опустились ей на плечи, Эльса все еще билась, как испуганный зверек. Она металась с выпученными глазами, пока ноги не подогнулись сами собой. В маминых объятиях ее вдруг охватила невероятная усталость. Она не спала двое суток. Живот у мамы такой огромный, что на него можно поставить чашечку с чаем. Джордж любит шутить, что это сервировочный столик, приготовленный для беременных самой природой.

— Идем домой, — ласково шепнула мама ей на ухо.

Эльса стряхнула усталость и вырвалась из маминых рук.

— Я хочу поговорить с бабушкой!

Мама выглядела совершенно раздавленной. Похоже, у нее фрустрация. Фрустрация — это слово из Эльсиной словарной копилки. Впрочем, к этому мы еще вернемся.

— Знаешь... дружочек... лучше не стоит, — прошептала мама.

Но Эльса уже бежала мимо регистратуры, прямо в следующую комнату. Женщина-кит что-то кричала ей вслед, но мама, которая все еще владела собой, попросила женщину пропустить Эльсу.

Бабушка ждала ее посреди комнаты. Пахло лилиями, это любимые мамины цветы. У бабушки любимых цветов нет, дольше суток растения в ее доме не живут, и однажды в приступе небывалой сознательности, — которые у нее бывают, прямо скажем, нечасто, — и, по всей вероятности,

энергично подбадриваемая любимой внучкой, бабушка решила, что все эти любимые цветы — настоящее преступление против природы.

Эльса остановилась, не дойдя до бабушки, и стояла, сердито засунув руки в карманы. Она постучала башмаками об пол, тщательно стряхивая снег.

— Не хочу я охотиться за твоими дурацкими сокровищами!

Бабушка не отвечала. Она всегда молчит, если Эльса права. Эльса продолжала отряхивать снег.

— Дурацкая бабушка! — крикнула она.

Бабушка молчала. Эльса села на стул рядом с ней и достала письмо.

— Сама разноси свои дурацкие письма... — прошептала Эльса.

С тех пор как Друг начал выть, прошло уже двое суток. Вот уже двое суток, как Эльса не бывала в королевстве Миамас. Никто не сказал ей правды. Взрослые пытаются все приукрасить, чтобы правда не казалась страшной, опасной и отвратительной. Как будто бабушка и вовсе ничем не болела. Это просто несчастный случай. Но Эльса знает, что они врут, потому что бабушка никогда не бывала жертвой несчастного случая. Все несчастные случаи сами становились ее жертвами.

Эльса знала, что такое рак. Она посмотрела в «Википедии».

Эльса пихнула гроб, чтобы обратить на себя внимание. В глубине души она до сих пор надеялась, что бабушка, как обычно, просто решила ее разыграть. Как в тот раз, когда бабушка нарядила снеговика, — ни дать ни взять человек, только что упавший с балкона. Когда Бритт-Мари поняла, что это розыгрыш, она до того разозлилась, что даже позвонила в полицию. А на следующий день Бритт-Мари посмотрела в окно и увидела, что бабушка слепила нового снеговика, точно такого же, один в один, и тогда Бритт-Мари позеленела от злости и в два прыжка выскочила на улицу с лопатой для снега. И тут снеговик вдруг ожил и подпрыгнул с криком: «УУУУУУУУ!!!»

Потом бабушка рассказывала, что ей пришлось пролежать на снегу несколько часов в ожидании Бритт-Мари, и за это время на нее дважды писали коты. «И я об этом не пожалела!» — ликовала она.

Бритт-Мари, разумеется, сразу позвонила в полицию, но там ей сказали, что это не является нарушением общественного порядка. Бритт-Мари такую точку зрения не разделяла. Она назвала бабушку «хулиганкой».

Эльса надеялась, что и сейчас будет так.

Но бабушка не вставала. Эльса стучала кулаками в гроб, но бабушка не реагировала. Эльса стучала все сильнее, словно хотела вытрясти из гроба всю эту несурязицу и непоправимость. Наконец она соскользнула со стула и, упав на колени, стала шептать:

— Почему они все время врут и говорят, что ты «ушла от нас»? Что мы тебя «потеряли». И никто не говорит «она умерла».

Эльса впиалась ногтями в ладони и затряслась всем телом.

— Если ты умерла, то как я теперь попаду в Миамас?..

Бабушка молчала. Эльса прижалась лбом к гробу. Гладкое дерево холодило кожу, на губы стекали горячие слезы. Она почувствовала на затылке мягкие мамины руки, обернулась и обняла ее за шею. Мама унесла ее прочь.

Когда Эльса снова открыла глаза, она уже сидела в маминой «КИА». Мама стояла рядом с машиной и говорила по телефону с Джорджем. Понятное дело, она не хотела, чтобы Эльса слышала их разговор, потому что они обсуждали похороны. Но Эльса не дуручка.

В руках она так и держала бабушкино письмо. Она знала, что чужие письма читать нельзя, но за последние двое суток уже прочитала его раз сто. Естественно, бабушка догадывалась, что так и будет, поэтому написала письмо такими буквами, которые Эльса не понимала. Буквами с дорожного указателя на тех фотографиях.

Эльса обиженно тарасилась на письмо. Бабушка всегда говорила, что у них друг от друга не будет никаких тайн, только их общие от других. И теперь дико злилась на бабушку за эту ложь, потому что вот перед ней величайшая тайна, а она ни черта не может в ней разобраться. Эльса знала, что если не прекратит злиться, то побьет их последний рекорд, и это уже навсегда.

Эльса моргала, и чернила расплывались по бумаге. Хоть она и не понимала этих букв, но все равно чувствовала, что написано с ошибками: буквы будто бы накиданы в спешке, как попало, словно сама бабушка уже мысленно в другом месте. Не то чтобы бабушка была безграмотной, нет, просто она так быстро думала, что буквы за ней не поспевали. Разница между Эльсой и бабушкой в том, что бабушка не видит смысла в правописании. «Ты же все равно поймешь, что я имею в виду!» — шипит бабушка, когда сует Эльсе тайные записки во время семейного ужина, а Эльса достает красный маркер и поправляет ошибки. Это одна из постоянных причин их ссор, потому что Эльса считает, что буквы — это не просто способ донести сообщение, а нечто большее. Нечто более важное.

Точнее, доставала и поправляла. Теперь это в прошлом.

Во всем письме Эльса могла разобрать лишь одно слово. Только оно одно было написано обычными буквами, оно словно бы невольно вырвалось из всего письма. Так незаметно, что даже Эльса его пропустила, когда читала письмо первые несколько раз.

Она перечитывала его вновь и вновь, пока глаза не заморгали так, что читать стало трудно. Ногти впивались в ладони. Эльса чувствовала, что ее предали, у нее было десять тысяч причин, чтобы злиться, и наверняка еще десять тысяч, о которых она пока просто не знала. Она не сомневалась, что это слово в письме — неслучайное. Тщательно выведенное, чтобы Эльса его заметила.

Имя на конверте было такое же, как на почтовом ящике Монстра. А слово, которое удалось разобрать, — Миамас.

Бабушка обожала все, что связано с поисками сокровищ.

6. Моющее средство

На щеке у нее три царапины. Явно от когтей. Они наверняка будут допытываться, с чего все началось. Эльса бежала, вот с чего. Бегает она хорошо. Если к тебе часто пристают, ты, хочешь не хочешь, бегаешь хорошо.

Утром она наврала маме, что уроки сегодня начнутся на час раньше обычного. Когда та удивилась, Эльса достала козырь для «невнимательной матери». Этот козырь совсем как бабушкин «рено»: красотой не отличается, зато работает.

— Я тебе сто раз говорила, что по понедельникам мы начинаем на час раньше! И даже записку приносила из школы, но тебе теперь не до меня! — огрызнулась Эльса, глядя в сторону. И мама перестала ее пытаться. Пробормотала что-то о забывчивости беременных и покраснела. Лучший способ выбить маму из седла — внушить ей, что она на секунду потеряла контроль над ситуацией.

Это могут сделать только два человека на свете. А теперь только один. Для почти восьмилетнего ребенка это неисчерпаемые возможности.

Возле школы Эльса села в автобус и поехала обратно домой. По дороге она купила четыре пакета с конфетами «Дайм». В доме темно и пусто, так выглядит дом без бабушки. Кажется, он тоже по ней тоскует. Эльса спряталась от Бритт-Мари, которая с утра пораньше направлялась в сторону помойки с функцией сортировки мусора, хотя при этом в руках у нее никакого мусора не было. Бритт-Мари изучила содержимое помойных контейнеров на предмет нарушения сортировки, недовольно поджала губы, когда на глаза ей попало нечто заслуживающее отдельного обсуждения на встрече жильцов, и удалилась в сторону продуктового магазина, чтобы продолжить инспекцию тамошних товаров. Эльса прошмыгнула в подъезд и поднялась на два пролета вверх. Минут двадцать она стояла перед дверью с письмом в руках и тряслась от злости и ужаса. От злости на бабушку. И от ужаса перед Монстром. Вот с чего все началось.

Немного погодя Эльса бежала так, будто пятки касались раскаленного песка. И вот она с красной разодранной щекой сидит в маленьком кабинете и ждет маму. Эльса знает, что они будут допытываться, с чего все началось. Она ненавидит понедельники, вот с чего началось. С того, что сегодня понедельник.

Эльса крутила глобус, стоявший на столе у директора. Кажется, директору от этого было не по себе, и Эльса крутила глобус с удвоенным рвением.

— Эльса, может, хватит, — сказал директор, не прибавив в конце знака вопроса.

— Воздух общий, — ответила Эльса.

У директора аж ноздри раздулись от возмущения. Он показал на царапины на ее щеке.

— Ну что? Ты готова рассказать, с чего все началось?

Эльса не удостоила его ответом.

Все-таки бабушка ловко все придумала. В этом ей не откажешь. Конечно, Эльсу по-прежнему дико бесят эти идиотские поиски сокровищ, но как здорово она придумала оставить в письме слово «Миамас»! Потому что Эльса стояла у двери по меньшей мере сотню вечностей, пока не решилась нажать на звонок. А если бы бабушка не догадалась, что Эльса прочтет письмо, хотя чужие письма читать нельзя, и если бы она не написала «Миамас» обычными буквами, Эльса просто бросила бы письмо в почтовый ящик Монстра и убежала. Но она все-таки позвонила в дверь, чтобы потребовать у Монстра ответа на свои вопросы.

Потому что Миамас принадлежит только Эльсе и бабушке. И никому другому. При мысли о том, что бабушка брала с собой в Миамас какого-то дебильного уроды, Эльса приходила в такое бешенство, что никакие монстры ей были уже не страшны. Ну не то чтобы совсем не страшны, но бешенство слегка перевешивало.

В соседней квартире по-прежнему выл Друг, но, когда Эльса позвонила в дверь Монстра, ничего не случилось. Она позвонила еще раз, а потом постучала так, что деревянная дверь затрещала. В конце концов Эльса заглянула в щель для почты, но внутри было темно. Никаких признаков жизни. Единственное, что можно разобрать, — это едкий запах моющего средства — такого ядерного, что запах пробивался сквозь слизистые оболочки и разъедал глаза.

И хоть бы один монстр, пусть самый маленький!

Эльса сняла ранец и достала четыре пакета с «Даймом». Развернула

конфеты и через отверстие для почты скормила их Другу. На какое-то недолгое время существо замолчало. Эльса решила называть его «существом» до тех пор, пока не установит его биологическую принадлежность: что бы там ни говорила Бритт-Мари, Эльса была уверена: никакая это не собака. Таких больших собак не бывает.

— Перестань выть. А то Бритт-Мари вызовет полицию и они тебя убьют, — прошептала она в щель для почты.

Интересно, понимает ли существо ее слова? Оно молча поедало конфеты. Так делают все разумные существа, если им предлагают «Дайм».

— Если увидишь Монстра, передай, что у меня для него письмо, — сказала Эльса.

Существо ничего не ответило, однако из почтовой щели доносилось его теплое дыхание.

— Передай ему, что бабушка просит прощения, — прошептала Эльса.

Потом она убрала письмо в ранец, села в автобус и поехала в школу. В какой-то момент Эльсе показалось, что из окна автобуса она снова видит его. Того худощавого, который вчера отсвечивал возле похоронного бюро, пока мама разговаривала с женщиной-китом. На этот раз он стоял в тени возле дома на противоположной стороне улицы. Его лица не было видно за клубами табачного дыма, но какой-то животный, ледяной страх сжимал ей ребра.

Через мгновение мужчина исчез.

Поэтому она не смогла стать невидимой, когда подходила к школе. Делаться невидимкой — суперспособность, которую можно тренировать, и Эльса упражнялась в этом искусстве до одурения, но, если ты зол или напуган, суперспособность не действует. К школе она приближалась испуганная и злая. Она боялась мужчину, который появлялся ниоткуда и маячил в тени, и была зла на бабушку за то, что та отправляет письма монстру, и к тому же испытывала злость и страх перед ним самим: все нормальные мало-мальски воспитанные монстры живут в глубоких черных пещерах или на дне ледяных озер. Спрашивается, до какой степени монстру надо себя не уважать, чтобы жить в обычной квартире? К тому же приличные монстры почты не получают.

Кроме того, Эльса ненавидела понедельники, потому что ее преследователи за выходные успевали истосковать по крови. По понедельникам записки на Эльсином шкафчике были особенно жестокие. Возможно, из-за этого она тоже не смогла стать невидимкой. По понедельникам это особенно трудно.

Эльса снова потрогала глобус. Дверь у нее за спиной открылась, директор с явным облегчением встал со стула.

— Здравствуйте! Извините за опоздание, жуткие пробки! — запыхавшись, сказала мама, и Эльса почувствовала ее мягкие руки у себя на затылке.

Эльса не обернулась. Она затылком чувствовала мамин телефон, потому что та никогда не выпускала его из рук. Как будто мама киборг, а телефон — часть ее органической ткани.

Эльса крутила глобус еще усерднее. Директор сел на свое место и, подавшись вперед, попытался невзначай отодвинуть глобус подальше от Эльсы. Он с надеждой смотрел на маму.

— Понятно. Ну что, подождем Эльсиного отца?

Директор любил, чтобы на беседе с родителями присутствовали отцы, ему казалось, будто до них проще донести суть дела. Мама была от вопроса директора отнюдь не в восторге.

— К сожалению, Эльсин отец в отъезде, он вернется только завтра, — сдержанно ответила она.

Директор был явно разочарован.

— Да-да, конечно, все в порядке, дело не настолько серьезное. Ни в коем случае не хотел вас волновать, особенно учитывая ваше положение...

Директор кивнул на мамин живот. Маме пришлось приложить большие усилия, чтобы продолжать владеть собой и не спросить, что он хочет этим сказать. Директор прокашлялся и отодвинул глобус чуть дальше от протянутой к нему Эльсиной руки. Похоже, он собирался призвать маму подумать о ребенке. Обычно люди призывают маму подумать о ребенке, когда опасаются, что она вот-вот выйдет из себя. «Подумайте о ребенке», — говорят они, имея в виду Эльсу. Но в данный момент имелось в виду Полукто.

Эльса потянулась ногой к мусорной корзине и пихнула ее. Директор беседовал с мамой, но Эльса их не слушала. Где-то в глубине души она надеялась, что сейчас в кабинет, размахивая кулаками, как боксеры в старых фильмах, ворвется бабушка. В прошлый раз директор позвонил только маме и папе, но бабушка все равно пришла. Она не из тех, кому нужно особое приглашение.

В тот раз Эльса тоже крутила глобус в кабинете директора. Мальчик, который поставил ей фингал, сидел рядом со своими родителями. Повернувшись к Эльсиному папе, директор сказал: «Ну, вы сами понимаете, это типично для мальчиков...» После этого ему потребовалось довольно много времени, чтобы объяснить Эльсиной бабушке, что именно

в его представлении «типично для девочек», потому что бабушка просто так от него не отстала.

Директор пытался успокоить бабушку, призывая мальчика, поставившего фингал, осознать, что «девочек бьют только слабаки», но на бабушку это совсем не подействовало. «Слабак он не потому, что бил девчонку! — рычала она. — Он не такой идиот и прекрасно понимает, что бьет девчонку! Главное, что вообще бил, поэтому он идиот!» Тогда папа мальчика вышел из себя и стал орать на бабушку, что его сын не идиот, а бабушка в ответ пообещала, вернувшись домой, научить Эльсу «бить парней ногой по выключателю», а уж потом пусть сами подумают, «какого хрена им драться с девочками!». Тогда директор попросил всех немного успокоиться. И все ненадолго перестали орать. Но директор решил, что Эльса и мальчик должны пожать друг другу руки и попросить друг у друга прощения, и тогда бабушка вскочила со стула и завопила: «С какой стати Эльса должна просить у него прощения?!» Директор сказал, что Эльса должна взять часть вины на себя, потому что «спровоцировала» мальчика, отчасти его можно понять, ведь «ему было трудно сдержаться». В этот момент бабушка схватила глобус и замахнулась на директора, но в последнюю секунду мама успела схватить ее за руку, так что угол падения глобуса изменился и тот приземлился на компьютер и всего лишь разбил экран. «МЕНЯ СПРОВОЦИРОВАЛИ, И Я НЕ СДЕРЖАЛАСЬ!» — орала бабушка, когда мама выводила ее в коридор.

Когда бабушку провоцируют, с ней лучше не связываться. Иначе не поздоровится.

Поэтому Эльса всегда рвет записки, найденные в школьном шкафчике. Там написано, что она уродина. Противная. И что ее убьют. Эльса рвет записки на маленькие клочки, чтобы прочитать было невозможно, и кидает их понемногу в мусорные корзины по всей школе. Это акт милосердия по отношению к бабушке. И по отношению к тем, кто пишет эти записки. Потому что, если бабушка узнает, она их просто убьет.

Привстав, Эльса нагнулась вперед и толкнула глобус. Директор утратил дар речи. Эльса с довольным видом опустилась на стул.

— Господи, Эльса, что ты сделала со своей щекой?! — вскрикнула мама с восклицательным знаком в конце, когда увидела три царапины у нее на щеке.

Эльса молча пожала плечами. Мама перевела взгляд на директора. В глазах у нее загорелся недобрый огонь.

— Что у нее со щекой?

Директор поерзал на стуле.

— Э, так сказать... Давайте немного успокоимся. Подумайте, так сказать, о ребенке...

Говоря это, он кивнул не на Эльсу, а на маму. Эльса потянулась ногой к мусорной корзине и снова пнула ее. Вдохнув поглубже, мама закрыла глаза. Затем нагнулась и придвинула корзину ближе к письменному столу. Эльса обиженно посмотрела на нее, а затем сползла со стула так, что пришлось держаться за подлокотники, чтобы окончательно не упасть. Она вытянулась и почти — почти! — достала до корзины большим пальцем ноги. Мама вздохнула. Эльса вздохнула еще громче. Директор посмотрел сначала на них, потом на глобус. Придвинул его чуть ближе к себе.

— Послушайте... — начал он, вяло улыбаясь маме.

— У нашей семьи была очень тяжелая неделя, — извиняющимся голосом перебила его мама.

Как же Эльса это все ненавидит.

— Мы относимся к этому с полным пониманием, — сказал директор с совершенно непонимающим видом.

— Этого больше не повторится, — сказала мама.

Директор снова улыбнулся, нервно посматривая на глобус.

— К сожалению, у Эльсы это не первый конфликт за время обучения в нашей школе.

— И не последний, — добавила Эльса.

— Эльса! — одернула ее мама.

— Мама!!! — одернула ее Эльса, прибавив еще два восклицательных знака в конце.

Мама вздохнула. Эльса вздохнула еще громче. Директор прокашлялся и взял глобус обеими руками.

— Н-да, так сказать, мы обсудили эту проблему на совете школы, поговорили с классным руководителем и решили, что Эльсе пойдет на пользу общение с психологом. Она научится выплескивать агрессию другими способами.

— С психологом? А это не чересчур? — засомневалась мама.

Директор протянул вперед руки, словно просил у мамы прощения, а может, чтобы сыграть на воображаемом тамбурине.

— Мы вовсе не считаем, что с Эльсой что-то не так! Во все нет! Огромное количество детей с особенными потребностями посещают психологов с большой пользой для себя. Здесь нет ничего постыдного!

Эльса наконец дотянулась до мусорной корзины и перевернула ее на пол.

— Сами идите к своему психологу, — сказала она директору.

— Эльса! — рявкнула мама.

— МАМА!!! — рявкнула Эльса еще громче.

На всякий случай директор переместил глобус на пол рядом с собой. Мама нагнулась к Эльсе, из последних сил владея собой и стараясь не кричать.

— Эльса, милая, если ты расскажешь мне и директору, с какими детьми ты все время ругаешься, мы поможем тебе решить конфликт, и больше это не повторится.

Эльса смотрела на нее, сжав губы в тонкую линию. Царапины на щеке прекратили кровоточить, но светились, как тонкие неоновые лампы. Как будто ей на лицо вот-вот приземлится крошечный космический корабль.

— У стукачей не бывает друзей, — сообщила она.

Мама смотрела на нее раскрыв рот.

— Черт... Господи... Эльса! Кто тебе такое сказал?

— Интернет, — ответила Эльса, сложив руки на груди.

— Эльса, будь добра... — начал директор с гримасой, которую следовало понимать как улыбку.

— Сами будьте добры, — ответила Эльса без тени улыбки.

Директор взглянул на маму:

— Мы, то есть школьный совет и я, полагаем, что иногда Эльса могла бы просто уйти, когда почувствует, что назревает конфликт...

Не дожидаясь маминого ответа, Эльса встала и взяла с пола ранец. Она знала, что мама не будет ее защищать.

— Можно идти?

Тогда директор велел ей подождать в коридоре. С явным облегчением Эльса вышла из кабинета, а мама осталась просить прощения. Как же все это осточертело!

Она сбежала, в том-то и дело. Но директору такое говорить незачем. И вообще никому, потому что без толку. Единственное, что важно, — попасть домой, чтобы этот понедельник поскорее закончился.

Был последний урок перед обедом, и учитель — светлая голова — задал на зимние каникулы подготовить доклад на тему «Мой любимый литературный герой». Надо будет нарядиться этим героем и рассказать о нем от первого лица. Все тянули руку и по очереди выбирали себе героя, и учитель сначала заносил героя в список, а потом давал записку с его именем ученику. Разумеется, Эльсе хотелось быть Гарри Поттером, но его уже выбрал кто-то другой. Поэтому, когда очередь дошла до нее, она

сказала: «Человек-паук». Мальчик, сидевший за ней, расстроился, потому что тоже хотел быть Человеком-пауком. И пошло-поехало.

— Ты не можешь быть Человеком-пауком! — крикнул мальчик.

— Извиняюсь, но я уже он! — ответила Эльса.

— Вот и извиняйся, — сказал мальчик.

— No problem! — фыркнула Эльса. Это было ее любимое английское выражение.

Тогда мальчик закричал, что Эльса не может быть Человеком-пауком, потому что «только мальчик может быть Человеком-пауком»! Тогда Эльса сказала, что он может быть девушкой Человека-паука.

Мальчишка толкнул Эльсу на батарею, а Эльса ударила его книгой.

И пусть скажет спасибо, никогда он не был так близок к литературе. Но тут прибежал учитель и стал их разнимать. Он сказал, что Человеком-пауком не будет никто, это герой фильма, а не литературный герой. Тогда Эльса вышла из себя чуть больше, чем это вообще возможно, и спросила учителя, слышал ли он об издательстве «Марвел». Оказалось, не слышал. «И эти люди работают в школе?» — воскликнула она в шоке. После уроков ей пришлось остаться для «разговора с учителем», хотя что это за разговор, когда говорит только один собеседник.

Эльса знает, она не такая, как все. Да-да, поэтому у нее нет друзей. Но ненавидят ее по другой причине, в школе много не таких, как все. В каждом классе как минимум два-три человека. Дело в том, что Эльса никогда не сдаётся. Вот за что ее ненавидят. Они понимают, что если не такие, как все, последуют ее примеру, то смогут устроить революцию. Поэтому остальные будут травить Эльсу до тех пор, пока она не даст задний ход. Пока не перестанет считать себя супергероем.

Парень со своими дружками поджидал ее за дверями. Суперспособность не сработала, потому что Эльса была зла. Тогда она натянула лямки ранца так, чтобы они обхватили ее, как маленькая коала, и бросилась бежать.

Бегала она хорошо. Все изгои прекрасно бегают. Один из мальчишек крикнул: «Хватайте ее!» — и за спиной раздался топот ног по заледеневшему асфальту. Послышалось их жадное дыхание. Она бежала так быстро, что коленки подскакивали до самых ребер.

Если бы не ранец, она бы успела перепрыгнуть забор и выбежать на улицу, тогда бы они ее не поймали. Но один из мальчишек схватил ее за ранец. Эльса могла бы выскользнуть и убежать, оставив его мальчишке.

Но в ранце лежало бабушкино письмо Монстру! Поэтому она

обернулась и стала драться.

Как обычно, она закрыла лицо, чтобы мама не расстраивалась из-за ссадин и синяков. Но про ранец тоже не следовало забывать. Выбора не было. «Если можешь, выбирай битву сама! Но если битва тебя уже выбрала, бей врага по выключателю!» — любила повторять бабушка. И Эльса воспользовалась ее советом. Она неплохо дерется, хотя ненавидит насилие. Пришлось научиться. Поэтому они всегда нападают стаей.

Прошла, по крайней мере, вечность десяти тысяч сказок, прежде чем мама вышла из кабинета директора. Они молча шли по опустевшему школьному двору. Эльса села на заднее сиденье маминой «КИА», прижав к себе ранец. Мама выглядела очень несчастной.

— Эльса, пожалуйста...

— Пф! Он сам начал! Он сказал, что девочка не может быть Человеком-пауком!

— Да, но почему обязательно надо драться?

— Потому!

— Эльса, ты уже не глупенькая малышка. Ты все время просишь меня обращаться с тобой как со взрослым человеком. Поэтому прекрати отвечать как ребенок. Почему ты дерешься?

Эльса ковыряла резиновую прокладку в двери.

— Надоело убегать.

Обернувшись, мама попыталась нежно погладить раненую щеку, но Эльса отодвинулась. Мама вздохнула.

— Я уже не знаю, что делать, — сказала мама со слезами в голосе.

— Вот и не делай ничего, — пробормотала Эльса.

Мама дала задний ход и выехала с парковки. В машине выросла такая прочная стена молчания, какую только мать и дочь способны между собой воздвигнуть.

— А к психологу нам и правда стоит сходить, — сказала наконец мама.

Эльса пожала плечами.

— Whatever.

Это ее второе любимое английское слово. Мама не спрашивает, откуда она его знает.

— Я... Эльса, милая, я понимаю, что... тебе тяжело из-за бабушки. Смерть — это всегда тяжело.

— Ничего ты не понимаешь! — перебила ее Эльса. Она натянула резиновую прокладку со всей силы и отпустила ее так, что она шлепнула по стеклу.

Мама нервно сглотнула.

— Мне тоже тяжело. Не забывай, что это моя мама, а не только твоя бабушка.

Вне себя от ярости Эльса повернулась к маме:

— Не надо врать. Ты ее ненавидела.

— Как ты можешь так говорить. Это же моя мать.

— Вы все время ругались! Ты только рада была, что она умерла!!!

Эльса сразу же пожалела о сказанном. Но было поздно. Бездонное молчание висело в воздухе, и Эльса ковыряла резинку до тех пор, пока та не поддалась. Мама это видела, но молчала. Они остановились на красный свет, мама закрыла глаза руками и покорно покачала головой.

— Я стараюсь, Эльса, если бы ты знала, как я стараюсь. Я знаю, что я плохая мать, я мало времени провожу дома, но я правда стараюсь...

Эльса молчала. Мама массировала виски.

— Давай все-таки сходим к психологу.

— Можешь сходить.

— Да. Наверное, мне не помешает.

— Это точно!

— Почему ты такая злая?

— Это ты злая!

— Милая, я очень скорблю по бабушке, но мы должны...

— Ты все врешь!

И тут случилось нечто из ряда вон выходящее. Мама, наконец, перестала владеть собой и заорала:

— НЕ ВРУ! ПОЙМИ ТЫ, В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЗАСРАНКА ЧЕРТОВА, ЧТО НЕ ТОЛЬКО ТЫ УМЕЕШЬ СТРАДАТЬ!

Мама и Эльса посмотрели друг другу в глаза. Мама прикрыла рот рукой.

— Эльса... милая... я...

Эльса помотала головой и одним рывком выдрала резиновую прокладку из двери. Она выиграла. Когда мама теряет контроль, Эльса всегда выигрывает.

— Давай успокоимся. Не стоит так кричать, — сказала она. И добавила, даже не глядя на маму: — Подумай о ребенке.

7. Кожа

Бабушку можно любить на протяжении долгих лет, даже не зная о ней ровным счетом ничего.

Впервые Эльса встретила Монстра во вторник. По вторникам в школе уже немного лучше, чем по понедельникам. Сегодня Эльса отделалась одним фингалом, а фингалы можно списывать на футбол.

Эльса сидела в папином «ауди». Так зовут папин автомобиль. С бабушкиным «рено» у него ничего общего. Обычно папа забирает Эльсу из школы каждую вторую пятницу, тогда она остается у них с Лизеттой и Лизеттинными детьми. В остальные дни ее забирала бабушка, а теперь это приходится делать маме. Но сегодня мама с Джорджем пошли к врачу, проверить, как там Полукто, поэтому, несмотря на вторник, за Эльсой приехал папа.

Бабушка всегда приходила вовремя и стояла у школьных ворот. Папа опоздал и ждал в своем «ауди» на парковке.

— Что у тебя с глазом? — неуверенно спросил он.

Сегодня утром папа вернулся из Испании, он был там с Лизеттой и ее детьми. Совсем не загорелый, потому что не умеет отдыхать.

— В футбол играли, — ответила Эльса.

С бабушкой отговорка про футбол не работала. Но папа — не бабушка. Он неуверенно кивнул и вежливо попросил Эльсу пристегнуть ремень. Он всегда так делает. Неуверенно кивает в ответ. Папа вообще человек неуверенный. Мама — перфекционист, а папа — педант, поэтому их брак развалился, к такому выводу пришла Эльса. Перфекционист и педант — очень разные люди. Когда мама с папой убрали в квартире, мама по минутам расписывала порядок уборки в «Экселе», а папа счищал известковый налет с кофеварки два с половиной часа. «Ну как можно жить с таким человеком?» — возмутилась мама. Учителя в школе все время

говорят, что Эльсина проблема — неумение сосредоточиться. Вот странно, думает Эльса, папина проблема как раз в том, что он, наоборот, сосредоточивается слишком сильно.

— Чем бы тебе сегодня хотелось заняться? — спросил папа, как-то неуверенно дотронувшись до руля.

И так всегда. Он спрашивает у Эльсы, чем бы хотелось заняться ей. Потому что сам очень редко чего-то хочет. А уж тем более по вторникам. Эльса остается у него по выходным раз в две недели, потому что с тех пор, как папа съехался с Лизеттой и ее детьми, он сказал, что для Эльсы у них в квартире «слишком шумно». Услышав об этом, бабушка позвонила папе и за минуту разговора раз десять назвала его полным придурком. Это был абсолютный рекорд, даже для бабушки. Повесив трубку, она обернулась к Эльсе и буквально выплюнула: «Лизетта! До чего идиотское имя, а?» Эльса знала, что бабушка ничего плохого в виду не имела, Лизетта всем нравилась, у нее была такая же суперспособность, как у Джорджа. Но бабушка, она такая, с ней можно в разведку пойти, за это Эльса ее очень любила. А потом они ели мороженое в «Баскин Роббинс». Эльсе их всех троих так не хватает.

Баскина, Роббинса и бабушки.

Забирая Эльсу из школы, папа всегда опаздывает. Бабушка не опаздывала никогда. Эльса старается запомнить слово «ирония», потому что оно очень подходит ко всей этой ситуации: папа никогда никуда не опаздывает, кроме школы, а бабушка опаздывала всегда и везде, за исключением школы. Наверное, потому, что знала: когда тебе почти восемь, мир полон преследователей.

Папа снова дотронулся до руля.

— Ну что, куда ты хочешь поехать?

Эльса немного удивилась. Папа спросил так, будто они действительно могут куда-то поехать. Он поерзал на сиденье.

— Я подумал, вдруг ты хочешь куда-то поехать... Эльса знала, что папа говорит так из вежливости.

Не любит он никуда ездить, не такой он человек. Эльса посмотрела на папу. Папа посмотрел на руль.

— Домой, наверное, куда же еще, — ответила она.

Папа кивнул, на лице его были написаны разочарование и облегчение одновременно, во всем мире только один папа на такое способен. Он отвез Эльсу домой. Папа никогда ни в чем не отказывает Эльсе, хотя иногда ей бы очень этого хотелось.

— «Ауди» — прекрасная марка, — сказала Эльса, после того как они полпути проехали молча.

Она погладила «ауди» по бардачку, как будто это была кошка. Новые машины обычно пахнут мягкой кожей, а этот запах очень не похож на запах старой потрескавшейся кожи, как пахнут диваны в бабушкиной квартире. Эльсе нравятся оба запаха, хотя кожа не нравится — лучше бы она оставалась на своих законных владельца, а не на обивке автомобильных сидений. Непростой это вопрос. Есть здесь некоторое лицемерие. Но Эльса над этим работает.

— Да, «ауди» своих денег стоит, — оживился папа.

Прошлый папин автомобиль тоже звали «ауди».

Папа ценит стабильность. Раз в году в продуктовом магазинчике рядом с домом папы и Лизетты полностью меняют дизайн. В такие моменты Эльсе приходится проводить с папой тест из рекламы по телевизору, чтобы исключить подозрение на инсульт.

Папа проводил ее от машины до подъезда. У дверей в темноте, словно маленький злобный домовый, наготове стояла Бритт-Мари. Эльса подумала, что это плохая примета: если встретишь Бритт-Мари, быть беде. «Эта старуха — как письмо из налоговой», — говорила бабушка. Похоже, папа был с ней согласен, Бритт-Мари — то небольшое, в чем они были абсолютно единодушны.

— Здравствуйте, — неуверенно сказал папа.

— Здравствуйте, — поздоровалась Эльса.

— Здравствуйте-здоровствуйте, — ответила Бритт-Мари, выплывая из темноты. Она дважды прерывисто вздохнула, словно затягивалась невидимой сигаретой.

Сделав над собой небольшое усилие, Бритт-Мари благожелательно улыбнулась. В руках у нее была газета с кроссвордами. Бритт-Мари обожает кроссворды, ведь там есть четкие правила. Буквы в клеточках написаны карандашом. Бабушка говорила, что Бритт-Мари из тех, кому потребуется выпить пару бокалов вина, прежде чем как следует распоясаться и заполнить кроссворд ручкой.

Бритт-Мари с раздражением взмахнула газетой перед носом у Эльсы.

— Не знаете, чье это? — спросила она, тыча пальцем в детскую коляску, пристегнутую к перилам рядом с доской объявлений.

Эльса видела коляску впервые. Странно, в их доме нет маленьких детей, разве что Полукто, но оно пока еще не родилось и передвигается вместе с мамой. Кажется, Бритт-Мари не готова была отнестись к ситуации

философски.

— В многоквартирных домах запрещено держать коляски на лестнице! Это пожароопасно! — возвестила она, вздев руки, так что газета с кроссвордами упала на пол, словно негодное для сражения оружие.

— Точно. Об этом написано в объявлении, — любезно согласилась Эльса, кивнув на аккуратное объявление, висевшее прямо над коляской: «Не ставить коляски. Пожароопасно».

— Вот и я о том же! — сказала Бритт-Мари, немного повысив голос. Но все же благожелательно.

— Не понимаю, — сказал папа так, как будто действительно не понимал.

— Я спрашиваю, не вы ли повесили это объявление? Вот что меня интересует! — сказала Бритт-Мари, шагнув сначала вперед, а потом назад, как бы подчеркивая этим серьезность своих слов.

— Разве с объявлением что-то не так? — спросила Эльса.

Прежде чем ответить на этот вопрос, Бритт-Мари дважды вздохнула:

— С объявлением все в порядке, все в полном порядке. Но в нашем кондоминиуме не принято развешивать объявления, не согласовав с другими жильцами!

— У нас не кондоминиум, — возразила Эльса.

— Но он у нас *будет*! — рявкнула Бритт-Мари, брызнув слюной на слове «будет».

Впрочем, она тотчас взяла себя в руки и снова благожелательно посмотрела на Эльсу:

— За информационное обеспечение у нас в правлении отвечаю я. Так вот, у нас не принято развешивать объявления, не поставив в известность ответственного за информацию!

Ее прервал внезапный собачий лай — такой громкий, что задрожали стекла в подъезде.

Бритт-Мари и папа вздрогнули от неожиданности. Эльса нервно поежилась. Вчера она слышала, как мама рассказывает Джорджу, что Бритт-Мари звонила в полицию и требовала усыпить Друга. Похоже, сейчас он услышал ее голос. Правильно бабушка говорила, что, услышав Бритт-Мари, Друг уже ни секунды не может сдержаться.

У Бритт-Мари сделались глаза в кучку, а ее натянутая благожелательная улыбка натянулась еще больше.

— Я уже проинформировала полицию насчет этой ужасной бойцовой собаки! — сообщила она папе.

Папа немного нервничал. Он всегда нервничает, когда речь идет об

ужасных бойцовых собаках. Эльса, кашлянув, попыталась сменить тему.

— Может, вас не было дома? — спросила она Бритт-Мари, кивая на объявление.

Кажется, сработало. По крайней мере, ненадолго. Бритт-Мари забыла свое возмущение по поводу бойцовой собаки. Теперь ее мишенью стало незаконно повешенное объявление. Главное в этом деле — всегда иметь под рукой подходящий объект для возмущения.

— Уж и отлучиться на минутку нельзя! Раз человека нет дома, значит, можно тайно развешивать объявления? Люди вы или гангстеры, в конце концов! — выпалила Бритт-Мари, а Эльса очередной раз не могла понять, вопрос это или просто размышления вслух.

Эльса снова кивнула. Наверное, стоит сказать Бритт-Мари, чтобы она повесила объявление о том, что, если кто-то захочет повесить объявление, пусть сначала спросит об этом соседей. Например, при помощи объявления. Вот это, думала Эльса, будет настоящая ирония. Но посмотрев на Бритт-Мари, Эльса поняла, что этого делать не стоит: вдруг она пойдет по квартирам собирать подписи в поддержку запрета детей?

Из квартиры сверху снова послышался лай. Бритт-Мари поджала губы.

— Звонила я в эту полицию, да! А толку ноль! Говорят, подождем до завтра, может, хозяин появится!

Папа молчал, и Бритт-Мари расценила это молчание как глубокий интерес к теме.

— Кент звонил в эту квартиру много раз, но, похоже, там никто не живет! Такое впечатление, что это чудовище проводит свои дни в одиночестве! Можете себе представить? — тараторила Бритт-Мари, призывая папу разделить ее возмущение.

Папа неуверенно улыбнулся. Потому что мысль о бойцовых собаках, живущих в одиночестве, вызывала у него неуверенность.

— Какая наглость! — кипятилась Бритт-Мари.

Эльса затаила дыхание. Но лай прекратился. Словно Другу наконец удалось овладеть собой.

Дверь у папы за спиной отворилась, и в подъезд вошла женщина в черной юбке. Ее каблуки гулко стучали об пол, она говорила в белый проводок, который вел к воткнутому в ухо наушнику.

— Здравствуйте, — поздоровалась Эльса, чтобы отвлечь Бритт-Мари от лая, который мог раздаться в любую минуту.

— Здравствуйте, — сказал папа, потому что он человек вежливый.

— Здравствуйте-здоровствуйте, — сказала Бритт-Мари таким тоном, будто перед ней был потенциальный расклейщик незаконных объявлений.

Женщина в черной юбке не ответила. Она заговорила в микрофон еще громче, недовольно глядя на всех троих, и ушла вверх по лестнице.

В подъезде воцарилась напряженная тишина. Папа не знал, как вести себя в таких случаях. Напряженная тишина для папы — это как криптонит для Супермена.

— Гельветика, — пробормотал он, прокашлявшись.

— Что? — спросила Бритт-Мари, поджав губы.

— Гельветика. Шрифт такой, — испуганно выдавил из себя папа, показывая на объявление.

Бритт-Мари посмотрела на объявление. Потом на папу.

— Неплохой... шрифт, — добавил папа.

Папа таким вещам придавал большое значение. Однажды, когда мама должна была пойти в школу на родительское собрание, папа в последний момент позвонил и сказал, что не сможет к ней присоединиться, потому что на работе непредвиденные дела. Тогда мама в наказание записала его художником-добровольцем, который должен нарисовать афиши для школьной ярмарки. Узнав об этом, папа испытал сильнейший прилив неуверенности в себе. Ему потребовалось три недели, чтобы решить, какой шрифт он будет использовать, а когда афиши наконец были готовы и папа принес их в школу, Эльсин учитель отказался их вешать, потому что ярмарка уже кончилась. Папа, кажется, так до конца и не понял, как связаны между собой эти два факта.

Примерно как сейчас Бритт-Мари не понимала, какое отношение шрифт Гельветика имеет к чему бы то ни было. Папа смотрел в пол и покашливал.

— У тебя есть... ключи? — спросил он Эльсу.

Эльса кивнула. Они обнялись на прощание. Папа с облегчением на лице закрыл за собой дверь в подъезд, а Эльса поспешила вверх по лестнице, пока Бритт-Мари не вздумалось продолжить разговор. Возле двери Друга она на секунду замешкалась и, оглянувшись, чтобы убедиться, что Бритт-Мари за ней не следит, открыла крышку отверстия для почты и прошептала: «Пожалуйста, не лай!» Эльса знала, что Друг ее понял. Главное, чтобы он воспринял это всерьез.

Последний лестничный пролет она преодолела бегом с ключами наготове, но пошла не к маме с Джорджем, а к бабушке. Она ворвалась в квартиру и запрыгнула в большой шкаф. В коридоре стояли коробки для переезда, на кухне — ведро. Но Эльса старалась об этом не думать. Ничего не получалось. Вокруг сгущалась темнота, никто не узнает, что она

плакала.

Шкаф был не простой, а волшебный. Обычно Эльса укладывалась на дно, дотрагиваясь пальцами ног до одной стены, а руками до другой. Сколько бы она ни росла, шкаф всегда был ей впору. Бабушка, разумеется, говорила, что это «чушь собачья, дурацкие фантазии, этот шкаф всегда был одинаковым». Но Эльса-то знает, она ведь его измеряла.

И вот Эльса легла на дно. Потрогала пальцами ног и рук противоположные стенки. Еще несколько месяцев, и ей не надо будет так тянуться. А через год она вообще здесь не поместится. Потому что шкаф потерял свою волшебную силу.

Эльса слышала приглушенные голоса Мод и Леннарта. Чувствовала запах кофе. Леннарт говорит «напиток для взрослых» — значит, Саманта тоже с ними. Эльса поняла это еще до того, как из гостиной послышался топот бишон фризе и похрапывание из-под журнального столика. Мод и Леннарт должны были убрать бабушкину квартиру и упаковать вещи. Мама попросила их помочь, за это Эльса ее ненавидит. За это она ненавидит их всех.

Вскоре до нее донесся голос Бритт-Мари. Она словно преследует Мод и Леннарта. Бритт-Мари очень зла. Хотелось бы ей знать, кто повесил на лестнице объявление, совсем совесть потеряли. И кто рядом с этим объявлением пристегнул к перилам коляску. Вот до чего люди дошли.

Хорошо хоть она про Друга больше не вспоминает.

Вот уже час как Эльса лежала в шкафу. К ней заполз мальчик с синдромом. В дверную щель Эльса видела, как его мама моет полы, а Мод осторожно ходит за ней и подбирает все, что упало в ходе уборки.

Слышала, как Бритт-Мари на лестнице пытается хоть единой живой душе втолковать, что коляска на лестнице представляет угрозу для жизни. Например, для жизни ребенка. Подумайте хотя бы о детях!

Леннарт поставил рядом со шкафом большую тарелку с мечтами. Открыв шкаф, Эльса взяла тарелку и снова закрыла дверцу. Они вместе с мальчиком ели печенье в полной тишине. Мальчик, как обычно, молчал. За это Эльса его и любит.

На кухне раздался голос Джорджа, приветливый и ободряющий. Кто хочет яичницу? Он мог бы приготовить на всех. Джорджа все любят, это его суперспособность. За это Эльса его ненавидит. Ничто так не раздражает, как человек, который в своей безупречной любезности не дает тебе повода назвать его придурком. Затем Эльса услышала мамин голос, на мгновение ей захотелось выбежать из шкафа и броситься к ней в объятия. Но она удержалась: пусть помучается. Эльса знала, что выиграла, но ей

хотелось, чтобы и мама это поняла. Пусть ей будет также больно, оттого что бабушка умерла.

Мальчик с синдромом заснул. Его мама осторожно открыла дверцу, заползла в шкаф и взяла мальчика на руки. Как будто почувствовала, что он заснул. Наверное, в этом ее суперспособность.

Немного погодя в шкаф заглянула Мод, она аккуратно собрала вещи, выпавшие из карманов мамы мальчика.

— Спасибо за печенье, — шепнула Эльса.

Мод погладила ее по щеке и сразу сделалась такая грустная из-за Эльсы, что Эльсе стало грустно из-за Мод.

Эльса лежала в шкафу до тех пор, пока не кончилась уборка и сбор коробок. Все разошлись по своим квартирам. Эльса знала, что мама с Джорджем сидят в коридоре и ждут ее, поэтому вышла на лестницу и уселась на широком подоконнике. Пусть мама подождет как следует.

Эльса сидела так, пока лампы не погасли. Потом раздался стук и вопль: «Выключи воду!» Ну да, это пьянчуга с первого этажа стучит рожком для обуви по перилам и орет, что нельзя мыться по ночам. Все как обычно, пьянчуга этот номер повторяет несколько раз в неделю.

Эльса не отвечала. Соседи не реагировали. Пьяницы устроены так же, как монстры: если на них не обращать внимания, они исчезают.

В разгар очередной пламенной речи о нецелесообразном расходовании воды послышался грохот: это пьянчугина задница треснулась о ступеньку, а лоб получил щелбана от рожка для обуви. Некоторое время продолжалась перепалка с негодным рожком, словно два приятеля не могли поделить деньги. Наконец стало тихо. И тут зазвучала песня. Единственная песня в репертуаре пьянчуги. Эльса сидела в темноте, обняв себя, и покачивалась, как будто это колыбельная для нее. Песня оборвалась шиканьем пьянчуги — не то на рожок, не то на самого себя, — и щелчком захлопнувшейся двери.

Эльса прикрыла глаза. Она изо всех сил старалась увидеть облаконя и поле на краю Просонья, но ничего не получалось. Теперь туда не попасть. Без бабушки вход закрыт. Открыв глаза, она смотрела на безутешные снежинки, которые прилипали к стеклу, будто мокрые варежки.

И тут впервые увидела Монстра.

На дворе стояла зимняя ночь, такая густая и темная, словно весь их район окатили из ведра черной краской. Выйдя из подъезда, Монстр миновал полукруг света, падавшего от фонаря возле двери, так быстро, что

Эльса крепко зажмурилась, чтобы проверить, не померещилось ли. Нет, теперь она была точно уверена. Одним прыжком она слетела с подоконника и помчалась вниз босиком, в одних колготках.

Эльса знала, что это он, хотя видела Монстра впервые. Таких огромных людей она никогда не встречала. Монстр пробирался по снегу, как зверь. Как сказочное чудовище. Эльса знала, что это дело опасное и к тому же довольно мутное, но все равно мчалась по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. А может быть, именно это давало ей силы. Споткнувшись на последнем пролете, Эльса покатила вниз и ударилась подбородком о дверную ручку. Боль отдавалась во всей голове, но Эльса все равно навалилась на дверь и, запыхавшись, пошла по снегу прямо в колготках.

— У меня для тебя письмо! — крикнула она в темноту.

В горле застрял ком. Только бы увидеть его. Только бы узнать, с кем бабушка делила Миамас, скрывая это от Эльсы.

Никакого ответа. Из мрака донесся легкий топот — какая мягкая поступь у этого великана. Шаги удалялись. По идее Эльса должна была быть перепугана насмерть, Монстр мог сделать с ней что угодно. Он мог прихлопнуть ее одним движением. Но Эльса была слишком зла, чтобы бояться.

— Бабушка просит прощения! — завопила она.

Вокруг не было ни души. Но и снег не хрустел. Наверное, Монстр остановился.

Не задумываясь, Эльса устремилась вперед — туда, где только что раздавались шаги. Она ощутила движение воздуха — это метнулись полы его куртки. Он побежал, Эльса, спотыкаясь в снегу, бросилась за ним и ухватила за штанину. Когда она упала навзничь прямо в снег, то увидела, как он стоит и смотрит на нее сверху вниз в свете последнего фонаря на улице. Слезы замерзли у нее на щеках.

Монстр был явно больше двух метров. Огромный как дерево. На лоб свисал толстый капюшон, черные волосы падали на плечи. Лица было почти не видно в густых, как шерсть, зарослях бороды, а из тени капюшона на глаз напознал ужасный шрам — будто кожа в этом месте расплавилась. Эльса почувствовала, как его взгляд проник в самую глубь ее существа и потек вместе с кровью по венам.

— Пусти!

Над Эльсой сгустился мрак.

— Бабушка просит прощения! — выдохнула Эльса, протягивая

конверт.

Монстр его не взял. Эльса отпустила штанину, опасаясь пинка. Но Монстр лишь слегка попятился. В следующий миг он издал рычание, напоминающее слова. Он словно бы обращался к самому себе:

— Прррочь, глупая девчонка...

Слова пульсировали в барабанных перепонках. С ними было что-то не так. Она понимала их, но слова застревали в слуховом проходе и свербели, словно не могли протиснуться дальше.

Монстр отвернулся — резко и злобно. И в следующий миг исчез. Как будто ушел в люк, открывшийся в темноте.

Лежа в снегу, Эльса ловила ртом воздух, а холод давил на грудь ледяной ногой. Она вскочила, разбежалась, скомкала конверт и кинула его в темноту вслед Монстру.

Трудно сказать, сколько вечностей пролетело, прежде чем Эльса услышала, как за спиной у нее открывается дверь в подъезд. Послышались мамины шаги, ее голос. Закрыв глаза, Эльса бросилась к ней в объятия.

— Что ты здесь делаешь? — в ужасе спросила мама.

Эльса молчала. Мама нежно взяла ее лицо в руки.

— Откуда у тебя синяк?

— Футбол, — прошептала Эльса.

— Ты врешь, — прошептала мама.

Эльса кивнула. Мама крепко держала ее. Эльса рыдала, уткнувшись ей в живот.

— Мне плохо без бабушки...

Мама села на корточки и прижалась лбом к ее лбу:

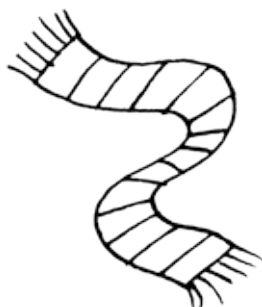
— Мне тоже.

Они не слышали, как в темноте к ним подошел Монстр. Не видели, как он подобрал скомканное письмо. Но в конце концов, крепко прижавшись к маме, Эльса поняла, что было не так со словами Монстра.

Он говорил на тайном языке, который знали только Эльса и бабушка.

Можно любить свою бабушку на протяжении долгих лет, не зная о ней ровным счетом ничего.

8. Резина

Сегодня среда. Эльсе снова пришлось бежать.

Почему — на этот раз ей было неизвестно. Возможно, потому, что на носу были рождественские каникулы, и ее преследователи, понимая, что теперь надолго останутся без жертвы, решили напоследок отвести душу. Наверняка Эльса не знала. Со светлыми головами не поймешь, какой у них провоцирующий фактор. Может, вообще никакого. Те, кого никогда не травили, всегда думают, что непременно должен быть повод. «Неужели к тебе пристают ни с того ни с сего? Наверняка ты их чем-то провоцируешь!» Но травля устроена иначе. И Эльсу изводят только потому, что она находится рядом в данный момент времени, вот и все. Сам факт ее существования и есть провокация, этого достаточно.

Тем, кого никогда не травили, это объяснять бесполезно. Все равно что объяснять светлым головам, которые думают, будто заячьи лапки приносят удачу, потому что если бы лапки действительно приносили удачу, то оставались бы у зайцев.

И незачем искать виноватых. Дело не в том, что папа сегодня немного опоздал, просто уроки закончились раньше. А быть невидимкой довольно сложно, если преследование начинается прямо в школе.

Поэтому Эльса побежала. Бегает она хорошо.

— Хватай ее! — закричала девчонка у нее за спиной.

Сегодня все началось с шарфа. По крайней мере, так поняла Эльса. Она уже разбирается, кто в школе и как ее травит. Одни пристают только к слабым. Другим нравится просто гоняться за жертвой, они даже не бьют ее, когда догонят, им достаточно страха в ее глазах. Есть и такие, как тот мальчишка, который дрался с Эльсой за то, чтобы быть Человеком-пауком:

этот изводит ее из принципа, не выносит, когда с ним спорят. Особенно не такие как все.

Другое дело эта девчонка. Ей как раз нужен повод, чтобы оправдать травлю. «Хочет почувствовать себя героем», — холодно и ясно рассуждала Эльса, подбегая к забору. Сердце колотилось, будто стенобитная машина, а горло горело, как в тот раз, когда бабушка приготовила смузи из перчика халапеньо.

Все-таки, пожалуй, дело в шарфе. Хотя что в нем такого, чтобы привести в ярость светлые головы, даже самых прозрачные? Но останавливаться и уточнять вряд ли имело смысл. Азарт за спиной нарастал, лед вибрировал под множеством резиновых подошв, топот приближался, они все ближе. Для травли нужен не только повод, но и компания. В одиночку этим заниматься не стоит — во всяком случае, у них в школе.

Эльса прыгнула через забор, ранец со всей дури ударился о затылок, и на несколько секунд у нее потемнело в глазах. Обеими руками она натянула ремни, так чтобы ранец как следует прилегал к спине, посмотрела влево, на парковку, где в любой момент могла показаться папина «ауди». Девчонка сзади заорала, точно разъяренный орк, — как кричат орки, Эльса знает, не зря мама настрого запретила бабушке показывать Эльсе «Властелина колец». Плохой знак. Тогда Эльса посмотрела направо: там был склон, а внизу большая улица. Мимо, словно армия кровожадных завоевателей, идущая на штурм вражеской крепости, грохотали грузовики, но в просветах между ними, на другой стороне улицы, мелькал вход в парк.

Торчковый парк — так его называют в школе, потому что в парке полно торчков, которые, вооружившись героиновыми шприцами, охотятся на детей. Эльса до смерти боится туда ходить, как и каждый нормальный почти восьмилетний ребенок, если он, конечно, не совсем уже засвеченная голова. Там всегда темень, тем более в такой зимний день, когда солнце, похоже, вообще не вставало.

До большой перемены Эльса справлялась как могла, но даже самые крутые невидимки не в состоянии быть невидимыми в столовой во время большой перемены. Та девчонка возникла перед ней будто из-под земли, Эльса вздрогнула и нечаянно плеснула салатной заправкой на шарф Гриффиндора. «Я кому говорила, хорош носить этот сраный шарфик!» — рывкнула девчонка. Эльса посмотрела на нее с недоумением, какого заслуживает человек, назвавший шарф Гриффиндора «сраным шарфиком». Примерно так посмотрели бы на человека, который, глядя на лошадь,

воскликнул бы: «Трактор!» Когда шарф впервые привлек внимание девчонки, Эльса подумала, что та просто-напросто из Слизерина. И только после того, как девчонка ударила ее по лицу, разорвала шарф и бросила в унитаз, Эльса поняла, что та вообще не читала «Гарри Поттера». Слышала, конечно, кто это, но книг не читала. Не знала даже таких элементарных вещей, как эмблема Гриффиндора. Эльса не сноб, совсем нет, но как вообще принимать такого человека всерьез? А?

Магл — вот она кто.

Так вот, когда девчонка возникла у нее перед носом в столовой, чтобы сорвать с Эльсы шарф, пришлось использовать более доступные аргументы: плеснуть ей в лицо стаканом молока и смыться.

По коридорам, на второй этаж, а оттуда на третий. Там, под лестницей, был закуток, где уборщицы хранили свой инвентарь. Эльса забралась туда и съежилась, обняв колени руками, изо всех сил стараясь сделаться невидимкой, а прямо над ней мчались по лестнице на четвертый этаж ее преследователи во главе с девчонкой. Остаток дня Эльса пряталась в классе.

Этого повода девчонке хватило. Эльса повелась на провокацию и напала первой, так что девчонка стала героем. Преследователи есть в каждой школе, и они всегда выбирают таких, как Эльса. Потому что их можно спровоцировать. Заставить плеснуть в тебя стаканом молока.

И тогда травля становится гораздо увлекательнее. Вот и весь повод, этого вполне достаточно.

Самый сложный отрезок пути — между классом и выходом из школы. Здесь невозможно стать невидимкой, даже если ты в этом деле виртуоз. Поэтому Эльса придумала свою стратегию.

Когда после звонка все вываливаются из класса, надо держаться поближе к учителю. Затем под шумок выскользнуть через дверь и бегом ко второй лестнице, которая не ведет к главному входу. Они, конечно же, знают ее маршрут, на той лестнице ее даже легче поймать. Но урок сегодня закончился немного раньше обычного, и Эльса прикинула, что этажом ниже уроки еще идут. Тогда у нее будет полминуты на то, чтобы спуститься по лестнице, перебежать по пустому коридору и получить таким образом небольшую фору, а ее преследователи тем временем будут остановлены толпами учеников, которые выбегут из классов чуть погодя.

И она оказалась права. Девчонка и остальные отставали метров на десять, но догнать ее не могли.

Бабушка рассказывала тысячи историй из Миамаса о войне и охоте, о том, как оторваться от погони, как обмануть теней и загнать их в ловушку,

как отвлечь их внимание. Как и все преследователи, тени имеют одну слабость: они сосредотачивают все свое внимание на жертве и при этом совсем не замечают, что происходит кругом. А жертва, наоборот, усиленно смотрит по сторонам в поисках отходных путей. Решающим преимуществом это не назовешь, но все же. Эльса это знает, она умеет отвлечь внимание.

Она запустила руку в карман джинсов и достала пригоршню монеток. У нее всегда с собой есть мелочь, хочешь жить — умей вертеться. Когда толпа в коридоре поредела, Эльса приблизилась к лестнице, ведущей к выходу, бросила монеты на пол и побежала дальше.

Странные они все-таки, эти люди, Эльса давно поняла. Ну хоть бы кто-нибудь не среагировал на звон монет о каменный пол! Нет, все непременно останавливаются и смотрят вниз.

Руки шарили в поисках монет, преследователи оказались временно обезврежены, а у Эльсы появилось еще несколько секунд форы, и она побежала.

Эльса слышала, как они карабкаются по забору. Удобные практичные ботинки для динамичной жизни скрежетали о стальную сетку-рабицу. Еще мгновение — и ее схватят. Эльса бросила взгляд налево, в сторону парковки: «ауди» еще не приехала. Потом направо, в серый хаос улицы и черную тишину парка. Снова налево. Наверное, это лучший вариант — если папа, конечно, хоть раз в жизни приедет вовремя. И снова направо — страх раздирает дыру где-то в желудке от одного вида парка, мелькавшего за ревущими грузовиками.

Эльса вспомнила бабушкины истории из Миамаса, о том, как один принц на коне спасся от целого сонма теней, загнавших его в самый темный лес Просонья. Тени — это самая мерзопакостная мерзость, когда-либо рожденная фантазией человека, но даже тени способны испытывать ужас, говорила бабушка. Даже эти подонки чего-то боятся. Ведь и у них есть фантазия.

«Иногда самое опасное место может стать надежным прибежищем», — сказала бабушка и поведала Эльсе историю о том, как принц на коне поскакал в самую чащу темного леса, а тени, шипя, остановились у опушки. Даже они не знали, что скрывается за деревьями, а ничего страшнее неизвестности нет. На месте неизвестности воображение рисует свои картины. «Перед лицом страха у фантазии власти больше, чем у реальности», — говорила бабушка.

И Эльса побежала направо. В нос ударил запах паленой резины — это

тормозили шины об лед. В «рено» этот запах стоял почти всегда. Под вой клаксонов она лавировала между грузовиками и слышала, как преследователи вопят за спиной. Едва ступив на тротуар, она почувствовала, как самый ловкий первым схватил ее за ранец. Парк уже совсем близко, осталось протянуть руку навстречу темноте. Но было поздно. Падая в снег, Эльса успела подумать о том, что пинки и удары посыплются быстрее, чем она закроет лицо руками. Она поджала колени к груди и, зажмурившись, спрятала лицо, чтобы не слишком расстроить маму.

Эльса ждала глухих ударов в затылок. На самом деле это не больно, по-настоящему начинает болеть только на следующий день. Боль в момент удара совсем другая.

Эльса ждала, но ничего не происходило.

Она ждала, затаив дыхание.

Тишина.

Эльса открыла глаза и услышала оглушительный грохот. Они орали. Убегали. И тут раздался голос Монстра. Будто рев доисторического зверя.
— НЕ СМЕТЬ. ЕЕ. ТРОГАТЬ. НИ-КО-ГДА!

Слова отдавались эхом.

Бились в барабанные перепонки. Монстр прорычал это на самом обычном языке, а не на тайном языке Эльсы и бабушки. Но слова все равно звучали странно. Как будто ударение падало и спотыкалось на каждом слоге. Как будто до этого он молчал целую вечность.

Эльса подняла глаза. Сердце колотилось как сумасшедшее, дух перехватило, а Монстр буравил ее взглядом из-под капюшона. Нижняя часть лица утонула в бороде, не имевшей конца и края. Грудь его ходила ходуном от бешеного дыхания. Эльса машинально присела, будто он вот-вот схватит ее своей огромной ручищей и бросит под колеса грузовика. Прихлопнет, как великан мышь. Но Монстр лишь стоял и, тяжело дыша, смотрел на нее с каким-то злобным отчаянием. Наконец он с трудом поднял тяжелую, как кувалда, руку и показал на школу.

Обернувшись, Эльса увидела, как девчонка, не читавшая «Гарри Поттера», и ее товарищи разлетаются в разные стороны, будто клочки бумаги, брошенные с балкона. Они мчались так, словно за ними гонятся тени.

Где-то вдалеке на парковку въехала «ауди». Наконец Эльса вздохнула, и впервые за долгое время воздух ворвался в легкие.

А Монстр исчез.

9. Мыло

В настоящей жизни есть тысячи сказок, о происхождении которых не знает ни одна светлая голова. А все потому, что каждая вторая сказка попала к нам из Просонья. Только там никто этим не кичится и не ждет почестей, а честно продолжает делать свое дело. Самые интересные сказки Просонья родом из Миамаса.

Конечно, сказки время от времени производятся во всех шести королевствах, но ни одна из них не сравнится с теми, что сочиняют в Миамасе. Миамасские сказки — товар штучный, это вам не конвейер на фабрике, и хотя производство сказок в Миамасе работает в круглосуточном режиме, на экспорт идет только самый лучший товар. Большинство сказок, однажды прозвучав, падают штабелями на землю, и лишь самые восхитительные взлетают, едва сорвавшись с языка, и не спеша кружат над головами слушателей, словно светящиеся небесные фонарики, а когда приходит ночь, их забирают энфанты, крошечные существа в невероятно изящных шляпках. Энфанты прилетают верхом на облаках. А шляпки — если уж быть совсем точным — верхом на энфантах. Энфанты собирают сказки большими золотыми сачками, а потом облакони поворачиваются и летят в небо так быстро, что ветер с трудом поспевает за ними. Если ветер летит недостаточно быстро, облакони погоняют его: «А ну живее, жалкий ветришка!» И тогда у них вырастают руки, чтобы этими руками задать ветру хорошую трепку.

А где-то высоко, на вершине самой высокой горы Просонья, горы Сказочников, энфанты опрокидывают сачки и сказки разлетаются в разные стороны. Так попадают в реальный мир все сказки, о происхождении которых не догадывается ни одна светлая голова.

Когда Эльсина бабушка только начинала рассказывать миамасские сказки, они походили на бессвязный бред сумасшедшего. Прошло много лет, прежде чем Эльса увидела связь. Так устроены все хорошие сказки.

Бабушка рассказывала о скорбном проклятии морского ангела. О

братьях-принцах, которые затеяли друг с другом войну, потому что оба были влюблены в принцессу Миплориса. О принцессе, сражавшейся с ведьмой, которая похитила у нее самое ценное сокровище во всем Просонье, о воинах Мибаталоса и танцорах Мимоваса, об охотниках за мечтами из Миреваса. О том, как все они постоянно ругались и дрались друг с другом до того дня, когда Избранный прогнал теней, пытавшихся его похитить. О том, как облаконь принес Избранного на своей спине в Миамас, и все его обитатели наконец перестали драться и поняли, что есть нечто более важное. И вот, когда тени собрали свою армию и пришли, чтобы силой забрать Избранного, все выступили против них единым фронтом. И даже когда им казалось, что Бесконечной войне не придет конец, пока все не будет разрушено, даже когда королевство воинов Мибаталос пало и сровнялось с землей, другие королевства не сдались. Они знали, что, если тени заберут Избранного, погибнет вся музыка, а потом и вся фантазия в Просонье, и тогда не останется ничего необычного. А из обычного какие сказки? «Мир меняют не такие, как все, — говорила бабушка. — Обычным людям тут ничего не изменить и на гулькин фиг».

И рассказывала о ворсах. Эльса должна была понять это в самом начале. Только так, и никак иначе.

Папа выключил радио, прежде чем она успела запрыгнуть в «ауди». Ну и хорошо, ведь папа всегда так болезненно морщится, когда Эльса говорит ему, что он слушает худшую в мире музыку. Но, когда сидишь в «ауди» и слушаешь худшую в мире музыку, очень трудно бывает удержаться и не сказать об этом.

— Пристегнись, — сказал папа.

Эльсино сердце все еще колотилось в ритме шарика для настольного тенниса.

— Привет, куритель сигарет! — прокричала она папе.

Так она всегда здоровалась с бабушкой, когда та забирала ее из школы. А бабушка кричала в ответ: «Привет от старых штиблет!» И жизнь постепенно налаживалась. Ты, конечно, можешь по-прежнему дрожать от страха, когда тебе кричат: «Привет от старых штиблет!» — но для этого нужно изрядно сосредоточиться.

Папа в ответ лишь неуверенно опустил глаза. Вздохнув, Эльса пристегнула ремень, стараясь думать о том, чего она не боится. Похоже, у папы усилился приступ неуверенности.

— Послушай, мама с Джорджем снова в больнице...

— Знаю, — сказала Эльса. Но от этого страх только усилился.

Папа кивнул. Эльса небрежно швырнула ранец на заднее сиденье. Папа обернулся и поправил ранец, чтобы он лежал аккуратно. Папе важно, чтобы все было аккуратно. Это не навязчивая идея и не obsессия — Эльса уже посмотрела в «Википедии», что это значит. Просто папа любит порядок. Когда мама и папа еще были женаты и жили вместе, папа вскакивал среди ночи и тайком шел к маминому компьютеру. Ему не спалось, потому что иконки на рабочем столе были свалены в кучу. У папы был «Мак», а у мамы «Пи-Си», и однажды, когда маме пришлось воспользоваться папиным компьютером, а тот ее не слушался, мама потеряла самообладание и заорала: «Ненавижу ваш проклятый „Эппл“!» Папа так расстроился, что чуть не заплакал. Уже тогда можно было догадаться, что их брак совершенно бесперспективен.

Папа положил руки на руль с логотипом «ауди». К сожалению, рулей с логотипом «Эппл» не существует.

— Что будем делать? — спросил он. В голосе его слышалось беспокойство.

Эльса пожала плечами.

— Мы могли бы заняться чем-нибудь... классным, — неуверенно предложил он.

Эльса знала, что папа спросил из вежливости. Его мучает совесть, потому что встречаются они очень редко. Ему жалко Эльсу, потому что у нее умерла бабушка. Эти среды свалились на него так неожиданно. Иначе папа ни за что бы не предложил заняться чем-нибудь классным, папа совсем не по этой части. Все классное внушает ему колоссальное беспокойство. Однажды, когда Эльса была маленькой, они всей семьей ездили на море. Им было так классно, что папе пришлось принять два «нурофена». Весь вечер он провел лежа в кровати. Мама сказала, что папе было слишком классно. Эльса пошутила, что папа передознулся весельем, и мама долго смеялась.

Самое странное, что мама сама становилась классной только с папой. Мама, она как противоположный полюс в батарее. При бабушке она всегда стремилась к ясности и порядку, а при папе — к хаосу и беспорядку. Однажды, когда Эльса была маленькой, мама говорила с папой по телефону, а Эльса повторяла: «Это папа? Да, это папа? Дай мне папу! Где папа?» В конце концов мама горестно воскликнула: «Папа на небесах! С ним говорить нельзя!» Эльса замолчала и вытаращила глаза. «Господи, Эльса, я просто пошутила. Папа в магазине», — усмехнулась мама.

Усмехнулась — прямо как бабушка.

На другое утро Эльса пришла на кухню в слезах. Мама пила кофе с безлактозным молоком. Когда она спросила, почему у Эльсы такой несчастный вид, та ответила, что ей приснилось, будто папа на небесах. Маму накрыло чувством вины, она обняла Эльсу крепко-крепко-крепко и много раз попросила прощения.

Эльса выждала минут десять, а потом усмехнулась и сказала: «Господи, мама, я просто пошутила. Мне приснилось, что папа в магазине».

После этого они с мамой часто подшучивали над папой и расспрашивали его про жизнь на небесах. «Ну как там, холодно? А летать можно? А Бога ты там встречал?» — интересовалась мама. «А на небе есть сырорезки?» — спрашивала Эльса. И они хохотали так, что падали со стульев. В такие моменты папа чувствовал себя весьма неуверенно. Эх, здорово тогда было. Когда папа гостил на небесах.

— Судя по всему, бабушка теперь на небесах? — сказала Эльса папе и усмехнулась, ведь это шутка, папа должен был засмеяться.

Но папа не смеялся. Он смотрел так, что Эльсе стало стыдно за свои слова.

— Ладно, проехали, — тихо сказала она, ковыряя бардачок. И поспешно добавила: — Мне ничего не надо. Едем домой.

Папа с облегчением кивнул: он был и рад, и разочарован.

Еще издалека они увидели, что рядом с домом стоит полицейский автомобиль. Эльса распахнула дверцу машины и услышала лай. В подъезде столпился народ. Из запертой квартиры доносился разъяренный вой Друга, от которого стены дома сотрясались в самом непереносном смысле: да-да, Эльса уже гуглила «переносный смысл» и читала про метафору в «Википедии».

— У тебя есть... ключ? — спросил папа.

Эльса кивнула и быстро обняла его на прощание. Полный подъезд народа внушает папе чувство неуверенности. Он сел в «ауди», а Эльса пошла домой.

Помимо оглушительного лая она услышала кое-что еще. Голоса. Низкие, суровые и недобрые. У них была полицейская форма, они ошивались возле квартиры мальчика с синдромом. Посматривали на дверь Друга, но подходить слишком близко не решались: размазались по противоположной стенке, как пятна по новой рубашке, которую стенкина мама строго-настрого запретила пачкать.

Женщина в полицейской форме оглянулась, и Эльса поймала взгляд зеленых глаз. Та самая женщина, которая встретила их в участке ночью, когда бабушка кидалась дерьмом. Зеленоглазая кивнула Эльсе, вид у нее был несчастный. Как будто она боялась, что Эльса начнет перед ней извиняться.

Но вместо того чтобы кивнуть в ответ, Эльса протиснулась сквозь толпу и пошла дальше.

Какой-то полицейский говорил по телефону, Эльса слышала слова «охотник» и «умертвить». Бритт-Мари стояла посреди лестничного пролета — на достаточном расстоянии, чтобы давать советы полиции, но вовремя смыться, в случае если это чудовище вырвется из квартиры. Бритт-Мари благожелательно улыбнулась Эльсе. Уродка!

Эльса была уже у дверей своей квартиры на верхнем этаже, а Друг все лаял как сумасшедший, как будто бушевал ураган из десяти тысяч сказок. Сквозь проем между лестницами Эльса видела, как полицейские пятятся назад.

Все было ясно с самого начала. Как она могла не понять?

В Миамасских горах и лесах есть расчудесное множество всяких чудес, но ни об одном из них бабушка не отзывалась с таким уважением, как о племени под названием ворсы.

Ворсы — из тех, кого все когда-нибудь видели, да никто толком не замечал. Огромные, как медведи, проворные, как африканские лисы, стремительные в броске, как кобры. Силой ворсы превосходили быков, выносливостью — диких жеребцов, пасти у них были страшнее, чем у тигров. Шерсть у ворсов черная и блестящая, мягкая, будто летний ветерок, но кожа под ней твердая, как панцирь. В древних сказаниях говорится, что ворсы бессмертны. А сказания эти древнее самой древней вечности — в те времена ворсы еще жили в Миплорисе и служили дворцовыми стражами у королевской семьи.

Но однажды принцесса Миплориса выгнала их из Просонья, и бабушка говорила об этом с такой горечью и чувством вины, что в паузах между словами будто звучала скорбная песня. Еще ребенком принцесса захотела поиграть со щенком ворса. Она дернула его за хвост, и тот спросонья укусил принцессу за руку. Конечно, народ понимал, что больше всех виноваты родители принцессы, которые вовремя не научили ее никогда, никогда, никогда не будить спящего ворса. Но принцесса так напугалась, а ее родители так рассердились, что не смогли бы жить дальше, если бы не переложили вину на других. Королевский двор решил навсегда

изгнать ворсов из Миплориса. Они позволили свирепым алчным троллям гнать их до самых границ ядовитыми стрелами и огнем. Разумеется, ворсы могли бы дать отпор, и тогда даже объединенная армия всего Просонья не решилась бы с ними сразиться, такими страшными они были в бою.

Но ворсы не стали сопротивляться, лишь повернулись и убежали. Они скрылись где-то высоко в горах, и все думали, что больше их никогда не увидят. Бежали они до тех пор, пока в шести королевствах не родились и выросли дети, никогда не выдавшие настоящего ворса. Бежали так долго, что наконец превратились в легенды.

И только когда началась Бесконечная война, принцесса поняла, какую страшную ошибку она совершила. Уничтожив всех воинов королевства Мибаталос и сровняв его с землей, тени с новыми силами двинулись дальше по Просонью. И когда вся надежда, казалось, была потеряна, тогда из крепостных стен на белом коне выехала принцесса и умчалась, как вихрь, высоко в горы. Там, после нескончаемых поисков, в результате которых погиб от усталости ее конь и едва не сгинула она сама, ее обнаружили ворсы.

Когда тени услышали грохот и почувствовали, как трясется земля, было уже слишком поздно. Принцесса ехала впереди на огромном ворсе. В тот самый момент Волчье Сердце вернулся из леса. Может быть, потому, что королевство Миамас было на грани гибели и нуждалось в нем как никогда. «А может... — шептала бабушка Эльсе на ухо, когда они по ночам мчались на облаконе. — А может, потому, что, признав свою ошибку, принцесса доказала: каждое королевство достойно спасения».

В тот день Бесконечная война закончилась. Теней оттеснили обратно к морю. А Волчье Сердце снова ушел в леса. Но ворсы остались, они и по сей день служат личными телохранителями принцессы Миплориса, охраняя ворота, ведущие в ее покои.

Друг захлебывался от лая. Бабушка говорила, будто он лает, чтобы немного развлечься. Эльса не вполне понимала подобные развлечения. Бабушка сказала, что Другу необязательно жить вместе с кем-то, вот она, например, тоже ни с кем не живет, а Эльса тогда удивилась, как можно сравнивать бабушку с какой-то собакой. А теперь поняла, почему бабушка в ответ закатила глаза. Все было ясно с самого начала. Как можно было не понять?

Друг — не собака.

Полицейский возился со связкой ключей. Дверь в подъезд открылась, и в промежутках между лаем стало слышно, как мальчик с синдромом прыжками передвигается вверх по лестнице. Он всегда так делает. Идет по

жизни танцуя.

Полицейские поскорее загнали мальчика с мамой к ним в квартиру. Бритт-Мари победоносно вышагивала взад-вперед по лестничной площадке. Эльса с ненавистью наблюдала за ней сквозь решетку перил.

На краткий миг Друг замолк, словно отступил, чтобы собрать силы для решающего сражения. Полицейский, позвякивая ключами, сказал, что они «готовы отразить нападение». Теперь, когда лай прекратился, он говорил поувереннее.

Было слышно, как открылась другая дверь и Леннарт вежливо спросил, что происходит. Полицейские объяснили, что они здесь для того, чтобы «обезвредить бойцовую собаку». Леннарт встревожился и замямлил, явно не находя слов. И наконец произнес свою коронную фразу: «Кто хочет кофе? Мод как раз поставила кофеварку».

Бритт-Мари не дала ему договорить: полицейским сейчас не до кофе, есть дела поважнее. Полицейские явно были разочарованы. Леннарт немного помедлил на лестнице, взвешивая все «за» и «против», но вспомнил, что его собственный кофе за это время может остыть, и этот аргумент перевесил все остальные. Леннарт закрыл за собой дверь.

Друг несколько раз отрывисто тьякнул, как будто проверял микрофон. А затем раздался лай такой пронзительный, будто в ушах грохочет тысяча вечностей. Когда он наконец смолк, Эльса услышала звук чудовищного удара. Затем еще один. И еще. И только на четвертый раз она поняла: это Друг разбежался и со всей дури бросился на дверь изнутри.

Полицейские хотели проникнуть в квартиру. Друг рвался наружу. Будь здесь бабушка, она закурила бы сигарету, а потом, закатив глаза, иронично сказала бы: «Н-да, похоже, кому-то не поздоровится!» Хотя бабушка никогда не могла понять, что такое ирония.

Полицейский снова кому-то позвонил. До Эльсы долетали слова «огромный» и «агрессивный». Сквозь перила она видела, как полицейские, стоявшие в паре метров от двери, с каждым новым и более мощным ударом постепенно теряли уверенность в себе. В поле зрения появилось еще двое полицейских. Один из них держал овчарку на поводке. Судя по ее морде, идеи проникнуть в квартиру овчарка не одобряла. Она смотрела на полицейского так, как Эльса смотрела на бабушку, когда та пыталась менять проводку в маминой микроволновке.

— Позовите охотника, — тяжело вздыхая, сказала зеленоглазая женщина-полицейский.

— Я же вам говорила! Я говорила! — взвизгнула Бритт-Мари.

Зеленые глаза молчали. Они посмотрели на Бритт-Мари так, что она

замолкла.

Друг издал последний, оглушительный рык. На лестнице раздался какой-то шум, немного погодя стало слышно, как хлопает дверь в подъезд. Похоже, полицейские решили держаться подальше от того, кто скрывался за дверью злополучной квартиры, пока не прибудет охотник. Они вышли на улицу. На лице у каждого из полицейских крупными буквами было написано: «Ну все, я хочу кофе!» На лбу у овчарки крупными буквами было написано: «Хочу на досрочную пенсию!»

Вдруг стало так тихо, что было слышно, как в лестничном колодце эхом отдаются одинокие шаги Бритт-Мари, семенящей взад-вперед где-то внизу.

— Вот ссскотина! — прошипела Бритт-Мари. Через секунду хлопнула дверь.

Эльса стояла на площадке в мучительной рефлексии. Рефлексия — слово из словарной копилки. Через окно она видела полицейских. Того, что произошло в следующий миг, Эльса и сама бы не смогла объяснить. Но разве рыцари королевства Миамас оставили бы в беде бабушкиного друга, даже не попытавшись его спасти? Эльса быстро прокралась вниз по лестнице. На цыпочках пробежала мимо двери Бритт-Мари и Кента. На каждом этаже она останавливалась, прислушиваясь, не хлопнула ли дверь внизу.

Наконец Эльса подошла к двери Друга и приподняла крышку над отверстием для почты. Внутри темнота, но совсем близко она чувствовала хриловатое дыхание Друга.

— Эт-то... я, — заикаясь сказала Эльса.

Она не знала, как подступиться к подобного рода беседе. А Друг молчал. Но, по крайней мере, не бросался больше на дверь изнутри. Это уже можно считать успешным началом переговоров.

— Это я. Помнишь, я тебе «Дайм» приносила?

Друг не отвечал. Но, кажется, дышал немного спокойнее. И тут слова посыпались из Эльсы сами собой.

— Понимаешь... звучит, конечно, нереально дико, но... я уверена, что бабушка бы тебе посоветовала отсюда убраться. Не знаю, есть ли у тебя там черный ход или что-то в этом роде. Иначе они тебя просто убьют! Это полная дичь, что ты живешь один в собственной квартире... если ты понимаешь, о чем я...

И только когда все слова были сказаны, Эльса осознала, что говорит на тайном языке. Это была проверка. «Если Друг просто собака, — думала

Эльса, — он все равно ничего не понял. Но если он все понял, то он явно кое-кто другой». Гигантская лапа, величиной с автомобильную шину, царапнула дверь изнутри.

— Надеюсь, ты меня понял, — шепнула Эльса на тайном языке.

Она не слышала, как у нее за спиной открылась дверь. Она лишь видела в почтовую щель, что Друг попятился назад. Словно хотел хорошенько разбежаться.

Эльса не видела, но чувствовала, что сзади кто-то стоит. Так чувствуют приближение призрака. Или...

— Осторожно! — прорычал чей-то голос.

Эльса отпрыгнула к стене, пропуская Монстра, который бесшумно неся к двери с ключом в руках. В следующий миг она оказалась между Монстром и Другом. Самым мегаогромным ворсом и самым мегаогромным монстром, каких Эльса когда-либо видела. Ее легкие будто сдавили тисками. Она хотела закричать, но не могла.

Потом все произошло очень быстро. Внизу открылась дверь в подъезд. Полицейские переговаривались между собой. Звучал незнакомый голос — наверное, это охотник. Эльса чувствовала, что руки и ноги ее не слушаются, кажется, она попала в эпицентр магического вихря, что при данных обстоятельствах выглядело вполне правдоподобно, во всяком случае, не менее правдоподобно, чем появление ворса среди бела дня. Дверь у нее за спиной закрылась. Вот она и очутилась в гостях у Монстра.

Пахло мылом.

10. Гель

Полицейские орудовали ломом, деревянная дверь громко трещала под их напором.

Эльса стоя наблюдала за ними в глазок из квартиры Монстра. Стоять-то она стояла, только вот не на полу, потому что ворс уселся на полочке, прижав ее к двери своей гигантской задницей. Вид у него был раздосадованный. Нет, не злой, а именно раздосадованный. Как будто ему в стакан с газировкой попала оса.

Эльса осторожно перекрутилась спиной к двери и прошептала на тайном языке:

— Миленький, только не лай, хорошо? Иначе придет Бритт-Мари с полицейскими и дальше сам знаешь что...

Кажется, она больше переживала из-за полицейских, чем те двое, которые находились сейчас рядом с ней. И хоть ты тресни, пусть это противоречит здравому смыслу, но в этой ситуации Эльса больше доверяла друзьям бабушки, а не друзьям Бритт-Мари.

Ворс повернул к ней свою огромную, как электродуховка, башку и окинул ее весьма прохладным взглядом.

— Они убьют тебя! — прошептала Эльса.

Ворс был отнюдь не уверен, что проблемы будут именно у него, если Эльса откроет дверь и выпустит его к полицейским, — так можно было истолковать его взгляд. Тем не менее он немного отодвинулся, так что Эльса наконец смогла встать на пол. Ворс молчал. Судя по его физиономии, молчал он только ради Эльсы.

Полицейские доламывали дверь. Прозвучала команда «Готовность номер один!».

Эльса осмотрела прихожую и гостиную. Квартирка была крошечная, но такой чистоты Эльса отродясь не видала. Мебели почти не было, но вся немногочисленная обстановка расставлена строго перпендикулярно стенам. Такое впечатление, что упади на стул пылинка, он совершит харакири.

Эльса знает, что это, год назад у нее был самурайский период.

Монстр ушел в ванную. Долгое время оттуда доносился звук льющейся воды, потом Монстр вернулся. Он тщательно вытер руки маленьким белым полотенцем, которое затем аккуратно сложил и кинул в корзину со стиркой. Ему пришлось пригнуть голову, чтобы не задеть притолоку. Эльса чувствовала себя, как Одиссей в пещере великана Полифема, — она как раз недавно о нем читала. Не считая, конечно, того, что Полифем не мыл руки так тщательно, как это делает Монстр. И разумеется, Эльса не такая самодовольная воображала, как этот Одиссей из книжки.

Тут и говорить не о чем. Но в остальном — Одиссей конкретно.

Монстр посмотрел ей в глаза. Нет, он не был зол. Скорее растерян. Почти смущен. Наверное, поэтому у Эльсы просто слетело с языка:

— Почему бабушка написала тебе письмо?

Эльса произнесла вопрос на обычном языке. По какой-то необъяснимой причине говорить на секретном языке она с ним не хотела. Брови под кипой свисающих на лоб черных волос поползли вниз, так что выражения глаз не рассмотреть, а остальную часть лица прикрывали шрам и борода. Монстр ходил по дому босиком, но на ногах у него были голубые бахилы, какие обычно дают в поликлинике. Его сапожищи аккуратно стояли возле порога, точно у края половика. Монстр протянул Эльсе такие же голубые бахилы, но отдернул руку, едва она успела к ним прикоснуться, словно боялся, что Эльса до него дотронется. Нагнувшись, Эльса натянула бахилы на ботинки с налипшей грязью. Она заметила, что успела немного наследить на половике, а на паркете осталось два отпечатка от растаявшего снега с ее подошвы.

С неожиданным проворством Монстр нагнулся и вытер лужицы маленьким белым полотенцем. Затем побрызгал на пол вокруг этого места из маленького флакона с моющим средством, от которого у Эльсы защипало глаза, а затем снова протер все это уже новым маленьким белым полотенцем. Поднявшись, Монстр аккуратно положил сложенные полотенца в корзину со стиркой, а флакончик с моющим средством поставил на полку строго перпендикулярно стене.

Он долго смотрел на ворса озабоченным взглядом. Ворс улегся на пол, заполнив собой всю прихожую.

Казалось, у Монстра сейчас случится гипервентиляция легких. Он пошел в ванную и вернулся оттуда со стопкой маленьких белых полотенец, которые заботливо разложил вокруг ворса, педантично следя за тем, чтобы ни разу к нему не прикоснуться. Затем снова пошел в ванную и так

тщательно скреб руки под струей воды, что раковина вибрировала, будто в ней лежал звенящий мобильник.

Из ванной он принес флакончик с антибактериальным гелем. Эльса узнала его, ей приходилось смазывать им руки каждый раз, когда она навещала бабушку уже в самом конце. Она заглянула в ванную, и через промежуток под мышкой у Монстра, который тянулся к полочке, увидела столько флаконов с гелем, сколько нет во всей маминной больнице.

Монстр был не на шутку обеспокоен. Он поставил флакон на место и стал тереть ладони с таким видом, будто на них был еще один невидимый слой кожи, который он хотел уничтожить. Затем, удовлетворенно кивнув, продемонстрировал Эльсе свои огромные, как кузов грузовика, ладони.

Эльса протянула ему свои ладони, размером чуть больше теннисного мячика. Монстр плеснул туда геля, изо всех сил стараясь подавить отвращение. Эльса размазала его по рукам, а потом машинально вытерла ладони о брюки. У Монстра был такой вид, будто он вот-вот завернется в ковер или зайдется в истерике.

Чтобы как-то поправить ситуацию, он снова выдавил себе на руки гель и тщательно растер. И тут он увидел, что Эльса немного сдвинула его сапог, так что теперь тот стоял неровно. Монстр нагнулся и поправил сапог. За этим последовала новая порция геля.

Склонив голову на бок, Эльса спросила:

— У тебя обсессия?

Монстр не ответил, но стал тереть ладони с удвоенным рвением, как будто намерен был добыть огонь.

— Я про нее в «Википедии» читала.

Монстр тяжело вздохнул, словно раздувая мехи. Он ушел в ванную, откуда вскоре послышался звук льющейся воды.

— У моего папы тоже навязчивые идеи! — крикнула Эльса. Но тотчас добавила: — Но в более легкой форме. Ты-то похоже совсем спятил.

Немного погодя она поняла, что ее слова могли обидеть Монстра. А это вовсе не входило в ее намерения. Она просто сравнила жалкие навязчивые идеи параноика-любителя с настоящим размахом параноика-профессионала.

Монстр вернулся в прихожую. Эльса ободряюще улыбнулась. Ворс, закатив глаза, улегся на бок и обнюхивал Эльсин ранец — явно на предмет наличия «Дайма». Монстр пытался найти прибежище где-то у себя в голове. Вот такая картина: ворс, ребенок и монстр с колоссальной потребностью соблюдать чистоту и порядок, которая плохо совместима с ворсами и детьми.

А за стеной происходило вот что. Дверь была взломана, полицейские с охотником ворвались в квартиру, где проживала опасная для жизни бойцовая собака, и вскоре обнаружили полное отсутствие таковой. Вот тебе на. Овчарка залаяла. Она была удивлена не менее остальных.

Эльса посмотрела на ворса. Затем на Монстра.

— Откуда у тебя... ключ к той... квартире? — спросила она.

Монстр напряженно засопел.

— Ты дала письмо. От бабушки. Ключ. В конверте, — сказал он сдавленным голосом.

— Бабушка написала, чтобы ты позаботился о ворсе?

Монстр неохотно кивнул:

— Написала «защищай зáмок».

Все ясно. Они встретились взглядами и быстро отвели глаза. На лице у Монстра было написано, что он ждет не дождется, пока все наконец разойдутся по домам и будут пачкать пол у себя в прихожей. Эльса посмотрела на ворса.

— Почему он так воет по ночам? — спросила она.

Ворсу явно не нравилось, что о нем говорят в третьем лице. Он не очень в курсе грамматики, но такие вещи знает. Монстр уже устал от вопросов.

— Грустит, — тихо сказал он ворсу, потирая ладони, хотя весь гель давно уже впитался.

— О чем грустит?

Монстр таращился на свои ладони.

— О бабушке.

Эльса взглянула на ворса. Ворс ответил ей мрачным печальным взглядом. Потом Эльса поймет, что именно в этот момент она стала постепенно проникаться к нему глубокой симпатией. Она перевела взгляд на Монстра:

— Зачем бабушка написала тебе письмо?

Монстр снова как одержимый стал тереть руки.

— Старые друзья, — послышалось из черной норы между свисающей на пол-лица челкой и бородой.

— Что было в письме? — допытывалась Эльса, заноса ногу, чтобы сойти с половика, но, заметив, что Монстр подает все признаки надвигающегося панического расстройства, шагнула обратно.

В «Википедии» про паническое расстройство написано много.

— Sorry, — пробормотала она.

Монстр благодарно кивнул.

— Там было «прости». И все, — сказал он, исчезая среди бороды и волос.

— С чего это бабушка у тебя просит прощения? — вырвалось у Эльсы. Похоже, эта история прошла мимо нее, а она такой расклад очень не любит.

— Не твое дело, — тихо ответил Монстр.

— Это *моя* бабушка! — не отставала Эльса.

— Это *мое* «прости», — возразил Монстр.

Эльса сложила руки в замок.

— Шах, — признала она свое поражение.

Монстр не поднял глаз. Лишь повернулся и ушел в ванную. Снова полилась вода. И руки заново были намазаны гелем. Ворс держал в зубах Эльсин ранец. Его нос находится где-то внутри. Обнаружив тотальное отсутствие шоколада и его производных, он разочарованно заурчал.

Эльса, прищурившись, посмотрела на Монстра и сказала голосом следователя на допросе:

— Ты говорил на нашем тайном языке, когда я передавала тебе письмо! Ты сказал по-нашему «глупая девчонка»! Это бабушка тебя научила?

И тут Монстр впервые посмотрел прямо на нее. Глаза у него округлились от удивления. У Эльсы даже челюсть отвисла.

— Не она меня научила... А я ее, — тихо ответил Монстр на тайном языке.

У Эльсы перехватило дыхание.

— Ты... ты...

Ей не хватало воздуха. Голова у нее стала такая чумная, как когда она заснула в «КИА», а мама внезапно разбудила ее на заправке, и Джордж, захлебываясь от восторга, закричал: «Кому протеиновый батончик?!!»

В тот самый момент, когда за стеной полицейские уже заделали дверь в квартиру ворса и под громкие протесты Бритт-Мари удалились по направлению к выходу, Эльса смотрела Монстру прямо в глаза — такие темные, что белки в них были будто мел на школьной доске.

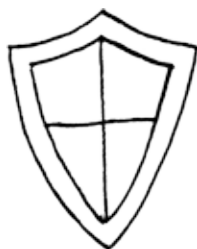
— Так ты и есть... волчонок-оборотень.

Она вдохнула поглубже и прошептала на тайном языке:

— Ты Волчье Сердце.

Монстр скорбно кивнул.

11. Протеиновые батончики

Бабушкины сказки из Миамаса были, как правило, весьма драматичными. Войны, ураганы, охота, интриги и тому подобное — бабушка любила бурную жизнь. Очень редко в сказках шла речь о простых повседневных событиях Просонья. Поэтому Эльсе было мало известно о том, какие отношения сложились у монстров и ворсов в мирной жизни, когда не надо командовать армией или сражаться с теньями.

На деле оказалось, что все непросто.

Началось с того, что ворс потерял терпение, когда Монстр решил вымыть под ним пол, причем ворс при этом не хотел сдвинуться с места, а Монстр не мог прикоснуться к ворсу под страхом смертной казни и случайно брызнул ему в глаз антибактериальным гелем. Эльсе пришлось вмешаться, чтобы дело не кончилось дракой, и, когда Монстр стал нервно настаивать на том, чтобы Эльса надела ворсу бахилы на каждую лапу, ворс дал понять, что всему есть предел. За окном постепенно смеркалось, полицейские уже давно разошлись, и Эльса выпроводила этих двоих на улицу, а сама отправилась вместе с ними, чтобы в тишине спокойно подумать о том, как быть дальше.

Эльса не боялась, что с балкона их может увидеть Бритт-Мари, потому что на часах было ровно шесть, а в шесть Бритт-Мари с Кентом ужинают. Бритт-Мари считает, что только варвары могут ужинать не в шесть, а в другое время. Если телефон у Кента звонит в промежуток между шестью и половиной седьмого, Бритт-Мари в шоке роняет столовый прибор на скатерть и вопрошает: «Кто может звонить в такое время, Кент? Ведь мы кушаем!»

Эльса натянула гриффиндорский шарф до самого носа и попыталась сосредоточиться. Ворс до сих пор был обижен из-за бахил, он спрятался в

кусты, наружу выглядывал только нос. Там он довольно долго стоял, недовольно поглядывая на Эльсу. Спустя минуту Монстр вздохнул и сделал многозначительный жест.

— Какать надо, — пробормотал Монстр, глядя в сторону.

— Извини, — смущенно крикнула Эльса ворсу и отвернулась.

Они снова говорили на обычном языке, потому что теперь, когда она говорит на тайном языке с кем-то еще, у нее внутри сжимается какой-то черный комок, ведь это был только их с бабушкой язык. К тому же Монстр, похоже, не расположен был говорить ни на одном из языков мира. Ворс выглядел так, как может выглядеть ворс, когда на него бесцеремонно таращатся, пока он отправляет естественные надобности, а потом еще целую минуту осознают, что глазеть на это неприлично. И только в этот момент Эльса поняла, что бедный ворс терпел уже несколько дней, если, конечно, он не позволял себе ничего такого в квартире, — что совершенно исключено, поскольку пользоваться унитазом он не умел, а в том, что он не гадит на пол, Эльса была абсолютно уверена, ворсы до такого не опускаются. Стало быть, суперспособность ворсов — что они жутко терпеливые.

Она повернулась к Монстру. Тот тер ладони и смотрел на следы на снегу таким испепеляющим взглядом, будто хотел разгладить их утюгом.

— Ты солдат? — спросила Эльса, глядя на его брюки.

Монстр покачал головой. Эльса упрямо смотрела на брюки, она видела такие в новостях по телевизору.

— Это солдатские брюки.

Монстр кивнул.

— Зачем тебе солдатские брюки, если ты не солдат? — не отставала Эльса.

— Это старые, — коротко ответил Монстр.

— Откуда у тебя шрам? — спросила Эльса, рассматривая его лицо.

— Беда, — на этот раз ответ был еще короче.

— No shit, Sherlock? А я-то думала, ты сам себя нарочно порезал! — Слова Эльсы прозвучали куда более язвительно, чем она рассчитывала.

«No shit, Sherlock?» — это ее любимое выражение по-английски. Это сарказм, а «Да что ты говоришь!» — простая ирония. Папа считает, что не стоит использовать английские выражения, если в родном языке есть их полные эквиваленты, но в данном случае эквивалент не полный. И вообще, она не хотела его обидеть.

— Извини, я не хотела тебя обидеть. Просто интересно, что за беда, — пробормотала Эльса.

Монстр отвел глаза.

— Обычная беда, — прорычал он.

— Ах вот оно что! Теперь все понятно! — ответила Эльса и снова почувствовала, что переборщила.

Она вздохнула — и над собой и над Монстром. Тот спрятался под челкой.

— Поздно. Пора спать.

Эльса поняла, что он имеет в виду ее, а не себя. Она взглянула на ворса.

— Ворс будет ночевать у тебя.

Монстр посмотрел на нее так, будто она предложила ему раздеться, обвалиться в слюнях и пробежаться по темному складу почтовых марок. Ну, может, не совсем так, но примерно. Он помотал головой так решительно, что капюшон на голове надулся, как парус.

— У меня не спать. Нельзя. У меня не спать. Нельзя. Нельзя.

Уперев руки в боки, Эльса посмотрела на Монстра:

— Ты серьезно? И где же он будет спать?

Монстр почти исчез под капюшоном. Он показал на Эльсу. Эльса хмыкнула:

— Да мне мама даже сову не разрешает держать! Представляю, какой скандал будет, если я приведу этого.

В разгар обсуждения из кустов появился ворс, вид у него был немного обиженный. Эльса прокашлялась.

— Прости, я сказала «этого» в хорошем смысле.

Ворс посмотрел так, будто хотел сказать: «Да я ничего такого и не подумал». Монстр был явно на грани панического расстройтва, он тер руки все быстрее и показывал на землю.

— Дерьмо. Дерьмо на шерсти. Дерьмо.

Эльса посмотрела на ворса. Потом на Монстра. Ну да, есть немного. Она картинно закатила глаза.

— Извини, ты не сможешь у него переночевать, а то с ним инфаркт случится. Что-нибудь придумаем... — вздохнула она.

Монстр молчал. Но скорость трения уменьшалась. Ворс сел и потерся задницей о снег, чтобы очистить шерсть от дерьма. Монстр отвернулся с таким видом, будто пытался стереть из памяти увиденное воображаемым ластиком.

Немного поколебавшись, Эльса подошла ближе.

— Что тебе написала бабушка? — спросила она его спину.

Из-под капюшона послышалось громкое сопение.

— Написала «прости», — сказал он, не оборачиваясь.

— А еще что? Письмо-то длиннющее! — настаивала Эльса.

Монстр вздохнул, помотал головой и показал на подъезд:

— Поздно. Спать.

Эльса не отступала:

— Пока не расскажешь про письмо, не уйду!

Монстр повернулся и посмотрел на нее взглядом очень усталого человека, которому не дают спать, через равные промежутки времени ударяя его по башке наволочкой, наполненной йогуртом. По-другому не скажешь. Он поднял глаза и нахмурил брови, а сам тем временем будто прикидывал, как далеко он может зашвырнуть эту девочку.

— Написала «защищать замок», — прорычал он сквозь зубы.

Эльса сделала шагок в его сторону, чтобы показать, что она не боится. Самой себе показать, ему-то без разницы.

— И?

Монстр весь съежился под капюшоном и пошел дальше по снегу:

— Защищать тебя. Защищать Эльсу.

Наконец Монстр исчез в темноте. В этом деле он мастер, без всяких сомнений. Исчезать при таких габаритах надо уметь.

На другой стороне двора послышалось пыхтение. Эльса обернулась. Это Джордж завершал свою пробежку. Джорджа ни с кем не спутаешь: он носит спортивные шорты поверх легинсов и самую зеленую в мире куртку. Эльсу и ворса он не заметил, поскольку был целиком поглощен прыжками. Джордж очень много тренируется — бегаёт и запрыгивает на скамейки, ограды и тумбы. Эльса представляет, что Джордж готовится к кастингу на роль Супер Марио в новой видеоигре «Нинтендо».

— Пошли! — шепнула Эльса ворсу. Им надо было скрыться, пока Джордж их не заметил.

Удивительно, но огромное существо послушно двинулось за ней следом. Поравнявшись, ворс прижался к ней так, что Эльса чуть не упала в снег, шерсть щекотала лоб. Она засмеялась. Ворс обернулся и посмотрел ей в глаза: похоже, он тоже смеялся.

Впервые в жизни у Эльсы появился друг — не считая бабушки.

Убедившись в том, что Бритт-Мари не маячит на лестнице, а Джордж по-прежнему их не видит, Эльса отвела ворса в подвал, где жильцы хранят всякий хлам. У каждого был свой отсек с номером квартиры.

В бабушкином отсеке было не заперто, он почти пустовал, если не считать пары желтых сумок из ИКЕА, набитых старыми газетами. Эльса расстелила газеты на бетонном полу, чтобы ворсу было уютнее.

— Переночуешь здесь, а завтра найдем что-нибудь более подходящее, — сказала она.

Ворс был не слишком доволен таким предложением, но тем не менее покорно улегся на пол и перевернулся на бок, равнодушно глядя в темный угол. Проследив за его взглядом, Эльса сказала строгим голосом:

— Бабушка говорила, здесь водятся привидения.

Ворс не шелохнувшись лежал в той же позе, посверкивая клыками размером с мотыгу.

— Не смей их пугать, понял?! — наставляла Эльса.

Ворс заворчал. Бедные привидения, Эльса им очень сочувствовала.

— Если будешь хорошо себя вести, завтра принесу шоколад, — пообещала она.

Ворс словно бы взвешивал все «за» и «против» такой сделки. Эльса нагнулась и чмокнула его в нос.

Поднявшись по лестнице, она как следует закрыла дверь в подвал. Потом тихонько прокралась на свой этаж, не включая света, чтобы не попадаться лишний раз на глаза, а мимо двери Кента и Бритт-Мари пробежала на четвереньках. Бритт-Мари наверняка стояла у двери, прилипнув к дверному глазку, как всевидящее око Саурона из «Властелина колец».

Наутро в квартире Монстра и в подвале было темно и пусто. В школу Эльсу отвез Джордж, потому что мама уже уехала на работу в больницу, у них там опять какой-то аврал, а мама по части авралов большой специалист.

Всю дорогу Джордж говорил о протеиновых батончиках. Мол, целую коробку купил, куда они могли деться? Джорджа хлебом не корми, дай поговорить о протеиновых батончиках. И обо всяких *функциональных* вещах. Например, функциональная одежда и комфортные кроссовки. Джордж обожает все функциональное. Лишь бы не изобрели функциональные протеиновые батончики, иначе у Джорджа взорвется мозг. Не то чтобы Эльса сильно беспокоилась по этому поводу, просто мама расстроится — только представить, сколько уборки.

Еще раз спросив о том, не видела ли она его батончики, Джордж оставил Эльсу на парковке. Она со вздохом выпрыгнула из машины.

Дети держались на почтительном расстоянии. Смотрели на нее настороженно. Слух о Монстре разошелся по всей школе, но Эльса знала, что это ненадолго. Дело было слишком далеко от школы, а все, что находится за школьным забором, это все равно что в космосе. Здесь, в школе, у Эльсы защиты нет. Она получила отсрочку на несколько часов, но те, кто ее преследует, будут ходить вдоль границы, а когда осмелятся ее перейти, то наваляют Эльсе с удвоенной силой.

А Монстр даже ради нее никогда не подойдет близко к школе, потому что в школе полно детей, а в детях полно микробов, и потом никаким антибактериальным гелем не отмоешься.

И все же Эльса наслаждалась временной передышкой. До зимних каникул осталось всего ничего, скоро у нее будет пара недель блаженного отдыха. Пара недель без погони, без обидных записок в шкафчике — о том, что она уродина и ее скоро убьют.

На первой перемене Эльса отправилась прогуляться вдоль забора. Она то и дело проверяла лямки ранца: хорошо ли натянуты? Хотя и знала, что на первой перемене ее не тронут, но привычка — дело такое. Если ранец болтается, бежать тяжелее.

Наконец Эльса забыла про это и унеслась мыслями прочь со школьного двора. Наверное, поэтому она заметила его не сразу. Эльса думала о бабушке и Миамасе: каков ее замысел, почему она отправила ее на поиски сокровищ? Может, никакого особого замысла тут и нет. Обычно бабушка по ходу дела придумывала новые повороты, и что будет теперь, когда ее больше нет, Эльса не знала. Больше всего ее занимало, почему бабушка говорила, что Эльса возненавидит ее, когда узнает о ней всю правду. Пока удалось выяснить только, что у бабушки были всякие чокнутые приятели, но это не то чтобы сюрприз.

Разумеется, Эльса понимала, речь шла о времени, когда бабушка еще не была бабушкой, но расспрашивать маму не хотелось. В последние месяцы все их разговоры кончаются ссорами. Такое свинство! Ну почему, чтобы узнать правду, непременно надо устроить скандал?

А еще свинство, что без бабушки человек становится таким одиноким.

Вот почему она его не заметила. Только подойдя совсем вплотную, когда между ними оставалось уже два-три метра, Эльса наконец увидела его — не заметить ворса на таком расстоянии практически невозможно. Он сидел за забором возле самой калитки. Эльса засмеялась от радости и удивления. Кажется, ворс по ту сторону забора ощутил что-то похожее.

— А я-то тебя утром искала! — сказала Эльса и вышла через калитку,

хотя на переменах этого делать нельзя.

Ворс словно пожал плечами, хотя таковых у него практически не имелось.

— Ну что, не пугал привидений? — спросила Эльса.

По глазам ворса она видела, что тот не пожалел бедных привидений. Но Эльса все равно бросилась ему на шею. Она зарылась руками в густую черную шерсть и сказала:

— Погоди-ка, у меня для тебя кое-что есть.

Ворс жадно сунул нос в ранец, но на морде его появилось разочарование, когда он понял, что его ждет.

— Это протеиновые батончики, — виновато сказала Эльса. — Понимаешь, у нас нет шоколада, потому что мама считает, что мне нельзя сладости, но Джордж говорит, что эти батончики супервкусные!

Ворсу батончики не понравились, он съел всего штук девять. Прозвенел звонок, Эльса крепко-накрепко обняла ворса и шепнула:

— Спасибо, что пришел!

Кто бы сомневался, что вся школа в этот момент наблюдала за ней из окон. Возможно, учителя и предпочли бы не заметить самого огромного и черного ворса в мире, который возник за забором из ниоткуда, но ни один ребенок во всей Вселенной не заметить такого не может.

В этот день в шкафу у Эльсы не было ни одной обидной записки.

12. Ментол

У бабушки всегда были проблемы с авторитетами.

Эльса знает, потому что учитель в школе сказал как-то раз, что для Эльсы нет авторитетов, и тогда директор добавил: «Это у нее явно от бабушки». После чего испуганно оглянулся по сторонам, как будто нечаянно произнес: «Волан-де-Морт».

Вообще-то директор редко говорил что-то путное, но на этот раз он, пожалуй, был недалек от истины. Однажды полиция строжайше запретила бабушке приближаться к аэропорту больше чем на полкилометра, именно по причине проблем с авторитетами. Эльсе никогда не приходилось слышать, чтобы чья-нибудь еще бабушка сталкивалась с таким запретом.

А дело было так. Эльса собиралась лететь в Испанию к папе с Лизеттой. Они тогда только начали встречаться, и папа решил, что Эльса будет меньше злиться, если они все вместе поедут куда-то, где есть бассейн. Тут он был прав. Разумеется, никто не мешает по-прежнему злиться на папу, но все же если поблизости есть бассейн, то делать это гораздо труднее.

Мама в тот день была на очень важной конференции, поэтому в аэропорт Эльсу повезла бабушка на своем «рено». Эльса тогда была еще маленькой и повсюду таскала с собой плюшевого льва. И вот охранник из службы досмотра попросил Эльсу положить льва на багажную ленту, чтобы тот прошел через сканер. Но Эльсе не понравился сканер и отдавать льва она наотрез отказалась, после чего другой охранник попытался его забрать. Бабушка разозлилась так, как могут злиться только бабушки, когда у внучки отбирают любимого льва. Между ней и охранником завязалась драка, бабушка закричала: «Чертовы фашистские сволочи! Может, вы и меня обыщете? А? Может, проверите, вдруг у меня лев со взрывчаткой в трусах? Ну-ка, ну-ка?»

Только потом Эльсе пришло в голову, что надо было поправить

бабушку, иначе выходит, что взрывчатка в трусах у льва, а не лев со взрывчаткой в трусах у бабушки. Тогда бы бабушка наверняка засмеялась. И не стала бы срывать с себя одежду и бегать голышом по всему аэропорту.

Знали бы вы, как быстро бабушка ухитрилась сбросить с себя одежду.

Это была история из тех, оказаться в которых неприятно, зато потом весело вспоминать. С той только разницей, что и оказаться в ней тоже было довольно весело. Ну а если вам не смешно, когда люди бегают голышом, значит, у вас что-то с головой. Когда Эльса наконец оказалась на борту самолета, стюардессы, знавшие о произошедшем, всю дорогу до Испании наливали Эльсе сок. А сок — штука вкусная.

Но до этого им с бабушкой пришлось довольно долго сидеть в каком-то кабинете с довольно злым дядькой, из уха у которого торчал наушник с проводком. Потом пришли двое полицейских и сказали, что бабушке теперь запрещается появляться в аэропорту, а то, что она сейчас сделала, рассматривается как уголовное преступление, за которое можно и в тюрьму сесть. «Ну да, конечно, вы отобрали у ребенка игрушку, а я, по-вашему, террорист!» — закричала бабушка и стала махать руками, но полицейские пообещали надеть на нее наручники, и она перестала.

За все время путешествия Эльса ни на секунду не выпускала льва из рук. Бабушка своего добилась.

«В Миамасе никаких аэропортов нет. А если бы были, то там бы львы проверяли сумки у этих придурков из службы досмотра, а не наоборот», — обиженно говорила бабушка Эльсе, когда та звонила ей из Испании. Ну как после этого не любить бабушку?

Эльса стояла на балконе в бабушкиной квартире. Они часто стояли тут вдвоем. Именно здесь бабушка впервые показала ей облаконя и рассказала о Просонье, как раз после того, как мама с папой развелись. Той ночью Эльса впервые побывала в Миамасе. Теперь она смотрела в темноту и, как никогда, скучала по бабушке. Эльса легла на ее кровать и стала рассматривать фотографии на потолке, гадая о том, что же имела в виду бабушка, когда брала с Эльсы обещание, что та не будет ее ненавидеть. Что это за такое «право бабушек — не говорить внукам, кем ты была до того, как стала бабушкой». Эльса часами ломала голову над тем, для чего понадобились эти поиски сокровищ и где спрятана следующая подсказка. Если она вообще где-то спрятана.

Ворс спал в подвале. Эльса соорудила ему лежбище из подушек, одеял

и желтых икейских сумок, а еще сплющила четыре картонные коробки и прилепила их скотчем изнутри к двери бабушкиного отсека, чтобы Бритт-Мари ничего не заметила, если вдруг сунется в подвал. И вот теперь посреди всего этого мрака Эльса думала о том, что где-то внизу спит ворс, и ей становилось спокойнее на душе. Когда тебе почти восемь, а в подвале спит ворс, то уже не так одиноко.

Эльса смотрела в темноту, облокотившись на перила балкона. Кажется, внизу что-то двигалось. Ничего не было видно, но она знала: там Монстр. Бабушка четко спланировала всю сказку. Монстр охраняет замок. Охраняет Эльсу.

Единственное, за что Эльса злилась на бабушку, — это то, что она не сказала, от чего он их охраняет.

Тишину пронзил женский голос откуда-то снизу.

— ...да-да-да, уж вино-то к столу я купила! — сердито сообщал голос, приближаясь к их дому.

Это женщина в черной юбке говорила в белый проводок. Она тащила четыре тяжелых пакета, то и дело ударявшихся друг о друга и о ее ноги. Женщина смачно выругалась и зазвенела ключами возле подъезда.

— Да господи ты боже мой, да, точно, нас будет ровно двадцать человек! Ты же знаешь, у Ульфа на работе все пьют как лошади! Уж ты-то в курсе! Я все купила! У Ульфа и мальчиков, понятное дело, времени нет! Куда им! Вот именно! А я что, не на полной ставке? — услышала Эльса, прежде чем женщина вошла в подъезд.

Что они там будут отмечать? Эльса почти ничего не знала о женщине в черной юбке. От нее всегда пахло ментолом, одежда была безупречно выглажена, и она всегда нервничала. Бабушка говорила, что «это все из-за ее мальчиков». Интересно, что она имела в виду?

Эльса стряхнула снег с ботинок и вернулась в квартиру. Мама говорила по телефону, сидя на высокой табуретке. Она непрерывно теребила бабушкино полотенце. И так всегда: мама все время говорит сама, потому что ей совершенно не интересно, что скажут на другом конце провода. Маме редко кто-то возражает. Не потому, что она повышает голос или перебивает, просто мама такой человек, с которым никто не хочет ссориться. Мама поддерживает свою репутацию, потому что не любит конфликтов. Конфликты сказываются на эффективности, а эффективность для мамы святое. Об этом она все время говорит по телефону. Джордж шутит, что мама родит Полукого в обеденный перерыв, чтобы не снижать

результативности больницы. Эльса ненавидит Джорджа за эти идиотские шутки. За то, что он думает, будто знает маму как свои пять пальцев, и позволяет себе шутить над такими вещами.

Бабушка считала эффективность пустым словом и ей было глубоко наплевать, на чем сказываются конфликты. Врач в маминой больнице говорил, что бабушка «из тех, кто может создать конфликт на пустом месте», но, когда Эльса передала его слова бабушке, та сердито хмыкнула и сказала: «А что, если пустое место само виновато?» И рассказала сказку о девочке, которая всегда говорила «нет». Хотя Эльса слышала ее уже по меньшей мере бесконечное количество раз.

«Девочка, которая всегда говорила „нет“» — одна из первых сказок Просонья, которую довелось услышать Эльсе. Это сказка о принцессе одного из шести королевств — Миаудакасе. Сначала принцесса была очень храброй и справедливой, и все ее любили, но, к сожалению, она выросла и стала трусливой, как взрослые. Она обожала эффективность и ненавидела конфликты. Как все взрослые.

Поэтому принцесса запретила конфликты во всем Миаудакасе. Все должны были друг с другом во всем соглашаться, чтобы повысить эффективность. А поскольку конфликты начинаются с того, что кто-то говорит «нет», принцесса это слово запретила. Тех, кто нарушил закон, тотчас сажали в тюрьму, и сотни солдат в черных доспехах, звавшиеся солдатами согласия, патрулировали улицы, следя за тем, чтобы все друг с другом соглашались. Но принцессе и этого было мало, вскоре она запретила не только слово «нет», но также частицу «не» и слово «нельзя» — за их употребление тоже сажали в тюрьму и навсегда лишали дневного света. А если на тебя вдруг падал хоть лучик солнца, солдаты тут же вешали дополнительные шторы.

Спустя несколько лет запретили даже такие слова как «возможно», «наверное» и «посмотрим». И в конце концов люди стали бояться раскрыть рот. Вот тогда-то принцесса и решила запретить разговоры вообще, потому что с них начинаются все конфликты. На долгие годы в Миаудакасе воцарилось молчание.

Но вот однажды в королевство верхом на коне, напевая, прискакала маленькая девочка. На нее смотрели во все глаза, ведь песни в Миаудакасе были строжайше запрещены: вдруг кому-то песня понравится, а кому-то не понравится, и разгорится конфликт. Солдаты попытались остановить девочку, но не смогли, такая она была проворная. Тогда солдаты стали звонить в колокола и звать подкрепление. На помощь пришли элитные

войска королевства — рыцари-параграфы. Прозвали их так потому, что они ездили верхом на необычных животных — помеси жирафа и книги правил, — они-то и должны были остановить девочку. Но и рыцарям-параграфам это не удалось. Тогда-то принцесса сама выбежала из замка и во все горло закричала на девочку, приказывая замолчать.

Девочка обернулась и, посмотрев ей в глаза, ответила: «Нет». И когда она произнесла это слово, от тюремной стены отвалился камень. Тогда девочка повторила: «Нет», и еще один камень упал со стены. Немного погодя девочка и другие жители королевства, и даже солдаты и рыцари-параграфы все вместе кричали: «Нет-нет-нет!» И тюремная стена рухнула. Так народ Миаудакаса понял, что принцесса имеет власть над ним лишь до тех пор, пока все ее подданные боятся конфликтов.

А может быть, Эльсе казалось, что такова мораль этой сказки. «Нет» — было Эльсиным первым словом. По этому поводу бабушка с мамой долго ругались.

И не только по этому. Из-за эффективности тоже. Владея собой, мама говорила, что «эффективность необходима для осуществления коммерческой деятельности», а бабушка, не владея собой ни капли, кричала в ответ, что «нашла, черт возьми, место для коммерческой деятельности». Однажды бабушка сказала Эльсе, что мама стала больничным начальством из подросткового бунта: самое страшное, что могла придумать мама назло бабушке, — «стать экономистом». Эльса так и не поняла, что это значит. Позднее, в тот же вечер, когда они думали, будто Эльса уже заснула, мама сказала бабушке: «Да что ты вообще обо мне знаешь? Когда я была подростком, тебя здесь не было!» Это был единственный раз, когда мама говорила что-то бабушке со слезами в голосе. После этого бабушка замолчала и про подростковый бунт больше Эльсе не говорила.

Мама положила на стол телефон и стояла посреди кухни с полотенцем в руках, как будто не могла вспомнить что-то важное. Она посмотрела на Эльсу. Эльса неуверенно посмотрела на маму. Мама сделала усилие и улыбнулась:

— Хочешь помочь мне собрать бабушкины вещи?

Эльса кивнула. Хотя ей совершенно не хотелось собирать бабушкины вещи. Мама решила каждый вечер упаковывать коробки, хотя врачи и Джордж призывали ее не напрягаться. У мамы плохо получалось не напрягаться. К тому же она не любила, когда ее к чему-то призывали.

— Папа заберет тебя из школы завтра после обеда, — как бы между

делом сказала мама, вычеркивая упакованные вещи из списка.

Список был сделан в экселе. Мама обожает эксель.

— Потому что ты поздно придешь с работы? — спросила Эльса как бы невзначай.

— Я ненадолго останусь... в больнице, — сказала мама, потому что не любила врать Эльсе.

— А Джордж не может меня забрать? — невинным голосом спросила Эльса, хотя все понимала.

Мама громко дышала носом:

— Джордж будет со мной в больнице.

Эльса упаковывала вещи в коробки, не сверяясь со списком из экселевского файла.

— Полукто заболел?

Мама снова выдавила улыбку. Получилось так себе.

— Не беспокойся, моя хорошая.

— Это самый легкий способ заставить меня беспокоиться, — сказала Эльса.

Вздыхнув, мама неохотно поставила галочки в экселе. Потому что вынимать вещи и упаковывать их заново неэффективно, хоть сложенные вещи и не соответствуют списку.

— Все сложно, — сказала она.

Мама всегда так говорит — на языке статусов Фейсбука.

— Все сложно, если никому ничего не объяснять, — сердито ответила Эльса.

Мама снова засопела.

— Эльса, милая, это просто плановая проверка.

— А вот и нет, за одну беременность не бывает так много плановых проверок. Не надо меня за дурочку принимать. Я умею пользоваться «Википедией».

Мама массировала виски, глядя в сторону.

— Эльса, прошу тебя, давай сегодня хотя бы из-за этого не будем ссориться.

— Что значит «хотя бы»? Разве мы сегодня из-за чего-то уже поссорились?! — выкрикнула Эльса — именно так ведет себя человек, которому уже почти восемь, когда его незаслуженно обвиняют.

— Не кричи, — владея собой ответила мама.

— А Я И НЕ КРИЧУ! — закричала Эльса, выходя из себя.

Долгое время обе смотрели в пол и думали, как попросить прощения. Но на полу ничего такого написано не было. Эльса закрыла коробку

крышкой, ушла в бабушкину спальню и хлопнула дверью.

Почти четверть часа в квартире царила гробовая тишина. Эльса была так зла, ну просто так зла, что начала мерить время минутами, а не вечностями. Она лежала в бабушкиной кровати и смотрела на черно-белые фотографии на потолке. Кажется, волчонок-оборотень вот-вот засмеется и помашет ей рукой. В глубине души Эльса не могла смириться с тем, что мальчик с такой лучезарной улыбкой мог вырасти таким невообразимо несчастным, как Монстр.

В дверь позвонили, и тут же звонок повторился — слишком нетерпеливо, нормальные люди так не трезвонят. Наверняка это Бритт-Мари.

— Иду! — крикнула мама, владея собой, но по ее голосу Эльса поняла, что мама плакала.

Слова так и сыпались из Бритт-Мари, словно кто-то вынул из ее горла затычку.

— Я звонила к вам в квартиру! Мне никто не открыл!

Мама вздохнула:

— Да. Нас не было дома. Мы здесь.

— В здании находится бойцовая собака! Машина твоей матери до сих пор стоит в гараже! — Бритт-Мари так тараторила, что сама уже перестала понимать, какая из новостей ее больше волнует.

— Давай по порядку, с чего начнем? — устало спросила мама.

Эльса села в кровати и стала внимательно слушать: не меньше минуты у нее ушло, чтобы понять, что имеет в виду Бритт-Мари. Она вскочила с кровати и изо всех сил владела собой, чтобы пулей не броситься в коридор и не вызвать подозрений у Бритт-Мари.

Бритт-Мари стояла на лестнице, решительно сложив руки, и благожелательно улыбалась маме.

— Милочка, в нашем кондоминиуме бойцовые собаки запрещены! Усвой это раз и навсегда, такое даже *ты* должна понимать!

— У нас не кондоминиум, — ответила мама и тут же пожалела.

— Но он у нас *будет*! — закричала Бритт-Мари, сжимая кулаки. Уперев руки в боки, она дважды кивнула, будто подчеркивая серьезность своих намерений. — И в нашем кондоминиуме дикие бойцовые собаки не будут бегать без присмотра. Это опасно для детей, не говоря уже про антисанитарию, с этим никто не поспорит!

— Сама ты антисанитария, — пробормотала Эльса.

Бритт-Мари с шипением обернулась, ее брови поползли вверх, словно

мохнатые гусеницы.

— Что ты сказала?

— Да так, ничего.

Бритт-Мари и гусеницы продолжали тарачиться на Эльсу. Мама покашляла.

— Собака наверняка уже далеко отсюда. Я и не думала беспокоиться о...

Бритт-Мари перевела взгляд на маму и благожелательно улыбнулась:

— Нет-нет, милочка, конечно нет. Зачем тебе беспокоиться. Ты не из тех, кому есть дело до чьей-то безопасности, ни в коем случае.

Мама владела собой. Бритт-Мари улыбалась и кивала:

— Тебе ведь надо делать карьеру. У тебя нет времени подумать о безопасности собственных детей. Понятное дело, это передается по наследству. Карьера на первом месте, а дети на втором. В твоей семье так было всегда.

На мамином лице не дрогнул ни один мускул. Руки расслабленно висели вдоль тела. Единственное, что ее выдавало, — медленно сжимавшиеся кулаки. Такое с мамой впервые.

Это не укрылось от Бритт-Мари. Она снова уперла руки в боки. На лбу выступил пот. Улыбка окаменела.

— Это нормально, милочка, ничего плохого в этом нет. Конечно нет. Человек сам делает выбор и расставляет приоритеты!

— У тебя все? — спокойно спросила мама, но в ее взгляде появился едва заметный нюанс, который заставил Бритт-Мари сделать крошечный шаг назад.

— Да, у меня все. Вопросов больше нет!

Эльса высунулась на лестницу и, прежде чем Бритт-Мари успела развернуться и уйти, спросила:

— А что вы сказали про бабушкину машину?

Бритт-Мари мгновенно закипела, но избегала смотреть маме в глаза.

— Она стоит в гараже. На моем парковочном месте. Если вы немедленно ее не переставите, я вызову полицию!

Эльса была так ошарашена, что забыла скрыть удивление:

— Как она туда попала?

— Откуда я знаю? Это не входит в мою компетенцию! — выкрикнула Бритт-Мари, забыв про благожелательную улыбку.

Она перевела взгляд на маму, ощущая внезапный прилив мужества:

— Немедленно переставь машину, милочка, иначе я позвоню в полицию!

Внезапный прилив отчаяния заставил маму кивнуть.

— Я не знаю, где ключи от машины.

— Вот оно что. Вот оно что, значит. Это, знаешь ли, не моя забота. Сами следите за своими ключами, — огрызнулась Бритт-Мари.

Мама массировала виски.

— Мне нужна таблетка от головной боли, — тихо сказала она самой себе.

Бритт-Мари тотчас вспомнила про благожелательную улыбку. Мгновение — и улыбка на месте.

— Если бы ты, милочка, пила меньше кофе, то и голова бы у тебя не болела!

С этими словами Бритт-Мари развернулась и так быстро спустилась по лестнице, что мама не успела ответить.

Мама закрыла дверь, владея собой: спокойно, все под контролем, хотя Эльса знала, обычно ей это удается гораздо лучше. Мама пошла на кухню. Зазвонил мобильник. Эльса пошла следом, озабоченно наблюдая за мамой.

— Что она имела в виду? — спросила Эльса.

— Она считает, что мне не надо пить кофе, потому что я беременна, — ответила мама.

Опять притворяется дурочкой. Эльса это ненавидит.

— Прекрасно, именно это я и хотела узнать, — сказала Эльса.

Мама взяла телефон.

— Извини, я должна ответить.

— Что имела в виду Бритт-Мари, когда сказала, что в нашей семье «карьера на первом месте, а дети на втором» и «это передается по наследству»? Она про бабушку, да? — не отставала Эльса.

Телефон продолжал звонить.

— Это из больницы, я должна поговорить, — сопротивлялась мама.

— Ничего ты не должна! — приказала Эльса.

Они молча стояли и смотрели друг на друга, телефон прозвонил еще дважды и умолк. Теперь кулаки сжимались у Эльсы. Мама ткнула пальцем в дисплей.

— Я должна перезвонить, Эльса.

— Не должна!

Закрыв глаза, мама поднесла трубку к уху. Прежде чем она успела раскрыть рот, Эльса ушла в бабушкину спальню и хлопнула дверью.

Спустя полчаса мама тихонько вошла в спальню, и Эльса притворилась спящей. Мама на цыпочках подошла ближе и накрыла ее

одеялом. Поцеловала. Погасила свет.

Через час Эльса встала и пошла в гостиную. Мама заснула на диване. Эльса на цыпочках подошла ближе и накрыла их с Полукем одеялом. Поцеловала. Погасила свет. Мама держала в руке кухонное полотенце.

В одном из ящиков в коридоре Эльса нашла фонарик, затем надела ботинки.

Стало ясно, где искать следующую подсказку в охоте за сокровищами.

13. Вино

Так вот. Вообще-то объяснить это довольно сложно. Как и многое другое в бабушкиных сказках. Для начала надо понять, что в Просонье нет существа более несчастного, чем морской ангел, и только когда Эльса вспомнила его историю, бабушкин план охоты за сокровищами открылся ей в полной мере.

Эльсин день рождения всегда был очень важен для бабушки, это следовало сказать с самого начала. Возможно, потому, что день рождения у Эльсы на следующий день после Рождества, а Рождество — самый важный праздник, поэтому день рождения сразу после Рождества отмечают совсем не с тем размахом, как в августе или апреле. Поэтому бабушка праздновала день рождения Эльсы с удвоенным рвением. Она вообще была склонна к крайностям. Хотя мама и запретила ей устраивать праздник с сюрпризами после того случая, когда бабушка зажгла фейерверк в бургерной и нечаянно подпалила семнадцатилетнюю девушку, одетую клоуном и служившую «развлечением для детей». В защиту девушки Эльса сказала бы, что она и правда служила неплохим развлечением. Именно в тот день Эльса усвоила самые крутые ругательства.

Дело в том, что в Миамасе люди не получают подарков на день рождения. Наоборот, они сами их дарят. Причем принято дарить что-нибудь самое любимое и тому, кого ты очень любишь. Поэтому в Миамасе все очень ждут дни рождения друзей, отсюда и пошло выражение «что подарит тот, у кого есть все?». Очевидно, оно упоминалось в одной из сказок, которую энфанты принесли в реальный мир, а светлые головы впоследствии истолковали его превратно и стали говорить «что подарить тому, у кого все есть?». На то они и светлые головы. Они и слово «толковать» истолковали превратно. В Миамасе «толк» — это что-то вроде помеси козы и вафли в шоколаде. Толки необыкновенно способны к языкам

и очень вкусны в жареном виде. Эльса очень их уважала, пока не стала вегетарианкой, и с тех пор бабушке пришлось перестать рассказывать эту историю, потому что Эльса ужасно ругалась.

Как бы то ни было, Эльса родилась на следующий день после Рождества почти восемь лет тому назад. В тот день немецкие ученые зарегистрировали самое сильное электромагнитное излучение на земле. Кроме того, в этот день в Индийском океане случилось цунами. Цунами — это такая гигантская волна, вызванная землетрясением. Только в океане. То есть правильнее было бы называть его моретрясением. Эльса любит называть вещи своими именами.

В тот день, когда родилась Эльса, погибло две тысячи человек. Иногда, когда мама думает, будто Эльса не слышит, она рассказывает Джорджу, что совесть у нее до сих пор нечиста, ведь этот день стал самым счастливым в ее жизни.

Эльсе вот-вот должно было исполниться шесть лет, когда она впервые прочитала об этом в «Википедии». И на день рождения бабушка рассказала ей сказку о морском ангеле. Она хотела объяснить Эльсе, что монстры не всегда были монстрами, и наоборот: не всех монстров распознаешь с первого взгляда — некоторые люди прячут своего монстра внутри.

Последнее, что сделали тени, прежде чем закончилась Бесконечная война, — они разрушили Мибаталос, одно из шести королевств Просонья, где воспитывались все доблестные воины. Но, когда пришли Волчье Сердце и ворсы, все изменилось, и тени бежали из Просонья. От побережья шести королевств они двинулись по морю, рассекая волны с невиданной мощностью, и от их шагов по воде пошли небывалые волны, одна за другой врезались они друг в друга, пока в конце концов не образовалась одна-единственная волна высотой с вечность десяти тысяч сказок. И чтобы никто не пустился преследовать теней, волна повернула вспять и бросилась к берегу.

Она могла бы уничтожить все Просонье. Могла бы ворваться в дома и замки и смести их с лица земли, уничтожить всех жителей, с таким же успехом, как армия теней из всех вечностей во Вселенной.

Но сотня снежных ангелов спасла оставшиеся пять королевств от гибели. Ведь когда все обитатели Просонья бросились прочь от волны, снежные ангелы ринулись ей навстречу. Раскрыв крылья, собрав в своем сердце мощь и силу всех сказок Просонья, они встали стеной на пути у волны и остановили ее. Волна поглотила живую стену, но не смогла

двигаться дальше, ибо даже волна, поднятая теньями, не может прорваться сквозь стену из сотни снежных ангелов, готовых умереть ради вечного мира сказок.

И лишь один ангел бежал от волны.

Хотя бабушка всегда говорила, что эти снежные ангелы — сборище надменных чертей, от которых вечно несет вином, она никогда не преуменьшала героизм, проявленный ими в тот памятный день. День, когда кончилась Бесконечная война, стал самым счастливым для всех обитателей Просонья, за исключением сотого ангела.

Он с тех пор скитался по берегу, не находя покоя под тяжестью проклятия, которое не давало ему покинуть это место, где он лишился своих любимых. Длилось это так долго, что люди на побережье уже позабыли, кто он, и стали называть его морским ангелом. Годы шли, и ангел все глубже погружался в пучину горя, пока сердце его не разделилось на две части, а вслед за ним, словно треснувшее зеркало, разделилось и тело. Когда дети из окрестных деревушек тайком прибегали поглазеть на него, в одном из осколков они видели лицо настолько прекрасное, что при виде него розы распустились бы от восхищения, но через мгновение осколок мог повернуться и на них смотрел некто настолько уродливый, безумный и страшный, что дети с криком бросались врассыпную и бежали до самого дома.

Ведь не все монстры являются монстрами от рождения, некоторые становятся ими от горя.

В одной из самых популярных сказок Просонья говорилось о маленьком ребенке из Миамаса, которому удалось однажды снять проклятие с морского ангела, освободить его от демонов воспоминаний, которые крепко держали его в своей ловушке.

Впервые бабушка рассказала эту сказку в день рождения Эльсы, когда ей исполнялось шесть лет, и тогда она поняла, что она уже не маленький ребенок. И она подарила бабушке своего плюшевого льва. Эльса решила, что ей он больше не нужен, пусть теперь защищает бабушку. В ту ночь бабушка прошептала ей на ухо, что, если когда-нибудь им придется расстаться, если бабушка когда-нибудь уйдет, она пришлет льва, чтобы тот рассказал, как ее найти.

Прежде чем Эльса об этом вспомнила, прошло несколько дней. Только в тот вечер, когда приходила Бритт-Мари и жаловалась на «рено», который неожиданно для всех появился вдруг в гараже, Эльса вспомнила, что бабушка посадила льва сторожить важный тайник.

Бардачок в «рено». Бабушка прятала там сигареты. Охранять такие

вещи по плечу только льву.

И вот Эльса, глубоко дыша, сидела на пассажирском сиденье в «рено». Двери машины, как всегда, были не заперты, запирать вообще было не в бабушкиных привычках. В салоне до сих пор стоял табачный запах. Эльса знала, что курить вредно, но глубоко вдыхала воздух, потому что он пах бабушкой.

— Я так по тебе скучаю, — шептала она, уткнувшись носом в обивку водительского сиденья.

Эльса открыла бардачок. Отодвинула льва и достала письмо. На конверте значилось: «Самому храброму рыцарю Миамаса». Ниже были написаны имя и адрес.

Да, бабушка писала как курица лапой.

Эльса вышла из машины и почесала ворса за ушком.

— Спасибо, что посторожил. Завтра принесу еще сладостей, обещаю! — сказала она, протягивая ему остатки протеиновых батончиков.

Ворс проглотил их одним махом и вразвалку пошел обратно, к открытой двери подвала. Эльса смотрела ему вслед. Когда ворс подходил к двери, она смущенно прокашлялась и крикнула:

— У меня никогда раньше не было друга, кроме бабушки!

Ворс остановился. Обернулся. И улыбнулся — в этом Эльса даже не сомневалась, пусть хоть все светлые головы на свете утверждают, что ворсы улыбаться не могут.

Немного погодя Эльса прокралась по лестнице, ведущей из подвала, с бабушкиным письмом в руках и таким смятением в голове, что чуть не врезалась в Альфа.

Альф в своей любимой скрипучей кожаной куртке стоял на верхней ступеньке, настроение у него было явно еще хуже, чем обычно. Эльса растерялась.

— Твою мать. Ты уж определись — вверх или вниз?

— Э... вверх, — ответила Эльса, глядя в пол.

Альф с возмущенным видом отодвинулся, чтобы пропустить ее. Прошмыгнув мимо, Эльса услышала, как он шаркает вниз по лестнице. Альф выглядел усталым. Понятное дело, он всегда такой, но сегодня какой-то особенно усталый. Наверное, это из-за низкого центра тяжести.

Не дыша, Эльса прислушивалась, не идет ли Альф в подвал, но тут дверь гаража хлопнула, Эльса выдохнула и продолжила подниматься по лестнице.

Она сидела на верхней ступеньке возле бабушкиной квартиры до тех пор, пока не погасли все лампы. Снова и снова проводила пальцами по надписи на конверте, но не открывала его. Она убрала письмо в ранец, растянулась на ледяном полу и слегка прикрыла глаза. Несколько часов Эльса безуспешно пыталась перенестись в Миамас. Внизу хлопнула дверь в подъезд. Наверное, Альф вернулся, хотя шагов не было слышно и ни одна из дверей в квартиру не хлопнула.

Закрыв глаза, Эльса лежала на полу до тех пор, пока ночь не показалась за окном лестничной клетки. Где-то внизу загремели ключи пьянчуги.

Эльсина мама не любит, когда людей называют пьянчугами. «А как тогда называть?» — спрашивала Эльса. Этот вопрос обычно погружал маму в сомнения, потом она говорила нерешительным голосом: «Ну... может быть, человек просто немного устал». Бабушка на это возражала: «Устал, ага! Устанешь, черт побери, если бухать все ночи напролет!» Тогда мама набрасывалась на бабушку: «Мама!» — а бабушка, всплеснув руками, в ответ: «Господи, чем я провинилась *на этот раз?*» После этого Эльсе приходилось надеть наушники.

— А ну выключи воду! По ночам мыться запрещено!!! — Голос пьянчуги эхом отдавался далеко внизу, сопровождаемый барабанной дробью рожка для обуви по перилам.

Пьянчуга это дело очень уважает. Как выйдет на лестницу, так давай орать и бить по перилам рожком. Никто, понятное дело, не отзывается, даже Бритт-Мари, потому что пьянчуга служит местным монстром. А все думают, будто если не обращать внимания, монстры исчезнут сами по себе.

Эльса села на корточки и посмотрела в просвет между лестницами. Но разглядела только мелькнувшие пьянчугины носки и рожок, взлетающий, как коса над лугом. Сама не зная зачем, Эльса встала на цыпочки и прокралась вниз. Наверное, просто из любопытства. К тому же в Миамас все равно уже не попасть.

Дверь в квартиру пьянчуги была распахнута настежь. По комнате разливался слабый свет от опрокинутого на пол торшера. Все стены были увешаны фотографиями. Эльса никогда не видела столько фотографий, раньше она думала, что у бабушки на потолке их много, но здесь просто тысячи. Все в маленьких белых деревянных рамках, на каждой — двое мальчиков-подростков и мужчина, по всей вероятности их отец. На одной большой фотографии, висящей прямо перед дверью, мужчина с мальчиками стоит на берегу, а за ними сверкает зеленое море. Оба мальчика в гидрокостюмах. Они улыбаются. Загорелые. Счастливые.

Под фотографией висела открытка из тех, что покупают на заправках, если забыли купить нормальную в книжном. «Маме! Твои мальчишки», — написано на открытке.

Рядом висело зеркало. Треснувшее на несколько частей.

В следующую секунду лестницу заполнил разгневанный крик, — так неожиданно, что Эльса потеряла равновесие и попятившись, сползла на несколько ступенек вниз, упираясь спиной в стену. Эхо достигло ее и ворвалось в уши, словно хотело вспороть барабанные перепонки.

— ТЫЧОЗДЕСЬЗАБЫЛА?

Эльса посмотрела на пьянчугу. Та стояла чуть ниже и смотрела вверх через перила. Рука с рожком поднята, как для удара. Пьянчуга была разгневана и в то же время перепугана до смерти. Ее взгляд блуждал по лестнице. Черная юбка была измята. Из рта несло вином, Эльса почувствовала этот запах, поднимаясь по лестнице. Волосы женщины были похожи на двух птиц, подравшихся в коробке с рождественскими гирляндами. Под глазами фиолетовые мешки.

Женщина в черной юбке покачнулась, но устояла на ногах. Она хотела закричать, но вместо этого проскрипела:

— По ночам мыться нельзя. Вода... выключи воду. Иначе все утонут...

Белый проводок, в который она обычно говорила, так и торчал из уха, но другой его конец болтался в воздухе. Он не был подключен к телефону. На другом конце никого не было. И никогда не было. Просто когда тебе без малого восемь, такие вещи понимаешь не сразу. Бабушка рассказывала сказки обо всем, но только не о женщинах в черных юбках, которые притворяются, что разговаривают по телефону, чтобы соседи не подумали, будто они купила все это вино для себя.

Женщина в черной юбке выглядела растерянной. Словно вдруг забыла, где она находится. Она исчезла из вида, а в следующее мгновение Эльса почувствовала, как мамины руки осторожно подняли ее с холодного пола. Ощутила затылком ее теплое дыхание, ее ласковый шепот в ушах — как будто к тебе совсем близко подошла косуля.

Эльса открыла рот, чтобы что-то сказать, но мама прижала палец к губам.

— Ш-ш, — шепнула мама, крепко обняв ее.

Эльса сидела у нее на руках в темноте, а женщина в черной юбке металась по лестничной клетке, как флаг на ветру. По прихожей были разбросаны пакеты. Одна из коробок с вином перевернулась. Из краника на паркет капали последние капли красного вина. Мама поглаживала Эльсину

руку. Они встали и тихонько пошли вверх по лестнице.

В ту ночь мама рассказала Эльсе, о чем говорили все люди в Швеции, кроме родителей Эльсы в тот день, когда она родилась. О волне, которая разбилась о берег за тысячу миль отсюда и уничтожила все на своем пути. О двух мальчиках, которые уплыли за своим отцом и не вернулись обратно.

Эльса слышала, как пьянчуга поет свою песню. Ведь не все монстры похожи на монстров. Некоторые носят монстра внутри.

14. Сньюс

Сердца людей раскололись, а зеркала треснули в тот день, когда Эльса появилась на свет. Треснули с такой силой, что осколки разлетелись по всему миру. Небывалые катастрофы делают с людьми невообразимые вещи, рождая невероятную скорбь и невероятную отвагу. Кругом столько смерти, что люди не в состоянии это вместить. Два мальчика вынесли мать в безопасное место и вернулись за отцом. Они повернули обратно, навстречу волне. Потому что семья не оставит тебя одного. А они именно так и сделали, ее мальчики. Оставили ее одну.

В тот день все зеркала треснули, все сердца разбились. Грохот стоял такой, что было слышно за тысячу миль.

Эльсина бабушка жила в другом ритме, чем остальные люди. Она была устроена по-другому. В реальном мире, где все работало исправно, бабушка была воплощением хаоса. Но, когда реальный мир рушился и все превращалось в хаос, единственными, кто работал исправно, были люди вроде Эльсиной бабушки. В этом заключалась ее суперспособность. И если бабушка стремилась попасть в какое-то место, можно было быть уверенным в том, что все остальные люди хотят оттуда уехать. А если кто-нибудь спросил бы ее, почему она во что бы то ни стало хочет туда попасть, бабушка бы ответила: «Потому что я врач, черт побери, и став им, я отказалась от права выбирать, кому я буду спасать жизнь».

Она ничего не смыслила в эффективности и экономике, эта бабушка, но, когда кругом царил хаос, все ее слушали. В реальном мире другие врачи, скорее всего, не захотели бы с ней и в магазин пойти, но, когда мир рушился, они следовали за ней как послушная армия. Потому что невероятные катастрофы делают с людьми невообразимые вещи. И рождают небывалых героев.

Однажды поздней ночью по дороге в Миамас Эльса спросила об этом бабушку. Каково это, когда мир вокруг рушится? Каково было в Просонье во время Бесконечной войны? Что чувствуешь, когда видишь, как волна

накрывает девяносто девять снежных ангелов? И бабушка ответила: «Представь, что случилось наихудшее из возможного, подумай о самом ужасном, что можно вообразить, и умножь это на такое большое число, которое не укладывается у тебя в голове». Той ночью Эльса была страшно напугана, она спросила бабушку, что они будут делать, если мир начнет рушиться там, где они живут.

Бабушка взяла ее за указательные пальцы, крепко сжала и ответила: «Мы сделаем то же, что и другие, то есть все, что в наших силах». Эльса забралась к ней на колени и спросила: «А что в наших силах?» Бабушка поцеловала ее в затылок, обняла крепко-крепко и прошептала: «Мы взвалим себе на плечи столько детей, сколько сможем унести. И побежим изо всех сил». «Я быстро бегаю», — прошептала Эльса. «И я», — прошептала в ответ бабушка.

В тот день, когда Эльса появилась на свет, бабушка была далеко. На войне, там, где рушился мир. Она провела там несколько месяцев и уже направлялась в аэропорт, чтобы вернуться домой. Вот тогда-то она и услышала о волне, которая обрушилась на землю совершенно в другом месте, далеко-далеко оттуда, и от которой люди отчаянно пытались бежать. Бабушка без промедления отправилась в эпицентр катастрофы. Ведь там нужен был врач. Она успела вынести на своих плечах множество детей, которых спасла от смерти, но мальчиков женщины в черной юбке она спасти не успела. Поэтому она вынесла саму женщину. И привезла ее домой.

Эльса и мама сидели в «КИА». Было утро, машина стояла в пробке. На лобовое стекло ложились снежинки, каждая размером с салфетку.

— Это была последняя бабушкина поездка. После нее она вернулась домой, — сказала мама в конце.

Эльса не припоминала, чтобы мама когда-нибудь рассказывала такую длинную историю. Мама вообще не любит рассказывать истории, тем более длинные. А эта история такая, что вчера ночью посреди нее мама уснула, и пришлось продолжать утром в машине по дороге в школу. Это история о бабушкиной последней поездке и первых днях Эльсы.

— А почему эта поездка стала последней? — спросила Эльса.

Мама улыбнулась печально и радостно одновременно, этой комбинацией чувств владеет только мама.

— У нее появилась новая работа.

Вдруг у мамы стало такое лицо, как будто она вспомнила что-то не то.

Словно воспоминание само вдруг выскочило из разбившейся вазы.

— Ты родилась слишком рано, врачи беспокоились за твое сердце, и мы несколько недель провели в больнице. Бабушка вместе с ней приехала в тот же день, когда мы вернулись домой...

Эльса поняла, что мама имеет в виду женщину в черной юбке. Мама крепко сжала руль и рассеянно продолжала, как бы разговаривая с самой собой:

— Я никогда с ней особо не разговаривала. Думаю, вряд ли кто из соседей ее спрашивал. Мы предоставили это бабушке. А потом...

Мама вздохнула, и во взгляде ее появилось сожаление.

— ...шли годы. Мы были заняты своими делами. И со временем она просто стала одной из нас. Честно говоря, я и забыла, что она переехала к нам в тот день, когда мы с тобой вернулись из больницы...

Мама повернулась к Эльсе. Попыталась улыбнуться. Получилось не очень.

— Наверное, я плохой человек, раз такое забыла?

Эльса покачала головой. Ей хотелось рассказать про Монстра и ворса, но она сдержалась, вдруг мама запретит с ними встречаться. У мам ведь странные принципы, когда речь идет о дружбе с монстрами и ворсами. Понятно, их боятся, и понадобится много времени, чтобы доказать: они вовсе не те, за кого их принимают. Так же, как и с пьянчугой.

— А часто бабушка уезжала? — спросила Эльса.

Мама вцепилась в руль. Серебристый автомобиль, который ехал следом, сигналил, потому что перед ними образовалось расстояние в несколько метров. Мама отпустила тормоз, и «КИА» медленно покатила вперед.

— По-разному. Смотря где и как долго она была нужна.

— Бабушка это имела в виду, когда сказала, что ты стала экономистом, чтобы ей насолить?

Мама удивленно посмотрела на Эльсу. Серебристый автомобиль снова засигналил.

— Что?

Эльса теребила резиновую прокладку в дверце.

— Я все слышала. Это было сто лет назад. Бабушка сказала, что ты стала экономистом, потому что это был подростковый бунт. А ты ответила: «Да что ты вообще обо мне знаешь? Когда я была подростком, тебя здесь не было!» Ты тогда это имела в виду?

Мама внимательно рассматривала костяшки пальцев.

— Просто я разозлилась. А когда злишься, не всегда следишь за

словами.

Эльса помотала головой в знак несогласия.

— Это не про тебя. У тебя всегда все под контролем.

Мама выдавила улыбку:

— С бабушкой не всегда.

— Сколько тебе было лет, когда умер дедушка?

— Двенадцать.

— Двенадцать лет — это еще ребенок.

— Да, это правда.

— И бабушка оставляла тебя одну?

— Бабушка ехала туда, где в ней нуждались, дружочек.

— А как же ты?

— Другие нуждались больше.

— Поэтому вы все время ругались?

Мама вздохнула так тяжело, как могут вздыхать родители, когда они понимают, что рассказали больше, чем планировали.

— Да. Иногда поэтому. Иногда из-за чего-то другого. Мы с бабушкой были очень... разные.

— Нет. Просто вы были не такими, как все, — каждая на свой лад.

— Возможно, и так.

— А о чем вы еще ругались?

Серебристый автомобиль снова сигналил. Мама закрыла глаза и задержала дыхание. Когда она наконец отпустила тормоз и «КИА» покатилась вперед, слова прорвались сквозь преграду:

— Из-за тебя, милая. Мы всегда ругались из-за тебя.

— Почему?

— Потому что когда сильно любишь человека, бывает сложно поделить его с кем-то другим.

— Как Джин Грей, — кивнула Эльса, как будто сравнение лежало на поверхности.

— Кто? — удивилась мама, будто на поверхности ничего такого не лежало.

— Это супергериня из «Людей Икс». Ее любили Росомаха и Циклоп. Они все время из-за нее ругались.

Мама кивнула с таким видом, как будто кое-что на поверхности проступило.

— Я думала, что эти люди Икс мутанты. А не супергерои. Вроде в прошлый раз ты мне сама так говорила.

— Все сложно, — ответила Эльса, хотя на самом деле все проще

простого. Для тех, разумеется, кто читает серьезную литературу.

— А какая суперспособность у этой Джин Грей? — спросила мама.

— Телепатия, — ответила Эльса.

— Полезная вещь.

— Не то слово.

Эльса решила не упоминать, что Джин Грей еще и телекинетик, не хотелось бы ругаться из-за этого с мамой, особенно сейчас. Она ведь беременная.

Вместо этого Эльса оттянула резиновую прокладку двери. Заглянула под нее. Она страшно устала, что совершенно неудивительно для почти восьмилетнего ребенка, рассерженного и всю ночь не спавшего. У Эльсиной мамы никогда не было настоящей мамы, потому что мамина мама всегда была где-то далеко и помогала кому-то другому. С этой точки зрения Эльса бабушку никогда не рассматривала.

— Ты злишься на бабушку за то, что она проводила со мной столько времени, а с тобой нет? — осторожно спросила она.

Мама так рьяно замотала головой, что Эльса поняла: все дальнейшие слова будут неправдой.

— Нет, милая моя, любимая девочка. Никогда! Никогда!

Эльса кивнула, рассматривая щель за прокладкой.

— Зато я злюсь. Она не сказала мне правду.

— У всех есть свои тайны, милая.

— А ты злишься на то, что у нас с бабушкой были свои тайны? — спросила Эльса, не глядя на маму.

Она вспомнила, как они говорили на тайном языке, чтобы мама не поняла. Вспомнила о Просонье. Интересно, бывала ли там мама?

— Я никогда на вас не злилась... — ответила мама, протягивая руку через сиденье, и прошептала: — Я завидовала.

Чувство вины накрыло Эльсу холодной волной.

— Так вот что она имела в виду, — поняла Эльса.

— Ты о чем? — удивилась мама.

Эльса усмехнулась:

— Она сказала, что я буду ненавидеть ее, когда узнаю, кем она была до моего рождения. Вот о чем. Узнаю, что она была плохой матерью, оставляла своего ребенка...

Мама смотрела на нее такими блестящими глазами, что Эльса увидела в них свое отражение.

— Она меня не оставляла. Не надо ненавидеть бабушку, милая.

Эльса молчала, мама погладила ее по щеке и прошептала:

— Такова участь дочери — злиться на мать. Зато бабушка из нее вышла чудесная. Такую бабушку еще поискать.

Эльса упрямо трепала резиновую прокладку.

— Но она оставляла тебя одну! Ты ведь оставалась одна, когда она уезжала, да? Ведь ребенка могут забрать в детский дом!

Мама выдавила улыбку:

— Это ты в «Википедии» прочитала?

Эльса хмыкнула:

— В школе так говорят.

Мама закрыла глаза.

— Когда я была маленькой, у меня был твой дедушка.

— Пока он не умер!

— Когда он умер, за мной стали присматривать соседи.

— Какие соседи? — насторожилась Эльса.

Машина сзади снова засигналила. Мама с извиняющимся видом кивнула в зеркало заднего вида. «КИА» покатила вперед.

— Бритт-Мари, — наконец произнесла мама.

Эльса перестала тереть резиновую прокладку.

— Что «Бритт-Мари»?

— Она за мной присматривала.

Брови Эльсы сложились в сердитую галочку.

— Почему же она теперь ведет себя как последняя злючка?

— Не говори так, Эльса.

— Но это правда!

Мама обиженно засопела:

— Она не всегда была такой. Просто она... одинока.

— Но у нее ведь есть Кент!

Мама закрыла глаза и зажмурилась.

— Необязательно жить в одиночестве, чтобы быть одинокой, милая.

Эльса снова принялась за резиновую прокладку.

— Все равно она совершенно чокнутая.

Мама кивнула.

— Если столько жить в одиночестве, недолго и чокнуться.

Машина у них за спиной снова сигналила.

— Поэтому бабушки нет с тобой на старых фотографиях у вас дома? — спросила Эльса.

— Что?

— Бабушки нет ни на одной фотографии до моего рождения. Когда я была маленькой, я думала, это потому, что она вампир. Вампиры ведь не отпечатываются на снимках и могут курить сколько угодно, им от этого ничего не будет. Но бабушка не была вампиром, да? Ее нет на фотографиях, потому что ее никогда не было дома.

— Все не так просто.

— Знаю! Все не так просто, если тебе никто не объясняет, в чем дело! Когда я спрашивала об этом бабушку, она всегда переводила разговор на другую тему. А когда я спросила папу, он сказал: «Э... Э... чего бы тебе хотелось? Может, мороженое? Идем за мороженым!»

Мама прыснула от смеха. Если бы она сейчас пила молочный коктейль, он бы брызнул у нее из носа, и вся приборная доска покрылась бы мелкими каплями. Эльса неплохо умела передразнивать папу.

— Папа не выносит конфликты, — хихикнула мама.

— Бабушка была вампиром или нет?

— Бабушка ездила по всему свету и спасала жизни детей, дружочек. Она была...

Мама подыскивала подходящее слово. Вспомнив его, она улыбнулась во все лицо и сказала:

— ...супергероем! Твоя бабушка была супергероем!

Эльса заглянула под резиновую прокладку.

— Супергерои не оставляют своих детей на произвол судьбы.

Мама молчала.

— Любой супергерой, милая, вынужден чем-то жертвовать, — наконец сказала она.

Но обе знали, что мама так не считает.

Машина у них за спиной снова сигналила. Мама опять виновато кивнула в зеркало. «КИА» проехала пару метров вперед. Эльсе очень хотелось, чтобы мама сейчас закричала. Или заплакала. Или сделала что-нибудь. Чтобы мама хоть как-то показала, что она чувствует. И тут Эльса сделала то, что сделал бы любой почти восьмилетний ребенок в такой ситуации. Она посмотрела в щель под резиновой прокладкой и оглянулась по сторонам в поисках предмета, который совершенно не предназначен для того, чтобы его в эту щель засунули.

Эльса открыла бардачок. Ее взгляд упал на упаковку жвачки. Она взяла ее и посмотрела на маму. Достала жвачку и старательно запихнула в щель. Затем еще одну. Мама все видела, Эльса знала, что мама все видит, но продолжает молчать. Она по-прежнему владела собой. Эльса это

ненавидит.

Машина у них за спиной снова засигналила. Мама извинилась в зеркало заднего вида. «КИА» покатила вперед.

У Эльсы в голове не укладывалось, почему несколько метров имеют такое значение, если ты все равно стоишь в пробке. Она посмотрела на мужчину, сидящего за рулем, в зеркало заднего вида. Похоже, тот был уверен, что в пробке виновата Эльсина мама. Эльсе хотелось, чтобы мама поступила так же, как когда она была беременна Эльсой, — вышла бы из машины и заорала: «Хватит сигналить, черт тебя дер!»

Она слышала эту историю от папы. Вообще-то папа никогда не рассказывает истории, но однажды, на праздник летнего солнцестояния, в те времена, когда мама еще не начала грустить и ложиться спать все раньше и раньше, а папа не оставался сидеть на кухне допоздна, чтобы со слезами на глазах переставлять иконки в мамином компьютере, они втроем были на вечеринке. Папа выпил три банки пива и рассказал историю о том, как мама, когда была уже на сносях, вышла из машины, подошла к серебристому автомобилю, в котором сидел какой-то мужчина, и пригрозила: «Если еще раз просигналишь, я рожу прямо сейчас у тебя на капоте!» Все долго смеялись. Разумеется, кроме папы, он не особенно любит смеяться. Но Эльса знала, что ему эта история тоже казалась очень забавной. На той вечеринке папа танцевал вместе с мамой. В последний раз. Больше Эльса не видела, чтобы они танцевали. Танцор из папы никудышный, он напоминает медведя, который пробудился от зимней спячки и понял, что отлежал лапу. Как же Эльсе не хватает этой отлежанной лапы!

И того, кто может выйти и наорать на водителя серебристой машины.

Мужчина сзади снова посигналил.

В этот самый момент Эльса приняла решение, которое превратило все утро в фейсбучный статус, иначе не скажешь. Она схватила свой ранец, достала оттуда самую тяжелую книгу, и, когда «КИА» остановилась, дернула ручку и выпрыгнула прямо на дорогу. Она слышала, как мама что-то кричит, но не оглядывалась. Эльса подбежала к серебристому автомобилю и со всей дури грохнула книгой по капоту.

На гладкой поверхности осталась вмятина. Руки у Эльсы дрожали.

Мужчина за рулем смотрел на нее так, будто не мог поверить, что все это произошло на самом деле. Как в тот раз, когда Эльса с родителями была в «Диснейленде» в Париже и поздно вечером по дороге домой увидела

Золушку, которая писала в кустах и что-то по-французски кричала пирату, — впоследствии Эльса узнала, что это были грязные ругательства.

Эльса смотрела в глаза водителю. Тот таращился на нее как замороженный.

— Козел! — крикнула Эльса.

Мужчина молчал, и Эльса трижды со всей дури ударила книгой по капоту и погрозила мужчине кулаком.

— Ты что, не понимаешь, моя мама беременна! Зачем ты сигналишь как последний козел?! А?

Мужчина порывался открыть дверь. Но потом, похоже, передумал. Эльса занесла книгу над головой, как двуручный меч, и вонзила ее в капот, оставив глубокую рану.

Мужчина смотрел на нее в полной растерянности. Он почесал шею. Потянулся к боковому окну. Раздался щелчок разблокировки дверей.

— МОЖЕТ, У НАС БЫЛ ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ! А теперь приготовься, моя мама сейчас выйдет из машины и родит ребенка НА КАПОТЕ ТВОЕЙ ЧЕРТОВОЙ ТАЧКИ! — завопила Эльса во все горло.

Ну так, на всякий случай.

Мужчина опустил взгляд.

Эльса стояла на дороге между серебристым автомобилем и «КИА» и дышала так тяжело, что заболела голова. Мама что-то кричала, и Эльса как раз хотела вернуться в машину, честное слово. Она не собиралась этого делать. И тут почувствовала чью-то руку у себя на плече. Голос спросил ее:

— Тебе нужна помощь?

Обернувшись, Эльса увидела перед собой полицейского. От него пахло снюсом.

— Мы можем тебе чем-то помочь? — дружелюбно спросил он.

Полицейский был совсем молодой. Точно старшеклассник, который подрабатывает на каникулах. Только каникулы еще не начались.

— А чего он сигналил! — оправдывалась Эльса.

Полицейский-старшеклассник посмотрел на мужчину за рулем серебристого автомобиля. Тот изо всех сил сосредоточился на чем-то другом и не поднимал взгляд. Эльса повернулась к «КИА». Она не собиралась ничего говорить, слова сами посыпались у нее изо рта:

— Моя мама вот-вот родит, у нас был тяжелый день...

Она снова почувствовала руку полицейского у себя на плече.

— Твоя мама должна родить?! — крикнул он.

— Ну, не прямо... — начала Эльса.

Но было поздно.

Полицейский бросился к «КИА». Мама наполовину высунулась из машины, держась за живот, в котором сидел Полукто.

— Вы можете вести машину?! — крикнул полицейский так громко, что Эльса, поморщившись, зажала уши руками и демонстративно обошла «КИА» с другой стороны.

Мама была в недоумении.

— Что, простите? Конечно, могу. Или вы о чем? Что-то не так с...

— Я поеду перед вами! — заорал полицейский во все горло, не дослушав до конца, затолкнул маму обратно в «КИА» и помчался к полицейскому автомобилю.

Мама тяжело плюхнулась на сиденье. Посмотрела на Эльсу. Эльса лихорадочно осматривала бардачок, стараясь не встречаться с ней взглядом.

— В чем дело? — спросила мама.

Полицейская машина проехала вперед, включив сирену на полную мощность. Полицейский-старшекласник неистово махал рукой, призывая их ехать за ним следом.

— Кажется, он хочет, чтобы мы ехали за ним, — пробормотала Эльса, не глядя маме в глаза.

Машины перед ними разъезжались в стороны и уступали дорогу.

— Не понимаю... что происходит? — шептала мама, и «КИА» осторожно двигалась за полицейским автомобилем.

— Это как статус в Фейсбуке, — покашляла Эльса.

— Куда он едет? — спросила мама, одновременно кланяясь с извиняющимся видом всем, кто ее пропускал. — И сколько вообще времени?

— Надо говорить «который час», — не удержалась Эльса.

— Я спрашиваю. Куда. Он. Едет. Эльса? — отчетливо произнесла мама, и, если честно, Эльсе показалось, что в ее голосе прозвучал легкий упрек.

— Ну, наверное, в больницу, — пробормотала Эльса, уткнувшись в бардачок. — Он думает, что ты вот-вот родишь.

— Рожу, — машинально повторила мама, пока они ехали по освободившейся полосе под звуки сирены.

— Угу, — ответила Эльса.

— Зачем ты ему сказала, что я собираюсь родить?

— Я не говорила! Но что толку, меня все равно никто никогда не

слушает! — огрызнулась Эльса.

— Ах вот оно что! И что мне теперь прикажешь делать? — огрызнулась в ответ мама. Она уже не очень владела собой.

— Ну теперь-то мы уже едем за ним так долго, что он может очень обидеться, если ты не родишь, — назидательно сообщила Эльса.

— Ты серьезно?! — заорала мама, окончательно перестав владеть собой.

Эльса предпочла не вступать в дискуссию о том, что это было — сарказм или ирония.

Машина остановилась возле въезда в отделение реанимации. Вид у мамы был такой, будто она собирается выйти из машины и во всем признаться полицейскому-старшекласснику. Она попыталась выбраться из машины, но полицейский затолкнул ее обратно и крикнул, что сейчас приведет подмогу. Он с воплями бросился ко входу, жестикулируя так, будто облился кипящим какао. Мама смотрела ему вслед несчастным взглядом. Они стояли у входа в больницу, где она работает. Начальником.

— Боюсь, персонал меня не поймет, — пробормотала мама и обреченно уткнулась лбом в руль.

— Может, сказать им, что это типа учения? — предложила Эльса.

Мама молчала. Эльса снова кашлянула.

— Бабушке бы это понравилось.

Слегка улыбнувшись, мама повернулась к Эльсе. Они долго смотрели друг другу в глаза.

— Да уж, бабушка небось охренела бы от восторга, — сказала мама.

— Хватит ругаться.

— Ты же сама все время ругаешься!

— Но я не мама!

Мама снова улыбнулась:

— Шах.

Эльса пару раз закрыла и открыла бардачок. Изучила фасад больницы. В одном из этих окон находится бабушкина палата. Где они вместе заснули в ту ночь, когда бабушка унеслась в Миамас в последний раз. Сейчас кажется, что это было давным-давно. И сама Эльса летала в Миамас давным-давно.

— А что это была за работа? — спросила она, просто чтобы отогнать воспоминания.

— Ты о чем? — не поняла мама.

— Ты сказала, что та поездка после цунами была последней, а потом

бабушка получила другую работу. Какую?

Мамины пальцы слегка коснулись Эльсиных, она тихонько сказала:

— Бабушкой. Она стала бабушкой. И никуда больше не ездила.

Эльса медленно кивнула. Мама погладила ее по руке. Эльса закрыла и открыла бардачок. Подняла взгляд с таким видом, будто ее осенила какая-то идея — потому, что ей хотелось сменить тему разговора, невыносимо было думать о том, как она зла на бабушку.

— Прошу прощения, но что он вообще себе думает, этот полицейский? Что ты можешь рожать и одновременно вести машину? Разве можно это совмещать?

Мама погладила ее по плечу.

— Ты удивишься, когда поймешь, как мало большинство взрослых мужчин знает о родах, милая.

Эльса фыркнула:

— Вот маглы.

Мама нагнулась и чмокнула ее в висок. Эльса посмотрела ей в глаза.

— Вы с папой развелись, потому что любовь кончилась? — слова слетели у нее с языка прежде, чем она успела подумать.

— Почему ты спрашиваешь?

Эльса пожала плечами:

— Надо же нам о чем-то поговорить, пока мы ждем полицейского и твоих подчиненных, перед которыми тебе будет суперстыдно...

Мама снова помрачнела. Эльса ковыряла прокладку. Она поняла, что шутить на эту тему преждевременно.

— Люди женятся, потому что любят друг друга, и разводятся, когда любовь кончилась, — тихо сказала она.

— Это в школе так говорят? — улыбнулась мама.

— Это моя собственная теория.

Мама разразилась хохотом. Внезапным, как ливень в кино. Эльса хмыкнула.

— А у бабушки с дедушкой тоже кончилась любовь? — спросила она, когда мама перестала хохотать.

Мама вытерла глаза.

— Они никогда не были женаты, дружочек.

— Почему?

— Бабушка была необычной женщиной. С ней было трудно ужиться.

— Как это?

Мама помассировала веки.

— Как тебе сказать, милая. Понимаешь, в те времена женщины вроде

бабушки встречались довольно редко. Н-да... таких женщин практически не было. Например, было не принято, чтобы женщины становились врачами. Тем более хирургами. Научные круги выглядели совершенно иначе. И...

Мама умолкла. Эльса вскинула брови:

— Знаешь сказку о маме, которая говорила загадками?

Мама виновато улыбнулась, словно сознавала, что сейчас скажет глупость:

— Наверное, если бы бабушка была мужчиной своего поколения, ее бы называли плейбоем.

Некоторое время Эльса молчала. Потом с серьезным видом кивнула.

— У нее было много парней?

— Да, — тихо сказала мама.

— Да, у нас в школе тоже есть кое-кто, у кого много парней.

— Э... Я не хотела сказать, что девочка из твоей школы э... — в ужасе возразила мама.

— Не девочка, а мальчик, — поправила Эльса.

Мама совсем растерялась. Эльса пожала плечами.

— Все сложно, — объяснила она.

Хотя на самом деле все проще простого. Но маме от этого не легче.

— Дедушка безумно любил бабушку. Но они никогда не были... вместе. Понимаешь?

— Понимаю, — ответила Эльса. Слава богу, интернет у нее есть.

Она потянулась к маме, взяла ее за указательные пальцы и крепко их сжала.

— Мамочка, мне так жаль, что бабушка была плохой матерью!

— Она была потрясающей бабушкой, Эльса. И с тобой наверстала все свои упущенные возможности, — сказала мама и погладила Эльсу по голове. — По-моему, бабушка так прекрасно чувствовала себя, когда кругом царил хаос, потому что сама была воплощением хаоса. Она знала, что делать при любой катастрофе. А вот будни и вся эта повседневная жизнь приводили ее в смятение.

— Как часы, которые спешат или отстают. Они показывают правильное время, просто находятся не в том месте земного шара, — сказала Эльса, пытаясь скрыть злость.

Без особого успеха.

— Да. Пожалуй. Так что... вот почему бабушки нет на старых фотографиях. Отчасти потому, что дома она бывала нечасто. А отчасти — потому что я их порвала.

— Зачем?

— Я была подростком. И злилась на нее. Дома всегда царил хаос. Неоплаченные счета, протухшая еда в холодильнике — если она вообще там была, потому что довольно часто есть было нечего. Господи. Даже не знаю, как тебе объяснить, милая. Просто я была очень зла.

Эльса откинулась на спинку сиденья, сложив руки на груди, и посмотрела в окно.

— Если не можешь ухаживать за детьми, нечего их заводить.

Мама снова легонько коснулась кончиками пальцев Эльсиного плеча:

— Когда я родилась, бабушка была уже немолода. Ну, или не то чтобы немолода, она была такого же возраста, как я, когда родилась ты. Но в те времена она уже считалась немолодой. И бабушка не думала, что может иметь ребенка. Она когда-то обследовалась.

Эльса почти уткнулась носом в ключицу.

— То есть ты родилась по ошибке?

— Да, несчастный случай.

— Значит, я тоже несчастный случай.

Мама скривила губы:

— Никто и никогда не хотел ребенка так сильно, как мы с папой, милая. Ты полная противоположность несчастному случаю.

Эльса смотрела в потолок «КИА», часто-часто смаргивая блестящую пелену.

— Поэтому твоя суперспособность — порядок? Ты не хочешь быть похожей на бабушку?

Мама пожала плечами:

— Я научилась все делать сама и не полагаться на бабушку. Под конец сложилось так, что, когда она приезжала, становилось только хуже. Я так злилась на нее, пока ее не было, что злилась еще сильнее, когда она была дома.

— Ты по-прежнему не можешь ее простить?

— Думаешь, это ужасно?

Эльса топнула по коврику:

— Нет. Если б я знала, что бабушка из тех, кто бросает своих детей, мы бы с ней установили новый рекорд по бойкоту.

Эльса почувствовала, что мама гладит ее еще быстрее.

— Понимаешь, она была бабушкой-одиночкой.

— Главное, что она была плохой матерью.

— Эльса, милая, не надо так говорить. Она старалась как могла. Как и все мы.

— Нет!

— Это не твое дело — злиться на бабушку.

— Но что я могу поделать, я все равно злюсь. Как можно быть такой чокнутой? И почему мне никто не рассказывал, как все было на самом деле? И почему теперь, когда я все знаю, я все равно так безумно по ней скучаю?!

Зажмурившись, мама прижалась лбом ко лбу Эльсы. У Эльсы дрожали губы.

— Я тоже, — шепнула мама.

И в этот самый момент полицейский-старшеклассник стремглав вылетел из больничных дверей. За ним во всю прыть неслись медсестры с носилками наперевес. Эльса и мама посмотрели друг на друга.

— Что бы на моем месте сделала бабушка? — спокойно спросила мама.

— Смылась бы поскорее, — ответила Эльса.

Они по-прежнему сидели прижавшись друг к другу лбами.

И вот, когда полицейскому-страшекласснику и медсестрам осталось до машины всего пара метров, мама не торопясь кивнула. Переключила передачу, колеса прокрутились в снегу и машина сорвалась с места. Никогда Эльса не видела, чтобы мама поступила так безответственно.

Ну как ее можно после этого не любить!

15. Стружки

Просонье населяют существа более или менее странные. В основном, конечно, более, потому что про них рассказывала бабушка, а она во всех отношениях была скорее более странной, чем менее.

Но вот уж кто действительно странный, даже по бабушкиным меркам, так это жалей. Это дикие стадные животные, которые пасутся на пастбищах у стен Миамаса. Пища у них все время разная, никто толком не понимает, как они до сих пор не вымерли, учитывая все обстоятельства. На первый взгляд жалеев можно принять за белых лошадей, но они значительно более амбивалентны, поскольку страдают от биологического дефекта: они не умеют принимать решения. Это приводит к целому ряду проблем практического характера, ведь жалей, как уже было сказано, животные стадные. Если, например, два жалея идут в одну и ту же сторону, они почти непременно столкнутся, а потом очень об этом пожалеют. Поэтому у жалеев на лбу всегда огромные выпирающие шишки, из-за которых в сказках, попавших в реальный мир, жалеев часто путают с единорогами. Сказочники Миамаса давно поняли, что не стоит брать напрокат жалея вместо единорога, чтобы урезать сказочный бюджет, — ни к чему хорошему это не приведет. А кроме того, никто, ну то есть совершенно никто, не в состоянии стоять в очереди к прилавку за жалеем.

«Поэтому нет никакого смысла себя жалеть, от этого одна головная боль!» — любила восклицать бабушка, хлопая себя по лбу. Вот о чем думала Эльса, сидя в «КИА» рядом с мамой возле своей школы.

Интересно, жалела ли бабушка всякий раз, когда оставляла маму одну? Были ли у нее на лбу шишки? Хотелось бы так думать.

Мама массировала виски и сыпала проклятиями сквозь зубы — явно жалела, что ретировалась таким экстравагантным образом. Похоже, она только сейчас осознала, что из школы ей надо напрямик ехать обратно в больницу и браться за работу — за работу начальника.

Эльса погладила ее по плечу.

— Может, свалить все на мамнезию? — предложила она.

Мама обреченно закрыла глаза. Что-то многовато мамнезии в последнее время. Утром она не нашла шарф Гриффиндора, а телефон все время кладет в разные экзотические места. Например, в холодильник, мусорное ведро, корзину со стиркой и даже в Джорджовы кроссовки для бега. Утром Эльсе пришлось звонить маме трижды, что не так уж и просто: после того как ее телефон познакомился с тостером, на экране у него все расплывается. Под конец они нашли мамин телефон, он звонил в Эльсином ранце. Там же был и шарф Гриффиндора.

— Вот они где! — воскликнула мама. — Вещь можно считать потерянной, только если твоя мама ее не нашла! — но Эльса лишь закатила глаза, и маме стало стыдно, она пробормотала что-то про мамнезию.

Вот и сейчас ей было стыдно. Она жалела о случившемся.

— Вряд ли меня оставят в руководстве больницы, если я скажу, что забыла, что меня доставили в больницу с полицейским эскортом, милая.

Эльса нагнулась к маме и погладила ее по щеке:

— Все будет хорошо, мам. Не расстраивайся.

Эльса поймала себя на том, что повторяет бабушкины слова. Мама положила руку на живот, где сидело Полукто, и, кивнув с напускной уверенностью, попыталась сменить тему.

— Не забудь, папа заберет тебя после обеда. А в понедельник Джордж отвезет тебя в школу. У меня конференция и...

Эльса с терпеливым видом потрепала мамины волосы.

— Мам, в понедельник я не иду в школу. У нас каникулы.

Мама накрыла Эльсину руку своей, прижала к губам и вдохнула ее ладонь, как будто хотела наполнить Эльсой свои легкие. Так делают мамы, когда обнаруживают, что их дочери выросли слишком быстро.

— Прости, милая. Я... забыла.

— Ничего, мам.

Хотя вообще-то очень даже чего.

Они обнялись, и Эльса выпрыгнула из машины. Она подождала, пока «КИА» исчезнет из поля зрения, открыла ранец и достала мамин телефон. Прокрутив список контактов до папиного имени, она написала ему эсэмэс: «Кстати: сегодня Эльсу из школы не забирай. Я ей займусь». Эльса знает их стиль переписки. Она объект, который можно забрать и которым надо заняться. Примерно как стирка. Она знает, что ничего плохого они в виду не имеют, но все-таки. Ни один семилетний ребенок, смотревший фильмы об итальянской мафии, не хочет, чтобы им «занялась» его семья. Вот только

маме этого не объяснишь, потому что она строго-настрого запретила бабушке показывать Эльсе подобные фильмы.

Мамин телефон вибрировал у Эльсы в руке. На экране было папино имя и сообщение: «Понял». Эльса стерла и его, и свою эсэмэску из папки «отправленные». Постояла на тротуаре, считая назад от двадцати. На счете «семь» на парковку с заносом вырулила «КИА», мама в спешке опустила стекло. Эльса протянула ей телефон. Мама пробормотала про «мамнезию». Эльса поцеловала ее в щеку. Мама схватила себя за шею и спросила про шарф.

— У тебя в правом кармане пальто, — ответила Эльса.

Мама выудила шарф, взяла Эльсу за голову обеими руками и, притянув к себе, крепко поцеловала в лоб. Эльса закрыла глаза.

— Вещь можно считать потерянной, только если твоя дочь ее не нашла, — прошептала она маме на ухо.

— Ты будешь отличной старшей сестрой, — сказала мама.

Эльса молча махала вслед «КИА». Она не отвечала, потому что скрывала от мамы, что не хочет быть старшей сестрой. Она скрывала, что она ужасный человек, который ненавидит Полукого только потому, что все будут любить его больше. Скрывала, как боится, что после этого останется совсем одна.

Эльса обернулась и посмотрела на школьный двор. Ее никто не видел. Порывшись в ранце, она достала письмо, найденное в «рено». Адрес был ей незнаком, бабушка никогда не придавала значения адресам. Эльса даже не была уверена, что он реален, потому что бабушка, объясняя дорогу, часто пользовалась уже не существующими ориентирами. «Ну, это там, где жили те сумасшедшие с попугаем, мимо старого теннисного корта к резиновой фабрике или что там сейчас вместо нее построили», — примерно так она объясняла схему проезда. Если ее не понимали, бабушка так расстраивалась, что выкуривала две сигареты подряд, прикурив вторую от первой. А уж когда ей говорили, что в помещении курить нельзя, приходила в такую ярость, что никаких внятных объяснений получить от нее становилось вообще невозможно, если не считать общего направления, обозначенного указательным пальцем.

Вообще-то Эльсе хотелось разорвать письмо на тысячу мелких кусочков и отправить их по ветру. Так она решила сделать вчера. Потому что разозлилась на бабушку. Но теперь, когда мама рассказала ей всю историю и Эльса увидела в маминых глазах отчаяние, от решения пришлось отказаться. Придется доставить письмо, а также все другие

письма, которые, как она догадывалась, бабушка где-то оставила для нее. Она найдет и доставит все письма, и это будет классное приключение и отличная сказка, как и планировала бабушка. Но сделает она это не ради бабушки.

И для начала ей нужен компьютер.

Эльса снова посмотрела на школьный двор. И в тот самый момент, когда зазвонил звонок и все пошли к дверям школы, она помчалась вдоль забора к автобусу. Вышла на одну остановку раньше, забежала в продуктовый магазин, в отдел, где продается мороженое. Через десять минут она уже прокралась по лестнице в подвал и зарылась лицом в черную шерсть ворса. Теперь это было ее любимое место на земле.

— А у меня в сумке мороженое, — сказала она, наконец поднимая голову.

Ворс с интересом принялся.

— Это «Баскин Роббинс», шоколадное с орехами, мое любимое, — объяснила Эльса.

К тому моменту, как Эльса закончила предложение, ворс съел уже больше половины. Она погладила его по ушам.

— Слушай, мне надо найти компьютер, посиди пока тут и... ну, сам знаешь, постарайся не показываться людям на глаза!

Ворс посмотрел на нее так, как смотрят очень большие ворсы, которых просят вести себя так, как будто они маленькие.

Эльса дала себе слово найти для него убежище получше. В ближайшее время.

Она поспешила вверх по лестнице. Внимательно осмотрелась, нет ли поблизости Бритт-Мари, и позвонила в дверь Монстра. Тот не открыл. Эльса позвонила снова. Тишина. Эльса с тяжким вздохом открыла щель для почты и заглянула туда. В квартире было темно, но она знала, что Монстр там.

— Я знаю, что ты здесь! — выкрикнула она.

Молчание. Эльса вдохнула поглубже.

— Если сейчас же не откроешь, я хорошенько чихну прямо сюда! А я, между прочим, адски простужена... — угрожающе начала она, но не успела закончить, как за спиной послышалось шиканье, как будто кто-то хотел согнать со стола кошку.

Эльса обернулась. Монстр выступил из тени под лестницей. И как только такой огромный человек может быть таким незаметным? Монстр

тер ладони так, что кожа покраснела.

— Не чихать, не чихать! — в ужасе умолял он.

Эльса так закатила глаза, что глазные яблоки коснулись гипофиза — она читала про анатомию мозга в «Википедии».

— Господи, ты что, думаешь, я совсем чокнутая? Я вообще не простужена!

Монстр соблюдал дистанцию и недоверчиво тер руки. Эльса кивнула на дверь.

— Ты чего на лестнице ошиваешься? Почему не дома?

Монстр исчез под капюшоном, осталась только черная борода.

— Сторожу.

— Знаешь сказку о человеке, который вечно преувеличивал?

Монстр не ответил. Он пожал плечами.

— Хочу одолжить у тебя компьютер. По-моему, Джордж сейчас дома, а в своем телефоне я посмотреть не могу, у него экран немного поджарился после того, как бабушка его поливала фантой и сушила в тостере. Ну или типа того.

Капюшон Монстра качнулся из стороны в сторону.

— Нет компьютера.

— Да ладно тебе, я только адрес один посмотрю! — настаивала Эльса, помахивая бабушкиным письмом.

Монстр снова покачал головой. Эльса застонала.

— Ну дай мне хотя бы пароль от вайфая, я подключусь с айпэда! — простонала Эльса, закатив глаза так, что зрачки, похоже, успели поменяться местами по пути обратно.

Монстр покачал головой. Эльса продолжала стонать.

— У меня в айпэде нет интернета, потому что мама разозлилась на папу за то, что он мне вообще его купил. Ей не нравится, что у меня такие дорогие вещи, и она не любит «Эппл». Так что это был компромисс. Понимаешь, все сложно. Я один раз зайду под твоим паролем, окей?

— Нет компьютера, — повторил Монстр.

— Как нет? — недоверчиво спросила Эльса.

Монстр покачал головой.

— Вообще нет компьютера?

Капюшон мотнулся туда-сюда. Эльса посмотрела на Монстра в полной уверенности, что тот ее разыгрывает:

— Разве такое бывает?

Монстр выудил из кармана куртки запечатанный пакетик, раскрыл его и достал маленький флакон с антибактериальным гелем. Он аккуратно

выдавил гель на руки и втер в кожу.

— Мне компьютер не нужен, — пробормотал он.

Эльса почувствовала острую потребность помассировать виски.

— Боже мой. Не зря про тебя говорят, что ты больной на всю голову!

Монстр молчал. Эльса нетерпеливо вздохнула и осмотрелась вокруг. Домой нельзя, там наверняка Джордж, начнет расспрашивать, почему она не в школе. К Мод и Леннарту она пойти не могла, потому что они слишком добрые и хорошие, чтобы врать. Если мама спросит, они не смогут сказать, что не видели ее. Мамы и мальчика с синдромом днем дома не бывает. Про Бритт-Мари и говорить нечего.

Круг сужался. Эльса изо всех сил напрягла воображение и подумала, что настоящему рыцарю Миамаса трудности не страшны, особенно если речь идет об охоте за сокровищами. И Эльса поднялась вверх по лестнице.

Альф открыл после седьмого звонка. В квартире у него пахло стружками. На нем было нечто, что с изрядной натяжкой можно назвать халатом, редкие волосы на голове торчали в разные стороны, словно последние уцелевшие дома после страшного урагана. Альф держал чашку с надписью «Ювентус», из которой доносился запах кофе — крепкого, как любила бабушка. «Если кофе сварен Альфом, то можно хоть весь день сидеть за рулем, — ни за что не уснешь», — говорила она, и Эльса все думала, что она имела в виду, хотя примерно догадывалась.

— Чем обязан? — хмуро буркнул Альф.

— Ты знаешь, где это? — спросила Эльса, протягивая Альфу конверт с адресом, написанным бабушкиной рукой.

— Для этого ты меня разбудила, черт побери? — рявкнул Альф тоном в высшей степени негостеприимным и сделал глоток кофе.

— Ты разве спал? — удивилась Эльса.

Альф снова отпил из чашки и взглянул на часы.

— Я работал в ночную смену. У меня сейчас ночь. Разве я прихожу к тебе по ночам с дурацкими вопросами?

Эльса посмотрела на чашку. Потом на Альфа.

— Ты пьешь кофе во сне?

Альф посмотрел на чашку. Потом на Эльсу. Он не понимал, в чем дело.

— Я проснулся и захотел пить.

— А мой папа говорит, что если он пьет кофе после шести часов вечера, то потом не может уснуть всю ночь! — брякнула Эльса.

Альф смерил ее долгим взглядом. Потом таким же долгим взглядом посмотрел на чашку. Потом снова на Эльсу — в полном непонимании.

— Не может уснуть? Это всего лишь кофе, твою мать.

Эльса пожала плечами.

— Так ты знаешь, где это, или нет? — спросила она, протягивая конверт.

Альф посмотрел на нее с таким видом, будто повторил про себя ее вопрос издевательским тоном. Он сделал новый глоток из чашки.

— Я вожу такси тридцать лет.

— И?

— Как я могу не знать, черт побери, — буркнул Альф, тыкая пальцем в конверт.

— Тогда извини! — буркнула Эльса в ответ.

Альф допил кофе.

— Рядом с очистными сооружениями.

— Что?

Альф помрачнел.

— Что с вас взять, с молодых, без корней растете. Это там, где была резиновая фабрика, пока они ее снова не перенесли. И кирпичный завод.

У Эльсы на лице предательски проступили признаки полного отсутствия понимания.

Альф дернул себя за остатки волос и исчез в недрах квартиры. Он вернулся, держа в руках полную чашку кофе и карту. Чашку он с грохотом поставил на полку в прихожей и обвел жирным кружочком нужное место на карте.

— Так вот где! Это же рядом с галереей! — вскрикнула Эльса, удивленно взглянув на Альфа. — Что же ты сразу не сказал?

Альф пробурчал что-то неразборчивое и закрыл дверь у нее перед носом.

— Карту я забираю! — радостно прокричала Эльса в почтовую щель. Альф не ответил. — Кстати, у меня каникулы, поэтому я не в школе!

Никакой реакции.

Спустившись в подвал, Эльса увидела разлегшегося на спине ворса, который растопырил лапы с таким серьезным видом, будто осваивал упражнение из курса пилатеса. Монстр стоял в проходе на некотором расстоянии и тер ладони. Вид у него был встревоженный.

— Нос, — шептал Монстр и махал огромной ручищей перед лицом, изображая отвращение. — Липкий. Весь нос... липкий...

Он умоляюще посмотрел на Эльсу. Вздохнув, Эльса просунула голову в отсек и приказала ворсу:

— Вытри нос, нам пора.

Ворс перевалился на живот и вскочил. Из его пасти вывалился язык размером с гостевое полотенце, которое висит дома у мамы с Джорджем, и слизал с носа остатки мороженого.

Эльса посмотрела на Монстра. Протянула ему конверт.

— Ты с нами?

Монстр кивнул. Капюшон немного съехал назад, обнажая огромный шрам на лице, который поблескивал в отблесках лампы дневного света. Монстр даже не спросил, где это. Ну как после этого можно его не любить?

Эльса посмотрела на Монстра, потом на ворса. Мама наверняка будет недовольна тем, что она прогуливает и отправляется куда-то без разрешения, но когда Эльса спрашивает маму, почему та все время за нее переживает, мама отвечает что-нибудь в этом духе: «А вдруг с тобой что-то случится?» У Эльсы в голове не укладывается, как с человеком может что-то случиться, если рядом Монстр и ворс. Взвесив все обстоятельства, она решила, что с чистой совестью может отправиться в путь.

Выходя из отсека, ворс попытался лизнуть Монстра. Тот в ужасе отпрыгнул назад, отдернув руку, схватил метлу, стоявшую возле соседнего отсека. Ворс задиристо ухмыльнулся. Язык свисал из пасти, угрожающе покачиваясь.

— Фу! — крикнула Эльса.

Монстр держал перед собой метлу, как копье, и совал ее ворсу в нос, чтобы отогнать подальше.

— А ну перестаньте! — гаркнула Эльса.

Ворс сжал челюстями метлу, так что ветки затрещали в зубах.

— Перес... — не успела Эльса закончить, как Монстр со всей дури швырнул метлу со вцепившимся в нее ворсом через весь подвал, и тяжеленный зверь с размаху шмякнулся о стену в другом его конце.

Не успев приземлиться, ворс одним движением сгруппировался и изогнулся для чудовищного прыжка. Челюсти сверкнули, демонстрируя парад блестящих зубов размером с кухонные ножи. Монстр отважно готовился отразить удар, кровь пульсировала в кулаках.

— ПРЕКРАТИТЕ! — крикнула Эльса, бросаясь наперерез двум разъяренным существам. — Вы должны защищать меня, придурки! Сейчас же возьмите себя в руки! — орала она срывающимся голосом.

Беззащитная маленькая Эльса стояла между острыми, как копья, когтями и огромными кулачищами, способными оторвать ей голову. Единственным ее оружием было полное безразличие к собственной физической несостоятельности перед лицом ситуации. Но этого было

вполне достаточно.

Ворс застыл в прыжке и, сменив траекторию, мягко приземлился на лапы у ее ног. Монстр попятился назад. Мускулы ослабили железное напряжение. Воздух медленно вышел из легких. Ворс и Монстр опустили взгляды.

— Вы должны защищать *меня*, — повторила Эльса чуть тише, изо всех сил сдерживая слезы. Получалось не очень.

— У меня никогда не было друзей. Не успели они появиться, как вы пытаетесь разорвать их в клочья. Идиоты.

Ворс повесил нос. Монстр потерял ладони и исчез под капюшоном. Капюшон покачивался в направлении ворса.

— Он первый, — сквозь зубы процедил Монстр.

Ворс рыкнул так, будто хотел сказать: «Пф! Ты сам начал!»

— Перестаньте! — приказала Эльса.

Она попыталась изобразить, что ужасно рассердилась, но вышло так, будто она еле сдерживает слезы. А Эльса вовсе не плакала. Разве только совсем чуть-чуть.

Монстр смущенно провел руками по воздуху где-то совсем рядом с Эльсой, настолько близко, насколько это было возможно, чтобы к ней не притрагиваться.

— Из... вини, — пробормотал он.

Ворс толкнул ее в плечо. Она прижалась головой к его носу.

— Мы идем на задание, хватит валять дурака. Мы должны доставить письмо по назначению, потому что бабушке надо еще у кого-то попросить прощения. Думаю, нас ждут другие письма и мы должны их доставить, потому что это и есть охота за сокровищами и приключение. Это и есть сказка. Доставить бабушкино последнее «прости».

Уткнувшись в ворса, Эльса глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Мы должны доставить получателям бабушкино последнее «прости» ради моей мамы. Надеюсь, в последнем письме она попросит прощения у нее.

16. ПЫЛЬ

Это будет настоящее приключение с размахом. Прекрасная сказка.

Сначала Эльса решила, что они, как все нормальные благородные рыцари из нормальных классных сказок, пустившиеся в обычное потрясающее приключение, за неимением карет и коней, поедут на автобусе. Но спустя пять минут Эльса заметила, что люди, покосившись на Монстра и ворса, отходят от них на приличное расстояние, настолько приличное, чтобы не оказаться на следующей автобусной остановке, и вот тут Эльса поняла, что с автобусом могут быть определенные сложности.

Когда они наконец попали в автобус, оказалось, что ворсы в целом не питают особой любви к этому виду транспорта. Потоптавшись на месте и отдавив пассажирам ноги, ворс нечаянно перевернул хвостом пару сумок, пустил слюни на сиденье в непосредственной близости от Монстра, чтобы тому жизнь малиной не казалась, и Эльса окончательно поняла, что концепция изменилась. Все трое выпрыгнули из автобуса, проехав одну остановку.

Натянув на нос гриффиндорский шарф, Эльса засунула руки в карманы и мужественно зашагала вперед, невзирая на холод и снег. Ворс был страшно рад, что больше не надо ехать в автобусе, и нарезал круги вокруг Эльсы и Монстра как настоящий щенок. Монстр, скривившись от отвращения, чесал по дороге, заложив руки за спину, пытаясь, словно прыгун с трамплина, уменьшить поверхность тела. Толку от этого никакого: пробегая мимо, мохнатая бестия всякий раз трясла в опасной близости языком размером с гостевое полотенце.

Судя по всему, Монстр не часто бывал на улице днем. Наверное, Волчье Сердце привык жить в дремучих миамасских лесах, куда не достигают солнечные лучи. По крайней мере, в бабушкиных сказках об

этом говорилось, так что все логично.

При виде девочки, ворса и Монстра прохожие вели себя соответствующим образом, то есть переходили на другую сторону улицы. Некоторые, впрочем, делали вид, будто это никак не связано с тем, что они до смерти боятся монстров, ворсов и девочек, и в качестве маскировки преувеличенно громко говорили по телефону с воображаемым собеседником, который объяснял им, что они идут не в ту сторону. Так поступает Эльсин папа, когда заблудится, чтобы прохожие не подумали, будто он не умеет ориентироваться в городе. У мамы такой проблемы нет: если она заблудилась, она продолжает идти не в ту сторону, а тот, с кем у нее назначена встреча, должен сам ее разыскать. Бабушка в такой ситуации ругала почему зря дорожные указатели. Что поделаешь, люди разные.

Но не все, кому повстречалась эта троица искателей приключений, были столь деликатны. Некоторые таращились с другой стороны улицы так, будто подозревали спутников Эльсы в том, что те похитили ребенка. Монстр был, конечно, весьма полезен во многих отношениях, но похититель, которого можно обезвредить, слегка обнюхав, — это не самый эффективный из похитителей. Очень своеобразная разновидность ахиллесовой пяты, отметила Эльса, шмыгая носом.

Мужчина в костюме вышагивал по тротуару прямо им навстречу, громко разговаривая с белым проводком, который торчал у него из уха; он едва не врезался лбом в Монстра, но тот в ужасе отпрыгнул в сторону, чтобы сдобренная гелем шевелюра мужчины не дай бог не прикоснулась к его одежде. Мужчина в костюме издал дикий вопль.

Монстр попятился назад и стал тереть ладони так, будто на них попала слюна. Ворс игриво твякнул. Бледный как привидение мужчина заковылял прочь, белый провод волочился за ним по земле, будто поводок.

Эльса взглянула на Монстра. Потом на ворса. Устало покачала головой.

— Жалко, что мы не познакомились до Хэллоуина. С вами даже костюма не надо.

Ни Монстр, ни ворс не поняли, что она имеет в виду. Монстр исчез под капюшоном, так что наружу торчала одна борода. Ворс перестал бегать кругами, он уже запыхался, как запыхался бы любой порядочный ворс, который забыл, что он давно уже не щенок. На дорогу они угрохали больше двух часов. Эльса продолжала сокрушаться, что сегодня не Хэллоуин, иначе они могли бы спокойно ехать в автобусе и никто бы от них не шарахался. За это Эльса любит Хэллоуин. Праздник, когда можно быть не

таким, как все.

Они нашли нужный адрес уже ближе к обеду. У Эльсы болели ноги, она проголодалась, настроение было хуже некуда. Она знала, что рыцари Миамаса не ноют и не страшатся крутых приключений, когда отправляются на охоту за сокровищами, но никто не сказал, что рыцарь не имеет права проголодаться и быть в плохом настроении.

Наконец они пришли. Это был многоэтажный дом, напротив него находилось кафе с гамбургерами и прочим фастфудом. Эльса попросила Монстра и ворса подождать ее и пошла в кафе, хотя принципиально бойкотировала сети, продающие гамбургеры и прочий фастфуд, — как все почти восьмилетние дети, у которых есть интернет и нет светлой головы на плечах. Но принципами сыт не будешь, даже если тебе почти восемь. И Эльса купила мороженое для ворса и гамбургер для Монстра. И вегетарианский бургер для себя. По пути к выходу она незаметно достала красный маркер и зачеркнула лишнюю С в слове «десерт» в рекламной листовке, висящей на стене.

Монстр не мог дотронуться даже до бумажной обертки, поэтому его гамбургер сразу съел ворс. Минусовые градусы щипали кожу, но вся троица терпеливо сидела на скамейке возле многоэтажки, пока Эльса доедала свой вегетарианский бургер. Точнее, сидели только Эльса с ворсом, а Монстр смотрел на скамейку таким взглядом, будто та может ненароком его лизнуть. Растаявшее мороженое капнуло на сиденье, и ворс беспечно слизал каплю, отчего лицо Монстра исказила мучительная гримаса. Эльса дала ворсу откусить от своего бургера, а затем продолжила есть как ни в чем не бывало. Бумажный пакет после этого пришлось выдать Монстру, и тот корчился над ним в страшных конвульсиях довольно долго. Когда Монстр пришел в себя, Эльса сообщила ему, что сомневается в стерильности пакета. Монстр сел на корточки и долгое время сидел обхватив голову руками.

Эльсе с ворсом ничего не оставалось, кроме как ждать, пока он снова придет в себя. За это время Эльсина обида на вегетарианский бургер росла как на дрожжах, потому что на самом деле бургер был очень вкусный, и теперь соблюдать принципы в отношении сети дурацких заведений было гораздо сложнее. Она задрала голову, окинув взглядом многоэтажку до самого верха. Пятнадцать этажей, не меньше. Эльса достала из ранца конверт и посмотрела на адрес.

— Ну что, все? — спросила она Монстра и, не дожидаясь ответа, встала со скамейки и пошла ко входу в подъезд. Ворс, монстр и облако с

отчетливым ароматом антибактериального геля молча последовали за ней. Эльса окинула беглым взглядом табличку с именами жильцов и нашла имя с конверта: «Инд. психолог». Интересно, что это значит? Возможно, имеется в виду «индийский психолог», хотя не факт. А может, это фамилия психолога — Инд. В конце концов, это ее не касается. Но все-таки, неужели в Швеции есть спрос на индийских психологов?

Она шла по просторному парадному, в котором шаги отдавались эхом, прямо к лифту. Возле дверей лифта ворс остановился, наотрез отказавшись двигаться дальше. Склонив голову на бок, Эльса спросила:

— Ты что, боишься лифтов?

Ворс смущенно смотрел в пол.

— Представляю, если бы Бесконечная война разразилась в многоэтажке, — вздохнула Эльса. — На ворсов можно было не рассчитывать!

Ворс обиженно тявкнул на Эльсу. А может, на лифт. Пожав плечами, Эльса вошла в кабинку. Немного помявшись, Монстр вошел следом, стараясь не задевать стены. Ворс ушел в темный уголок парадного и недовольно растекся по полу всей своей массивной фигурой.

Пока они поднимались наверх, Эльса смерила Монстра оценивающим взглядом. Борода торчала из-под капюшона, как большая любопытная белка, и это немного примиряло с его устрашающим видом. Поймав ее взгляд, Монстр стал нервно вращать кистями рук. К своему удивлению, Эльса поняла, что ее это задевает.

— Знаешь, если тебе это в тягость, мог бы подождать внизу. Ничего со мной не случится, пока я буду передавать письмо этому индусу! — прошипела она.

Эльса говорила на обычном языке, потому что говорить с Монстром на тайном языке не хотелось. Ревность, оттого что бабушкин язык оказался не только бабушкиным, разрасталась в груди, словно опухоль. Это, конечно, метафора — Эльса смотрела в «Википедии», что значит «метафора».

— Вовсе не обязательно следовать за мной по пятам, чтобы меня защищать, если уж для тебя это так важно! — сказала она даже злее, чем собиралась.

Она ведь уже стала считать Монстра своим другом, а теперь он напомнил ей, что всего лишь приставлен к ней бабушкой. Тогда пусть идет лесом. Причем буквально, потому что Волчье Сердце родом из леса, если есть в этой чертовой сказке хоть какая-то логика.

Монстр молчал. Лифт остановился. Двери открылись. Эльса вышла.

Монстр бесшумно вышел следом. Они шли по коридору, пока не увидели дверь индийского психолога. Эльса постучала с такой силой, что ей пришлось изрядно напрячься, чтобы Монстр не заметил, как она разбила костяшки пальцев. Монстр попятился к противоположной стене узкого коридора, как будто подозревая, что человек за дверью смотрит в глазок, и решив дать ему возможность увидеть в нем максимум половину Монстра. Он съежился в попытке сделаться маленьким и нестрашным, если это вообще было возможно. Ну как, скажите на милость, можно его после этого не любить? Да никак! «Нестрашный» применительно к Монстру — не то слово.

Эльса снова постучала. Приложила ухо к замочной скважине. Постучала еще раз. Тишина.

— Пусто, — тихо сказал Монстр.

— Ты серьезно? — саркастически переспросила Эльса.

Или, может, иронически? Она уже ни в чем не была уверена. Вообще-то она не хотела на него сердиться, на самом деле она сердилась на бабушку. Просто она устала. Очень-очень. И у нее болели пальцы. Оглянувшись по сторонам, Эльса заметила стол и два стула.

— Наверное, этот индус ушел на обед. Подождем, — сказала она Монстру и плюхнулась на стул так, что вокруг взвихрилось облако пыли.

Эльса чихнула. Монстр подпрыгнул с таким видом, будто вот-вот выцарапает себе глаза и с воплями умчится куда подальше.

— Я не нарочно! Это просто пыль! — в ужасе крикнула Эльса.

Кажется, Монстр принял ее извинения. Но все же отошел подальше. На протяжении трех-четырех вечностей он неподвижно стоял, заложив руки за спину.

Сначала Эльсе эта тишина нравилась, потом она почувствовала себя неловко, а немного погодя тишина стала невыносимой. Она уже перепробовала все занятия: барабанила по столу, выковыривала поролон из сиденья через маленькую дыру, нацарапала ногтем свое имя на мягкой поверхности деревянного подлокотника. Наконец Эльса не выдержала и спросила более обвинительным тоном, чем собиралась:

— Зачем ты носишь военные брюки, раз ты не солдат?

Из-под капюшона послышалось напряженное сопение.

— Старые брюки.

— Ты был солдатом?

Капюшон кивнул.

— Война — это плохо, солдаты плохие. Они убивают людей! — продолжила обвинять Эльса.

— Это другие солдаты, — тихо ответил Монстр.

— Все солдаты одинаковые! — взорвалась Эльса.

Монстр молчал. Эльса выцарапала ногтем на подлокотнике нехорошее слово. Дело в том, что она не хотела задавать ему самый главный вопрос, чтобы не показывать, как ей больно. Но удержаться она не могла. В школе считают, что это ее главная проблема. Она совсем не умеет сдерживаться.

— Это ты показал бабушке Миамас? Или она тебе?

Она словно выплюнула каждое слово. Капюшон замер, но дыхание не прекратилось. Только Эльса собралась повторить вопрос, как из-под капюшона раздался голос:

— Твоя бабушка. Показала. Когда был ребенком.

Он сказал это, как, впрочем, и все остальное, на обычном языке. Но слова как будто не дружили между собой.

— Ты был как я? — уточнила Эльса, вспоминая фотографии волчонка-оборотня.

Капюшон кивнул.

— Она рассказывала тебе сказки? — тихо спросила Эльса в надежде, что ответ будет отрицательным.

Капюшон кивнул.

— Вы встретились на войне? Поэтому она назвала тебя Волчье Сердце? — спросила Эльса, не глядя ему в глаза.

Ревность росла внутри, как опухоль, и Эльса решила прекратить эти расспросы. Но капюшон снова кивнул.

— Лагерь. Лагерь для бегунов, — слышалось в темноте, в которой виднелась одна борода.

— Это называется лагерь для беженцев, — поправила Эльса и уточнила: — Это бабушка тебя сюда привезла? И поселила в нашем доме?

Из-под капюшона донесся протяжный выдох.

— Жил в разных местах. Разные дома.

— Приемные семьи?

Капюшон кивнул.

— Почему ты там не остался?

Капюшон медленно повернулся туда-сюда.

— Плохие семьи. Опасные. Твоя бабушка забрала меня.

— Поэтому ты, когда вырос, стал солдатом? Чтобы ездить везде вместе с бабушкой?

Капюшон кивнул.

— Почему ты просто не стал врачом, как она?

Монстр потер ладони:

— Кровь. Не люблю... кровь.

— Тогда солдатом в самый раз! — воскликнула Эльса с иронией.

А может, с сарказмом. Трудно сказать.

— Ты сирота? — спросила она, не дождавшись его реакции.

Капюшон не двигался. Монстр молчал. Борода исчезла в темноте. Вдруг Эльсу осенила догадка, и она радостно закивала:

— Ты как люди Икс! — вскрикнула она, не в силах сдержать восторга.

Капюшон не двигался. Эльса смущенно покашляла.

— Люди Икс — это... мутанты. Многие из них сироты. Это типа круто...

Капюшон не двигался. Эльса ковыряла обивку стула, понимая, что сморозила глупость. Ей хотелось сказать, что Гарри Поттер тоже был сиротой, а если ты хоть чем-то похож на Гарри Поттера, то это ужасно круто, но она догадывалась, что Монстр не читал серьезной литературы. Поэтому она ничего не сказала.

— Миамас — это что-то значит на тайном языке? Или это слово из твоего родного языка? Просто оно не похоже на остальные слова из тайного языка. Ну, то есть из твоего языка. Оно какое-то другое! — вопросы сыпались из нее, как горох, вопреки всем попыткам сдержаться.

Капюшон не шелохнулся. Но слова стали мягче. Монстр говорил иначе, слова больше не походили на часовых на посту. Его голос звучал почти мечтательно:

— Мамин язык. «Миамас». Это... мамин язык. Эльса подняла глаза и внимательно посмотрела в темноту под капюшоном.

— Вы говорили на разных языках?

Капюшон кивнул.

— Откуда родом твоя мама?

— Другое место. Другая война.

— Что значит Миамас?

Слова были похожи на выдох:

— Значит «я люблю». Это мамин язык.

Эльса выковыряла из стула остатки поролона и раскатала их на подлокотнике, пытаясь усмирить опухоль.

— Значит, это твое королевство. Поэтому оно зовется Миамас. А вовсе не потому, что я звала пижаму «миамой». Еще одна дурацкая бабушкина затея — она придумала для тебя Миамас, чтобы ты знал, как твоя мама тебя любила, — пробормотала Эльса и замолчала, внезапно поняв, что думает вслух.

Монстр переминался с ноги на ногу и дышал очень медленно. Затем

потер руки.

— Миамас. Не выдумала. Не понарошку. Не для... маленького. Миамас. По-настоящему для... ребенка.

И потом, когда Эльса закрыла глаза, чтобы Монстр не видел, как она рада, продолжил, пытаясь выбрать правильные слова:

— В письме. Бабушкино прощение. Было прощение для мамы, — прошептал он из-под капюшона.

Эльса распахнула глаза и нахмурилась:

— Что?

Грудь Монстра ходила ходуном.

— Ты спросила. О бабушкином письме. Что бабушка написала. Написала маме прощение. Мы не нашли... маму.

Их взгляды встретились, теперь они были на равных. В этот момент у них, истинных миамасцев, зародилось взаимное уважение. Эльса поняла, что Монстр пересказывает содержание письма, поскольку знает, как тяжело, когда близкий человек держит что-то в секрете, потому что ты ребенок. Эльса уже не так злилась.

— Вы искали твою маму?

Капюшон кивнул.

— Долго?

— Всегда. С тех пор как был... лагерь. Эльса опустила голову.

— Поэтому бабушка везде ездила? Вы искали твою маму?

Монстр тер ладони быстрее. Грудь так и ходила ходуном. Капюшон едва заметно и очень медленно кивнул. И наступила тишина.

Эльса кивнула и уставилась на свои колени, все внутри переворачивалось от ярости.

— Бабушка, между прочим, тоже была чьей-то мамой! Вы хоть раз об этом подумали?

Монстр молчал.

— Хватит меня охранять! — рявкнула Эльса и выцарапала еще несколько нехороших слов на подлокотнике.

Тишина продолжалась примерно одну-две полных вечности.

— Не охранять, — тихонько рыкнул Монстр в конце концов где-то у нее за спиной.

Из-под капюшона выглянули черные глаза.

— Не охранять. Дружить.

Он снова целиком исчез под капюшоном. Эльса вперила взгляд в пол и

поскребла ботинком ковровин, из которого поднялись вихри пыли.

— Спасибо, — угрюмо прошептала она. Капюшон замер. Эльса перестала добывать пыль.

Вздыхнула.

— Спасибо, — повторила она на тайном языке.

Монстр молчал, но тер ладони уже не так быстро и сильно. Эльса все видела. Опухоль постепенно сдувалась.

— Не любишь разговаривать? — спросила она на тайном языке.

— Долго не говорил, — ответил Монстр на обычном языке.

— Долго не говорил на обычном языке? — спросила она на обычном.

— Ни на каком, — ответил он на тайном. Эльса задумчиво кивнула.

— Так ты не любишь разговаривать? — повторила она свой вопрос на тайном языке.

— Это ты слишком любишь, — ответил Монстр. Кажется, на лице Монстра впервые появилось что-то вроде улыбки.

— Шах, — признала Эльса.

На обычном языке. Потому что не знала, как будет «шах» на тайном.

Опять воцарилась тишина.

Эльса точно не знала, сколько они прождали, но прошло уже много времени с тех пор, как она решила, что пора уходить. Наконец двери лифта дзынькнули и раскрылись, в коридоре появилась женщина в черной юбке.

Женщина шла к двери с таким видом, будто накануне дверь очень плохо себя вела. Увидев бородатого мужчину и крошечную девочку, которая могла уместиться в его ладони, женщина в юбке замерла с поднятой ногой в воздухе. Девочка смотрела на нее во все глаза. Женщина держала перед собой пластиковый контейнер с салатом. Контейнер вибрировал. Женщина явно прикидывала, не дать ли деру, — логика как у маленького ребенка, который думает, будто его не увидят, если он закроет глаза. Она стояла в нескольких метрах от девочки, вцепившись в контейнер, как в край скалы.

Эльса встала со стула. Волчье Сердце попятился. Обернись Эльса, она бы застала на его лице выражение такого ужаса, которого прежде не видела. Никто в Просонье не поверил бы, что Волчье Сердце способен испытывать подобный страх. Но Эльса не обернулась, она встала со стула, глядя на женщину в черной юбке, и глубоко вздохнула, словно перед прыжком с трамплина:

— Кажется, у меня для вас письмо.

Женщина в черной юбке неподвижно стояла перед ней, вцепившись в контейнер побелевшими пальцами. Эльса упрямо протянула конверт.

— Это от бабушки. Наверное, она просит прощения.

Женщина взяла конверт. Эльса засунула руки в карманы, потому что не знала, что с ними делать, словно это две огромные липкие розовые жвачки, а поблизости нет урны.

Эльса понятия не имела, что здесь делает женщина в черной юбке, но понимала, что бабушка прислала ее сюда неслучайно. В Миамасе случайностей не бывает. В сказках все неслучайно. Все имеет свой смысл.

— Это ведь не ваше имя стоит на конверте. Ваше имя я знаю, оно написано на почтовом ящике в нашем подъезде. Но это письмо для вас, я уверена, иначе это была бы случайность, а в сказках случайностей не бывает! — тараторила Эльса, стараясь держать осанку, потому что у сказочных рыцарей прямая спина.

Сегодня от женщины в черной юбке пахло ментолом, а не вином. Она осторожно вынула письмо из конверта. Поджала губы. Письмо задрожало.

— Меня... меня раньше так звали, давно. Я вернула свою девичью фамилию, когда переехала в ваш дом, но так меня звали, когда мы... встретились с твоей бабушкой.

— После большой волны, — уточнила Эльса. Женщина поджала губы так, что их и вовсе стало не видно.

— Я... я собиралась поменять имя на двери кабинета. Но... н-да. Не знаю. Так и не поменяла.

Письмо затряслось сильнее.

— О чем там? — спросила Эльса, потому что так бы поступил на ее месте любой ребенок почти восьми лет, который вдруг понял, что будет несправедливо, если он так и не узнает, что было в письме, только потому, что по собственной глупости не прочитал его, пока была такая возможность.

И тотчас об этом пожалела.

На лице у женщины в черной юбке появились все симптомы человека, который вот-вот заплачет, — кроме самих слез; их больше не осталось.

— Бабушка пишет «прости», — медленно сказала она.

— За что?

— За то, что... прислала сюда тебя.

Эльса раскрыла рот, чтобы поправить ее: «прислала сюда нас»! Но оглянувшись по сторонам, увидела, что Волчье Сердце исчез. Не дзынькнул лифт, не щелкнула дверь на лестницу — он исчез совершенно

бесшумно. «Улетучился, как пук в окно», — говорила бабушка, когда не находила нужную вещь на положенном месте.

Женщина в черной юбке подошла к двери с табличкой «Инд. психолог» и своим старым именем. Она вставила ключ в замок и коротким жестом пригласила Эльсу войти, хотя, судя по всему, совершенно этого не хотела. Проследив за взглядом Эльсы, она поняла, что та недоумевает, куда подевался ее друг-великан, и мрачно прошептала:

— Когда бабушка с ним ко мне приходила, у меня был другой кабинет. Поэтому он не понял, куда вы направляетесь. Иначе бы он с тобой не поехал. Он меня... боится.

17. Плюшка с корицей

В одной из сказок Просонья была девочка из Миамаса, которая сняла проклятие с морского ангела и освободила его. Но как именно, бабушка не сказала.

Эльса сидела у письменного стола напротив женщины в черной юбке. Опустившись на стул — по всей вероятности, для посетителей — Эльса увидела, как вокруг поднимается облако пыли, будто дым из генератора дыма на сказочном представлении. Да, похоже, посетители сюда приходят нечасто. Женщина сидела в неловкой позе и перечитывала бабушкино письмо, но Эльса была уверена, что та всего-навсего притворяется, чтобы не говорить с ней. Женщина явно сразу же пожалела, что пригласила Эльсу войти. Так бывает в фильмах ужаса, когда человек пускает вампира в дом и тотчас понимает, что не надо было этого делать, но поздно. По крайней мере, Эльсе ход мыслей в подобной ситуации представляется так. У женщины на лице отразились такие же чувства. Стены в кабинете были снизу доверху увешаны книжными полками. Эльса никогда не видела столько книг нигде, кроме библиотеки. Интересно, женщина в черной юбке слышала про айпэды?

Эльса снова вернулась мыслями к бабушке и Просонью. Если женщина и есть морской ангел, значит, после ворса и Монстра это уже третье существо из Просонья, живущее в их подъезде. Значит, бабушка взяла все свои истории из реального мира и перенесла их в Миамас или истории Миамаса стали такими реальными, что существа Просонья переместились в их мир? Ясно одно: Просонье и их подъезд слились воедино.

Бабушка всегда говорила: «Самые лучшие сказки никогда не происходили на самом деле, но все в них по правде». Это и есть, по выражению бабушки, «вызов реальной жизни». Для бабушки не существовало никаких «целиком и полностью». Сказки — целиком и

полностью правда и в то же время целиком и полностью выдумка.

Рассказала бы бабушка подробнее о морском ангеле и о том, как его расколдовать. Ведь она прислала сюда Эльсу ради этого. И если Эльса не догадается, как снять проклятие, она не получит следующее письмо. И никогда не найдет полагающееся маме «прости».

Эльса подняла взгляд на женщину, сидевшую напротив нее, и нарочито громко кашлянула. Веки женщины вздрогнули, но глаза не оторвались от письма.

— Знаете сказку о женщине, которая зачиталась до смерти? — спросила Эльса.

Взгляд соскользнул с письма, споткнулся об Эльсу и снова уперся в письмо.

— Я... я не понимаю, о чем ты, — сказала женщина испуганным голосом.

Эльса вздохнула.

— Никогда не видела столько книг. Вы знаете, что такое айпэд? — спросила она, чтобы сломать лед.

Взгляд женщины медленно скользнул вверх. Она встретилась глазами с Эльсой.

— Мне нравятся книги.

— Думаете, мне не нравятся? В айпэде тоже можно читать. Тогда не нужно будет хранить миллионы книг у себя в кабинете.

Взгляд женщины заметался по столу. Она достала из коробочки мятный леденец и положила в рот таким неловким движением, будто рот и рука принадлежали разным людям.

— Мне нравятся... настоящие книги.

— В айпэде могут быть любые книги.

Пальцы у женщины слегка задрожали. Она покосилась на Эльсу взглядом человека, выходящего из кабинки туалета, где он провел немного больше времени, чем положено.

— Я имею в виду другое. Обложка, закладка, страницы...

— Книга — это текст. А текст можно читать в айпэде! — продолжала настаивать Эльса.

Женщина взмахнула ресницами, походившими на птичьи крылья.

— Мне нравится держать книгу в руках, когда я читаю.

— Можно держать айпэд.

— Я имею в виду, листать страницы, — слабо защищалась женщина.

— В айпэде тоже можно листать.

Женщина медленно кивнула — Эльса никогда в жизни не видела таких

медленных кивков. Она всплеснула руками:

— Да как хотите! Можете хоть миллион книг завести! Я просто спросила. Оттого, что вы будете читать в айпэде, книга не перестанет быть книгой. Суп есть суп, от тарелки он не зависит.

Рот женщины перекосялся так, что кожа вокруг чуть не лопнула.

— Никогда не слышала такой поговорки.

— Это из Миамаса.

Женщина молча разглядывала свои колени.

Не похожа она на ангела, думала Эльса. С другой стороны, на пьянчугу тоже не тянет. Наверное, она достигла золотой середины между ангелом и пьянчугой.

— Зачем бабушка приводила к вам Волчье Сердце?

— Кого, извини?

— Вы сказали, что бабушка его к вам приводила. Поэтому он вас боится.

Женщина кивнула — очень медленно, но все-таки уже немного быстрее.

— Я не знала, что ты зовешь его... Волчье Сердце.

— Это его имя.

— Не знала.

— Так что, почему он вас боится, если вы даже не знаете, как его зовут?

Женщина положила руки на колени и уставилась на них так, будто видела первый раз в жизни и терялась в догадках, откуда они здесь взялись.

— Твоя... твоя бабушка приводила его сюда, чтобы он рассказал о войне. Она считала, что я могу ему помочь, но он меня боялся. По-моему, он боялся моих вопросов и своих... воспоминаний. — Прежде чем сделать глубокий вдох, она добавила: — Он пережил много... много войн. Он почти всю жизнь так или иначе провел на войне. Ты не представляешь, что война может сделать... с человеком.

— Почему у него сдвиг по фазе насчет рук?

— Что, извини?

— Он все время моет руки. Как будто они пахнут какашками.

Женщина в черной юбке ушла в себя. Эльса кашлянула.

— Ну, к примеру, какашками. На самом деле это может быть любой другой запах. То есть это что-то типа obsessions?

Женщина снова взмахнула ресницами:

— Иногда мозг человека, который пережил сильное горе, вытворяет странные штуки. Возможно, он пытается смыть...

Она замолкает. Опускает глаза.

— Смыть что?

— ...кровь, — с отсутствующим видом ответила женщина в юбке.

— Он что, кого-то убил?

— Не знаю.

— Он чокнутый? — спросила Эльса прямым текстом.

— Что, извини?

— Вы же психолог?

— Да.

— Психологи ведь лечат людей, у которых с головой не в порядке. Ну, у которых что-то внутри сломалось. Наверное, невежливо называть их чокнутыми. Да? У него просто что-то сломалось?

— У всех, кто был на войне, что-то сломалось, — грустно сказала женщина.

Эльса пожала плечами.

— Зачем он пошел в солдаты? Во всех войнах виноваты солдаты.

Руки женщины медленно переместились с колен на письменный стол и обратно.

— По-моему, он был другим солдатом. Он был солдатом-миротворцем.

— Все солдаты одинаковые! — фыркнула Эльса.

И почувствовала себя ужасной ханжой. Она ненавидела солдат и войну, но знала, что если бы Волчье Сердце не разбил теней в Бесконечной войне, то серая смерть поглотила бы Просонье. Эльса много об этом думала. Когда стоит сражаться, а когда нет. Бабушка говорила: «У тебя есть мораль, а у меня есть двойная мораль. Так что я выиграла». Но Эльса не считала это выигрышем.

— Возможно, — сказала женщина.

— Судя по всему, клиентов у вас не много, — саркастически заметила Эльса.

Женщина не ответила. Ее руки ощупывали письмо. Эльса нетерпеливо вздохнула:

— Что еще пишет бабушка?

— Просит прощения... за разные вещи, — сказала женщина.

— За какие?

Женщина раскрывала рот, словно рыба:

— За всякие.

— Она просит прощения за то, что не спасла ваших близких?

Зрачки женщины вздрогнули:

— Да. И... и за это тоже. Эльса кивнула.

— И за то, что она меня сюда прислала?

— Да.

— Почему?

— Она знала, что ты будешь спрашивать много вопросов.

— Не спрашивать, а задавать, — поправила Эльса.

— Да, ты права.

Она совсем не злилась на Эльсу за то, что та ее поправляла. Эльсе это понравилось.

— Не любите, когда вам задают много вопросов?

— Я психолог. Я больше привыкла задавать вопросы, а не отвечать на них.

— Что значит «Инд. психолог»?

— Индивидуальный психолог.

— А я думала, это значит «индийский психолог». Женщина не знала, что на это сказать. Эльса возмущенно вскинула руку и хмыкнула:

— Ну конечно, получается глупо — но с точки зрения логики все так! Легко говорить, если знаешь ответ заранее.

Женщина кивнула так медленно, что Эльсе показалось, будто вот-вот заскрипит железный шарнир, на котором держится голова. Затем она слегка растянула в стороны уголки рта. Видимо, хотела изобразить улыбку, но у разучившихся мышц вышла только судорожная гримаса.

Эльса осмотрелась. На стенах ни одной фотографии, в отличие от прихожей в квартире у женщины. Только книги.

— У вас есть что-нибудь интересное? — спросила Эльса, окинув взглядом книжные полки.

— Я не знаю, что, по-твоему, можно считать интересным, — робко ответила женщина.

— Ну, например, «Гарри Поттер».

— Нет.

У Эльсы аж лицо вытянулось, она ушам своим не верила.

— Ни одного?

— Нет.

— У вас столько книг и ни одного «Гарри Поттера»?

Женщина с виноватым видом покачала головой.

Эльса была оскорблена до глубины души.

— Миллион дурацких книг и ни одного «Гарри Поттера»! И таким людям позволяют чинить тех, кто сломался? Бред! — возмутилась она.

Женщина не ответила. Откинувшись на спинку стула, Эльса слегка оттолкнулась ногами так, что он встал на задние ножки — мама терпеть

этого не может.

— Вы встретили бабушку в больнице после большой волны? — спросила она.

Женщина взяла из коробочки еще один мятный леденец. Протянула коробочку Эльсе, но та помотала головой.

— Вы курите?

Женщина удивилась. Эльса пожала плечами.

— Бабушка всегда ела сладости, когда не могла покурить, а курить в помещении ей не разрешали.

— Я бросила.

— Навсегда или на время? Это разные вещи. Женщина кивнула, поставив новый рекорд по продолжительности кивка.

— Это философский вопрос. На него сложно ответить.

Эльса снова пожала плечами.

— Где вы познакомились с бабушкой? Или это тоже сложный вопрос?

— Это долгая история.

— Люблю долгие истории.

Руки спрятались у женщины на коленях.

— Я была в отпуске. Точнее... мы... всей семьей. Были в отпуске. И случилось... случилось несчастье.

— Знаю, цунами, — сказала Эльса. Женщина заморгала.

— Я много читаю, — доброжелательно пояснила Эльса. Взгляд женщины метался по комнате.

— Твоя бабушка... нашла меня... — ответила она таким голосом, словно это только что пришло ей в голову. Женщина впилась в леденец так, что ее щеки втянулись, как у бабушки в тот раз, когда она отсасывала бензин из папиной «ауди» через пластиковый шланг.

— После того как мой муж и мои... мои мальчики... — снова начала женщина.

Последнее слово споткнулось и грохнулось в бездну, как будто женщина вдруг забыла, что договорила только до середины.

— Утонули? — подсказала Эльса, и ей тут же стало стыдно, что она так бессовестно называет вещи своими именами при человеке, чья семья утонула.

Но женщина просто кивнула, она не сердилась. Тогда Эльса внезапно переключилась на тайный язык и быстро спросила:

— Вы знаете наш тайный язык?

— Что, извини? — Женщина устремила на Эльсу блестящие глаза в полном недоумении.

— Да так, ничего. — Эльса перешла на обычный язык и уставилась на свои ботинки.

Тест провален. Удивительно, как морской ангел может не знать тайного языка, на котором говорит все Просонье? Хотя, возможно, это часть проклятия.

Женщина взглянула на часы.

— А почему ты не в школе?

Эльса пожала плечами.

— У меня каникулы.

Женщина снова кивнула. Кивок приближался к среднестатистической скорости.

— Вы когда-нибудь были в Миамасе?

— Я... я не знаю, где это, — робко ответила женщина. По взгляду было ясно: она не поняла, о чем речь.

Эльса завела глаза под потолок.

— Ми-а-мас. Вы бывали там или нет?

— Это... что-то вроде шутки?

— Какой еще шутки?

Женщина испуганно посмотрела на свои руки.

— Ну вроде «на бал кони ходят»?

— Что? Нет! — фыркнула Эльса.

Женщина вдруг помрачнела. Эльса устало вздохнула:

— Если бы я хотела пошутить, я бы сказала: «Летели два крокодила.

Один зеленый, другой налево. Сколько лет ежику?»

Женщина молчала. Эльса всплеснула руками.

— Понимаете? Один зеленый, другой — налево, а...

— Спасибо, я поняла.

Эльса сердито пожала плечами.

— Почему тогда не смеетесь?

Женщина вздохнула так глубоко, что если бросить монетку в колодец этого вдоха, то никогда не услышишь, как она стукнулась о дно.

— Ты сама это придумала? — спросила она.

— Что? — не поняла Эльса.

— Про крокодилов.

— Нет. Бабушка рассказала.

Глаза женщины мгновенно захлопнулись. И снова медленно открылись.

— Ох. Мои мальчики... они... они очень любили такие шутки. Сначала странный вопрос, потом странный ответ, потом все что-то кричат и

смеются.

На последних словах женщина встала на ноги, ломкие, как крылья бумажного самолетика.

Внезапно все поменялось. Ее манера стоять. Говорить. И даже дышать.

— По-моему, тебе пора, — сказала она, повернувшись к Эльсе спиной и глядя в окно.

Голос у нее был тихий, но злой.

— Почему это? — удивилась Эльса.

— Я хочу, чтобы ты ушла, — твердо сказала женщина.

— Что? Это еще почему? Да я через весь город сюда топала, чтобы передать вам это дурацкое письмо, а вы мне ничего не сказали и теперь меня выпроваживаете. Вы вообще знаете, какой мороз на улице? — Эльса произнесла это голосом почти восьмилетнего ребенка, с которым поступили несправедливо, да еще и хотят выставить на мороз.

Женщина стояла к ней спиной, по-прежнему глядя в окно.

— Тебе... не надо было сюда приходить.

— Я пришла, потому что вы были бабушкиным другом.

— Не нужна мне ваша чертова благотворительность! Мне и так хорошо! — крикнула женщина.

— Да кто бы сомневался, лучше некуда. Сразу видно. Только я здесь не ради нашей чертовой благотворительности. — Эльса встала со стула, подняв облако пыли.

— Тогда вали отсюда, засранка! — не оборачиваясь, сказала женщина.

Эльса задохнулась от возмущения. Она была испугана этим внезапным приступом злости. Оскорблена тем, что женщина даже не посмотрела в ее сторону. Эльса сжала кулаки.

— Вовсе вы не усталая, как говорит моя мама! Бабушка была права! Вы просто...

Дальше как по нотам разыгралась внезапная вспышка гнева. Для того чтобы вспышка состоялась, необходима не одна единица злости, а достаточно много. Одну за другой их бросают в жерло вулкана, расположенное в груди человека, пока не случится хорошее извержение. Эльса была зла на женщину в черной юбке за то, что она ничего ей не рассказала и не сделала эту чертову сказку хоть немного понятнее. Она злилась на Волчье Сердце за то, что он бросил ее, испугавшись какого-то индийского психолога. Но больше всего Эльса злилась на бабушку. И ее чертову сказку. Количество злости превысило критическую массу. Задолго до того, как произнести это слово, Эльса понимала, какую непоправимую

ошибку сейчас совершит:

— ПЬЯНЧУГА! ВЫ ПРОСТО ПЬЯНЧУГА!

Она пожалела о сказанном в тот же момент. Но было поздно. Женщина в черной юбке обернулась. Ее лицо расколосось на тысячу зеркальных осколков.

— Вон!

— Я просто...

Эльса попятилась к двери нетвердой походкой, сложив руки так, будто просит прощения.

— Изви...

— Вон!!! — заорала женщина, истерически оглядываясь в поисках предмета, которым можно было запустить в Эльсу.

И Эльса бросилась бежать.

Вон. Прочь.

Эльса неслась по коридору, по лестнице, сквозь дверь на первый этаж. Спотыкаясь, она бежала по подъезду, плач густой пеленой застилал глаза, она так тряслась от слез, что потеряла равновесие и плашмя упала в неизвестность. Ранец треснул по затылку, лицо приготовилось к удару о бетонный пол.

Но этого не случилось. Вместо того чтобы хлопнуться лбом о бетон, она утонула в мягкой черной шерсти. И тут у нее внутри что-то лопнуло. Она так сильно сжала огромного зверя, что ему стало трудно дышать.

— Эльса.

Голос Альфа доносился откуда-то издалека. Это не вопрос. Это констатация факта.

— Ммм! — промычала она в черную шерсть.

— Давай вставай. Поехали домой. Хватит тут валяться и рыдать, — пробурчал Альф.

Эльса медленно подняла голову, испытыв острое желание прокричать Альфу обо всем. О морском ангеле, о дурацком приключении, в которое она без всяких объяснений ввязалась по просьбе бабушки, о Волчьем Сердце, бросившем ее в самый трудный момент, о маме и о последнем «прости», которое она надеялась здесь отыскать, о нерожденном пока Полуком, чье появление изменит все на свете. Об одиночестве, в котором она утопает. Обо всем этом Эльса хотела прокричать Альфу. Но она знала, что Альф все равно не поймет. Потому что, когда тебе почти восемь, никто тебя не понимает. Как и в любом другом возрасте.

— Что ты здесь делаешь? — всхлипывая, спросила Эльса.

Вздыхнув, Альф стал что-то нудно бубнить, но Эльса ничего не поняла. Все это время он полировал пол подошвой ботинка. В конце Альф недовольно проворчал:

— Ты сама мне дала этот адрес, черт побери. Кто-то должен был тебя отсюда забрать. Я тридцать лет за баранкой, не могу же я оставить тебя черт знает где.

Дважды вздохнув, он буркнул куда-то в пол:

— Твоя бабушка меня бы со свету сжила, если б я тебя не забрал.

Эльса кивнула, вытирая слезы об ворса.

— А этот что, тоже с тобой? — недовольно спросил Альф, показывая на ворса.

Судя по взгляду ворса, его недовольство примерно на семьдесят пять процентов превосходило недовольство самого Альфа. Эльса кивнула, стараясь не расплакаться снова.

— Только в багажнике, — отрезал Альф.

Но ворс, разумеется, поехал в салоне. Эльса всю дорогу сидела, зарывшись лицом в его шерсть. Ведь в ворсах самое главное что? Они водостойкие.

В автомагнитоле звучала опера. По крайней мере, Эльсе так показалось. Вообще-то она в своей жизни слышала не так много опер, но знает по разговорам, что они собой представляют. На полдороги Альф смущенно спросил ее, обращаясь к зеркалу заднего вида:

— Хочешь чего-нибудь?

— Чего? — всхлипнула Эльса.

Альф нахмурился так, что брови сползли до самых ноздрей.

— Не знаю. Например, кофе.

Оторвавшись от ворса, Эльса удивленно посмотрела на Альфа:

— Мне семь лет!

— При чем тут это?

— Ты хоть раз встречал семилетнего ребенка, который пьет кофе?

Альф мрачно повертел головой.

— Я вообще не часто встречаю детей.

— Заметно.

— Ладно, ладно. К черту кофе, — пробубнил Альф.

Эльса снова уткнулась в ворса. Прошло немного времени. Выругавшись себе под нос, Альф протянул на заднее сиденье бумажный пакет. На нем значился тот же текст, что на пакетах из бабушкиной любимой кондитерской.

— Это плюшка с корицей. Только слезами не поливай, а то невкусно будет.

Эльса поплакала на плюшку, но она все равно была вкусная.

Они подъехали к дому, и Эльса помчалась наверх, даже не поблагодарив Альфа и не попрощавшись с ворсом. Она не задумывалась о том, что Альф теперь знает про ворса и может позвонить в полицию. Она не обратила внимания на обед, который Джордж сервировал на кухонном столе, и не сказала ему ни слова. Мама вернулась домой, но Эльса притворилась спящей.

Когда ночью на лестнице заорала пьянчуга, Эльса впервые сделала то же, что и все жильцы этого дома.

Она притворилась, будто не слышит.

18. ДЫМ

В каждой сказке есть свой дракон. Скажите спасибо бабушке.

В ту ночь Эльсе снились кошмары. Ей всегда казалось, что нет ничего хуже, чем потерять способность переноситься в Просонье и перестать видеть сны. Но оказалось, есть вещи и похуже. Увидеть Просонье во сне. Не попасть в него — а смотреть точно откуда-то сверху. Как будто лежишь на гигантском стеклянном куполе и смотришь вниз. Не чувствуешь запахов, не слышишь смеха, легкий ветерок не щекочет щеки, когда по небу пролетает облаконец. Это самый страшный сон за вечность всех вечностей.

Потому что Миамас горит.

Принцы, принцессы, ворсы, ловцы снов, морской ангел и остальные обитатели всех королевств Просонья бегут что есть мочи. Тени поглощают освободившееся пространство, и везде, где бы они ни ступили, остается серая и лишенная фантазии смерть. Эльса ищет в этом аду Волчье Сердце, но его нигде нет. Она видит тела безжалостно уничтоженных облаконой, лежащие в пепле. Миамас горит. Бабушкиным сказкам конец.

Среди теней есть кто-то еще. Худощавый мужчина в облаке сигаретного дыма. Это единственный запах, который долетает до Эльсы сквозь стеклянный купол — запах бабушкиного табака. Мужчина поднимает голову, и взгляд светло-голубых глаз пронзает туман. Из тонких губ выползают клубы дыма. Мужчина указывает на Эльсу пальцем, изогнутым, словно серый коготь, и что-то кричит. В следующее мгновение сотни теней, взметнувшись, поднимаются к куполу.

Эльса проснулась оттого, что упала с кровати и ударилась лицом о паркет. Тяжело дыша, она лежала на полу и держалась руками за горло. Прошел миллион вечностей, прежде чем она смогла поверить, что находится в реальном мире. Что тени не схватили ее. С тех пор как они с

бабушкой впервые оседлали облаконой и перенеслись в Просонье, Эльсе никогда не снились кошмары. Она уже успела забыть, каково это. Вся в поту, с пустой головой, она встала, пытаясь привести мысли в порядок.

Из прихожей донесся чей-то голос. Злой голос из реального мира. Эльса вспомнила про зловков из Миамаса, о которых любила рассказывать бабушка. Эти четвероногие очень похожи на волков, только гораздо злее. Больше всего зловки не любят волков, потому что те лишили их самых интересных вакансий во всех сказках. Последнего зловка много вечностей назад уволили из сказки, известной в реальном мире под названием «Красная Шапочка». Уволили по причине «неумения работать в коллективе». После этого волки повсеместно прописались во всех сказках и сделали себе неплохую карьеру, тогда как зловки по сей день работают обслуживающим персоналом в окрестностях Просонья, курят сигареты «Парламент», красят пряди в лиловый цвет и жалуется на жизнь.

Но вернемся к нашим баранам. Зловки к ним отношения не имеют, это другая история.

Итак, из прихожей доносился чей-то голос. Самый обычный злой голос. Эльса стряхнула сонную пелену и прислушалась к разговору.

Говорила Бритт-Мари. Потом мама. И опять Бритт-Мари.

— Вот оно что! Но, милочка, разве не странно, что они звонят тебе! Почему не Кенту? Кент является председателем этого кондоминиума, а я отвечаю за информационное обеспечение. И по таким делам у нас принято звонить председателю. А не кому попало!

Эльса поняла, что «кому попало» звучит унижительно, хотя голос у Бритт-Мари был очень благожелательным. Она представила, как Бритт-Мари стоит в прихожей, сложив руки замком на животе, и кивает маме с таким благожелательным видом, на какой способна только она.

Мама вздохнула так тяжело, что Эльсе показалось, будто ее вздох сквозняком проник к ней в комнату и шевельнул простыню на кровати.

— Я не знаю, почему они позвонили именно мне. Сегодня придет аудитор и все объяснит.

Эльса открыла дверь в прихожую. Там была не только Бритт-Мари, но также Леннарт, Мод и Альф. Саманта дремала на лестничной клетке. На маме был махровый халат, который едва сходил на животе. Мод держала банку с печеньем и улыбалась Эльсе доброй улыбкой. У Леннарта в руках был термос с кофе на всякий случай, он сделал глоток из крышки.

У Альфа, похоже, в кои-то веки было не самое ужасное настроение, он просто казался чем-то крайне раздосадованным. Он коротко кивнул Эльсе с

таким видом, будто ему навязали какую-то тайну. И только тогда она вспомнила, что вчера оставила Альфа в гараже вместе с ворсом и убежала наверх. Паника накрыла ее с головой, но Альф жестом дал понять, что он все уладил. Эльса немного успокоилась. Она смотрела на Бритт-Мари, пытаюсь вычислить, связан ли ее гнев с ворсом или это просто дежурный скандал. Вскоре стало ясно, что это, слава богу, плановые разборки. Сегодня страшный гнев Бритт-Мари был сосредоточен на маме.

— Значит, владельцы дома вообразили, будто могут продать нам квартиры в собственность? И это после всех писем, которые Кент им написал? Взяли и приняли такое решение? Раз, и готово? И позвонили тебе, а не Кенту? Значит, по-твоему, это нормально, милочка? Тебе кажется, это нормально? — вопрошала Бритт-Мари, складывая так и сяк руки в замок.

Мама снова вздохнула и попыталась ту же затянуть халат.

— Может быть, они не дозвонились до Кента. Я все-таки живу здесь не первый год, вот они и...

— Вообще-то дольше всех в этом доме прожили мы с Кентом, дорогая моя. Дольше всех! — перебила Бритт-Мари.

— Дольше всех здесь живет Альф, — поправила мама.

Эльса вмешалась в разговор:

— Дольше всех здесь жила бабушка. — Но ее никто не слушал.

Особенно Бритт-Мари.

— Мы живем здесь дольше всех, милочка, и к тому же в таких случаях принято звонить Кенту! — продолжала она.

— Наверное, они ему не дозвонились, — повторила мама в отчаянии.

— Он в командировке! Его самолет еще не приземлился! — объяснила Бритт-Мари уже чуть менее благожелательно.

— Может, они поэтому и не дозвонились? А я позвонила тебе сразу, как только повесила трубку после разговора с ревиз...

— У нас *принято* в первую очередь обращаться к председателю кондоминиума!

— У нас не кондоминиум, — вздохнула мама.

— Но он у нас будет! — рявкнула Бритт-Мари.

Мама кивнула, по-прежнему владея собой:

— Для этого к нам придет аудитор от владельцев. Я же тебе говорю. Как только я с ним поговорила, сразу бросилась звонить тебе. А ты перебудила весь дом. И вот мы здесь. Бритт-Мари, милая, что ты еще от меня хочешь?

— Аудитор сам сказал, что придет? Он сам сказал? — Бритт-Мари наполовину спрашивала, наполовину констатировала факт, переходя на

фальцет.

Мама еще подтянула пояс халата. Бритт-Мари вся тряслась от гнева, будто кто-то насыпал ей под блузку полное ведро злобных клещей.

— С какой такой стати он приходит в субботу? А? С какой стати? Такие дела по субботам не делаются, милочка, не делаются. Разве ты не согласна, Ульрика?

Разве цивилизованные люди так поступают? Тебе этого не понять!

Мама массировала виски. Задыхаясь от возмущения, Бритт-Мари повернулась к Альфу и Леннарту с Мод в поисках поддержки. Мод выдавила приветливую улыбку. Леннарт предложил *кофе на крайний случай* из термоса. Альф постепенно мрачнел, возвращаясь в свое привычное состояние.

Бритт-Мари повернулась и снова увидела Эльсу.

— Ну вот! Так я и знала! Мы разбудили ребенка. Так я и знала!

Она сказала «мы», явно подразумевая «ты». Мама посмотрела на Эльсу и заботливо откинула прядь волос у нее со лба.

— Звонил аудитор с предприятия, которому принадлежит наш дом, и сказал, что они готовы продать квартиры в собственность. Кент и Бритт-Мари долго этого добивались. Сегодня аудитор придет сюда, чтобы об этом поговорить, — устало пояснила мама. — Если, конечно, Кент успеет приехать к этому времени, — поправилась она.

Бритт-Мари складывала руки в замок с такой скоростью, как будто выполняла некий обряд рукопожатий в тайном обществе, которое состоит из нее одной.

— Да, думаю, лучше дождаться Кента. Это мое мнение. Будет лучше, если на таких встречах будет присутствовать Кент, такие встречи без него обходиться не могут. Такие встречи — дело серьезное, милочка!

Мама помассировала виски.

— Да. Да. Да. Но, господи, позвони же ему!

— Его самолет еще не приземлился! Он в командировке, милочка! — рявкнула Бритт-Мари.

Альф что-то буркнул у них за спиной. Бритт-Мари обернулась. Альф засунул руки в карманы кожаной куртки и снова что-то пробурчал.

— Ты что-то сказал? — в один голос переспросили мама и Бритт-Мари с диаметрально противоположными интонациями.

— Я говорю, черт побери, что послал Кенту эсэмэс двадцать минут назад, когда вы только начали свои разборки. Он ответил, что едет сюда, — мрачно пробубнил Альф. — Разве этот придурок допустит, чтобы без него вершились великие дела.

Последнюю фразу Бритт-Мари пропустила мимо ушей. Она смахнула невидимые пылинки с юбки, сложила руки в замок и надменно взглянула на Альфа: уж она-то знает, что Кент сейчас никуда ехать не может, его самолет еще не приземлился, он в командировке. Но в этот момент внизу хлопнула входная дверь и послышались шаги, явно принадлежавшие Кенту, — это ясно любому, потому что их сопровождает ор в телефон по-немецки — обычно так говорят фашисты в американских фильмах.

— Ja, ja Klaus! Ja! We will dizcuzz thiz in Frankfurt!^[3] Бритт-Мари во весь опор поскакала навстречу Кенту вниз по лестнице, чтобы рассказать ему, какая невероятная наглость имела наглость здесь произойти, пока его не было.

Джордж выглянул из кухни у мамы за спиной, на нем были спортивные легинсы, шорты, самая зеленая в мире футболка и еще более зеленый фартук. Он весело улыбался и держал в руках дымящуюся сковороду.

— Кто будет завтракать? Я приготовил яичницу.

Джордж уже готов был угостить всех свежими протеиновыми батончиками, но в последний момент решил этого не делать: а вдруг батончики быстро кончатся?

— А я принесла немного печенья, — радостно отозвалась Мод и протянула Эльсе целую банку, ласково потрепав ее по щеке.

— Угощайся, у меня есть еще, — шепнула она и пошла в прихожую.

— А можно кофе? — обеспокоенно спросил Леннарт, делая большой глоток из термоса с кофе на крайний случай. Леннарт последовал за Мод.

Властный топот Кента раздавался все ближе, и наконец он сам появился в дверном проеме. На Кенте были джинсы и дорогой пиджак. Эльсе это известно, потому что он любит рассказывать, сколько стоит его одежда. С таким видом, как будто выставляет оценки в финале «Евровидения». Бритт-Мари семенила за ним следом и тараторила без остановки:

— Какая наглость, Кент! Какая наглость, что они звонят не тебе, а кому попало. Правда? Нет, так продолжаться не может, Кент, ты согласен? Так продолжаться не может.

Кент протянул в мамину сторону указующий перст и требовательным голосом сказал:

— Я хочу в подробностях знать, о чем вы говорили по телефону! В подробностях!

Бритт-Мари стояла у него за спиной, энергично кивая на каждом

слове:

— Кент хочет в подробностях знать, о чем вы говорили по телефону, милочка. В подробностях, о чем вы говорили. Кент должен немедленно узнать, о чем вы говорили по телефону!

Прежде чем мама успела открыть рот, Бритт-Мари смахнула с костюма Кента невидимые пылинки и прошептала внезапно изменившимся голосом:

— Кент, я думаю, сначала тебе следует зайти домой и сменить рубашку.

— Бритт-Мари, милая, мы решаем серьезный вопрос, — отмахнулся Кент. Обычно Эльса в том же духе возражает маме, когда та предлагает ей надеть что-то зеленое.

Бритт-Мари выглядела очень несчастной.

— Кент, милый, просто брось ее в стирку. У тебя в шкафу есть чистые глаженные рубашки. Нельзя встречаться с аудитором в мятой одежде. Что он о нас подумает? Вдруг он решит, что мы не гладим рубашки? — настаивала она.

Мама собралась было что-то сказать, но взгляд Кента упал на Джорджа.

— О! Как насчет яичницы? — радостно спросил Кент.

Джордж кивнул с довольным видом. Кент проскочил мимо мамы в прихожую. Бритт-Мари поспешила за ним, нахмутив брови. Поравнявшись с мамой, она сделала обиженное лицо и, не удержавшись, проворчала:

— Да, конечно, я все понимаю, милочка, у тебя ведь нет времени на уборку, одна карьера на уме, кто бы сомневался.

Хотя квартира была в идеальном порядке и каждый миллиметр сиял чистотой.

Мама подпернула халат, сделала глубокий вдох и сказала:

— Входите уже наконец.

Эльса юркнула в свою комнату и со скоростью света переоделась в джинсы, чтобы сбегать в подвал проведать ворса, пока все сидят наверху. С кухни доносился требовательный голос Кента, который допрашивал маму, и непрерывное поддакивание Бритт-Мари. В прихожей остался только Альф. Сунув в карманы джинсов большие пальцы, Эльса ковыряла носком порожек в полу, чтобы не смотреть Альфу в глаза.

— Спасибо, что не сказал про... — Эльса споткнулась на слове «ворс». Альф угрюмо помотал головой.

— Зря ты вчера умчалась. Если уж завела животное, отвечай за него сама, хоть ты еще и ребенок.

— Никакой я не ребенок! — возмутилась Эльса.

— Тогда и веди себя как взрослый, твою мать, — проворчал Альф.

— Шах, — шепнула Эльса куда-то в пол.

— Зверюгу я оставил в подвале, в вашем отсеке. Я прибил там кусок оргалита, чтобы никто его не заметил. И сказал ему, чтобы помалкивал. Кажется, он понял. Только надо тебе подыскать ему местечко получше. Рано или поздно его найдут, — сказал Альф.

Эльса поняла, что он, когда говорил «найдут», имел в виду Бритт-Мари. Альф был прав. Ее страшно мучила совесть за то, что она бросила ворса. А если бы Альф позвонил в полицию и они бы его убили? Эльса бросила ворса так же, как бабушка бросила маму, и это похуже ночного кошмара.

— О чем они говорят? — спросила она Альфа, кивая в сторону кухни, — просто чтобы отделаться от этой ужасной мысли.

Альф усмехнулся:

— О чертовых кондоминиумах.

— Что это значит?

Альф застонал.

— Какого черта я должен все объяснять?! Кондоминиум отличается от арендуемого жилья тем, что...

— Да знаю, знаю, не дуручка.

— Тогда какого черта спрашиваешь?

— Я имею в виду, что все это значит! — пояснила Эльса тоном человека, который не очень ясно представляет, о чем говорит.

Альф засунул руки в карманы, куртка скрипнула. Он не снял ее, хотя мама Эльсы говорит, что в помещении верхнюю одежду надо снимать. Наверное, мама Альфа не придавала значения этому правилу.

— Кент нам всю плешь проел с этим кондоминиумом, с тех пор как переехал обратно. Он ведь не успокоится, пока не сможет подтираться деньгами, которые сам сначала и высрет, — пояснил Альф с видом человека, который не слишком близко знаком с семилетними детьми.

Сначала Эльса хотела спросить, что он имел в виду, когда сказал «переехал обратно», но все же решила сосредоточиться на главном.

— Разве не все на этом заработают? Ты, мама, Джордж и остальные.

— Если продать квартиры, то да, — буркнул Альф.

Эльса задумалась. Альф скрипнул кожаной курткой.

— Но этому черту, Кенту то есть, только того и нужно. Он всегда мечтал отсюда переехать.

Эльса посмотрела в никуда и исчезла в собственных мыслях. Так вот почему ей снятся кошмары. Когда обитатели Просонья стали появляться в

доме, дом стал его частью. А если все они продадут свои квартиры, то...

— Значит, мы не бежим из Миамаса. Мы добровольно сдаемся. — Эльса продолжила думать вслух.

— Что? — удивился Альф.

— Да так, ничего, — пробормотала Эльса.

По лестнице эхом прокатился грохот хлопнувшей входной двери. Затем послышались тихие шаги. Эльса и Альф поняли: это идет аудитор.

На кухне Бритт-Мари перекрикивала Кента. Она не нашла понимания по поводу мятой рубашки и теперь искала объект для своей благородной ярости. А объектов хватало. Сложно было решить, какой из них бесит ее больше всего, поэтому она приступила к последовательному перечислению: если мама *немедленно* не уберет бабушкин тарантас с ее парковочного места, придется звонить в полицию; она потребует, чтобы полиция вскрыла замок на детской коляске, которая так и стоит внизу, пристегнутая к перилам; она сделает все, чтобы домовладелец установил на лестничных клетках видеонаблюдение, и положит конец этому безобразию, а то ходят тут всякие, вешают записки на доску объявлений, не спросясь ответственного за информационное обеспечение.

— Бритт-Мари, милая, люди не могут просто взять и установить камеры на лестнице, — вздохнула мама. — Есть такое понятие, как частная жизнь.

— Ах вот оно что! Если человеку нечего скрывать, то он не будет бояться видеонаблюдения! Разве я не права, Кент? Правда на нашей стороне, скажи, Кент. Разве я не права?

Кент что-то тихо ответил. А мама снова громко вздохнула:

— У людей есть право на неприкосновенность частной жизни. Они могут скрываться от преследований и жить под чужим именем. Существуют законы, которые регулируют такие вопросы, нельзя просто взять и...

— Какая такая частная жизнь? Что за секреты могут быть на лестничной клетке? — недоумевала Бритт-Мари.

Мама массировала виски.

— Я не говорю про секреты, Бритт-Мари, просто у человека есть право на...

Бритт-Мари, не дослушав, перекинулась на Кента:

— У кого, скажите на милость, есть секреты от соседей? Ты только послушай, Кент. Наверное, речь идет о типчике с нижнего этажа, что живет по соседству с бойцовой собакой. А, Кент, как думаешь? Понятное дело, у

таких торчков есть право на неприкосновенность частной жизни, пусть торчат в тишине и спокойствии!

Кажется, никто не понял логику Бритт-Мари. Как бы то ни было, ее тираду прервал низенький мужчина с очень дружелюбным лицом. Он стоял в дверях за спиной у Альфа и стучал по косяку.

— Добрый день, я аудитор, — сказал он, приветливо улыбнувшись.

Аудитор посмотрел на Эльсу и подмигнул. Как будто у них была общая тайна. Во всяком случае, Эльсе так показалось.

Кент с начальственным видом вышел из кухни и, расставив руки так, будто собирается крутить хулахуп, смерил аудитора придирчивым взглядом.

— Ну что, как насчет кондоминиума? Почему отдадите квадратный метр? — Кент приступил к делу без лишних слов.

За ним в прихожую ворвалась Бритт-Мари.

— Как вы сюда попали? Кто вас впустил? Кент, ты запер дверь в подъезд? Дверь должна быть заперта! Я как раз об этом только что говорила, иначе кто попало сюда заходит и что попало вешает на доске объявлений! Не говоря уже о всяких наркоманах, они здесь шляются, как будто... как будто... у нас здесь притон!

— Подъезд был открыт, — приветливо сказал аудитор.

— Да-да, так что там с кондоминиумом? Почему метр? — нетерпеливо переспросил Кент.

Аудитор посмотрел на свой портфель и снова улыбнулся:

— Может быть, для начала сядем?

— Конечно, проходите, пожалуйста, — устало сказала Эльсина мама из-за спины Бритт-Мари и подтянула полы халата.

— У нас есть кофе, — радостно сообщил Леннарт.

— И печенье, — сказала Мод.

— И яичница! — крикнул с кухни Джордж.

— Извините за беспорядок, — благожелательно сказала аудитору Бритт-Мари. — В этой семье все заняты своей карьерой.

Мама владела собой и пропустила ее слова мимо ушей. Хотя и с трудом.

На полпути к кухне Бритт-Мари вдруг остановилась и, сложив руки в замок, благожелательно взглянула на Эльсу:

— Деточка, ты ведь понимаешь, что я ни в коем случае не имею в виду ваших с бабушкой друзей, когда говорю «наркоманы». Я ведь не знаю

наверняка, что тот тип, который вчера тебя спрашивал, наркоман. Ничего плохого я в виду не имела.

Эльса смотрела на нее, раскрыв рот:

— Что? Какие друзья? Кто меня спрашивал?

Она хотела уточнить — Волчьё Сердце? Но не стала, потому что была не уверена, что Бритт-Мари в курсе их дружбы. В ответ Бритт-Мари благожелательно разъяснила — явно не имея в виду Волчьё Сердце:

— Твой друг, который вчера здесь был и искал тебя. Я его с лестницы спустила. Потому что у нас в подъезде не курят, так ему и передай. В нашем жилищном кооперативе на лестнице не курят. Я, конечно, понимаю, что у вас с бабушкой друзья необычные, но правила существуют для всех, не стоит этого забывать.

Она расправила невидимую складку на юбке, сложила руки в замок и продолжила:

— Думаю, ты знаешь, о ком я. Худощавый такой. Стоял тут на лестнице и курил. Сказал, что ищет ребенка, и тебя описал. Неприятный тип, я тебе доложу, вот я и спустила его с лестницы. Потому что у нас в кондоминиуме в подъезде не курят.

Сердце у Эльсы сжалось в комок. Кажется, оно вдруг вобрало в себя весь кислород, который был в организме.

Бритт-Мари кивнула сама себе и направилась к кухне, бормоча по дороге:

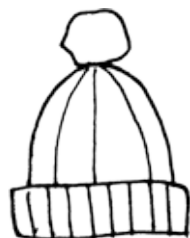
— Какой неприятный тип, я таких насквозь вижу. Нет спасения от этих наркоманов.

Эльса схватилась за дверной косяк, чтобы не упасть. Никто не видел ее, даже Альф. Теперь она поняла, что ее ждет.

В каждой сказке есть свой дракон.

Скажите спасибо бабушке.

19. Бисквитное тесто

В миамасских сказках описываются бесчисленные способы, как победить дракона. Но что делать, если этот дракон — тень, худшее из возможных воплощений дракона, и к тому же принял человеческое обличье... Как его победить? Даже сам Волчье Сердце вряд ли смог повергнуть его в те времена, когда был самым грозным воином в Просонье. А уж теперь и говорить нечего. Теперь он боится чужих соплей и пытается смыть с ладоней даже мысли о крови.

Кто он, этот дракон-тень? Эльса видела его лишь дважды: сначала возле похоронного бюро, потом из окна автобуса в тот день по дороге в школу. Он снился ей и приходил за ней к ним в подъезд. В Миамасе не бывает случайностей, в сказках все неслучайно. В сказках все случается так, как задумано.

Так вот что бабушка имела в виду, когда говорила «защитить замок, защитить своих друзей». Эльсе так хотелось бы, чтобы бабушка оставила ей в подмогу свою армию.

Она дождалась вечера, чтобы спуститься в подвал и в темноте вместе с ворсом незаметно прокрасться под окнами Бритт-Мари. Джордж ушел на пробежку, а мама до сих пор заканчивала последние приготовления к завтрашнему дню. После встречи с аудитором она долго говорила по телефону с женщиной-китом из похоронного бюро, потом с флористом, пастором, с персоналом больницы и снова с пастором. Эльса тем временем сидела в своей комнате и читала «Человека-паука», стараясь не думать о том, что ждет их завтра. Получалось не очень.

С собой у Эльсы было печенье для ворса, которое испекла Мод. Печенье было съедено моментально, и она выхватила банку со скоростью света: еще немного и на ногтях останется маникюр от клыков. Что поделаешь, иначе язык-полотенце будет слизывать крошки, а по словам бабушки, слюну ворса с посуды оттереть практически невозможно. Банку-

то надо будет вернуть Мод. Разумеется, не сразу, а через несколько дней, чтобы выглядело правдоподобно, ведь существа из реального мира не в состоянии осилить такую гору печенья в один присест. С точки зрения обычного человека, банка была огромной.

Но ворс есть ворс, ему и этого мало, он сунул нос в Эльсин ранец и вращал им внутри наподобие бетономешалки. Кажется, он не мог поверить, что глупая Эльса принесла лишь жалкую банку печенья, только и всего.

— Я раздобуду еще, а пока ешь батончики, — сказала она.

Ворс взглянул на нее так, будто она только что обозвала его толстяком.

— Хватит на меня так смотреть! Они со вкусом шоколада! — сказала Эльса, протягивая пакет.

Кажется, для ворса это не аргумент. Но он все же съел семь штук. Эльса достала термос.

— Это бисквитное тесто. Конечно, не настоящее, ведь я не знаю, как его готовить. Просто нашла в шкафу на кухне пакет с порошком, там было написано «Готовая смесь для бисквита». Добавила воды, получилась какая-то жижа, — оправдывалась Эльса.

Ворс скептически посмотрел на термос, но тем не менее съел его содержимое. На всякий случай. До чего все-таки у ворсов длинные языки. Наверное, это их главная суперспособность.

— Сюда приходил один человек. Он искал меня, — прошептала Эльса ему на ухо. Она старалась, чтобы голос не дрожал. — По-моему, он из войска теней. Надо быть начеку.

Ворс ткнулся носом ей в шею. Эльса обняла его и почувствовала, как под шерстью перекачиваются твердые мускулы. Ворс делал вид, будто все это несерьезно, но Эльса знала, чего ему это стоит. Он готовился к бою. Ну как его можно не любить?

— Не знаю, откуда он взялся. Бабушка никогда не рассказывала о драконах такой породы, — шептала Эльса.

Ворс снова ткнулся ей в шею, потом посмотрел на нее огромными глазами, которые излучали сочувствие. Кажется, он хотел столько ей рассказать. Ну почему Волчье Сердце сейчас не с ними? Эльса звонила в звонок, но никто не открыл. Она не стала кричать, потому что боялась, что Бритт-Мари услышит и почует неладное, но на всякий случай как следует высморкалась, приоткрыв почтовую щель, и шумно засопела, как будто вот-вот чихнет самым сопливым чихом, который все кругом забрызгает слюной. Но изнутри никто не откликнулся.

— Волчье Сердце исчез, — шепнула она ворсу.

Ворс потерся носом об Эльсину шею. Эльса старалась мужественно

смотреть в лицо опасности. Пока они шли по подвалу, у нее получалось довольно неплохо. На лестнице она продолжала держаться. Но возле двери в подъезд почувствовала запах табачного дыма — тех самых сигарет, которые любила курить бабушка, — и страх из ночного кошмара парализовал ее. Каждый ботинок стал весить тысячу тонн. В голове застучало так, будто что-то оторвалось и болталось на волоске.

Странно, что один и тот же запах может вызвать такие разные ощущения в зависимости от того, через какие ворота его сигнал проходит по мозгу.

«Это все не по правде, дурочка бестолковая, зачем ты это придумала, драконов не существует», — внушала себе Эльса. Но это не помогало. Ворс терпеливо ждал рядом, но ботинки не двигались с места.

В окно было видно, как мимо пролетает газета. Из тех, что бросают в почтовый ящик, даже если на нем висит табличка: «Не кладите рекламу! Спасибо». Эльса вспомнила о бабушке. Ботинки весили тысячу тонн, проклятая газета воплощала все то, за что Эльса так злилась на бабушку, ведь это она втравила ее в эту историю. Отправила ее в эту сказку, и в этом вся бабушка. Взять хотя бы ту историю с бесплатной газетой.

Бабушка позвонила в редакцию газетенки и отчитала их за то, что они бросают макулатуру к ней в ящик несмотря на табличку, где черным по белому сказано: «Не кладите рекламу! Спасибо». Эльса много размышляла о том, почему на табличке написано «спасибо». Мама всегда говорила, что, если не можешь сказать «спасибо» от всего сердца, лучше вообще промолчать. Не похоже, что бабушка хотела сердечно поблагодарить тех, кто разносит рекламные газеты.

Но в редакции бабушке сказали, что их газета не рекламная, а информационная и ее можно класть в почтовые ящики, невзирая на то, благодарят их за это или нет. Тогда бабушка потребовала, чтобы ей назвали имя владельца газеты и подозвали его к телефону. В ответ на это ей объяснили, что владельцев газет по таким пустякам отвлекать незачем, у них на это времени нет.

Не стоило им этого говорить, потому что бабушка не из тех, кто считает свои претензии пустяками. К тому же в отличие от мужчины, который был владельцем предприятия, выпускавшего газету, у бабушки была масса свободного времени. «Никогда не затевай ссору с тем, у кого больше свободного времени, чем у тебя», — любила повторять бабушка. Эльса понимала это так: «Никогда не затевай ссору с тем, кто слишком бодр для своего возраста».

В один из последующих дней бабушка, как обычно, забрала Эльсу из школы, и они с желтой сумкой из ИКЕА в руках отправились в рейд по району. Они звонили во все двери, и многие, конечно, были очень удивлены, особенно при виде желтой сумки, которую из ИКЕА выносить нельзя. Но в ответ на все вопросы бабушка отвечала, что они из экологической организации, которая собирает бумагу для переработки. И никто не осмеливался ей слова поперек сказать. «Понимаешь, люди боятся экологических организаций как чумы, они насмотрелись всяких фильмов и думают, что мы ворвемся к ним в квартиру и будем проверять, сортируют ли они мусор», — объясняла бабушка, когда они грузили битком набитые сумки в «рено». Эльса так и не поняла, какие фильмы имела в виду бабушка. К тому же она знала, что та ненавидит экологические организации и называет их пандофашистами. А желтые сумки выносить из ИКЕА нельзя.

Но бабушка только пожимала плечами. «Я их не украла, просто пока не успела вернуть обратно», — говорила она, протягивая Эльсе черный фломастер. Тогда Эльса сказала, что потребует за работу минимум четыре мороженных «Баскин Робинс», шоколадных с орехами. Бабушка ответила: «Одно!» — Эльса сказала: «Три!» — бабушка ответила: «Два!» — тогда Эльса пригрозила, что все расскажет маме, а бабушка закричала, что переговоров с террористами не ведет. Эльса посоветовала забить в «Википедии» слово «террорист» и убедиться, что бабушка подойдет под определение по всем параметрам, а Эльса — ни разу. «Цель террористов — создать хаос, а мама говорит, что именно этим ты занимаешься целыми днями», — сказала она. И тогда бабушка согласилась на четыре мороженных при условии, что Эльса выполнит свою работу и будет молчать. Эльса так и сделала. А ночью она сидела в «рено» на другом конце города для подстраховки, пока бабушка бегала туда-сюда с желтыми икейскими сумками. На следующее утро человек, который владел предприятием, выпускавшим газету, проснулся от звонков в дверь. Это были разгневанные соседи, обнаружившие, что весь лифт забит его газетами. Ими были переполнены все почтовые ящики, большая стеклянная дверь на входе была обклеена газетами сверху донизу, а еще они лежали щедрыми стопками возле каждой квартиры и разлетались по всей лестнице, когда люди выходили из дома. На каждой газете большими черными буквами было аккуратно написано имя владельца предприятия, снизу стояла подпись: «Это не реклама, а информация!!!»

Той ночью по дороге домой бабушка с Эльсой заехали на заправку и купили мороженое. Несколько дней спустя бабушка снова позвонила в

редакцию бесплатной газеты, и с тех пор больше никогда ее не получала.

Эльса смотрела на газету, кружившуюся на ветру, и думала о том, что в этом вся бабушка. С недавнего времени ничто так не злило ее, как бабушкины штучки.

— Туда или сюда?

Голос вспыхнул в темноте, будто факел. Эльса обернулась. Первый порыв был броситься ему в объятия, но Эльса сдержалась, боясь, что он может отреагировать так же, как Волчье Сердце.

Альф засунул руки в карманы, куртка скрипнула, и он посмотрел на дверь:

— Туда или сюда? Подумай о других, не ты одна любишь, твою мать, прогуляться перед сном.

Эльса с ворсом нерешительно посмотрели на Альфа. Тот, что-то ворча себе под нос, шагнул вперед и открыл дверь в подъезд. Эльса с ворсом не отставали ни на шаг, хотя он и не звал их с собой. Повернув за угол и отойдя на приличное расстояние от окна Кента и Бритт-Мари, ворс попятился в кусты и зарычал так учтиво, будто давал понять, что ему надо поработать в тишине и спокойствии. Они отвернулись. Ворс в кустах вздохнул с облегчением. Кожаная куртка поскрипывала, а ее обладатель, судя по всему, не выражал особых восторгов от непрошенных спутников. Эльса кашлянула, пытаясь выдумать подходящую тему для разговора, чтобы Альф не ушел.

— Как там твоя машина? — спросила она, потому что слышала, как папа задавал этот вопрос, когда хотел поддержать беседу.

Альф кивнул. И все. Эльса шумно вздохнула.

— Что сказал аудитор? — спросила она в надежде, что Альф начнет возмущаться, как это обычно бывает на встречах жильцов.

Эльса давно заметила, что люди охотнее говорят о том, что им не нравится, чем наоборот. А если кто-то в темноте разговаривает — не важно, о чем, — то уже не так страшно. Когда она задала свой вопрос, в уголке рта у Альфа вздрогнула небольшая складка. Прежде такого с ним не случалось.

— Этот гребаный аудитор сказал, что владельцы решили продать гребаные квартиры в собственность, если все гребаные жильцы этого дома не будут возражать и придут к согласию.

Эльса внимательно смотрела на складку в уголке рта.

— Это хорошо или плохо?

Альф бросил на нее довольный взгляд:

— Мы разве не в одном доме живем? Скорее решится гребаный конфликт в Палестине, чем жильцы нашего дома хоть в чем-то придут к согласию.

Эльса поняла, о чем говорит Альф, она читала про Палестину в «Википедии». И догадалась, что под «жильцами» Альф подразумевает маму и Бритт-Мари.

— То есть если все жильцы дома станут собственниками, они захотят продать свои квартиры?

Складка в уголке рта исчезла, и лицо Альфа вернулось к первоначальному состоянию.

— Захотят не захотят, не в этом дело, черт побери. Им просто придется.

— Почему?

— Элитный район. Дорогие квартиры. У большинства жильцов нет средств, чтобы потом расплатиться с гребаным кредитом.

— Тебе придется переехать?

— Возможно.

— А маме с Джорджем?

— Откуда я знаю?!

Эльса задумалась.

— А Леннарт и Мод?

— Вопросы из тебя так и сыплются.

— Что ты здесь делаешь, если не хочешь со мной разговаривать? — пробурчала Эльса.

Куртка Альфа скрипнула в направлении сидящего в кустах ворса.

— Что, уже погулять спокойно нельзя, твою мать? Вы сами за мной увязались.

Эльса сделала бровки домиком.

— Тебе никто не говорил, что ты слишком много ругаешься? Папа считает, это свидетельствует о бедном словарном запасе!

Альф посмотрел на Эльсу. А Эльса на Альфа. В кустах зашуршал ворс. Альф перевел взгляд на часы, потом сунул руки в карманы куртки.

— Леннарт и Мод переедут. Девушка с мальчиком с гребаного нижнего этажа, наверное, тоже. Про чертову психологиню, у которой ты вчера побывала, понятия не имею. У нее небось гребаная куча денег, у этой греб...

Альф осекся. Он пытался взять себя в руки как мог.

— У этой женщины. У нее наверняка... куча денег, у этой... женщины, — ему приходилось взвешивать каждое слово.

— Что об этом думала бабушка?

В уголке рта у Альфа снова мелькнула складочка.

— Обычно ее мнение было противоположным тому, что считала Бритт-Мари.

Эльса рисовала ботинком на земле маленького снежного ангела.

— Может, это и хорошо? Если у всех будет право собственности, они смогут переехать куда захотят.

— Нам и здесь хорошо. У нас все прекрасно. Это, черт побери, наш дом.

Мимо пронеслась газетенка, которую Эльса видела в окно подъезда. А может, уже другая. На секунду она застряла у нее в ногах, потом умчалась дальше, будто маленькая и злобная морская звезда. От этого внутри у Эльсы снова вскипела ярость. При мысли о том, на что была способна бабушка только ради того, чтобы ей в ящик не клали бесплатных газет. Эльса ужасно злится, потому что в этом вся бабушка. Она ведь делала это ради Эльсы. Типично для нее. Все ради Эльсы.

Сама-то бабушка любила эти газеты, она сминала их и клала в ботинки после дождя. Но однажды Эльса прочитала в интернете о том, сколько деревьев уходит на то, чтобы изготовить бумагу для одной-единственной газеты, и сделала таблички для почтовых ящиков мамы и бабушки, потому что Эльса фанат экологии. Но газеты все равно клали им в ящики, а когда Эльса звонила в редакции, там лишь смеялись. А зря. Над бабушкиной внучкой смеяться опасно.

Бабушка ненавидела экологию, но была человеком, с которым можно пойти в разведку. И ради Эльсы она могла стать террористом. И за это Эльса больше всего злилась на бабушку, потому что не хотела ее прощать. За все остальное. За ложь, и за то, что она оставила маму, и за то, что она умерла. Но до чего сложно злиться на того, кто ради тебя готов был стать террористом. Эльса понимала, что злиться не следует, и от этого становилась все злее и злее.

На бабушку даже разозлиться как следует невозможно. Даже в этом она не похожа на нормальных людей.

Эльса молча стояла рядом с Альфом и моргала так, что заболели виски. Альф делал вид, будто ему на все наплевать, но Эльса заметила, как он посматривает в темноту, будто что-то ищет. Он смотрел по сторонам, как это делают Волчье Сердце и ворс. Как будто он тоже ее охранял. Эльса присмотрелась к Альфу, пытаясь определить его место в бабушкиной

жизни, вставить его туда как пазл. Бабушка не особенно много о нем говорила, но любила повторять: «этот парень не может оторвать ноги от пола, у него подошвы стертые до дыр».

— Ты хорошо знал мою бабушку?

Куртка скрипнула.

— Что значит хорошо? Мы, твою мать, были соседями. Вот и все.

— Тогда что ты имел в виду, когда приехал за мной на такси? Почему ты сказал, что бабушка тебе никогда бы не простила, если бы ты оставил меня?

Куртка снова скрипнула.

— Я имел в виду, черт по... ничего я не имел. Просто мимо проезжал... черт побе...

Голос у него стал каким-то беспомощным. Эльса кивнула, изображая сочувствие, но Альфу это совсем не понравилось.

— А сейчас ты что здесь делаешь? — продолжала подкалывать Эльса.

— Можно подумать, черт по... Можно подумать, что только вы с этим самым... — Носком ботинка Альф показал на ворса: — Имеете право здесь гулять.

— No problem, — кивает Эльса с преувеличенной серьезностью.

Куртка скрипнула на всю улицу.

— Не могу смотреть, как ты со своей псиной шляешься тут по ночам. Твоя бабушка, черт по...

Альф осекся. Что-то буркнул себе под нос. Вздохнул:

— Твоя бабушка никогда бы мне не простила, если бы с тобой что-то случилось.

И кажется, тут же пожалел. Эльса промолчала, только снова кивнула. И изо всех сил попыталась удержаться от следующего вопроса. Но ничего не вышло.

— Вы с бабушкой занимались этим делом? — спросила Эльса, выдержав более чем приличную, на ее взгляд, паузу, которая на самом деле длилась секунд тридцать.

Альф посмотрел на нее так, будто она только что кинула ему в лицо желтым снежком:

— А ты не слишком мала, чтобы о таком спрашивать?

— Что поделаешь, я для многого слишком мала, но у меня пытливым ум, — ответила Эльса.

Альф что-то буркнул себе под нос. Кашлянув, Эльса продолжила:

— Как-то раз, когда я была маленькой, мама хотела объяснить, чем она

занимается на работе, потому что папе никак не удавалось это сделать. Мама сказала, что она следит за финансами, считает, сколько денег есть у больницы и что они на это могут купить. Это серьезное дело. Ничего сложного в этом не было, и я не поняла, почему папа не смог этого объяснить. Однажды я была у мамы на работе и встретила там ее сослуживца Мике. А в другой раз нас всех позвали в больницу на праздник для сотрудников и их семей. И кто-то спросил у меня, чем занимается мама. Я сказала, что она занимается этим делом с Мике, но папа этого не понимает!

Альф с усталым видом похлопал себя по уху, как будто туда что-то попало. Эльса неуверенно кашлянула.

— Все не так просто, — сказала она, уже более решительным голосом.

Альф взглянул на часы. Эльса повысила голос:

— Я смотрела телесериал, в котором двое занимались этим делом. Так что я в курсе, что это значит! И я думаю, что у вас с бабушкой именно оно и было!

Альф вздохнул с облегчением, надеясь, что теперь вопрос исчерпан. Но Эльса так просто не сдавалась:

— Так да или нет?

— Ну что, как там твоя псина? Некоторым на работу пора, — мрачно сказал Альф, глядя в сторону кустов.

Эльса задумчиво посмотрела на него:

— Знаешь, а ты в бабушкином вкусе. Ты чуть моложе ее, но пока не слишком старый. Ей всегда нравились полицейские твоего возраста. Те, которые были слишком старыми для полицейских, но все равно не уходили на пенсию. Ты, конечно, не полицейский, но ты как раз... в меру старый. Понимаешь?

Альф понимал, но не вполне. Похоже, у него начиналась мигрень.

— Эй, собачка, тебе стоит пересмотреть свой рацион, — проворчал он ворсу и помахал рукой перед носом, когда тот вышел из кустов.

У ворса было такое оскорбленное выражение морды, какое может быть только у ворса, когда он обожает печенье, но вынужден довольствоваться одной маленькой баночкой в день.

Наконец Альфу удалось отмотаться от дальнейших расспросов. Они гуськом зашли в подъезд. Армией это не назовешь, но все же, думала Эльса, и темнота становилась не такой уж и страшной. Перед тем как расстаться, они немного постояли между входом в гараж и дверью в подвал. Царапая пол башмаком, Эльса спросила:

— А что за музыку ты слушал, когда мы ехали домой? Это была опера?

— Твою мать! Еще вопросы будут?

— Ну, извините! Уже и спросить нельзя, — обиделась Эльса.

Альф застонал, остановившись в дверях.

— Вот же черт по... Да, это была гребаная опера.

— А на каком языке?

— На итальянском.

— Ты знаешь итальянский?

— Да.

— По правде?

— А как еще его можно знать? — удивился Альф.

— Ну в смысле прямо хорошо знаешь? Свободно? — уточнила Эльса.

Альф посмотрел на часы. Куртка скрипнула. Он перевел взгляд на ворса, пытаясь сменить тему:

— Подыщи ему местечко получше. Иначе рано или поздно его кто-то найдет!

— Так ты знаешь итальянский или нет? — снова спросила Эльса, потому что совсем не хотела менять тему.

— Достаточно, чтобы понимать оперу. Будут еще вопросы, твою мать?

— То есть ты можешь петь на итальянском, как оперный певец, — подбодрила его Эльса.

— Что за бред!

— О чем пелось в той опере, которую мы слушали в машине? — не отставала она.

Альф взялся за ручку двери.

— О любви. Эти чертовы оперы всегда о любви.

«О любви» Альф произнес с таким выражением, будто речь шла о бытовой технике или анкерах-шурупах.

— ТАК ТЫ БЫЛ ВЛЮБЛЕН В МОЮ БАБУШКУ?! — крикнула Эльса ему вслед. Но Альф уже скрылся, как следует хлопнув дверью.

Эльса улыбнулась. Ворс тоже, она была почти уверена. А когда улыбаешься, бояться темноты и теней уже практически невозможно.

— Кажется, Альф стал нашим другом, — шепнула она.

И ворсу тоже так казалось.

— Он, конечно, зануда, но добрый. Он никому про тебя не сказал. И не бросил нас в темноте. Все-таки хорошо иметь друга.

Ворс явно был с ней согласен.

— А друзья нам еще понадобятся. Бабушка не сказала, чем кончится

сказка.

Ворс ткнулся носом ей в шею.

— Я скучаю по Волчьему Сердцу. — Эльса уткнулась в ворса.

Похоже, ворс тоже скучал.

Впрочем, не сильно.

20. Магазин одежды

Наступил тот самый день. Ему предшествовала самая ужасная ночь.

Эльса проснулась с раскрытым ртом, но крик раздавался не в комнате, а в ее голове. Она кричала молча, плакала без слез, протягивала руку, чтобы сбросить с себя одеяло, но оно и так лежало на полу. Эльса вышла из своей комнаты и почувствовала запах яичницы. Джордж неуверенно улыбнулся ей, стоя у плиты. Эльса не улыбнулась в ответ. Джордж расстроился. Но ей было все равно. И всегда было все равно.

Эльса включила такой горячий душ, что кожа чуть не слезла, как кожура с мандарина. Потом вернулась в комнату. Мама уехала несколько часов назад. Ей надо все уладить, этим всегда занимается мама. Все улаживает. Потому что сегодня тот самый день.

Джордж что-то крикнул ей вслед, но Эльса не слушала. Надела одежду, которую приготовила мама, и, миновав лестничную клетку, вошла в квартиру бабушки. Она закрыла дверь. Запах в бабушкиной квартире был какой-то неправильный. Пахло чистотой и уборкой. Башня из коробок отбрасывала тень через всю прихожую, как памятник всему тому, чего больше здесь нет.

Эльса стояла у двери, не в силах сдвинуться с места. Она была здесь вечером накануне, но в дневном свете смотреть на это совсем тяжело. Когда солнце пробивается сквозь занавески, воспоминания становятся тяжелее вдвойне. За окном проплывали облаки. Начиналось прекрасное утро страшного дня. Потому что это был тот самый день.

Кожа все еще горела после душа. И Эльса вспомнила, как бабушка выходила из ванной, — в ее квартире больше года душ не работал, и вместо того чтобы попросить владельцев дома починить его, бабушка решала проблему своими силами и в своем духе. Она ходила мыться к маме с Джорджем. Иногда, выйдя из душа, она забывала запахнуть халат и шла так через всю квартиру. А иногда она забывала халат. Однажды мама

отчитывала ее четверть часа за то, что бабушка не уважает Джорджа, который тоже живет в этой квартире. Это было как раз после того, как Эльса прочитала собрание сочинений Диккенса, а поскольку бабушка не особо любила читать, Эльса читала ей вслух, пока они ехали куда-нибудь в «рено», потому что Эльсе хотелось с кем-нибудь обсудить прочитанное. Особенно «Рождественские повести», их Эльса перечитывала несколько раз, потому что бабушке нравились сказки про Рождество.

Так вот, когда мама стала выговаривать бабушке, что не следует бегать по квартире гольшом из уважения к Джорджу, бабушка — по-прежнему голая — повернулась к Джорджу и сказала: «При чем здесь уважение, ради всего святого, ты ведь живешь с моей дочерью». Затем она, как была гольшом, склонилась в нижайшем поклоне и торжественно добавила: «Я дух грядущего Рождества, Джордж!»

Мама была на нее за это очень зла, но ради Эльсы старалась этого не показывать. А Эльса в свою очередь ради мамы старалась не показывать, как гордится бабушкой за то, что она цитирует Диккенса. У обеих довольно плохо получалось это скрывать.

Наконец Эльса, не разуваясь, прошла в квартиру. Ботинки у нее были такие, которые оставляют царапины на паркете, поэтому мама всегда просит ее разуваться в помещении. Но у бабушки дома это не имеет никакого значения, потому что ее паркет выглядит так, будто по нему катались на коньках. Отчасти потому, что он очень старый, а отчасти потому, что однажды бабушка и вправду каталась по нему на коньках.

Эльса открыла дверь в большой шкаф. Ворс лизнул ее лицо. От него пахло протеиновыми батончиками и бисквитным тестом. Накануне вечером Эльса уже лежала в постели, когда вдруг вспомнила, что мама наверняка пошлет Джорджа в подвал за стульями для тех, кто придет к ним потом выпить кофе. Ведь сегодня тот самый день, а в такие дни потом любят пить кофе.

Отсек мамы и Джорджа находится рядом с бабушкиным, и теперь, когда Альф прибил оргалит, ворса можно увидеть только оттуда. Поэтому ночью Эльса прокралась в подвал, размышляя о том, кого она больше всего боится здесь повстречать: тени, привидения или Бритт-Мари, и привела ворса наверх.

— Если бы бабушка была жива, у нас было бы для тебя больше места, — извинялась Эльса. — Тогда бы шкаф продолжал расти. Хотя если бы бабушка не умерла, тебе и вовсе бы не пришлось прятаться, — добавила она.

Ворс снова лизнул ее в лицо и просунул голову наружу, высматривая Эльсин ранец. Эльса помчалась в прихожую и вернулась с ранцем, откуда достала три банки с мечтами и литр молока.

— Это Мод принесла маме вчера вечером, — объяснила она. Ворс обнюхал банки с таким видом, как будто собирался съесть их вместе с печеньем, и Эльса пригрозила ему пальцем.

— Ты можешь съесть только две банки! В третьей боеприпасы!

Ворс недовольно твякнул, но, смирившись со своим невыгодным положением, съел две с половиной банки. Что поделаешь, ворс есть ворс. А печенье есть печенье.

Эльса достала молоко и ушла на поиски молокомёта. Она немного не выспалась, но, поскольку кошмары не снились ей уже несколько лет, она только сейчас поняла, как она в них нуждалась. Когда тень впервые пришла к ней во сне, Эльса хотела поскорее стряхнуть ее, как наваждение. Так обычно бывает, когда приснится кошмар. Она пыталась убедить себя, что это всего лишь сон. Напрасно. Все, кто хоть однажды бывал в Просонье, должны это знать.

Этой ночью, когда ей снова приснился тот же кошмарный сон, она поняла, как нужно действовать, чтобы его победить.

— Миревас! — решительно сообщила она ворсу, выныривая из дверей другого бабушкиного шкафа размером поменьше, и вытащила оттуда огромную кучу вещей, которые мама не успела распихать по коробкам.

— Нам пора в Миревас! — сказала Эльса ворсу, размахивая молокомётом.

Миревас — это одно из соседних с Миамасом королевств. Самое маленькое в Просонье и потому всеми забытое. Когда на уроках географии в Просонье школьников просят перечислить шесть королевств, никто не может вспомнить Миревас. Даже те, кто в нем живет. Миревасцы — тихие, приветливые и осторожные существа, которые ни в коем случае не хотят занимать чужое место или быть кому-то обузой. Но миссия у них самая важная, какая только может быть в стране, где главной ценностью является фантазия: в Миревасе готовят всех охотников за ночными кошмарами.

Только светлые головы из реального мира, которые ничего в жизни не понимают, могут сморозить что-то в духе: «Это просто кошмарный сон». В кошмарах нет никакого «просто». В Просонье все знают, что ночные кошмары — это живые существа, темные и маленькие клубы тумана, состоящие из страха и неуверенности. Они бродят между домами, пока все спят, проверяют, закрыты ли двери и окна, и ищут лазейку, в которую

можно было бы просочиться, чтобы всех всполошить. Для этого и нужны охотники за кошмарами. И если у тебя есть голова на плечах, то ты знаешь, что для охоты за ночными кошмарами нужен молокомёт, главное оружие миревасских охотников. Светлая голова, разумеется, ничего в этом не смыслит и может принять молокомёт за обычное ружье для пейнтбола, к которому чья-то бабушка прицепила сбоку молочный бидон, а сверху приклеила рогатку. Но Эльса не светлая голова, она знает, какое оружие держит в руках. И заряжает бидон молоком, а под резину катапульты вставляет печенье.

Убить ночной кошмар невозможно, но напугать — запросто. Ничто на свете так не страшит ночные кошмары, как молоко и печенье. Это долгая история. У кошмаров генетическая предрасположенность к аллергии на молоко и печенье. Они покрываются сыпью и все такое.

— Пусть только сунутся, черти проклятые! — решительно заявила Эльса.

Ворс полностью разделял такой подход. Хотя вообще-то просто имел виды на патроны.

За спиной у Эльсы раздался звонок, она вздрогнула от неожиданности и нечаянно выстрелила хорошей порцией молока прямо в ворса, и к вящему его неудовольствию из обоймы не вылетело ни кусочка печенья.

— Извини, — пробормотала Эльса в смятении, а мокрый ворс убрался от молокомета подальше, всем своим видом давая понять, что он не страдает лактозной недостаточностью.

На мгновение Эльсе показалось, что за дверью ночной кошмар. Но это был всего лишь Джордж. Он улыбался, стоя на пороге. Но Эльса не улыбнулась в ответ. Джордж расстроился. Ну и пусть.

— Пойду в подвал, принесу еще стульев, — сказал он, попытавшись улыбнуться улыбкой, которой улыбаются в такой день настоящие папы, когда чувствуют, что на самом деле они пластмассовые.

Пожав плечами, Эльса захлопнула дверь у него перед носом. Она забралась ворсу на спину и посмотрела в глазок: грустный Джордж еще с минуту стоял у двери. Эльса ненавидит его за это. Мама все время повторяет, что Джордж хочет понравиться Эльсе, он очень старается. Как будто Эльса этого не понимает. Она знает, что Джордж старается, поэтому и не может его полюбить. Дело не в том, что она не смогла бы его полюбить, если бы как следует постаралась, дело в том, что она бы его сразу же полюбила. Потому что Джордж нравится всем. Это его суперспособность.

А что она будет делать, когда появится Полукто и Джордж про нее

забудет? Вот именно! Поэтому лучше к нему не привязываться.

Если не любишь человека, он не сможет тебя ранить. Почти восьмилетние дети, которых считают не такими, как все, быстро это усваивают.

Эльса спрыгнула с ворса. Ворс аккуратно взял зубами молокомет у нее из рук. Отошел на безопасное расстояние и положил его на табуретку, подальше от Эльсы. Но печенье при этом не съел, что для всякого, кто знает, как сильно ворсы любят печенье, является несомненным свидетельством подлинного уважения к Эльсе.

В дверь снова позвонили. Эльса дернула ручку и уже раскрыла рот, чтобы как следует рявкнуть на Джорджа, когда поняла, что перед ней некто иной.

Молчание длилось по крайней мере дюжину вечностей.

— Здравствуй, Эльса, — смущенно сказала женщина в черной юбке.

Правда, сегодня на ней была не юбка, а джинсы. От нее пахло ментолом и испугом. Она словно стояла на сцене, перед которой в жюри сидела Эльса и собиралась выставить ей оценку за исполнение «I will always love you» Уитни Хьюстон.

— Здравствуйте, — ответила Эльса.

Женщина дышала так медленно, что Эльса начала опасаться, как бы она не умерла от удушья.

— Я... я прошу прощения, что вчера на тебя накричала, — медленно произнесла женщина.

Они внимательно рассматривали обувь друг друга. У Эльсы внутри пронеслось столько чувств, что она не знала, за какое из них ухватиться.

— Ничего страшного, — выдавила она наконец.

У женщины подрагивали уголки рта. Кожа вокруг губ словно покрылась трещинами.

— Я немного удивилась, когда ты пришла. Ко мне не так часто кто-то приходит. Я... я не знаю, как себя надо вести с посетителями.

Эльса пристыженно кивнула, не отрывая взгляда от туфель женщины.

— Все в порядке. Извините, что я назвала вас... — прошептала она, не в силах произнести злополучное слово.

Женщина помотала головой:

— Я сама виновата. Мне тяжело говорить о моей семье. Твоя бабушка пыталась заставить меня, но я... Я на нее злилась.

Эльса ковыряла пол носком ботинка.

— Люди пьют, чтобы забыть неприятные вещи?

Женщина вздохнула, закрыв глаза:

— А может, чтобы найти силы их помнить.

Эльса засопела.

— Вы тоже сломанная внутри? Как Волчье Сердце?

— Возможно. Но у меня другая поломка.

— Почему вы не можете себя починить?

— Ты о том, что я работаю психологом?

Эльса кивнула.

— У вас не получается?

Женщина улыбнулась. Почти.

— Врач не может прооперировать самого себя. Это примерно то же самое.

Эльса снова кивнула. Женщина в джинсах протянула было к ней руку, но тотчас спохватилась и задумчиво почесала ладонь.

— Твоя бабушка написала в письме, чтобы я... чтобы я за тобой присматривала, — сказала она.

Эльса кивнула.

— Да она во всех письмах это написала.

— Почему ты так злишься?

— Она не оставила письма для меня.

Женщина в джинсах покачивалась, словно под местным наркозом. Она нагнулась и что-то достала из пакета, стоявшего на полу.

— Я... вчера я купила книги о Гарри Поттере. Я пока не много успела прочитать, но...

Эльса смотрела на нее так, будто ждала, что женщина оторвется от пола и закружится в воздухе с криком «Шутка!». Но этого не случилось.

— Вы что, не читали «Гарри Поттера»?

Женщина покачала головой. Эльса осмотрелась по сторонам, будто искала точку опоры, чтобы удержаться на ногах.

— Вы прочитали все эти дурацкие книги, которые есть у вас в кабинете, и не читали «Гарри Поттера»?

Женщина попятилась, уставившись на свои руки, — вполне естественная реакция, когда тебя припер к стенке почти восьмилетний ребенок.

— Наверняка есть множество книг, которые... которые я читала, а ты нет.

— Только не «Гарри Поттер»!

Женщина посмотрела в потолок. Эльса разочарованно покачала головой. Женщина посмотрела в пол.

— Я... я понимаю, что Гарри Поттер для тебя имеет большое значение... — сказала она.

— Гарри Поттер для всех имеет большое значение! — перебила Эльса с таким видом, будто ей сказали: «Как думаешь, стоит читать Гарри Поттера?»

Кожа вокруг губ снова пошла трещинами. Женщина вздохнула так глубоко, что в языке еще не появилось сравнения для такого глубокого вдоха. Затем посмотрела Эльсе в глаза и сказала:

— Мне он тоже очень понравился, я как раз хотела это сказать. Не помню, когда меня в последний раз так тронула книга. Взрослого вообще сложно зацепить какой-либо книгой, не то что ребенка, у взрослых все впечатления как бы выравниваются. У них больше цинизма. И я благодарна тебе за то, что ты мне напомнила, каково это — читать хорошую книгу.

Эльса впервые слышала от женщины такую длинную реплику, произнесенную без малейшей запинки. Женщина достала что-то из пакета и протянула Эльсе. Это была книга. «Братья Львиное Сердце» Астрид Линдгрэн. Эльса ее сразу узнала, это одна из ее любимых книг, из тех, что были написаны не в Просонье. Она несколько раз читала ее бабушке вслух, пока они ехали в «рено». В этой книге рассказывается про Сухарика и Юнатана, которые умерли и попали в Нангиялу, где должны были победить злого Тенгиля и дракониху Катлу.

Взгляд женщины снова утратил опору.

— Это «Братья Львиное Сердце». Я... я читала ее моим мальчикам, когда их бабушка умерла. Ты ее... конечно, читала! — виновато добавила женщина. Кажется, она намеревалась забрать книгу у Эльсы и убежать прочь.

Но Эльса крепко держала книгу в руках:

— Нет.

У Эльсы всегда хватает деликатности говорить тому, кто подарил книгу, что она ее пока не читала. Она знает, как приятно дать человеку возможность подарить тебе новую книгу, — гораздо приятнее, чем получить книгу в подарок. Элементарное правило хорошего тона, одни только светлые головы с ним не знакомы.

У женщины в джинсах гора с плеч упала. Она вздохнула так глубоко, что ее ключица чуть не треснула пополам.

— Ты... ты спрашивала про больницу — там ли мы повстречались впервые. С твоей бабушкой. После цунами. Но я... они... все найденные тела выкладывали на маленькой площади. Чтобы люди могли найти своих... своих... я... в общем, она нашла меня там. На площади. Я сидела

там... даже не знаю, сколько я там сидела. Несколько недель. Кажется. Она посадила меня в самолет и я... она сказала, что я могу жить здесь, пока не пойму, куда... куда мне деваться.

Ее губы вздрагивали, будто через них пропускали электрические разряды.

— И я осталась здесь. Просто... осталась.

Эльса рассматривала ботинки — на этот раз свои собственные.

— Вы сегодня придете?

Боковым зрением она видела, как женщина помотала головой. Казалось, она вот-вот сорвется с места и бросится прочь.

— По-моему, я не... по-моему, бабушка очень во мне разочаровалась.

— Может быть, она разочаровалась в вас, потому что вы сами в себе разочаровались?

Из горла женщины послышался ржавый скрип. Лишь немного погодя Эльса поняла, что это было слабое подобие смеха. Словно эта часть горла долгое время стояла без дела и наконец кто-то подобрал ключ, вошел и щелкнул выключателем.

— А ты и правда удивительный ребенок, ты совсем не такая, как все, — сказала женщина.

— Я не ребенок. Мне скоро восемь! — поправила Эльса.

Женщина прикрыла глаза.

— Да, извини. Скоро восемь. Ты... только появилась на свет. Когда я сюда переехала. Только родилась.

— Ну и что, что не такая. Бабушка говорит, что только не такие, как все, могут изменить мир!

Женщина медленно кивнула:

— Да. Извини. Я... мне пора. Я просто хотела попросить... прощения.

— Ничего страшного. Спасибо за книгу.

Зрачки у нее подрагивали, она смотрела Эльсе в глаза.

— Твой друг вернулся домой? Волк?.. Или как ты его называешь?

Эльса помотала головой. Ей показалось, что взгляд женщины теперь светился сочувствием и заботой.

— С ним такое бывает. Он может на время исчезнуть. Не беспокойся. Он... боится людей. И пропадает. Но всегда возвращается. Просто ему нужно время.

— А по-моему, ему нужна помощь.

— Невозможно помочь человеку, который не хочет себе помочь.

— Тому, что хочет себе помочь, от других помощь не требуется.

Женщина молча кивнула.

— Мне пора, — повторила она.

Эльса хотела остановить ее, но женщина уже спускалась по лестнице. Она почти исчезла из поля зрения, но Эльса перегнулась через перила и крикнула:

— Вы нашли их? Вы нашли на площади своих мальчиков?

Женщина остановилась, держась за перила.

— Да.

— Вы верите в жизнь после смерти? — спросила Эльса, прикусив губу.

Женщина подняла взгляд:

— Это сложный вопрос.

— Хорошо, ну а в Бога вы верите?

— Иногда бывает трудно поверить в Бога.

— Потому что он не остановил цунами?

Женщина закрыла глаза.

— Потому что цунами существует на свете.

Эльса кивнула.

— Это называется «теодорея». Я читала в «Википедии».

— Ты имеешь в виду «теодицея»?

— Я имею в виду то, что сказала! — обиженно фыркнула Эльса.

Женщина кивнула, будто признавая ее правоту.

— Говорят, вера горами движет, — продолжила Эльса. Главным образом потому, что ей хотелось задержать женщину, чтобы задать самый главный вопрос.

— Знаю.

Эльса замотала головой.

— На самом деле это не так! Эта поговорка пришла из Миамаса, от великанши по имени Вера. Она была нереально сильной. Но это нереально длинная история, я сейчас просто не смогу ее рассказать!

Женщина не возражала. Но Эльса продолжила:

— Ее звали Вера, и она могла двигать горы! Она ведь была великаншей! А великаны невероятно сильны!

Эльса замолкла. Задумчиво поджала губы.

— Ну хорошо, не такая уж это и длинная история... Женщина искала предлог, чтобы уйти. Эльса набрала побольше воздуха.

— Все говорят, что я скучаю по бабушке, но со временем это пройдет, только я в это не верю!

Женщина снова подняла на нее заботливый взгляд:

— Почему?

— У вас ведь это так и не прошло.
Веки женщины опустились до середины.

— Это разные вещи.

— Почему?

— Бабушка была старая.

— Только не для меня. Мы с ней знакомы всего семь лет.

Женщина не ответила. Эльса терла ладони так, как это делает Волчье Сердце.

— Почти восемь, — поправила она сама себя.

Женщина прошептала:

— Да... Почти... почти восемь.

— Вы сегодня обязательно приходите! — крикнула Эльса ей вслед, но женщины уже не было видно.

Эльса слышала, как захлопнулась дверь в ее квартиру. Немного погодя снизу послышался папин голос.

Взяв себя в руки, Эльса вытерла слезы и затолкала в шкаф ворса, предварительно дав ему в качестве взятки половину патронов для молокомёта. Она закрыла дверь в бабушкину квартиру, не запирая ее на замок, и побежала вниз по лестнице. Через некоторое время она уже лежала в откинутах назад до упора кресле «ауди», глядя в стеклянный люк.

Облакони плыли совсем низко. Папа молчал. Сегодня он был в костюме. Это довольно непривычно, потому что папа не носит костюмы. Но сегодня тот самый день.

— Папа, ты веришь в Бога? — спросила Эльса. Ее вопрос, как обычно, застал папу врасплох, как будто ему на голову упал шарик с водой.

Бабушка обожала кидать с балкона шарики с водой, а папа старался не ходить под ее окнами.

— Не знаю, — ответил папа.

Эльса ненавидит его за то, что он не может ответить, но обожает за то, что он никогда не врет. «Ауди» остановилась возле высокой черной калитки. Они сидели в машине и ждали.

— Я похожа на бабушку? — спросила Эльса, через люк глядя на небо.

— Внешне? — неуверенно уточнил папа.

— Да нет же, типа *по-человечески*! — вздохнула Эльса, как вздыхают почти восьмилетние дети, когда разговаривают с папами.

Папе нужно несколько секунд, чтобы вернуть душевное равновесие, — это часто бывает с папами почти восьмилетних девочек. Как будто Эльса

спросила его, откуда берутся дети. В очередной раз.

— Эльса, следи за своей речью, нельзя так часто говорить «типа». Если у человека бедный словарный запас, то... — даже сегодня папа не может удержаться от замечаний.

Такой уж он человек. Папа придает словам большое значение.

— Да плевать мне на это! — Эльса не хотела грубить, но так получилось. Сегодня она не в настроении слушать нотации.

На самом деле они с папой любят друг друга поправлять. Это единственное, что их объединяет. У папы есть словарная копилка, куда Эльса складывает бумажки со сложными словами: «консенсус», «претенциозный», «ихбинзад» и так далее. Как только банка наполняется, Эльса получает от папы подарочный купон на электронную книгу для айпэда. Благодаря словарным копилкам она купила всю серию о Гарри Поттере, хотя папа его не одобряет, потому что доверяет только книгам, которые основаны на самой что ни на есть реальной жизни.

— Извини, — тихо сказала Эльса.

Папа молчал повесив голову. Интересно, кому из них сейчас больше стыдно? Затем папа сказал, уже не так неуверенно:

— Ты на нее очень похожа. Все лучшее, что в тебе есть, ты взяла от бабушки и от мамы.

Эльса молчала, потому что точно не знала, что хотела услышать. Папа тоже молчал, потому что не знал, подошел ли его ответ. Эльсе так хотелось сказать ему, что она была бы рада почаще бывать у него. Ведь раз в две недели — это так мало. Ей хотелось крикнуть, что, когда у мамы с Джорджем родится совершенно нормальный Полукто, Эльса будет им уже не нужна, потому что всем родителям хочется иметь нормального ребенка, а не ребенка-изгоя. Рядом с Полукем Эльса всегда будет напоминать им о том, что она не такая, как все. Ей хотелось крикнуть, что бабушка ошибалась: быть не такой, как все, плохо, это генетическая мутация, и люди Икс не имеют семьи.

Эльсе так хотелось бы прокричать это папе. Но она молчала. Потому что знала, что папа не поймет. Папа наверняка не хочет, чтобы Эльса бывала у них чаще, потому что у Лизетты есть свои совершенно нормальные дети.

Папа молча сидел на своем месте с видом человека, которому не по себе оттого, что на нем костюм. Но как только Эльса открыла дверь «ауди», чтобы выпрыгнуть из машины, он в некотором замешательстве обернулся к ней и тихо сказал:

— ...но иногда в глубине души я надеюсь, что все лучшее ты взяла не

только у мамы и бабушки.

Зажмурившись, Эльса прижалась лбом к папиному плечу. Засунула руку в карман куртки и покрутила колпачок красного маркера, который он подарил ей когда-то, чтобы Эльса могла сама исправлять ошибки в словах. Это лучший подарок, который она когда-либо получала от папы.

И от кого-либо вообще.

— От тебя во мне есть слова, — прошептала она.

Папа пытался не показывать, как он этим гордится.

Но Эльса заметила. Ей захотелось сказать, что в пятницу она ему наврала. Это она послала ему с мамино телефона эсэмэс о том, что не надо забирать ее из школы. Но лучше промолчать и не расстраивать папу. Пока ты молчишь, ты точно никого не расстроишь. Все почти восьмилетние дети об этом знают.

Папа поцеловал ее в макушку. Эльса подняла взгляд и как бы невзначай спросила:

— А у вас с Лизеттой будут еще дети?

— Думаю, нет, — ответил папа, грустно, но очень решительно.

— Почему?

— Нам вполне хватает тех, что у нас уже есть.

Голос у него был такой, будто он вот-вот добавит:

«Их и так слишком много». А может, это только казалось.

— Это из-за меня ты больше не хочешь детей? — спросила Эльса в надежде, что папа ответит «нет».

— Да, — сказал он.

— Потому что я не такая, как все?

Папа молчал. Она не могла больше ждать. В тот момент, когда она уже вышла из машины и собиралась хлопнуть дверцей, папа потянулся к ней через сиденье и схватил за кончики пальцев. Эльса встретила его исполненный замешательства взгляд — взгляд у папы всегда исполнен некоторого замешательства.

— Потому что ты замечательная! — шепнул он.

Никогда прежде Эльса не слышала, чтобы папа говорил так суперуверенно. Правда, если бы она произнесла слово «суперуверенно» вслух, он наверняка бы сказал, что так не говорят. За это она его и любит.

Джордж стоял у калитки. Вид у него был печальный. На нем тоже был костюм. Эльса пронеслась мимо и бросилась в объятия мамы, у которой по щекам текла тушь для ресниц, и уткнулась лицом в живот, где сидело Полукто. Мамино платье пахло магазином одежды. Низко в небе парили

облакони.

Это был день бабушкиных похорон.

21. Воск

В Просонье есть сказочники, которые любят повторять, что у каждого человека есть свой внутренний голос, который всегда нашептывает, как надо поступать, а тебе остается только к нему прислушиваться. Эльса никогда в это не верила, ей не нравилась мысль о том, что у нее внутри сидит какой-то чужой голос. Бабушка говорила, что во внутренний голос верят только психологи и люди, способные заколоть ближнего десертной вилкой. Бабушка никогда не любила психологов. Равно как и десертные вилки. Хотя пыталась изменить свое отношение, когда повстречала женщину в черной юбке.

И все же Эльса скоро ясно и отчетливо услышит голос в своей голове. Голос этот будет не просто нашептывать, он будет кричать: «Беги!» И Эльса побежит что есть мочи. А тень будет следовать за ней по пятам.

Но пока что она об этом не знала. Эльса вошла в церковь и услышала приглушенный гул множества голосов, похожий на помехи в сломанной автомагнитоле. Сотни светлых голов тянули к ней руки и что-то шептали. От их взглядов она задыхалась.

Эльса не знала этих людей и чувствовала себя преданной. Она не хотела делить с ними бабушку. Не хотела думать о том, что бабушка была ее единственным другом, тогда как у бабушки была еще сотня других друзей. Не хотела ни с кем делить ее ни в жизни, ни в смерти.

Из последних сил Эльса выпрямилась и протиснулась сквозь толпу, не показывая, что она вот-вот упадет, потому что ее уже не хватало даже на то, чтобы плакать. Пол засасывал ноги по щиколотку, гроб впереди сверлил глаза.

«Главная сила смерти не в том, что она убивает, а в том, что она убивает желание жить». — Эльса вспомнила эту фразу и стала думать, где она ее слышала. Может быть, в Просонье? Но, учитывая бабушкино

отношение к смерти, это маловероятно. Смерть была бабушкиным немезисом. Она даже говорить о ней не желала. Поэтому бабушка и стала хирургом — чтобы до последнего сражаться со смертью.

А может быть, это фраза из Миплориса, думала Эльса. Обычно бабушка не хотела туда ехать, когда они бывали в Просонье, но иногда ее все же удавалось уговорить. А иногда Эльса отправлялась туда одна, пока бабушка сидела в каком-нибудь кабаке в Миамасе, играла в покер с троллем или спорила о качестве вина со снежным ангелом.

Миплорис — самое красивое королевство Просонья. С поющими деревьями, травой, которая ласково гладит ступни, и вечным запахом теплого хлеба. Дома там настолько прекрасны, что смотреть на них лучше сидя, иначе можно упасть от восторга. Но в них никто не живет. Используются они как склад. Ведь именно в Миплорис приходят все сказочные существа со своими печалью, где и оставляют их на хранение. До скончания всех вечностей всех сказок.

Когда в реальном мире случается что-то страшное, люди говорят, что боль, горе и тоска со временем слабеют, но это не так. Горе и тоска — постоянные величины. Но если бы нам пришлось носить их в себе до конца жизни, то мы бы долго не протянули. Печаль парализовала бы нас. Поэтому мы складываем ее в чемоданы и запикиваем подальше.

Вот что такое Миплорис — королевство, куда со всего света медленно стекаются одинокие сказочные путешественники, которые тащат за собой нескладные тюки и чемоданы, полные скорби. Здесь можно оставить их, чтобы спокойно вернуться к жизни. Обрато путешественники шагают легкой походкой, и благодаря особенному месторасположению Миплориса, в какую бы сторону они ни шли, в лицо им обязательно светит солнце, а в спину дует ветер.

А миплорисцы тем временем собирают все чемоданы, мешки и сумки со скорбью и регистрируют их в специальных блокнотиках. Они тщательно классифицируют все виды тоски и горя и распределяют их по соответствующим складам. В Миплорисе царит порядок, там существует продуманный до мелочей свод правил, в котором ясно прописано место хранения каждого вида скорби на складе. Бабушка считала миплорисцев «чертовыми бюрократами» из-за обилия формуляров, которые надо было заполнить тому, кто оставлял в Миплорисе свою скорбь. Если дело касается скорби, должен быть идеальный порядок, считают миплорисцы. Иначе все будут страдать и печалиться от чего попало.

В прежние времена Миплорис был самым маленьким королевством Просонья, но после Бесконечной войны стал самым большим. Потому-то

бабушка и не любила туда наведываться: слишком много контейнеров на складах было подписано ее именем.

Теперь Эльса вспомнила, это в Миплорисе часто говорят о внутреннем голосе. Миплорисцы полагают, что внутренние голоса принадлежат мертвым, которые возвращаются, чтобы помочь тем, кого они любят.

«Психологи недоделанные», называла их бабушка.

Почувствовав на плече папину руку, Эльса вернулась в реальный мир. Она слышала, как папа сказал маме: «Ты так прекрасно все организовала, Ульрика». Боковым зрением Эльса видела, как мама, улыбнувшись, кивнула на листочки, лежавшие на скамьях: «Спасибо, что сделал программки. Очень красивый шрифт!»

Эльса сидела на самом дальнем месте самой ближней церковной скамьи и смотрела в пол. Постепенно гул затих и мысли утонули в приглушенных аплодисментах, которые произвели сотни задниц, повстречавшихся с твердой поверхностью деревянных скамей. Церковь была переполнена, люди стояли вдоль стен. Многие были одеты так странно, будто им пришлось натянуть вещи, выигранные в фэшн-лотерею у сумасшедшей старухи, которая стирала одежду в посудомойке.

Эльса подумала, что надо будет положить слово «фэшн-лотерея» в словарную копилку. Она старалась сосредоточиться на этой мысли, но услышала, как кто-то говорит на непонятном языке, произнося ее имя, коверкая его на свой лад, и это вернуло ее в действительность. Она видела, как незнакомые люди кивают на нее, — кто-то в открытую, а кто-то стараясь не привлекать ее внимания. В основном никто не стеснялся. Эльса поняла, что незнакомцы знают ее, и это сводило ее с ума, поэтому когда в толпе у стены мелькнуло знакомое лицо, она не сразу его узнала. Так бывает, когда встречаешь в кафе знаменитость и машинально здороваешься, потому что твой мозг посылает сигнал: «Поздоровайся, ты ведь знаешь этого человека!» — хотя тотчас вслед за этим сигналом мозг подсказывает: «Ой, да это же тот самый тип из телика!» А все потому, что твой мозг любит выставить тебя идиотом.

Еще мгновение — и знакомое лицо исчезло за чьим-то плечом. И снова вынырнуло. Это аудитор, приходивший вчера поговорить о жилищном кооперативе. Только теперь он был одет как пастор. Он то исчезал за спинами, то появлялся. Смотрел на Эльсу. Подмигивал.

Женщина-пастор у кафедры начала свою речь, и Эльса повернулась к ней на секунду, а потом снова стала искать глазами пастора-аудитора. Но тот уже исчез за чужими плечами. На этих плечах высились светлые

головы, которые смотрели на Эльсу и улыбались, будто видели ее на фотографиях, не понимая, что их улыбки ей неприятны. Как черный катафалк на школьном дворе. Гады. Эльса ненавидит людей, знакомых с ней по фотографиям тех времен, которых она не помнит. Все нормальные люди ненавидят, когда родители показывают их детские снимки — кажется, будто кто-то украл твои воспоминания.

Женщина-пастор говорила о бабушке и о Боге, но Эльса не слушала. Интересно, что бы на это сказала бабушка. Вряд ли она любила церковь. Они с Эльсой почти никогда не разговаривали о Боге, потому что для бабушки Бог был связан со смертью.

Все это просто подделка. Пластик и мишура. Как будто похороны закончатся и все снова станет хорошо. Не станет, Эльса уверена. Ее бросило в пот. Странно одетые незнакомцы по очереди подходили к микрофону и что-то говорили. Многие на чужом языке, и маленькая старушка переводила их речь в другой микрофон. Никто не произносил слова «смерть». Все говорили, что бабушка «ушла» и что они ее «потеряли». Как носок в стиральной машине. Некоторые даже плакали, хотя Эльса считала, что у них на это нет права. Ведь это была не их бабушка. У них нет никакого права говорить о том, что у бабушки были другие страны и королевства, куда она никогда не брала с собой Эльсу.

Когда на кафедру взобралась толстая тетка с такой прической, будто она расчесывалась тостером, сидя в ванне, и начала читать стихи, Эльса вскочила и стала протискиваться между скамейками. Мама что-то шептала ей вслед, но, быстро скользя по гладкому полу из белого камня, Эльса выбежала из церкви, прежде чем кто-либо успел ее остановить.

Ледяной воздух вонзился в тело, будто ее за волосы вытащили из горячей ванны. В небе низко парили облакони, предвещая беду. Эльса медленно шагала прочь, вдыхая декабрьский ветер так глубоко, что темнело в глазах. Вся надежда на Грозу. Гроза всегда была одной из любимых супергероинь Эльсы, потому что ее суперспособность в том, чтобы менять погоду.

Даже бабушка соглашалась с тем, что это мегаклассная суперспособность.

Эльса надеялась, что придет Гроза и сметет эту чертову церковь с лица земли. И это чертово кладбище. И чертово все.

На сетчатке у нее отпечатались лица. Это действительно был аудитор? А рядом с ним Альф? Вроде бы да. И еще кое-кто знакомый, зеленоглазая женщина-полицейский. Кажется. Эльса ускорила шаг, прочь из церкви,

только бы никто не стал ее догонять и приставать с дурацким вопросом о том, все ли в порядке. Нет, не в порядке. И никогда не будет в порядке. Она не может больше слышать гул голосов, которые говорят о ней. За ее спиной. Бабушка никогда не говорит у нее за спиной.

Не говорила. Не говорила у нее за спиной.

Пройдя полсотни метров между могилами, Эльса почувствовала запах сигарет. Поначалу ей померещилось в нем что-то знакомое, почти спасительное. Захотелось обернуться и броситься в объятия этого запаха, вдохнуть его глубже, как вдыхаешь аромат чистой наволочки в воскресное утро. Но нет.

Она услышала внутренний голос.

Еще до того как обернуться, Эльса поняла, кто там стоит среди могил. Всего в нескольких метрах, небрежно зажав сигарету между пальцев. До церкви уже далеко, ее крик никто не услышит, и незнакомец спокойно и расчетливо отрезал ей путь назад.

Эльса оглянулась на калитку. Метров двадцать. Повернув голову, она увидела, как незнакомец кидается в ее сторону.

И услышала внутренний голос. Бабушкин голос. Голос не шептал. Он кричал.

«Беги!»

Эльса почувствовала, как шершавые ладони коснулись ее руки, но ухитрилась выскользнуть. Она бежала так, что ветер со скрежетом царапал барабанные перепонки, будто ногти заиндевевшее стекло. Сколько это длилось, она не знала. Вечность. Целую вечность реального мира. Взгляд незнакомца и его сигарета кристаллизовались в памяти, каждый вдох бил по легким, и вдруг Эльса поняла, что незнакомец прихрамывает. Поэтому он отстал. Еще секунда, и он схватил бы ее за платье, но Эльса слишком хорошо бежит. Это для нее дело привычное.

Эльса продолжала бежать даже после того, как поняла, что за ней никто не гонится. Она бежала не от незнакомца, а от всего страшного и плохого. Бежала, пока не перестала различать, отчего льются слезы из глаз — то ли от ветра, то ли от отчаяния. Пока перед ней не выросла школа.

Эльса замедлила шаг. Осмотрелась вокруг. Подумала. И побежала прямо в темноту парка на другой стороне улицы. Платье хлестало ее по ногам. Даже деревья вокруг были какие-то враждебные. Солнце сюда не проникало. Эльса слышала чьи-то голоса, ветер, кричавший в кронах

деревьев, гул машин, становившийся все дальше и дальше. Задыхаясь, она нетвердой походкой пошла в глубь парка. Опять голоса. «Эй, девчонка!» — крикнул один из них.

Эльса в изнеможении остановилась. Упала на скамейку. Голос, который ее окликнул, стал ближе. Она поняла, что у его обладателя дурные намерения. Весь парк словно заполз под одеяло. Рядом с первым голосом возник второй, он спотыкался на каждом слове, будто надел сапог не на ту ногу. Голоса заговорили быстрее. Опасность приближалась, и Эльса снова бросилась прочь. Они бежали за ней следом. Внезапно она с отчаянием поняла, что зимние сумерки плотно окутали парк и все кругом стало одинаковым, она не знала, куда бежать. Господи, ей ведь уже семь лет и она каждый день смотрит телик, как можно быть такой глупой? Если бы дело было в 80-е годы, ее фотография уже появилась бы на молочных пакетах или где там размещали фотографии пропавших детей?

Но уже слишком поздно. Эльса мчалась вперед по узкому коридору из черных живых изгородей, а сердце готово было выпрыгнуть через горло. Зачем она побежала в парк? Ни один человек в здравом уме не стал бы этого делать. Наркоманы схватят ее и убьют, вся школа знает, что бывает с теми, кто ходит в этот парк. В первый день после зимних каникул все скажут: «Так мы и знали!» Как же Эльса за это их ненавидит. Надо было остановиться у церкви. Или все-таки нет? Она не могла знать наверняка, что человек с сигаретой — тень, явившаяся из Просонья, но была более чем уверена, что бабушкин голос велел ей бежать.

Но почему сюда? Почему она прибежала сюда? У нее что, с головой не в порядке? Наверное, так и есть. Не все дома. Наверное, она нарочно прибежала сюда, чтобы кто-нибудь поймал ее и убил.

Главная сила смерти не в том, что она убивает, а в том, что она убивает желание жить.

Эльса не слышала, как трещали кусты. Не слышала, как хрустел лед у него под ногами. Но вдруг невнятное бормотание стихло, а ее словно забросили на спину грозовому облаконю. Барабанные перепонки раздирал такой скрежет, что хотелось кричать. И вдруг все смолкло. Она мягко оторвалась от земли. Закрыла глаза. И не открывала их до тех пор, пока ее не вынесли из парка.

Волчье Сердце внимательно посмотрел ей в глаза. Эльса тоже смотрела ему в глаза, лежа у него на руках. Сознание уплывало. Будь она уверена, что в мире найдется столько бумажных пакетов, сколько потребуется Волчьему Сердцу, чтобы прийти в себя после того как она во

сне пустит на него слюни, Эльса бы непременно уснула прямо у него на руках. Но она не была уверена, поэтому изо всех сил старалась не закрывать глаза, иначе это просто будет невежливо по отношению к человеку, который спас тебе жизнь. Причем уже не впервые.

— Не бегать одной. Никогда не бегать одной, — бурчал Волчье Сердце.

— Ага, — ответила Эльса слабым голосом, отмахиваясь от его слов.

Она до сих пор сомневалась, стоило ли ее спасать, хотя Волчье Сердце очень обрадовалась. Даже больше, чем думала. А думала она, что будет на него злиться.

— Опасное место, — бурчал Волчье Сердце, собираясь поставить ее на землю.

— Знаю.

— Никогда! — приказал он, и Эльса видела, что Волчье Сердце напуган.

Она обняла его за шею и, пока он не успел выпрямиться, шепнула «Спасибо!» на тайном языке.

Волчье Сердце было явно не по себе, и Эльса тотчас отпустила его.

— Я мыла руки чисто-пречисто и утром душ принимала долго-предолго! — сказала она.

Волчье Сердце не отвечал, но по глазам было видно, что по возвращении домой ему все-таки придется принять ванну из антибактериального геля.

Эльса оглянулась по сторонам. Волчье Сердце тер ладони и качал головой.

— Ушли, — успокоил он Эльсу.

Она кивнула.

— Как ты узнал, что я здесь?

Его взгляд уткнулся в асфальт.

— Охранял тебя. Бабушка сказала... охранять тебя.

— Ты всегда меня охраняешь, даже если я не знаю, что ты рядом?

Капюшон кивнул.

— Это был дракон? Тот, что за мной гнался. Ты знаешь его? Он тень? Из Просонья?

Волчье Сердце дрожал всем телом.

— Очень опасный. Очень опасный для тебя. Для всех. Никогда не бегать одной!

Эльса кивнула, почувствовав, что у нее вот-вот подогнутся ноги и она упадет. Она заморгала.

— Куда ты исчез? Почему ты оставил меня у психолога? — с упреком прошептала она.

Волчье Сердце спрятался под капюшоном.

— Психологи хотят говорить. Всегда говорить. О войне. Всегда. Я... не хочу.

— Может, тебе станет лучше, если поговоришь?

Волчье Сердце молча тер руки. Оглядывал улицу, будто чего-то ждал. Эльса обхватила себя за плечи и вспомнила, что оставила в церкви куртку и шарф Гриффиндора. Шарф она никогда нигде раньше не забывала.

Как можно забыть шарф Гриффиндора?

Эльса тоже оглядывала улицу, правда не зная зачем. Вдруг она почувствовала, как что-то опускается ей на плечи, и, обернувшись, поняла, что Волчье Сердце накинул на нее свою куртку. Она пахла стиральным порошком и была такая большая, что волочилась по земле. Эльса впервые видела Волчье Сердце без капюшона. Самое странное, что теперь он стал еще больше. Длинные волосы и черная борода развевались на ветру. Шрам поблескивал, когда солнце в небе щекотало облаконей.

— Ты сказал, что на языке твоей мамы «Миамас» значит «я люблю», да? — спросила Эльса, стараясь не смотреть на шрам, потому что видела, как, поймав ее взгляд, он начинал тереть руки в два раза быстрее.

Волчье Сердце кивнул и снова покосился на улицу.

— А что значит «Миплорис»?

Он молчал, и Эльса пояснила, решив, что он не понял вопроса:

— Одно из шести королевств Просонья зовется Миплорис. Там хранится вся скорбь. Бабушка никогда не лю...

Волчье Сердце перебил ее, но вовсе не потому, что был плохо воспитан:

— Я скорблю. Миплорис. Я скорблю.

— А Миревас?

— Я мечтаю.

— А Миаудакас?

— Я не боюсь.

— А Мимовас?

— Танцую. Я танцую.

Подождав, пока все слова улягутся в голове на свое место, Эльса спросила про последнее королевство. Она вспомнила, что бабушка всегда называла Волчье Сердце непобедимым воином, который разбил теней. Это было под силу только ему, потому что у него сердце воина и душа сказочника. Потому что он родился в Миамасе и вырос в Мибаталосе.

— А что значит «Мибаталос»?

Волчье Сердце поднял взгляд. Вокруг больших темных глаз расходились круги от того, что хранится в Миплорисе.

— Мибаталос. «Я сражаюсь». Мибаталос. Теперь... нет. Мибаталоса больше нет.

— Знаю! Тени разрушили его в Бесконечной войне, и все мибаталосцы, кроме тебя, погибли. Ты последний оставшийся в живых мибаталосец и... — затараторила Эльса, но осеклась, увидев, что Волчье Сердце трет руки быстрее обычного.

Волосы падали ему на лицо. Он пятился назад.

— Мибаталоса нет. Я не сражаюсь. Больше никогда.

Некоторые вещи можно понять, только глядя в глаза тому, кто о них говорит, и в этот самый момент Эльса увидела по глазам Волчьего Сердца, что он скрывался в лесах Просонья вовсе не потому, что боялся теней. Он боялся себя. Боялся человека, в которого они превратили его в Мибаталосе. Он панически боялся собственной непобедимости.

Во всяком случае, так казалось Эльсе, когда она смотрела ему в глаза. Она слыхала о таком в сказках.

Эльса видела, что Волчье Сердце наконец высмотрел что-то на улице. Рядом послышался голос Альфа. Обернувшись, она заметила у тротуара припаркованное такси с заведенным мотором. Альф шаркал к ним по снегу. Женщина-полицейский ждала возле такси, ястребиным взглядом она издали прочесывала парк. Альф взял на руки Эльсу, завернутую в куртку Волчьего Сердца, и спокойно сказал: «А теперь поедem домой, какого черта здесь мерзнуть». Но по голосу чувствовалось, что Альф напуган, — он знал, что гналось за Эльсой по кладбищу. И по настороженному зеленоглазому взгляду женщины-полицейского Эльса видела, что та тоже знает. Все что-то знали, но не подавали виду.

Эльса не оглаживалась назад, когда Альф нес ее к своему такси. Она знала, что Волчьего Сердца там уже нет. И когда, вернувшись в церковь, бросилась маме в объятия, она поняла, что и мама тоже знает больше. Она всегда знала больше.

Эльсе вспомнились «Братья Львиное Сердце». Дракониha Катла, которую никто не мог победить. Змей Карм, который один мог прикончить Катлу. Иногда в сказках тот, кто может убить дракона, оказывается страшнее, чем сам дракон.

Страшнее, чем монстр.

22. Какао

Эльсе уже приходилось бежать от погони. Сотни раз. В школе так бывает со всеми, кто не похож на других. Но такого, как на кладбище, не было никогда. Это страх совершенно иного свойства. Он словно бы загнал ее в капсулу и цепко держал в своих объятиях, эхом отдаваясь где-то внутри черепной коробки, когда человека-тени давно уже не было поблизости.

Прежде чем броситься наутек, Эльса успела глянуть ему в глаза и понять, что он готов ее убить. Как это забудешь, когда в свои почти восемь лет читаешь такое в человеческих глазах.

Или нечеловеческих.

Пока бабушка была жива, Эльса старалась ничего не бояться. Ну или хотя бы делать вид. Потому что бабушка ненавидела страхи. В Просонье страхи — это маленькие злобные существа с взъерошенной шерстью, похожей на свалявшуюся голубоватую пыль, которая со временем скапливается в барабане сушильной машины. Как только ты дашь им волю, они сразу напрыгивают на тебя, впиваются в кожу и пытаются выцарапать глаза. Со страхами, как и с курением: бросить не трудно, трудно не начать заново.

Страхов привел в Просонье Щас, это было в одной из бабушкиных сказок, за много вечностей до того, как кто-либо стал отсчитывать время. Тогда в Просонье было только пять королевств.

Щас — это древний монстр, который хочет, чтобы все происходило сию минуту. Как только какой-нибудь ребенок произносит: «потом», «подожди», «позже» или «вот только...» — разъяренный Щас орет: «Нееет! Прямо сейчас! Немедленно!» Этот Щас ненавидит детей, ведь они не верят в его выдумки о том, что время линейно. Дети знают, что время — это всего лишь ощущение, и слово «сейчас» для них совершенно бессмысленно, как и для бабушки. Джордж говорил, что в отношении времени бабушка не оптимист, а атеист, и единственная религия, которая ей подходит — это дзен-буддизм. За это Эльса была на него очень зла, потому

что как можно продолжать не любить человека, который так смешно шутит. Ничто так не раздражает в Джордже, как его чувство юмора.

Щас привел в Просонье страхов, чтобы те ловили для него детей, а он бы сжирал их будущее. После этого его жертвам всю жизнь приходилось делать все прямо сейчас: есть, спать, убирать свою комнату. Бедные дети теперь не могли откладывать на потом скучные вещи. Все, что им оставалось, — настоящий момент. Такая участь хуже смерти, считала бабушка, и сказка про Щаса начиналась с того, что он ненавидел все сказки, ведь именно ради сказок дети охотнее всего откладывают дела на потом. И вот однажды пробрался Щас на гору Сказочников — самую высокую гору в Просонье — и устроил там страшный камнепад, который разрушил всю вершину горы. Покончив с этим, Щас улегся в темную нору и стал ждать. Вершина горы Сказочников — это такое место, откуда энфанты выпускают сказки в реальный мир, и если сказки не смогут оттуда улетать, королевство Миамас, а за ним и все Просонье, в конце концов задохнется. Потому что сказка существует, только если ее слушают дети.

Как только рассвело, все храбрые рыцари Мибаталоса отправились на гору, чтобы прогнать Щаса, но у них ничего не вышло. Во всех ущельях и ямках, словно маленькие яйца, Щас отложил страхи. Выращивать страхи непросто, они питаются чужими угрозами. Как только родители угрожают ребенку, страх растет как на дрожжах. «Потом», — говорит ребенок, а мама или папа кричат: «Нет, сейчас! Иначе я...» И в этот самый момент страх вылупляется из яйца в одной из пещер, которые караулит Щас.

Когда рыцари Мибаталоса поднялись на гору, Щас выпустил страхов на волю и каждый из них тотчас превратился именно в то, чего больше всего боялся какой-нибудь рыцарь. Ведь каждый человек чего-нибудь да боится, и рыцари Мибаталоса не исключение. Воздух в Просонье кончался, и сказочникам стало нечем дышать.

Впрочем, как только бабушка дошла до этого места, Эльса с возмущением ее перебила: идея со страхами украдена из «Гарри Поттера», именно так устроены боггарты: они меняют свой вид в зависимости от того, чего боится человек. На это бабушка, презрительно фыркнув, сказала: «А тебе не приходило в голову, что этот придурок Гарри мог украсть у меня идею, а не я у него»? Эльса прорычала: «Гарри Поттер не вор!» Они еще долго об этом спорили, и наконец бабушка сдалась: «Ладно, твоя взяла! Страхи ни во что не превращались! Только впивались в кожу и пытались выцарапать глаза. Теперь ты довольна?» Эльса была довольна, и они могли двигаться дальше.

А дальше происходит отнюдь не то, что может эту длинную историю хоть немного укоротить: появляются два золотых рыцаря. Все предупреждают их, что на гору ходить не стоит, но рыцари никого не слушают и упрямо стоят на своем. Они поднимаются на гору, но, когда страхи вылезают им навстречу, золотые рыцари не сражаются с ними. Они не кричат и не ругаются, как все остальные. Они делают то единственное, что нужно делать со страхами: смеются. Громко, упрямо и презрительно. И тогда все страхи один за другим превращаются в камни.

Бабушка злоупотребляла этим приемом — ее сказки часто кончались тем, что кто-то превращался в камень. У нее вообще было неважно с концовками, но Эльса спускала это ей с рук. Щаса, понятное дело, посадили в тюрьму на неопределенный срок, и он окончательно обозлился. Верховный совет Просонья постановил выделить в каждом королевстве небольшую группу людей: воинов из Мибаталоса, охотников за сновидениями из Миреваса, хранителей скорби из Миплориса, музыкантов из Мимоваса и сказочников из Миамаса, чтобы охранять гору сказок. Из камней, в которые превратились страхи, снова возвели вершину, еще выше, чем прежде, а у подножия построили шестое королевство — Миаудакас. На полях в окрестностях Миаудакаса выращивали мужество, чтобы никому никогда больше не приходилось бояться.

Точнее, выращивали до тех пор, пока бабушка однажды не рассказала Эльсе, что, собрав урожай, из плодов мужества варили специальный напиток, который делал людей особенно храбрыми. Эльса погуглила эту новость и сообщила бабушке, что это достаточно безответственная метафора для ребенка. Бабушка застонала в ответ: «Ладно, ладно. Но мужество там все равно было! Они его не выращивали и не варили напитка, но оно у них было!»

Вот и вся сказка о золотых рыцарях, которые победили страх. Бабушка рассказывала ее всякий раз, когда Эльса чего-то боялась, и несмотря на некоторые нестыковки сказка всегда срабатывала исправно.

Единственное, что не вписывалось в эту историю, — бабушкин страх перед смертью. Но сейчас сказка не помогала. Теней не могли победить даже сказки.

— Тебе страшно? — спросила мама.

— Да, — кивнула Эльса.

Мама тоже кивнула. Она не стала говорить Эльсе, что бояться не надо, и не пыталась обмануть ее, что бояться нечего. За это Эльса ее и любит.

Они сидели в «рено», опустив спинки сидений. Ворс лежал между

ними, заполняя собой все свободное место, и мама беспечно чесала его за ухом. Она совсем не сердилась на Эльсу, когда узнала, что та скрывает его в подвале. И не испугалась его. Ни капельки. Мама стала чесать его за ухом, как крошечного котенка.

Эльса дотронулась до маминого живота и почувствовала спокойное сердцебиение Полукого. Он совсем не боялся. Ведь Полукто — это целиком и полностью мама, а Эльса — наполовину папа, а папа боится всего. Поэтому половина Эльсы тоже всего боится.

И больше всего — теней.

— Ты его знаешь? Того, кто за мной гнался? — спросила она.

Ворс ткнулся в нее головой. Мама ласково гладила ее по щеке.

— Да. Мы его знаем.

— Кто это «вы»?

Мама шумно засопела.

— Леннарт и Мод. И Альф. И я.

Кажется, она собиралась назвать и другие имена, но передумала.

— Леннарт и Мод? — удивилась Эльса.

Мама кивнула:

— Да, милая. Думаю, они знакомы с ним ближе всего.

— Почему ты мне никогда о нем не рассказывала?

— Не хотела тебя пугать.

— У тебя это хорошо получилось! — без малейшего испуга фыркнула Эльса.

Мама вздохнула. Погладила ворса. Тот лизнул Эльсу в лицо. От него до сих пор пахло бисквитным тестом. Ну как можно злиться, когда тебе лижет лицо ворс с запахом бисквитного теста?

— Это тень, — тихо сказала Эльса.

— Знаю, — прошептала мама.

— Правда?

Мама вздохнула глубоко-глубоко, до самых пяток.

— Бабушка пыталась и мне рассказывать сказки, милая. О Просонье и тенях.

— И о Миамасе?

Мама помотала головой:

— Нет. Я знаю, что вы побывали в тех местах, которые мне она никогда не показывала. Это было давно. Мне было столько же лет, сколько тебе. У королевств еще не появилось имен, а Просонье было совсем маленьким.

Эльса нетерпеливо перебила:

— Знаю! Они получили свои имена, когда бабушка повстречала Волчье Сердце, она назвала их словами его родного языка. Бабушка решила сделать его тайным языком, которому он научил ее, чтобы они могли общаться. А почему она тебя с собой не брала? Почему не показала тебе все Просонье?

Мама слегка прикусила губу.

— Бабушка много раз предлагала взять меня с собой, милая. Но я не хотела.

— Почему?

— Я повзрослела, была уже подростком. И злилась на нее. Мне больше не хотелось слушать ее сказки по телефону. Мне хотелось, чтобы мама была здесь. Мне нужна была настоящая мама.

Эльса впервые слышала от нее это слово. «Мама». Обычно мама говорит о ней «бабушка».

Мама попыталась изобразить улыбку. Получилось так себе.

— Я была непростым ребенком, милая. Мы много ругались. Я на все говорила «нет». Бабушка называла меня «девочка, которая всегда говорит „нет“».

Эльса смотрела на маму во все глаза. Мама вздохнула и улыбнулась одновременно, как будто в ней боролось два чувства.

— Да, конечно, бабушкины сказки нередко рассказывали обо мне. Я и девочка, и принцесса. В конце концов я перестала понимать, где кончается фантазия и начинается реальная жизнь. Мне кажется, иногда бабушка сама этого не знала. Когда я выросла, мне стало трудно с этим жить. Мне и сейчас трудно. Мне всегда хочется побольше реального и настоящего.

Эльса молча лежала в кресле и смотрела в потолок, слушая, как ворс дышит ей в ухо. Она думала о Волчьем Сердце и морском ангеле, которые столько лет прожили в их подъезде, но соседи не знали, кто они на самом деле. Никто ни о чем не спрашивал. Если просверлить в стенах и потолках отверстия, все соседи могли бы протянуть руки и дотронуться друг до друга, так близко они жили, ничего друг о друге не зная. Многие годы.

— Ты нашла ключ? — спросила Эльса, глядя на приборную доску.

Мама покачала головой.

— Наверное, бабушка его спрятала, чтобы позлить Бритт-Мари. Неспроста машина стоит на ее парковочном месте.

— А разве у Бритт-Мари есть своя машина? — Эльса посмотрела на «БМВ» Кента, который было видно даже отсюда, потому что это самый огромный в мире автомобиль.

— Нет. Но много лет назад была. Белая. И место до сих пор

принадлежит ей. Думаю, тут дело в принципе. Принципы для Бритт-Мари — это все, — сказала мама с кривой усмешкой.

Эльса была не уверена, что правильно ее поняла. И что это имеет значение.

— Если ни у кого нет ключа, как здесь оказался «рено»? — думала она вслух, хотя знала, что у мамы тоже нет ответа на этот вопрос.

Мама сама не знала. Не знала ответов на все вопросы. Эльса набрала побольше воздуха и закрыла глаза.

— Расскажи про тень, — попросила она, стараясь преисполниться тем, что выращивают в Миаудакасе, но голос трепетал у нее в горле, как рваный парус.

Мама снова погладила ее по щеке и с трудом поднялась с сиденья, держась за живот, в котором сидел Полукто.

— Думаю, о нем должны рассказать Леннарт и Мод, милая.

Эльса хотела ей возразить, но мама уже выбралась из «рено», и Эльсе ничего не оставалось, как последовать за ней. В этом мамина суперспособность. Мама взяла куртку Волчьего Сердца. Она постирает ее и отдаст, когда тот вернется. Эльсе нравится думать об этом. Волчье Сердце непременно вернется.

Они укрыли лежавшего на заднем сиденье ворса покрывалами, и мама велела ему лежать тихо, чтобы никто его не увидел. Ворс последовал ее указаниям. Эльса повторила, что обязательно найдет ему местечко получше, хотя ворс явно не понимал, зачем это нужно. Ворсу хотелось, чтобы Эльса поскорее отправилась на поиски нового печенья.

Альф караулил их у входа в подвал.

— Я кофе сделал, — пробурчал он себе под нос.

Поблагодарив, мама взяла чашку. Вторую чашку Альф протянул Эльсе.

— Я же говорила, что не пью кофе, — устало отозвалась она.

— Это, черт побери, не кофе, а гребаный какао, — обиделся Альф.

Эльса удивленно смотрела в чашку.

— Где ты взял какао? — спросила она, зная, что мама какао не держит, потому что его пьют с сахаром.

— У себя дома, — проворчал Альф.

— У тебя дома есть какао? — недоверчиво спросила Эльса.

— Я могу, черт побери, и в магазин сходить! Ты же не пьешь кофе! — недовольно ответил Альф.

Эльса улыбнулась. Кажется, Альфу подойдет прозвище Рыцарь Инвективы. Она читала в «Википедии» про инвективу. Таких рыцарей, строго говоря, очень мало. Эльса делает хороший глоток какао и с трудом

удерживается оттого, чтобы не выплюнуть его прямо Альфу на куртку.

— Ого! Сколько ложек ты туда положил?

— Черт его знает. Примерно четырнадцать-пятнадцать, — бормочет Альф.

— Надо три класть!

Альф негодовал. По крайней мере, Эльсе так показалось. Она уже клала «негодование» в папину словарную копилку. Кажется, негодование выглядит именно так.

— От трех никакого вкуса не будет! — кипятился Альф.

Эльса доела какао ложкой, половина осталась на кончике носа и вокруг рта.

— Ты тоже знаешь того, кто гнался за мной на кладбище? — спросила она.

Куртка тихонько скрипнула. Кулаки сжались.

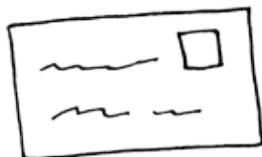
— Ему нужна не ты.

— В смысле? Он же бежал за мной! — Эльса чихнула, и брызги какао все-таки долетели до Альфа.

Тот лишь медленно покачал головой.

— Нет, он гнался не за тобой.

23. Тряпка

Эльсу переполняли вопросы, но она молчала, потому что мама очень устала, и, как только они поднялись к себе, она с Полукем легла в кровать. В последнее время мама стала так уставать, будто ее шнур выдергивают из розетки. Все дело в Полуке. Джордж говорит, что Полукто хочет компенсировать маме отсутствие сна в ближайшие восемнадцать лет, поэтому заставляет ее спать на протяжении девяти месяцев. Эльса сидела на краю кровати и гладила маму по голове. Мама поцеловала ее руки и шепнула: «Все наладится, милая, все будет хорошо». Так говорила бабушка. И Эльсе нестерпимо хотелось в это верить. Мама сонно улыбнулась.

— Бритт-Мари еще здесь? — Она посмотрела на дверь.

Голос Бритт-Мари доносился с кухни, так что вопрос был риторический. Бритт-Мари требовала от Джорджа «немедленного решения проблемы» с «рено», который по-прежнему стоял в гараже на ее месте. «У нас есть правила, Джордж! Даже Ульрика должна это понимать!» — благожелательно говорила Бритт-Мари, хотя голос звучал далеко не благожелательно. Джордж радостно ответил, что полностью с ней согласен, потому что Джордж всегда готов войти в положение. В этом вся сложность с Джорджем, и это ужасно бесит Бритт-Мари. Он предложил ей отведать яичницы, после чего благожелательность Бритт-Мари окончательно испарилась и она заявила, что некоторым владельцам квартир пришлось провести «детальное расследование по делу бесхозной коляски», пристегнутой к перилам в подъезде. Сначала кто-то вешает объявление, не спросив Бритт-Мари, а теперь кто-то это объявление снимает, не удосужившись ее об этом уведомить. Бритт-Мари подчеркнула, что «взяла подробные показания у всех подозреваемых, абсолютно у всех!». Джордж клятвенно пообещал по мере возможностей тоже взять у кого-нибудь показания, хотя по его голосу было ясно, что у него на примете подозреваемых пока не имеется. Тогда Бритт-Мари, воодушевившись тем, что Джордж разделяет ее позицию, с новыми силами набросилась на него и

сообщила, что нашла на лестнице собачий волос, и это «прямо указывает на то, что эта тварь по-прежнему шляется по подъезду, я вам говорю, шляется как ни в чем не бывало!». Бритт-Мари требовала от Джорджа «решительных действий». Джордж явно не понимал, чего она от него хочет. И тогда Бритт-Мари рявкнула, что вот поговорит она с Кентом, тогда все сразу всё поймут, и выбежала из кухни, прежде чем Джордж успел раскрыть рот. Хотя вряд ли он собирался что-то сказать. Судя по запаху, Джордж снова жарил яичницу.

— Да она просто мымра! — сказала Эльса.

— Не беспокойся, моя хорошая, завтра найдем местечко получше для твоего друга, — пробормотала мама сквозь сон и с улыбкой добавила: — Может, спрячем его в той детской коляске?

Эльса нехотя засмеялась. Загадочная история с коляской, пристегнутой к лестнице, была похожа на завязку скверного детектива в духе Агаты Кристи. Почти все ее романы есть в «Эпплсторе», и в них никогда не встречаются такие банальные злодеи, как Бритт-Мари. Разве что в качестве жертвы. Если в детективной истории надо вычислить, кто убил Бритт-Мари в библиотеке, треснув подсвечником по башке, то все ее знакомые были бы в числе подозреваемых с мотивом «да эта тетка была сущей стервой!». На мгновение Эльсе стало стыдно за свои мысли. Но это быстро прошло.

— Бритт-Мари не злая, просто она хочет почувствовать свою важность, — сказала мама.

— Все равно она мымра, — настаивала Эльса.

Мама улыбнулась:

— Да, есть немного. Ты права.

Эльса подложила одну из подушек ей под спину, а мама погладила ее по щеке и прошептала:

— А теперь расскажи мне сказку, моя хорошая. Мне бы так хотелось послушать хорошую миамасскую сказку.

И тогда Эльса приказала маме закрыть глаза, но только не до конца, и мама сделала все, как она велела. Эльсу переполняли вопросы, но она не задавала их, она рассказывала об облаконях, энфантах и жалеях, о львах и троллях, о рыцарях, о Щасе, о Волчьем Сердце, о снежных ангелах и ангеле морском и об охотниках за сновидениями, а когда она начала рассказ о принцессе Миплориса и братьях-принцах, дравшихся за ее любовь, о ведьме, которая украдала сокровище принцессы, мама и Полукто заснули.

Эльсу переполняли незадаанные вопросы. Она накрыла маму и Полукокого одеялом, поцеловала в щеку и собрала все свое мужество, ведь она должна была выполнить то, что обещала бабушке: охранять замок,

свою семью и друзей.

Мамина рука потянулась за Эльсой, которая уже собралась уходить, полусонная мама сказала:

— Если бы дедушка уезжал, чтобы спасти чужие жизни, его бы никогда не назвали плохим отцом...

— А я бы назвала! Можешь не сомневаться.

— Знаю, и поэтому ты — наше будущее, — улыбнулась мама, с трудом переваливаясь на бок.

Уже дойдя до двери, Эльса услышала мамино сонное бормотание:

— Те самые фотографии у бабушки на потолке. Те самые дети со снимков на потолке. Все они были сегодня на кладбище. Они выросли. Смогли вырасти, потому что бабушка их спасла.

И мама снова заснула. Эльса даже не была уверена, что она произнесла это наяву.

— No shit, Sherlock? Я не дурочка, — прошептала Эльса, погасив свет.

Нетрудно догадаться, кем были все эти люди. Трудно их за это простить.

Мама спала с улыбкой на губах. Эльса тихонько закрыла дверь.

В квартире пахло кухонными тряпками. Джордж убирал кофейные чашки. После похорон все эти люди пришли к ним на кофе. И все сочувственно улыбались Эльсе, за это Эльса их ненавидит. А также за то, что они познакомились с бабушкой раньше ее. Она пошла в бабушкину квартиру и легла на ее кровать. Блики от уличных фонарей резвились на фотографиях, висящих на потолке, как щенки под брызгами поливальной установки в саду, и Эльса до сих пор не решила, простить ли бабушку за то, что она оставляла маму, чтобы спасти чужих детей. Интересно, мама смогла ее простить? Во всяком случае, пыталась.

Эльса вышла на лестницу, она собиралась сходить в подвал навестить ворса. Но вместо этого без сил опустилась на пол. И просидела там целую вечность. Эльса пыталась думать, но в голове была только пустота и тишина.

Внизу раздались шаги, в таком доме звуки слышно издали. Это были мягкие вкрадчивые шаги, как будто человек заблудился. Они были не похожи на нервную и решительную походку женщины в черной юбке, когда она говорит в белый проводок, оставляя после себя запах ментола. Сегодня она была одета в джинсы. И проводка у нее не было. Женщина остановилась, не дойдя шагов десяти до Эльсы.

— Здравствуй.

Она казалась такой маленькой. Голос у нее был усталый, но не такой, как обычно. Это была более правильная усталость. От женщины пахло не ментолом и не вином, а шампунем.

— Здравствуйте.

— Я сегодня была на кладбище, — медленно сказала она.

— Не видела вас на похоронах, — ответила Эльса, но женщина виновато помотала головой.

— Я не пришла. Извини. Я... не смогла. Но я... Она проглотила слова. Посмотрела на что-то, что держала в руках.

— Я ездила... на могилу моих мальчиков. Я очень давно там не была.

— Ну и как, помогло?

Губы женщины превратились в ниточку:

— Не знаю.

Эльса кивнула. Лампы на лестнице погасли. Она ждала, пока глаза привыкнут к темноте. Наконец женщина собрала все свои силы, улыбнулась, и кожа у нее вокруг рта разошлась трещинами, но уже не так сильно.

— Как прошли похороны?

Эльса пожала плечами:

— Похороны как похороны. Было дико много народу.

Женщина кивнула, будто к ее голове прикрепили гантелю.

— Иногда бывает трудно разделить свое горе с людьми, которых не знаешь. Но мне кажется... многие очень любили твою... твою бабушку.

Эльса наклонилась так, что волосы закрыли лицо. Женщина почесала шею.

— Это... то есть... это... я понимаю, что это трудно. Осознавать, что твоя бабушка бросила свой дом, чтобы помогать далеким чужим людям... таким, как... таким, как я.

Эльса недоверчиво фыркнула — женщина словно прочитала ее мысли. И Эльсе это совсем не понравилось. К тому же «это» и «то есть» — слова-паразиты. Женщина явно была смущена.

— Я... понимаешь... я... извини. Это называется «проблема вагонетки». То есть это проходят... по этике... в университете. Это... вроде... спора о том, можно ли принести в жертву одного человека, чтобы спасти многих других.

Эльсе хотелось что-то сказать, но она не знала что. Женщина виновато кивала.

— Об этом наверняка написано в «Википедии».

Эльса пожала плечами. Женщина разом сникла.

— Ты на что-то сердисься, — сказала она.

Эльса хмыкнула, прикидывая, на что она сердится больше всего. Список немаленький.

— К вам это не относится. Я злюсь на эту мымру Бритт-Мари, — наконец сказала она.

— Понимаю.

Правда, Эльса была не уверена, что это так.

— Бритт-Мари — адская мымра! И между прочим, это заразно. Если долго находиться поблизости, можно подхватить мымовирус и тоже превратиться в мымру!

Женщина снова посмотрела на то, что держала в руках, и слегка об это постучала.

— Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя^[4].

— Что? — удивилась Эльса, хотя ей нравилось, что женщина разговаривает с ней как со взрослой. Такое приятно любому ребенку.

— Извини, это... это Ницше, — смущенно сказала женщина, почесав шею. — Немецкий философ. Я... ох, я наверняка неточно цитирую. Думаю, это значит, что если ты ненавидишь кого-то, то рискуешь превратиться в того, кого ненавидишь.

Эльса пожала плечами чуть ли не до ушей.

— Бабушка говорила: «Не тронь дерьмо, вонять не будет!»

Эльса впервые слышала, как женщина в черной юбке смеется. Впрочем, сегодня она была одета в джинсы.

— Да, наверное, это более точное выражение.

А что, смех был ей очень даже к лицу. Женщина сделала два шага к Эльсе и потянулась через всю лестничную клетку, чтобы передать ей конверт, который держала в руках, но при этом не подходить слишком близко. И ее слова снова провалились в темную яму.

— Оно лежало на... лежало на... на могиле моих мальчиков. Не знаю... не знаю, кто его туда положил. Но твоя бабушка... по-моему, она, догадывалась, что я приду...

Эльса взяла конверт. Женщина в джинсах исчезла, прежде чем Эльса успела рассмотреть конверт. На нем было написано: «ЭЛЬСЕ! ПЕРИДАТЬ ЛЕНАРТУ И МОД!»

Так Эльса получила третье письмо от бабушки.

Леннарт открыл дверь, держа в руке кофейную чашку. Мод и Саманта, приветливо улыбаясь, стояли у него за спиной. От них пахло печеньем.

— У меня для вас письмо, — сообщила Эльса.

Леннарт взял конверт и хотел что-то сказать, но Эльса ему не дала:

— От бабушки! Она наверняка просит прощения, она так во всех письмах пишет!

Леннарт добродушно кивнул. Мод кивнула еще добродушнее.

— Эльса, милая моя, нам очень жаль, что с бабушкой так получилось. Но похороны были совершенно прекрасные. Мы так рады, что смогли с ней попрощаться.

— И кофе был исключительно вкусный! — подтвердил Леннарт, приглашая Эльсу войти.

— Проходи скорее, у нас есть мечты! — сказала Мод.

— Проходи, я поставлю кофе! — вторил ей Леннарт.

— А еще у нас есть какао — Альф принес, — радовалась Мод.

Саманта залаяла. Даже лай ее звучал весьма добродушно. Эльса взяла мечту из полной до краев банки и с кроткой улыбкой сказала Мод:

— У меня есть друг, который очень любит мечты. Он весь день просидел один. Вы не против, если я его сюда приведу?

Мод и Леннарт кивнули головами с таким видом, будто мотать ими просто не умели.

— Разумеется, деточка! — воскликнула Мод.

— Я поставлю еще кофе! — бодро вторил ей Леннарт.

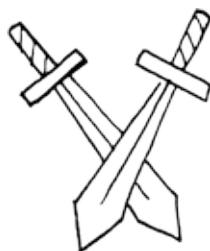
Мод погладила Эльсу по руке и уверенно добавила:

— Разумеется, мы не против! Приводи его сюда.

Однако при виде сидящего на кухонном полу ворса уверенность Мод поколебалась. Ну и дела.

И это неудивительно, поскольку ворс не просто сидел на полу, а практически закрывал его собой целиком.

24. Мечты

— Я же говорила, он любит мечты! — радостно воскликнула Эльса.

Мод, похоже, потеряла дар речи. Леннарт сидел по другую сторону стола, держа на руках до смерти перепуганную Саманту. Ворс пожирал мечты — по дюжине зараз.

— Что это за порода? — тихо спросил Леннарт, словно боялся обидеть ворса.

— Ворс! — с гордым видом ответила Эльса.

Леннарт кивнул — с видом человека, который не понимает, о чем идет речь. Мод открыла новую банку печенья, поставила ее на пол и осторожно пододвинула ногой к ворсу. Ворс опустошил ее в три захода. Поднял голову и посмотрел на Мод глазами огромными, как слуховые оконца. Мод достала еще две банки, стараясь не показывать, как она польщена. Получалось так себе.

— Эта порода есть в кинологическом реестре? — поинтересовался Леннарт, глядя, как ворс ныряет носом в кучу печенья.

— Не думаю, — ответила Эльса.

— Я тоже, — согласился Леннарт, стаскивая перепуганную Саманту с плеча.

— Это собака-компаньон? — неуверенно спросила Мод, как будто хотела погладить ворса.

Эльса задумчиво посмотрела на него:

— Не знаю. В сказках ворсы охраняют замок принцессы. Так что, наверное, да.

— Значит, это сторожевая собака, — констатировал Леннарт.

Пожалуй, да. Леннарт был очень доволен, что ему удалось классифицировать ворса, напряжение спало.

— Так это королевская порода? — восторженно спросила Мод.

— Вроде того.

— Как бы то ни было, мечты ему очень по вкусу, — улыбнулась она, доставая еще две банки печенья.

— Как там кофе? — Леннарт вдруг забеспокоился, что кофе сбежит. Он вскочил, а бишон фризе повисла на его груди, словно брошка.

Потому что королевская порода или нет, а расслабляться нельзя. Особенно с учетом монарших габаритов, рядом с которыми Саманта все равно что грязь под когтями.

— Эльса, деточка, хочешь плюшку с корицей? Я разогрею в микроволновке! — предложила Мод.

Эльса не раздумывая согласилась — какой дурак откажется от плюшек с корицей, когда угощает Мод?

— Извини, пожалуйста, ты тоже любишь плюшки с корицей? — спросила Мод ворса так, будто стояла за барной стойкой посреди шумной дискотеки.

Ворс проглотил все плюшки.

— По-моему, мы будем друзьями, — задушевно прошептала Мод ворсу, доставая тем временем из морозилки еще четыре пакета с плюшками.

Ворса такая перспектива, видимо, устраивала.

Эльса посмотрела на бабушкино письмо. Оно лежало на столе, сложенное пополам. Леннарт и Мод успели прочитать его, пока Эльса ходила в подвал за ворсом. Леннарт поймал взгляд Эльсы и положил руку ей на плечо.

— Ты права. Бабушка просит прощения.

— За что?

Мод дала ворсу плюшки и половину рулета с маком.

— Да там целый список. Твоя бабушка была...

— Не такая, как все, — подсказала Эльса.

Мод добродушно засмеялась, погладив ворса по голове. Леннарт взглянул на письмо.

— Сначала она просит прощения за то, что так часто ругала нас. И сердилась. Спорила с нами и ссорилась. Но здесь не за что просить прощения, с кем не бывает! — сказал Леннарт так, будто сам просит прощения за то, что у них попросила прощения бабушка.

«Только не с вами», — подумала Эльса. За это она любит Леннарта и Мод.

— И за тот случай, когда она стреляла с балкона из пингбольного ружья и случайно попала в Леннарта! — хихикала Мод. И растерянно

прибавила: — Я правильно говорю — пингбольное?

Эльса кивнула. Хотя Мод говорила неправильно. Мод была очень довольна.

— А однажды бабушка попала в Бритт-Мари, и у нее осталось большое розовое пятно на жакете. У Бритт-Мари это был любимый жакет в цветочек, и пятно не удалось отстирать даже «Ванишем»! Представляешь?

Мод снова хихикнула. Но тотчас осеклась и покраснела.

— Бритт-Мари, конечно, рассердилась не на шутку. Нехорошо над этим смеяться.

С этим Эльса соглашаться не стала.

— За что еще она просит прощения? — спросила Эльса в надежде услышать еще пару историй о том, как кто-нибудь выстрелил в Бритт-Мари из «пинг-больного» ружья. Или из чего угодно еще. Неважно. Но Леннарт вопросительно посмотрел на Мод. Та кивнула, и он сказал:

— Бабушка извиняется за то, что просит нас рассказать тебе всю историю целиком. Ты должна это знать.

— Какую историю? — удивилась Эльса, внезапно почувствовав, что у нее за спиной кто-то есть.

Она обернулась. В дверях спальни стоял мальчик с синдромом, держа в руках игрушечного льва. Он посмотрел на Эльсу, но, встретившись с ней взглядом, опустил голову так, что челка упала на лоб. Эльса тоже так делает. Он почти на год младше ее, но рост у них одинаковый, к тому же у них одинаковые прически и цвет волос. Единственная разница между ними — то, что Эльса просто не такая, как все, а у мальчика синдром. Хотя когда у тебя синдром, ты тоже не такой, как все, — только по-другому.

Мальчик, как обычно, молчал. Мод чмокнула его в лоб и спросила: «Страшный сон?» Мальчик кивнул. Мод налила полный стакан молока и достала новую банку с мечтами, дала это все ему в руки и увела в спальню, грозно приговаривая: «Ну-ка, ну-ка, сейчас я этот сон прогоню!»

Леннарт посмотрел на Эльсу:

— Думаю, бабушка хотела, чтобы я рассказал все с самого начала.

В тот день Эльса узнала сказку о мальчике с синдромом. Сказку, которую никогда прежде не слышала. Сказку такую страшную, что, когда ее слушаешь, хочется изо всех сил обнять самого себя. Леннарт рассказал историю папы мальчика, в котором ненависти было столько, сколько, казалось, не может вместить в себя человек. Этот папа был наркоманом, сказал Леннарт и тут же испуганно посмотрел на Эльсу, боясь, что она в свою очередь тоже испугается. Но Эльса только выпрямилась, запустила

руки поглубже в ворсову шерсть и сказала, что все в порядке. Леннарт уточнил, знает ли она, что такое наркотики, и Эльса ответила, что читала про них в «Википедии».

Тогда Леннарт рассказал о том, как папа мальчика превратился в чудовище, когда стал принимать то, о чем написано в «Википедии». Душа его почернела. Он бил маму мальчика, пока та была беременна, потому что не хотел быть ничьим папой. Леннарт моргал все чаще, говоря, что, наверное, папа боялся, что ребенок будет таким же, как он. Жестоким и злым. И когда ребенок родился и врачи сказали, что у него синдром, папа был вне себя от ярости. Ему была невыносима мысль, что ребенок будет не похож на других. Отчасти потому, что он ненавидел не таких, как все. А отчасти потому, что глядя на мальчика, видел в себе все то, чем сам был не похож на других.

Папа запил и стал все чаще употреблять то, о чем написано в «Википедии». Иногда он не приходил ночевать и не бывал дома неделями. Где он пропадает, никто не знал. Иногда приходил домой спокойный и тихий. Плакал и объяснял, что должен был держаться подальше, пока его переполняла злость. В него словно вселялась какая-то темная сила, которая пыталась изменить его и с которой приходилось бороться. Вернувшись домой, он, как правило, был спокойным в течение многих недель. И даже месяцев.

Но однажды вечером эта темная сила захватила его целиком. Он избивал маму и мальчика до тех пор, пока они не остались неподвижно лежать на полу. И после этого убежал.

Голос Мод тихонько пробивался сквозь тишину, повисшую на кухне после слов Леннарта. Из спальни доносилось сонное похрапывание мальчика — Эльса впервые слышала, что он издает какие-то звуки. Мод позвякивала пустыми банками из-под печенья.

— Мы нашли их. И долго пытались уговорить маму взять мальчика и уйти, но она так боялась его. Мы все его боялись. Он очень опасный человек, — тихо сказала Мод.

Эльса крепко держалась за ворса.

— И что вы сделали?

Мод опустила на стул. В руке у нее был конверт, такой же, с каким к ним пришла Эльса.

— Мы познакомились с бабушкой в больнице. У нас с Леннартом в те времена было небольшое кафе, дружочек. У входа в больницу. Бабушка приходила туда каждый день. И всегда покупала наши мечты.

— Она называла их «миревасские печенья», — вспомнил Леннарт. И Мод добавила:

— В конце концов мы так их и назвали: «Миревасские». Обычно бабушка покупала дюжину «Миревасских» и полдюжины плюшек с корицей. У моей сестры неподалеку есть небольшая кондитерская, я до сих пор время от времени пеку для нее, и бабушка покупала там плюшки все эти годы после того, как...

Прервавшись на полуслове, Мод досадливо помахала рукой, как будто поймав себя на том, что ушла не в ту степь.

— Даже не знаю, с чего это все началось. Твоя бабушка была таким человеком, которому хочется все рассказать, понимаешь? Я не знала, что делать. К кому обратиться. Мы все были так напуганы. И я позвонила ей. Она приехала на своем ржавом автомобиле прямо посреди ночи...

— На «рено»! — воскликнула Эльса. Ей почему-то казалось, что «рено» заслужил, чтобы его имя было названо в сказке, раз уж он всех спас.

Леннарт кашлянул и грустно улыбнулся:

— Да, «рено». На нем она и приехала. Мы взяли мальчика и маму, твоя бабушка привезла нас сюда и дала ключи от квартир. Не знаю, где она их взяла, но сказала, что решит вопрос с владельцами дома. С тех пор мы здесь и живем.

— А папа? Что случилось, когда он обнаружил, что их нет? — спросила Эльса, хотя совсем не хотела услышать ответ.

Леннарт нащупал руку Мод.

— Мы не знаем. Твоя бабушка привела Альфа и сказала: «Это Альф, он привезет вещи мальчика». Они поехали обратно и встретили там папу мальчика... он в тот момент был во власти темных сил, которые пожирали его изнутри. Он страшно избил Альфа...

Леннарт вдруг перестал говорить, как бывает, когда спохватываешься, что в разговоре с ребенком можешь брякнуть лишнее. И проматываешь историю немного вперед.

— Да, конечно же, когда приехала полиция, его уже и след простыл. Бедный Альф, господи, нет слов. В больнице его обмотали пластырем с головы до ног, потом он сел за руль и сам поехал домой, после чего ни словом об этом не обмолвился. Два дня спустя он уже снова сидел за баранкой. Этот парень сделан из стали.

— А что стало с папой?

— Он исчез. И не появлялся несколько лет. Мы думаем, он искал нас все эти годы, прежде всего мальчика. Но его так долго не было, что мы надеялись... — Леннарт вдруг замолчал, как будто слова стали

неподъемными для языка.

— Но теперь он нашел нас, — продолжила Мод.

— Как? — спросила Эльса.

Леннарт внимательно изучал столешницу.

— Альф думает, что он прочитал в газете сообщение о смерти твоей бабушки. Нашел похоронное бюро. И там увидел... — Леннарт будто бы снова вспомнил, что сболтнул лишнее.

— Меня, — прошептала Эльса, а сердце чуть не выскочило из груди.

Леннарт кивнул, а Мод, высвободив свою руку, бросилась к Эльсе и обняла ее.

— Эльса, милая моя, хорошая! Понимаешь, он не видел мальчика много лет. Вы одного роста и прически у вас похожие. Он принял тебя за нашего внука.

Эльса закрыла глаза. При каждом вздохе виски сжимало так, будто два магнита с обеих сторон головы пытаются пробить череп насквозь, чтобы соединиться. Впервые в жизни Эльса не во сне, а наяву нечеловеческим усилием собрала волю в кулак, чтобы отправиться в Просонье. Призвав на помощь всю свою фантазию, она вызвала облаконя и слетала в Миаудакас, где собрала все мужество, которое могла унести. Затем распахнула глаза и спросила:

— Так, значит, вы бабушка и дедушка мальчика? Родители его мамы?

Слезы капали у Леннарта с носа прямо на скатерть, барабаня, как дождь.

— Нет. Мы родители его папы.

Эльса сощурившись посмотрела на Леннарта и Мод.

Мод, тяжело дыша, гладила ворса по голове. Она ушла и вернулась с шоколадным тортом. Саманта задумчиво смотрела на ворса. Леннарт подлил себе еще кофе. Чашка тряслась так, что кофе выплескивался на стол.

— Знаю, это звучит ужасно, Эльса, нельзя забирать ребенка у папы. Нельзя так поступать с собственным сыном. Но, когда люди становятся бабушками и дедушками, они прежде всего думают о своих... — грустно прошептал Леннарт.

— Бабушки с дедушками думают о своих внуках прежде всего! Всегда! — закончила его фразу Мод с упрямством в голосе и блеском в глазах, которых Эльса никак от нее не ожидала.

Затем она вручила Эльсе конверт, принесенный из спальни. На нем было что-то написано бабушкиным почерком. Эльса впервые видела имя, стоявшее на конверте, но она догадалась, что письмо адресовано маме

мальчика.

— Раньше ее так звали. Потом полиция предложила нам другие имена, чтобы нас невозможно было найти, — объяснила Мод и добавила очень ласковым голосом: — Твоя бабушка оставила это письмо несколько месяцев назад. Она сказала, что тебе надо будет доставить его адресату. Она знала, что ты придешь к нам.

Эльса закрыла глаза.

— Знаю. Это охота за сокровищами. Бабушка ее обожала.

Леннарт тяжело вздохнул. Он встретился взглядом с Мод и сказал:

— Боюсь, сначала мы должны рассказать тебе историю нашего сына. Мы должны рассказать о Сэме. Так его зовут. Твоя бабушка и за него просит прощения в письме. Она просит прощения, что... спасла ему жизнь...

Голос Мод сел до свистящего шепота:

— Потом она просит прощения за то, что попросила прощения за то, что пожалела, что спасла жизнь нашему сыну. За то, что она больше не уверена, что он это заслужил. Хотя она и была врачом...

Ночь опустилась на дома за окном. На кухне пахло кофе и шоколадным тортом. Эльса слушала сказку про Сэма — сына самых добрых родителей в мире, который был таким злым, что человеческий разум не в состоянии это вместить. И Сэм стал папой мальчика с синдромом, в котором злобы было так мало, что вряд ли бы кто-то поверил, что такое возможно, будто его папа оставил всю злобу себе и ни капли не передал сыну. Эльса слушала сказку о том, как Сэм был маленьким мальчиком, о том, как Леннарт и Мод очень долго хотели ребенка и любили его так, как только могут любить родители. Ведь все родители — даже самые плохие на свете — хотя бы в какой-то момент любили своего ребенка. «Так устроен человек, иначе он не сможет быть человеком», — шептала Мод. И винила себя: у нее в голове не укладывалось, что ребенок может быть злым по своей природе. Если маленький беспомощный мальчик вырастает таким злобным чудовищем, это вина матери. Хотя Эльса и пересказала ей бабушкины слова о том, что некоторые люди рождаются подонками и в этом, кроме них самих, никто больше не виноват.

— Сэм всегда был таким злым, не знаю, откуда бралась эта злоба. Наверное, внутри меня жила эта мрачная сила, которая передалась ему. Не знаю, откуда это взялось, — подавленно прошептала Мод.

И рассказала о мальчике, который всегда дрался, в школе издевался над другими детьми и травил тех, кто был не похож на других. О том, как

он вырос и стал солдатом, и уехал в дальние страны, потому что жаждал войны, и нашел там друга. Своего первого настоящего друга. И все, кто знал Сэма, говорили, что дружба изменила его, проявила в нем что-то хорошее. Друг Сэма тоже был солдатом, но совсем другим. Он не любил войну. Друзья были неразлучны. Сэм считал своего друга самым храбрым воином на земле.

Они вместе вернулись домой, и друг познакомил Сэма с девушкой, которая увидела в нем то, чего никто прежде не замечал. И на мгновение Леннарт и Мод тоже смогли увидеть проблеск самого Сэма во мраке пожиравшей его темной силы.

— Мы думали, эта девушка сможет спасти его, мы так на это надеялись, это было похоже на сказку. Если ты провел во мраке много лет, невероятно трудно удержаться и не поверить в сказки, — призналась Мод, а Леннарт все это время держал ее руки в своих.

— Но обстоятельства изменились, как это часто случается в сказках, — вздохнул Леннарт. — Может быть, Сэм в этом не виноват. А может, наоборот, виноват. Не нам решать, несет ли человек целиком и полностью ответственность за свои поступки. Но Сэм снова отправился на войну. И вернулся домой еще более мрачным, чем прежде.

— Он всегда был идеалистом, несмотря на всю свою злобу и ненависть. Поэтому он и пошел в солдаты, — грустно добавила Мод.

Эльса спросила, можно ли кое-что посмотреть у них в компьютере.

— Если, конечно, он у вас есть, — виновато добавила она, вспомнив разговор с Волчьим Сердцем.

— Конечно, есть! — сказал Леннарт.

— Сегодня компьютер есть в каждом доме, правда? — улыбнулась Мод.

«Вот и я о том же!» — подумала Эльса. В следующий раз она непременно скажет об этом Волчьему Сердцу. Если следующий раз когда-нибудь будет.

Леннарт провел ее через прихожую мимо спальни, где Мод выложила мечты колечком вокруг кровати со спящим мальчиком. Они вошли в маленький кабинет в глубине квартиры, и Леннарт объяснил, что компьютер у них очень старый, поэтому Эльсе надо набраться терпения. Таких огромных и нелепых компьютеров Эльса в жизни не видела. Сзади к компьютеру был приделан здоровенный короб, а другой стоял на полу.

— Что это? — спросила Эльса.

— Это и есть компьютер, — ответил Леннарт.

— А это тогда что? — Эльса показала на сам компьютер.

— Это монитор, — ответил Леннарт и нажал на большую кнопку в коробе на полу. — Теперь надо подождать минутку, пока он запустится.

— Минутку? — переспросила Эльса. — Вау. Он действительно древний.

Когда древний компьютер наконец запустился и Леннарт после долгих манипуляций вышел в интернет, Эльса нашла то, что ей было нужно, вернулась на кухню и села напротив Мод.

— Это значит «мечтатель». Идеалист. Вот что это такое.

— Можно и так сказать, — приветливо улыбнулась Мод.

— Дело не в том, можно или нельзя. Таково значение этого слова, — поправила Эльса.

Мод кивнула еще радушнее. И рассказала историю идеалиста, который стал циником. Эльса знает, кто такой циник, потому что однажды Эльсу так назвала воспитательница в детском саду. Мама была вне себя, когда об этом узнала, но воспитательница стояла на своем. Подробности Эльса не помнит, но, кажется, это было в тот раз, когда она объясняла другим детям, как делают колбасу.

Эльса вспомнила про защитные механизмы. Потому что в этой сказке было слишком много суровой действительности. А когда тебе почти восемь, то действительности может быть слишком много.

Мод рассказала, как Сэм снова уехал на войну вместе со своим другом. В течение нескольких недель они защищали маленький городок от натиска людей, которые по непостижимой для Мод причине хотели уничтожить всех его жителей. Наконец им передали по радиации приказ отступить, потому что ситуация стала очень опасной. Но друг Сэма отказывался уходить. Он убедил Сэма и остальных солдат остаться до тех пор, пока не придет подкрепление и городок будет вне опасности. После этого они посадили в свои машины столько раненых детей, сколько там могло уместиться, и поехали в ближайшую больницу в нескольких милях оттуда. Друг Сэма сказал, что там работает врачом одна женщина, которую считают самым хорошим хирургом в мире.

По дороге через пустыню машины подорвались на mine. Взрыв был чудовищный. Повсюду лилась кровь и пылал огонь.

— Кто-то погиб? — спросила Эльса, хотя не хотела услышать ответ.

— Все, — ответил Леннарт, хотя не хотел произносить это вслух.

Все, кроме Сэма и его друга. Сэм был без сознания, но друг вынес его

из огня. Он был единственным, кого удалось спасти. Лицо друга изуродовали металлические осколки и чудовищные ожоги, но, когда он услышал стрельбу и понял, что они попали в засаду, друг схватил оружие, бросился вперед и палил до тех пор, пока в живых не остались только он и Сэм, которые лежали одни посреди пустыни, истекая кровью.

Те, что стреляли в них, были мальчишками. Такие же дети, как те, которых они хотели спасти. Друг Сэма понял это, когда увидел мертвые тела, их кровь на своих руках. Он уже никогда не смог стать тем, кем был прежде.

Из последних сил друг тащил Сэма через пустыню и рухнул без сознания только возле самой больницы, когда к ним выбежала Эльсина бабушка. Она спасла Сэму жизнь. Сэм навсегда остался хромым, но выжил, и в больнице он начал курить бабушкины сигареты. За это бабушка тоже просит прощения в письме.

Мод осторожно положила перед Эльсой альбом с фотографиями, будто держала в руках живое существо. Она показала фотографию мамы мальчика с синдромом. В наряде невесты она стоит между Леннартом и Мод, все трое улыбаются.

— Думаю, друг Сэма был в нее влюблен. Но познакомил ее с Сэмом, и они полюбили друг друга. Друг наверняка ничего не сказал ему. Понимаешь, они были как братья. По-моему, он просто-напросто был слишком добрым, чтобы рассказывать о своих чувствах, понимаешь?

Эльса понимала. Мод улыбнулась:

— Друг Сэма был мягким мальчиком. Мне всегда казалось, что в душе он поэт. Страшно подумать, что ему пришлось пережить, когда он убивал этих мальчишек, чтобы спасти Сэму жизнь. Что он мог превратиться в такого беспощадного...

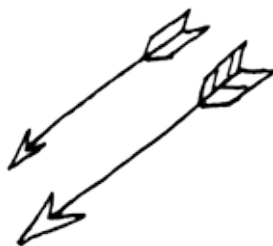
Мод долго молчала. Скорбь каплями барабанила по столу.

— Воина, — шепнула Мод, переворачивая страницу альбома.

Эльса знала, кто будет на следующей фотографии.

Это Сэм. Где-то в пустыне. На нем военная форма, в руках костыли. Рядом бабушка, на шее у нее стетоскоп. А между ними лучший друг Сэма. Волчье Сердце.

25. Елка

На самом деле бабушка была не из тех, кто вечно наговаривает на облаконей. Конечно нет. Ну или, во всяком случае, бабушка ругалась на них не все время. По крайней мере, не при всех. Ну хорошо. По крайней мере, тогда, когда облакони этого не слышали.

«Все-таки иногда они редкие задницы!» — говорила бабушка в ответ на Эльсины возражения. Эльса была фанатом облаконей, они ведь имели большое значение в жизни Просонья, к тому же для игры в шарады они были просто незаменимы.

«Проблема в том, что они это *знают!* Эти чертовы задницы стали ужасно задира́ть нос!» — фыркала бабушка. Чтобы в полной мере понимать, о чем идет речь, следует знать, что у Эльсы с бабушкой была сложная система ругательств.

Задницы в этой системе чуточку хуже придурков, но необязательно глупее дебилов, при этом выбешивают гораздо больше, чем, например, долдоны. Но достают человека не до такой степени, как засранцы — это уже самые отъявленные задницы. Хотя до светлых голов и этим далеко. Светлые головы — это засранцы, которые к тому же еще и полные дебилы.

Если бы Эльсе с бабушкой пришлось объяснять это кому-то еще, то этот кто-то все равно бы ничего не понял, но скорее всего спросил бы, а кто же тогда, скажите на милость, мымра (это слово Эльса и бабушка использовали при каждом удобном случае)?

Что за дурацкий вопрос! Мымра и есть мымра, это понятно каждому.

Если это, конечно, не адская мымра — мымра из мымр.

Как бы то ни было, именно облакони спасли *Избранного*, когда тени тайком пробрались в королевство Мимовас, чтобы похитить его. Если Миамас держится на фантазии, то Мимовас — на любви. Без любви нет музыки, без музыки нет Мимоваса; Избранного любили во всем

королевстве. Если бы теньям удалось похитить его, то постепенно это разрушило бы все Просонье. Если рухнет Мимовас, то рухнет Миревас, а если рухнет Миревас, то рухнет Миаудакас, а если рухнет Миаудакас, то рухнет Миплорис. Потому что без музыки нет мечты, без мечты нет сказок, без сказок нет мужества, без мужества нельзя пережить скорбь, а если не будет музыки, мечты, сказок, мужества и скорби, в Просонье останется лишь одно королевство — Мибаталос. Но Мибаталос не может существовать без других королевств, потому что для чего нужны воины, если им не за кого сражаться?

Это бабушка тоже украла из «Гарри Поттера»: чтобы сражаться, нужно то, ради чего сражаешься. Эльса ее простила, потому что получилось здорово. А если здорово получается, то и украсть не грех.

Так вот, облакони заметили тени между домами в Мимовасе и поступили совершенно в своем духе: бросились стрелами на землю, взмыли в небо величественными кораблями, обернулись верблюдами, яблоками, рыбаками с сигарами, и тени оказались в ловушке. Они уже не понимали, кого преследуют. Облака исчезли в один миг и унесли с собой Избранного, который прятался среди них всю дорогу в Миамас.

И началась Бесконечная война. Но, если бы не облакони, все кончилось бы в тот день, тени выиграли бы битву в мгновение ока. Эльса считала, что за это мы должны быть им благодарны. Хоть они и жопы, конечно.

Эльса проводит в Просонье всю ночь. Теперь она может попасть туда в любой момент, как будто так было всегда. Она сама не знает, почему так происходит, — наверное, теперь ей нечего терять. Человек-тень появился в реальном мире, Эльса знает, кем он был, и кем были бабушка и Волчье Сердце, и как все связано между собой. Больше она не боится. Она знает, что наступит война, неизбежно, но по непонятной причине это наполняет ее спокойствием.

Просонье не горит, как было во сне. Эльса едет верхом по ее красивым и мирным равнинам. И только проснувшись, Эльса поняла, что не побывала в Миамасе. Она проехала по всем пяти королевствам, заглянула даже в руины, оставшиеся от Мибаталоса после Бесконечной войны, но так и не побывала в Миамасе. Потому что не хотела знать, там ли бабушка.

Не хотела знать, что ее там нет.

На пороге Эльсиной комнаты стоял папа. Сон как рукой сняло, будто в нос брызнули ментоловым спреем. Заметим в скобках, что это надежное средство для пробуждения. Если у вас была бабушка вроде Эльсиной, вы

бы тоже об этом знали.

— Что случилось? Мама заболела? Что-то с Полукем? — Эльса выскочила из постели и стала тереть веки, еще тяжелые после всех теней и страхов.

Папа выглядел неуверенно. И недоуменно. Хотя неуверенность перевешивала. Сморгнув росинки, выступившие на роговице, Эльса вспомнила, что мама на деловой встрече в больнице, перед отходом она пыталась разбудить Эльсу, но та притворилась спящей. На кухне Джордж жарил яичницу. Он тоже заглянул к ней некоторое время назад и спросил, сделать ли на ее долю, но она опять притворилась спящей.

Эльса в растерянности посмотрела на папу:

— Тогда почему ты здесь? Сегодня вроде не твой день.

Папа неуверенно кашлянул. С папами так бывает: до них вдруг доходит, что роли поменялись: то, что когда-то делал он, поскольку это было важно для нее, теперь делает она, поскольку это стало важно для него. Они переступили некую тонкую грань. Причем и папы, и дочери обычно не помнят, когда это произошло.

Тут Эльса сообразила, что сегодня за день.

— Прости! — вспомнила она.

— Ничего страшного, понимаю, у тебя столько дел, — неуверенно сказал папа и повернулся, чтобы уйти.

— Стой! — вскрикнула Эльса громче, чем ей хотелось бы.

Она права, сегодня действительно не папин день. Она неправа, потому что послезавтра Рождество, и если тебе почти восемь, то такие вещи забывать непростительно. Ведь этот день они всегда проводят вместе с папой. Это елочный день.

Тут нам, понятное дело, опять придется отвлечься. Елочный день — как явствует из названия — это день, когда Эльса с папой ходят за елкой. За искусственной, разумеется, потому что живые елки Эльса не одобряет. А поскольку папе очень нравится ходить с Эльсой за елкой, она решила, что каждый год они будут покупать новую. Многим конечно же эта традиция кажется странной, но, как говорила бабушка, «каждая жертва развода имеет право на эксцентричные поступки».

Мама ужасно сердилась на бабушку за эту дурацкую идею с искусственной елкой, потому что любила запах хвои и считала, что бабушка вбила Эльсе в голову эту дурь. Чистой воды ложь, заявляла бабушка, что в свою очередь было чистой воды ложью. Ведь это бабушка рассказала Эльсе о елочном танце в Миамасе, а после такой истории только

конченная светлая голова захочет покупать живую елку, ведь это все равно что ампутировать ей ногу и продать в рабство.

В Миамасе елки — живые разумные существа с совершенно необоснованным для хвойного дерева интересом к мебельному дизайну. Живут они не в лесу, а в южной части центра Миамаса, который в последнее время стал модным районом, часто работают в рекламном бизнесе и носят галстуки. Раз в год, когда выпадает первый снег, елки собираются на большой площади возле дворца и состязаются за право выбрать дом, в котором будут стоять на Рождество. В Миамасе елки сами выбирают себе дома, не наоборот, и очередность устанавливается в результате танцевального турнира. В древние времена это решалось на дуэли, но елки в большинстве своем так плохо владели револьверами, что это занимало слишком много времени. Так что теперь они танцуют елочный танец, который выглядит очень необычно, поскольку у елок нет ног. Если ты, не будучи елкой, попытаешься изобразить елочный танец, тебе придется прыгать на двух ногах. Так бывает, когда на танцполе очень тесно.

Эльсе знаком этот танец, потому что, когда папа на Новый год выпивает полтора бокала шампанского, он иногда танцует елочный танец на кухне с Лизеттой. Хотя для папы это самый обычный танец, не елочный.

— Прости, пап, я знаю, что сегодня за день! — крикнула Эльса, запрыгивая в джинсы, футболку и куртку и выбежала в коридор. — Погоди, я мигом! — И она сбежала вниз по лестнице.

Если бы папа не был таким неуверенным, он бы успел остановить ее. Но папа есть папа. Поэтому Эльса помчалась дальше.

Вчера вечером они спрятали ворса в «рено». У Эльсы была с собой огромная бадья с плюшками от Мод, и она приказала ворсу лечь под одеяла на заднем сиденье, если в гараж кто-то придет. «Притворись, что ты куча вещей, телевизор или что-то еще!» — сказала Эльса, но ворс скептически отнесся к возможности прикинуться телевизором. Потом Эльса взяла у Мод пакет с мечтами, и ворс на все согласился и залез под одеяла, и его стало можно принять за что угодно, только не за телевизор.

Повернувшись, он заскулил от боли, думая, что Эльса этого не заметит. И Эльса притворилась, что не заметила. Ворсы ужасно горды, они не любят, чтобы с ними сюсюкали только потому, что у них затекла нога.

Попрощавшись перед сном, Эльса в темноте поднялась наверх и остановилась возле квартиры мальчика с синдромом и его мамы. Она хотела позвонить в дверь, но не могла себя заставить. Хватит на сегодня

историй. Она не могла больше слушать о тенях и мраке. Поэтому просто бросила конверт в почтовую щель и убежала к себе.

С утра дверь в квартиру мамы с мальчиком была заперта. Как и все остальные двери в подъезде.

Сейчас такое время утра, когда все, кто проснулся, уже куда-то ушли, а те, кто никуда не ушел, просто еще не проснулись. Откуда-то сверху доносился голос Кента, практически шепот, — но у них в доме такая акустика. Эльса знает, что такое «акустика», это слово из словарной копилки. Она слышала, как Кент шепчет: «Да, да, обещаю, вечером буду у тебя». Но спустившись еще на один пролет, туда, где находились квартиры ворса, Волчьего Сердца и мальчика с синдромом, она услышала, как Кент вдруг повысил голос и почти закричал: «Yez Klaus! In Frankfurt! Yez, yez, yez!» После этого он обернулся и сделал вид, будто заметил Эльсу только что.

— Что это вы здесь делаете? — недоверчиво спросила она.

Кент попросил Клауса в трубке подождать — таким голосом, каким говорят с Клаусом, когда это вовсе не Клаус. Кент был одет в поло с цифрами и человечком верхом на лошади. Кент уже поведал Эльсе, что такое поло стоит больше тысячи крон. А бабушка говорила, что в этих поло самое замечательное то, что по человечку с лошадкой можно гарантированно определить: внутри этого поло — адский урод.

— Чего тебе? — недовольно поинтересовался Кент.

Эльса внимательно посмотрела на него. Затем на красные пластиковые миски с мясом, которые он расставлял на лестнице.

— Это что?

Кент взмахнул руками с такой силой, что трубка с Клаусом чуть не ударилась о стену.

— Этот бойцовый пес до сих пор здесь ошивается, снижает цену на жилье в кондоминиуме!

Эльса осторожно шагнула назад, не спуская глаз с красных мисок. Кент опустил руки, как будто понял, что выразился довольно неуклюже, и сделал новую попытку. Голосом человека, каким в его представлении мужчина возраста Кента должен объяснять нечто женщине возраста Эльсы, чтобы та поняла, о чем идет речь, он сказал:

— Понимаешь, детка, Бритт-Мари нашла на лестнице собачью шерсть. Мы же не можем допустить, чтобы злые собачки бегали по подъезду, правда, детка? Они ведь снижают стоимость жилья в нашем кондоминиуме.

Он улыбнулся так, как умный взрослый улыбается глупенькому ребенку, и покосился на телефон.

— Мы не собираемся убивать эту скоти... то есть собачку! Никто не собирается ее убивать. Мы просто ее немножечко усыпим. Хорошо? А потом отвезем в деревню, где она сможет шляться, где захочет, вместе с себе подобными. В общем, ты меня поняла. Правда? Здорово я придумал? А теперь будь умницей и беги к своей мамочке!

Быть умницей Эльса совершенно не собиралась. И ей совсем не понравилось, что на слове «деревня» Кент сделал пальцами воздушные кавычки.

— С кем это вы разговариваете по телефону? — спросила она.

— С Клаусом, это мой сослуживец из Германии, — ответил Кент таким голосом, как будто это был вовсе не Клаус.

— No problem, — сказала Эльса.

Кент прищурился так, будто пытался смотреть под водой.

— Ты еще меня будешь допрашивать!

Эльса пожалала плечами.

— Можно мне поговорить с *Клаусом*? — спросила она вызывающим тоном, сделав воздушные кавычки на Клаусе.

Она могла бы обойтись и без них, потому что словарный запас у Эльсы больше, чем у Кента.

— А ну-ка быстро беги домой к мамочке, — повторил Кент, на этот раз с некоторой угрозой в голосе.

Эльса не двигалась с места. Она посмотрела на миски:

— Это яд?

Кент сжал Клауса в кулаке.

— Послушай, детка, делай, что тебе говорят. Бродячие собаки вредны и опасны! А опасных животных уби... — Кент запнулся, потом набрал побольше воздуха и поправил себя: — С ними обращаются при помощи яда. У нас в подъезде опасных животных быть не должно, равно как в гараже не должно быть старых развалюх и подобной дряни. Это снижает стоимость жилья, и кто-то должен очистить недвижимость от этого мусора, иначе стоимость упадет! — заявил Кент с таким видом, как будто старается для всех.

Кент сказал про старую развалюху с таким подозрительным видом, что Эльсу охватили недобрые предчувствия, и она поспешила вниз. Сердце билось где-то в ладонях, когда она распахнула дверь гаража. По дороге наверх она падала на каждой ступеньке.

— ГДЕ «РЕНО»? ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ С «РЕНО»? — Эльса бросилась на Кента, размахивая кулаками. Она вырвала у него Клауса и швырнула вниз по ступенькам, так что экран отлетел от пластиковой оболочки и

наружу хлынула мини-лавина из микросхем.

— Ты что совсем... твою мать... какого... Да ты рехнулась, засранка чертова! Ты знаешь, сколько стоит такой телефон?! — в бешенстве заорал Кент и добавил, что телефон стоит восемь тысяч крон.

Эльса ответила, что ей на это плевать с высокой колокольни. И тогда Кент с садистским блеском в глазах рассказал в подробностях, что именно он сделал с «рено», «чтобы эта рухлядь не снизила стоимость!».

Про садизм Эльса читала в «Википедии».

Она помчалась вверх по лестнице, чтобы позвать папу, но внезапно остановилась этажом ниже. Вспотевшая Бритт-Мари стояла на пороге своей квартиры и как-то неуверенно складывала руки в замок то так, то сяк. Из кухни у нее за спиной доносился запах рождественских разносолов. На Бритт-Мари был жакет в цветочек с большой брошью на груди. Розового пейнтбольного пятна из-под нее почти не было видно.

Эльса посмотрела на нее большими жалобными глазами.

— Бритт-Мари, пожалуйста, не дайте Кенту убить его, он мой друг... — прошептала она.

Они встретились взглядами, и на мгновение в глазах Бритт-Мари мелькнуло сочувствие. Эльса была в этом уверена. Но снизу донесся голос Кента, который требовал еще яду, Бритт-Мари моргнула и снова стала обычной адской мымой.

— Завтра приедут дети Кента. Они боятся собак, — решительно сказала она.

Бритт-Мари разгладила невидимую складку на юбке и стряхнула с жакета невидимую пылинку.

— Завтра у нас будет традиционный рождественский ужин. С традиционной рождественской едой. Как у всех цивилизованных семей. Мы ведь не варвары какие-нибудь, как некоторые, — сухо продолжала она, ясно давая понять, что «некоторыми варварами» является семья Эльсы.

И захлопнула дверь. Эльса поняла, что папа вряд ли сможет решить эту проблему, потому что неуверенность — это не самая подходящая суперспособность в такой ситуации. Необходимо подкрепление.

Она колотила в дверь не меньше минуты, прежде чем из квартиры послышались шаркающие шаги Альфа. Он открыл дверь, держа в руке чашку с кофе, от которого пахло так, что наверняка можно воткнуть туда ложку и она будет стоять как вкопанная.

— Я сплю, — буркнул Альф.

— Он хочет убить «рено»! — всхлипнула Эльса.

— Убить? Хрена тут убивать, это просто машина, — зевнул Альф и отхлебнул из чашки.

— Это не всего лишь машина! Это «рено»! — Эльса задохнулась от бешенства.

Альф отхлебнул из чашки. В уголке глаза едва заметно дергалась небольшая морщинка. Виски напряглись.

— Какой хрен тебе сказал, что убьет «рено»? — задумчиво спросил он.

— Кент!

Не успела Эльса сказать, кто спрятан на заднем сиденье «рено», как Альф поставил чашку, обулся и помчался по лестнице. Немного погодя внизу послышались разъяренные голоса Альфа и Кента, они орали так, что Эльса втянула голову в плечи. До нее доносились всевозможные ругательства, Кент что-то орал про кондоминиум и про то, что в гараже недопустимо держать «ржавую рухлядь», потому что люди подумают, будто в доме живут «социалисты». Социалисты в понимании Кента были синонимом дебилов. После чего Альф заорал на Кента и назвал его дебиллом, потому что Альф называет вещи своими именами, он человек прямой.

В следующий миг Альф уже топал вверх по лестнице, бормоча и свирепо вращая глазами.

— Этот гребаный урод нанял гребаный эвакуатор.

— Знаю! А на заднем сиденье прятался ворс! — сокрушалась Эльса.

Брови Альфа подскочили и спрятались в складке на лбу.

— Твой папаша здесь? Я видел его чертову «ауди» из окна.

Эльса кивнула. Альф молча взлетел по лестнице и некоторое время спустя, несмотря на папино сопротивление, они уже сидела в Альфовом такси.

— Не уверен, что я хочу в этом участвовать, — сказал папа.

— Кто-то должен сесть за руль, когда мы повезем обратно чертов «рено», — пробурчал Альф.

— Как мы узнаем, где его искать? — спросила Эльса, пока папа старался придать лицу уверенное выражение.

— Я тридцать лет за баранкой! — гаркнул Альф.

— И? — недоумевала Эльса.

— И я знаю, куда могут отвезти на эвакуаторе! — огрызнулся Альф.

И обзвонил всех знакомых таксистов. А у Альфа все таксисты знакомые.

Двадцать минут спустя они остановились за городом на автосвалке, и Эльса всем телом обняла капот «рено» — облаконя иначе не обнимешь. На заднем сиденье происходило крайне недовольное шевеление псевдотелевизора, который считал, что его должны обнять в первую очередь. Но если тебе почти восемь и ты забыл ворса на заднем сиденье «рено», то ты гораздо больше переживаешь не за самого ворса, а за бедного автостарьевщика, который его там обнаружил.

Альф слегка поскандалил с толстым старьевщиком насчет выкупа за «рено». Затем не слегка поскандалил с Эльсой, которая не сказала, что у нее нет ключа от машины. Толстяк обошел вокруг «рено» и, почесав макушку, пробормотал:

— Мопеда здесь не видали, твою мать? Утром еще стоял на этом самом месте, чтоб я сдох!

И после этого Альф договорился с толстяком о сходной цене, по которой «рено» отбуксируют обратно к дому. Наконец папа расплатился.

Это был лучший подарок в жизни Эльсы. Даже лучше красного маркера. Когда она сообщила об этом папе, тот выглядел чуть менее неуверенным, чем обычно.

Альф внимательно следил за тем, чтобы «рено» поставили на бабушкино парковочное место, а не на место Бритт-Мари. Эльса познакомила папу с ворсом — вид у папы был такой, будто ему собираются проходить канал перед пломбировкой. Ворс посмотрел на папу довольно надменно. Слишком надменно, подумала Эльса и спросила, зачем он сожрал мопед старьевщика. Тогда ворс сменил выражение морды и забрался под одеяла на заднем сиденье с таким видом, будто хотел сказать, что, мол, были бы плюшки, я бы не стал жрать мопед. Эльса ответила, что это равносильно краже. Немного погуглив в папином айфоне, она уточнила, что это является «незаконным захватом транспортного средства». Но ворс притворился спящим.

— Трус, — буркнула Эльса.

К несказанному папиному облегчению, Эльса разрешила ему подождать ее в «ауди». Затем они с Альфом собрали все красные миски с ядом, расставленные по подъезду, и сложили их в большой черный пакет.

— Не забудьте рассортировать мусор — распорядился Альф, стоя на пороге у Кента и Бритт-Мари, и Эльса швырнула пакет к ним в прихожую с такой силой, что от сквозняка с табуретки разлетелась кипа газет с кроссвордами.

Эльса улыбнулась Бритт-Мари, сложив руки в замок.

— В нашем кондоминиуме принято сортировать мусор. И эти правила касаются всех! — сообщила Эльса. Очень благожелательно.

Кент крикнул им вслед, что яд, черт побери, стоил шестьсот крон. Бритт-Мари просто молчала.

Наконец папа и Эльса отправились за искусственной елкой. Потому что Бритт-Мари не права, никакие они не варвары, совсем наоборот. В Миамасе варварами называют людей, которые калечат елки и продают их в рабство. Все нормальные люди это знают — если они не светлые головы, конечно.

— Триста крон, — сказала Эльса продавцу.

— Девочка, это магазин, здесь не торгуются, — ответил продавец, как и полагается продавцу в магазине.

— No problem! — ответила Эльса.

— Елка стоит четыреста девяносто пять крон.

— Даем триста пятьдесят.

Продавец язвительно усмехнулся:

— Де-во-чка, я тебе ясно сказал: это магазин, здесь не тор...

— Двести!

Продавец посмотрел на папу. Папа пялился на свои ботинки. Эльса посмотрела на продавца, укоризненно покачав головой:

— Папа вам не поможет. Двести и ни кроной больше!

Продавец сложил губы трубочкой, как будто умилялся хорошеньким, но глупеньким деткам.

— Ничего не получится, девочка.

Эльса пожала плечами.

— Неделю назад я заказывала эту елку по телефону.

— Знаю. Но это магазин, здесь не торгуются, дево...

— Во сколько вы закрываетесь? — небрежно спросила Эльса.

— Через пять минут, — вздохнул продавец.

— У вас большой склад?

— При чем тут это?

— Просто спрашиваю.

— Нет, у нас нет склада.

Продавец посмотрел на Эльсу. Эльса посмотрела на продавца.

— Вы работаете в Рождество?

— Нет.

Эльса изобразила удивление.

— Значит, у вас есть елка. И нет склада. А завтра у нас что, дорогой

друг?

Продавец отдал елку за двести крон. В придачу Эльса получила гирлянду для балкона и огромного пластикового лося.

— И не смей возвращаться сюда и доплачивать! — Эльса погрозила папе пальцем, пока тот грузил покупки в багажник «ауди».

Папа тяжело вздохнул:

— Эльса, это было один раз в жизни. Один-единственный. Ты тогда исключительно невежливо обошлась с продавцом.

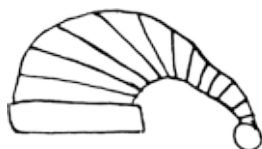
— Надо уметь договариваться!

Это бабушка ее научила. Папа ненавидел ходить по магазинам с бабушкой.

«Ауди» затормозила возле подъезда. Папа, как обычно, убавил звук, чтобы Эльсе не пришлось слушать его диски. Альф вышел им навстречу и предложил помочь донести покупки, но папа ему не дал. Потому что это традиция — купить елку для своей дочери. Эльса уже собралась, пока папа не ушел, сказать ему, что ей бы хотелось проводить у него больше времени, когда родится Полукто. Но стало жалко расстраивать папу, поэтому она ничего не сказала. Только шепнула: «Спасибо за елку, пап». И довольный папа уехал домой к Лизетте и ее детям. А Эльса стояла и смотрела ему вслед.

Потому что если ничего не говорить, то никого не расстроишь. Это знают все почти восьмилетние дети.

26. Пицца

В Миамасе празднуют не сочельник, а ночь накануне, потому что именно в эту ночь рассказываются все рождественские сказки. Сказки в Миамасе ценят на вес золота, а рождественские сказки — особенно. Обычная сказка может быть смешной или грустной, страшной или увлекательной, драматичной или сентиментальной, а рождественская должна совмещать в себе все. «Здесь нужно использовать все краски», — любила говорить бабушка. И конец должен быть непременно счастливым. Иначе зачем нужна такая сказка!

А если в начале сказки на стене возле замка сидит дракон, значит, в конце он непременно на тебя набросится. И все будет очень плохо, а потом еще хуже. Так устроены все хорошие сказки.

Значит, предстоит сражаться, а сражаться Эльса устала. Но кончится все хорошо.

Наверняка.

Эльса спустилась по лестнице, думая о том, как же ей не хватает запаха пиццы. Бабушка говорила, что в Миамасе есть закон, по которому на Рождество все непременно должны есть пиццу. Бабушка много чего выдумывала, но Эльса делала вид, будто верит, потому что любила пиццу и потому что если ты вегетарианец, то рождественские угощения для тебя полный отстой.

К тому же плюс пиццы в том, что ее запах приводит в бешенство Бритт-Мари. Накануне Рождества она вешает на дверной косяк их с Кентом квартиры елочную гирлянду, потому что приедут дети Кента и Бритт-Мари хочет «немного украсить лестничную клетку ради всеобщего блага», — она каждый раз благожелательно объясняет это маме с Джорджем. И от гирлянды весь год пахнет пиццей, жалуется Бритт-Мари, называя бабушку «нецивилизованной».

«И эта старая карга называет меня нецивилизованной! Да я самый цивилизованный в мире человек!» — фыркала бабушка во время традиционного ночного рейда по развешиванию крошечных кусочков кальцоне на гирлянде Бритт-Мари. А когда рождественским утром Бритт-

Мари поднималась к маме с Джорджем злая как черт и на нервной почве повторяла все сказанное по два раза, бабушка оправдывалась, что это специальная елочная пицца, она «просто хотела немного украсить лестничную клетку ради всеобщего блага». Однажды бабушка случайно уронила целую пиццу кальцоне прямо в почтовую щель Кента и Бритт-Мари, и тогда на следующее утро Бритт-Мари так разозлилась, что забыла нацепить брошку на цветастый жакет.

По правде говоря, никто никогда так и не смог понять, как можно нечаянно уронить целую пиццу.

В почтовую щель.

Эльса стояла на лестнице и, как велела мама, следила за дыханием, потому что была очень зла. Мама делает все то, чего никогда не делала бабушка. Например, просит Эльсу пригласить Бритт-Мари и Кента, а также всех остальных соседей на рождественский ужин. Бабушка бы такого никогда не сделала. «Только через мой труп!» — крикнула бы она. Надо сказать, что теперь это свершилось в буквальном смысле слова, думала Эльса. И все-таки. Дело в принципе. Так бы сказала бабушка, будь она здесь. Хотя бабушка ненавидела принципы. В особенности чужие.

Но именно сейчас Эльса не могла отказать маме, потому что та после долгих уговоров разрешила спрятать ворса в квартире у бабушки на время Рождества. Отказать маме, которая разрешает привести домой ворса, практически невозможно, несмотря на то что она вздыхает и говорит, будто Эльса преувеличивает, обвиняя Кента в том, что тот хочет убить его.

Почти сразу выяснилось, что ворс откровенно недолюбливает Джорджа, и это несказанно обрадовало Эльсу. Даже не потому, что ей хотелось, чтобы Джорджа ненавидел хоть кто-то — а просто ради разнообразия.

Мальчик с синдромом и его мама собирались переехать в бабушкину квартиру. Эльса это знала, потому что все утро они с мальчиком играли в «найди ключ», пока мама, Джордж, Альф, Леннарт, Мод и мама мальчика сидели на кухне и обсуждали какую-то тайну. Они, конечно, это отрицали, но Эльса-то знает, каким голосом обсуждают тайны. Это знает каждый, кому почти восемь. Эльса ненавидит, что у мамы от нее есть тайны. Если знаешь, что от тебя что-то скрывают, то чувствуешь себя идиотом, а чувствовать себя идиотом не любит никто.

Уж маме-то следовало бы это понимать. Как никому другому.

Ясное дело, они говорят о том, что квартиру бабушки будет проще защитить, если придет Сэм. Не потому, что они произносили вслух его имя,

просто Эльса не дурочка, ей скоро восемь. Она знает, что рано или поздно Сэм придет, и мама хочет собрать всю бабушкину армию на верхнем этаже, хотя мама никогда и не называла ее армией. Эльса с ворсом как раз были у Леннарта и Мод, когда пришла мама и как бы мимоходом попросила их собрать «только самое необходимое». И тогда Мод с ворсом упаковали в большие сумки все банки с печеньем. Увидев это, мама, вздохнув, сказала: «Мод, милая, я же сказала, только самое необходимое!» Тогда Мод в недоумении посмотрела на маму и сказала: «Но печенье — это и есть самое необходимое».

Ворс заурчал, выражая поддержку, и, посмотрев на маму взглядом скорее разочарованным нежели злым, демонстративно положил в сумку еще одну банку с шоколадно-ореховым печеньем. Затем они отнесли это все в бабушкину квартиру, и Джордж угостил всех глёмом. Ворс выпил больше всех.

И вот теперь все сидят на кухне и шушукуются. Эльса знает, ведь ей скоро восемь.

Эльса позвонила в дверь Бритт-Мари и Кента, украшенную елочной гирляндой, но никто не открыл. Она спустилась вниз и застала Бритт-Мари возле двери в подъезд. Сложив руки в замок, Бритт-Мари безутешно таранилась на детскую коляску, которая так и стояла, пристегнутая к перилам. На Бритт-Мари был цветастый жакет с брошкой. На доске объявлений висела новая записка.

На первой было написано, что оставлять коляски на лестничной клетке запрещено. Кто-то снял ее. И вот появилась новая записка. Коляска по-прежнему была там. Подойдя ближе, Эльса поняла, что это не записка. Это кроссворд.

Увидев Эльсу, Бритт-Мари вздрогнула.

— Так-так, все понятно, это новая выдумка твоей семейки! Все понятно!

Эльса помотала головой:

— А вот и не все.

Стряхнув с жакета невидимые пылинки, Бритт-Мари улыбнулась весьма благожелательно, но без малейшей благожелательности, как умеет только она одна.

— Понимаю, вы думаете, это смешно. Ты и твоя семья. Выставлять других жильцов на посмешище. Но я докопаюсь до истины и найду виноватых, можете не сомневаться. Коляски на лестнице создают пожароопасную ситуацию! Как и записки на стенах! Бумага может

загореться!

Бритт-Мари расправила невидимую складку на юбке и стерла с брошки несуществующее пятно.

— Ошибаетесь, я вам не идиотка. Я знаю, что вы говорите у меня за спиной в нашем кондоминиуме, я все знаю!

В этот момент что-то странное произошло у Эльсы внутри — наверное, так подействовало сочетание слов «идиотка» и «за спиной». Словно она нечаянно съела что-то противное, едкое и зловонное. Лишь немного погодя она с отвращением осознала, что это симпатия.

К Бритт-Мари.

Никто не хочет чувствовать себя идиотом.

Эльса не стала говорить Бритт-Мари о том, что стоит попробовать хотя бы иногда забывать о роли адской мымры, если она хочет, чтобы люди с ней нормально общались. И о том, что у них не кондоминиум. Лишь переступила через свою гордость и тихо пробормотала:

— Мама с Джорджем приглашают вас с Кентом к нам домой на рождественский ужин. Придут все жильцы. Ну или почти все.

Что-то неуловимое проскользнуло во взгляде Бритт-Мари, всего на мгновение. Эльсе показалось, будто она уже видела это сегодня утром, когда вдруг поняла, что Бритт-Мари вовсе не хочет отравить ворса. Но Бритт-Мари, моргнув, сказала:

— Вот, значит, как. Но я не могу решать такие вопросы впопыхах, пока Кент на работе, ведь некоторым в этом доме еще надо ходить на работу. Так и передай своей маме. Не все гуляют с утра до вечера даже на Рождество. А завтра к нам приедут дети Кента, вряд ли у них есть желание бегать туда-сюда по чужим домам, они хотят побыть с нами. У нас будет рождественский стол, как у всех цивилизованных людей. Да-да. Так своей маме и передай!

Бритт-Мари стряхнула со своего жакета столько невидимых крошек, что хватило бы на целый невидимый батон хлеба, и решительно зашагала вверх по лестнице, не дожидаясь ответа.

Эльса трясла головой и тихо повторяла: «Мымра, мымра, мымра!» Она взглянула на кроссворд, висевший на стене над детской коляской. Эльса не знала, чьих это рук дело, — жаль, что не ее, потому что это явно приводило Бритт-Мари в полное бешенство.

Эльса поднялась по лестнице и позвонила в дверь к женщине в черной

юбке. Сегодня на женщине были джинсы. Она выглядела усталой в хорошем смысле этого слова.

— Завтра у нас рождественский ужин. Приходите в гости. Будет хорошо, Бритт-Мари и Кент не придут.

Женщина в джинсах провела рукой по волосам и поежилась, словно от холода.

— Нет... нет, я... мне не очень комфортно с людьми. Эльса кивнула.

— Знаю. Вам, похоже, и в одиночестве не очень комфортно.

Женщина смерила ее долгим взглядом. Эльса не отводила глаза. Наконец у женщины вздрогнули уголки губ.

— Я... возможно, я загляну. Ненадолго...

— Мы можем купить пиццу! Ну, знаете, на всякий случай, если вы вдруг не любите рождественскую еду, — с надеждой сказала Эльса.

Женщина улыбнулась. Эльса тоже.

Как только Эльса вернулась наверх, из бабушкиной квартиры вышел Альф. Вокруг него с довольным видом носился мальчик с синдромом. В руках у Альфа был огромный ящик для инструментов, который он тщетно попытался спрятать при виде Эльсы.

— Что это ты тут делаешь? — спросила Эльса.

— Ничего, — уклончиво ответил Альф.

Мальчик с синдромом запрыгнул в Эльсину квартиру и взял курс на блюдо с рождественскими мармеладными гномами. Альф собирался как ни в чем не бывало спуститься к себе, но Эльса преградила ему дорогу.

— Это что? — спросила она, кивая на ящик для инструментов.

— Ничего! — повторил Альф, пряча ящик за спиной.

Эльса почувствовала явственный запах стружек.

— Так я тебе и поверила! — обиделась она.

Эльса изо всех сил старалась не чувствовать себя идиоткой. Получалось так себе.

Заглянув к маме с Джорджем, она посмотрела на мальчика с синдромом. Он был счастлив безграничным счастьем почти семилетнего человека, который видит перед собой целое блюдо мармеладных гномов. Интересно, он ждет настоящего, не мармеладного рождественского гнома? Эльса была почти уверена. Сама она в гнома не верит, но верит в тех, кто еще не потерял свою веру. Раньше она каждое Рождество писала гному письмо — не список подарков, а именно письмо. О Рождестве там было довольно мало, зато много о политике. Эльса считала, что гном уделяет

недостаточно внимания актуальным социальным проблемам, и сочла важным указать ему на это в своем письме, не похожем на миллионы жадных и подхалимских посланий, которые тот получает от детей со всего мира. Должен же хоть кто-то проявить сознательность. А однажды она видела рекламу «Кока-колы» с участием рождественского гнома и написала ему, что это «форменное надувательство». Еще как-то раз она смотрела по телевизору документальный фильм про использование детского труда, после которого показали несколько американских комедий о Рождестве. Поскольку Эльса не была уверена в том, как соотносятся гномы и эльфы из древнескандинавской мифологии, а также эльфы Толкиена и те, которых в обыденной жизни так называют из-за низкого роста, она потребовала от рождественского гнома немедленных объяснений на этот счет.

На это гном промолчал, и Эльса написала вдогонку еще одно очень длинное и очень сердитое письмо, в котором между строк читалось, что гном настоящий трус. Когда год спустя Эльса научилась пользоваться Гуглом, она узнала истинную причину гномового молчания: никакого гнома не существовало. И тогда она перестала писать письма.

Эльса случайно проговорила об этом маме и бабушке. Мама была так потрясена, что поперхнулась глёмом, а когда это увидела бабушка, она тотчас притворилась еще более потрясенной и воскликнула: «Эльса, разве можно так говорить! Не гневи реальность!»

Мама не засмеялась, но бабушку это совсем не расстроило, тем более что Эльса хохотала за двоих. В тот год Эльса получила-таки ответ от рождественского гнома, который писал, что она «слишком много о себе воображает», а далее следовала длинная тирада, начинавшаяся словами «неблагодарная засранка» и кончавшаяся тем, что, поскольку Эльса перестала верить в эльфов, им в этом году не продлили коллективный договор.

— Я знаю, это писала ты! — буркнула Эльса бабушке.

— Откуда? — язвительно поинтересовалась бабушка.

— Даже гном не настолько безграмотен, чтобы писать «коллективный» через А!

Тогда бабушка попросила прощения, уже совсем не язвительно. И велела Эльсе сбегать в магазин за зажигалкой, за что пообещала ей «засечь время». Но на этот раз Эльса не позволила себя провести.

Тогда бабушка хмуро напялила на себя новый костюм рождественского гнома и они вместе поехали в детскую больницу, где работал бабушкин знакомый. Весь день бабушка ходила по палатам, рассказывая сказки тяжелобольным детям, а Эльса раздавала игрушки. Вот это было

Рождество! Мы превратим его в традицию, пообещала бабушка, но получилось не очень, поскольку она взяла и умерла.

Эльса посмотрела на мальчика с синдромом. Затем на Альфа. Увидев блюдо с шоколадными зайцами, мальчик пошел дальше, в глубь квартиры, а Эльса проскользнула в прихожую, открыла сундук и достала оттуда костюм гнома. Выйдя на лестницу, она вручила костюм Альфу.

Тот посмотрел на него так, будто костюм только что пытался его пощекотать.

— Это что?

— А на что похоже?

— Даже не думай! — Альф грозно взглянул на Эльсу и сунул костюм ей в руки.

— Даже не думай отвертеться! — сказала Эльса и сунула костюм обратно.

— Твоя бабушка говорила, что ты не веришь в рождественских гномов, — проворчал Альф.

Эльса закатила глаза.

— На мне свет клином не сошелся.

Она посмотрела в глубь квартиры. Мальчик с синдромом сидел на полу перед телевизором. Альф поглядел на него и хмыкнул:

— А почему Леннарт не может быть гномом?

— Потому что Леннарт не может что-то делать тайком от Мод, — нетерпеливо объяснила Эльса.

— Ну и что?

— А то, что Мод не умеет хранить секреты!

Альф, прищурившись, посмотрел на Эльсу. Мод действительно не умеет хранить секреты, даже если их скотчем приклеить к ее ладоням. Накануне Джордж играл в «найди ключ» с мальчиком с синдромом и Эльсой, и, проходя мимо, Мод шепнула: «Поищите в вазе на книжной полке!» Когда мама сказала Мод, что весь смысл игры в том, чтобы самим догадаться, где спрятан ключ, Мод расстроилась и ответила: «Им так хотелось найти ключ, я просто хотела немного помочь».

— Решено: гномом будешь ты, — отрезала Эльса.

— Почему не Джордж?

— Он слишком высокий. К тому же его сразу можно узнать, потому что он наденет поверх гномовского костюма шорты для бега.

Похоже, и этого аргумента Альфу было недостаточно. Он с недовольным видом вышел на лестницу, потом вернулся в прихожую и

внимательно заглянул в сундук, как будто там могло быть спрятано решение проблемы. Но ничего, кроме постельного белья и Эльсиного костюма Человека-паука, там не было.

— А это что? — спросил Альф, притрагиваясь к костюму так осторожно, будто тот вот-вот сам до него дотронется.

— Это мой костюм Человека-паука, — недовольно сказала Эльса, собираясь закрыть крышку.

— Когда его надевают? — спросил Альф, будто ожидал услышать в ответ дату ежегодного праздника Человека-паука.

— Я надену его после каникул. Нам так в школе велели. — Эльса с грохотом захлопнула сундук.

Альф с равнодушным видом держал в руках костюм гнома. Эльса застонала.

— Если так хочешь знать, я не смогу надеть этот костюм, потому что девочка не может быть Человеком-пауком!

Вообще-то Альф не так уж и хотел знать. Но Эльса все-таки продолжила:

— Да плевать мне на это, надоело каждый день драться!

Альф уже вышел на лестницу. Эльса старательно сглатывала рыдания, чтобы Альф не услышал. Но, кажется, тщетно. Потому что Альф остановился. И сжал в руке костюм гнома. Вздохнул. Буркнул что-то себе под нос.

— Что? — раздраженно переспросила Эльса.

Альф снова тяжело вздохнул.

— Думаю, твоя бабушка была бы рада, если бы ты надела на себя то, что хочешь, черт побери, — рявкнул он, не оборачиваясь.

Эльса сунула руки в карманы и уставилась в пол.

— В школе говорят, что девочка не может быть Человеком-пауком...

Альф зашаркал вниз по ступенькам. Остановился. Взглянул на Эльсу:

— Думаешь, эти паршивцы смогли бы так сказать твоей бабушке?

Эльса покосилась на Альфа:

— Она что, наряжалась Человеком-пауком?

— Нет.

— Тогда о чем речь?

— Она наряжалась врачом.

Эльса отвела взгляд.

— Ей говорили, что она не может работать врачом? Потому что она женщина?

Альф одной рукой поправил что-то в ящике с инструментами и

запихнул туда костюм гнома.

— Да небось поучали, как надо, а как не надо, твою мать. Только она плевать хотела. Раньше, до ее рождения, бабам и голосовать не разрешали, а они все равно сделали по-своему. Эти паршивцы так и будут тебя учить, что можно, а что нельзя. Наплюй и разотри.

Эльса изучала свои ботинки. Альф изучал ящик с инструментами. Вернувшись в прихожую, Эльса взяла пару мармеладных гномов. Одного съела сама, другого бросила Альфу. Тот поймал свободной рукой. Пожал плечами.

— Черт побери, да твоя бабушка только порадовалась бы, что ты надела что сама хочешь!

Эльса кивнула. Альф что-то буркнул и ушел. Внизу хлопнула дверь, послышались звуки итальянской оперы. Эльса заглянула в прихожую, взяла блюдо с мармеладными гномами, позвала с собой мальчика с синдромом и ворса. Они пошли в бабушкину квартиру и залезли в волшебный шкаф, который перестал расти, когда бабушка умерла. Пахло стружками. Каким-то непостижимым образом шкаф вырос ровно настолько, чтобы вместить ворса и двоих детей.

Мальчик с синдромом прикрыл глаза, и Эльса взяла его с собой в Просонье. Они пролетают над шестью королевствами, и, когда сворачивают по дороге к Мимовасу, мальчик узнает местность. Он спрыгивает с облаконя и бежит. У городских ворот музыкант подхватывает его, и он начинает кружиться в танце. Он танцует чудесно. И Эльса танцует вместе с ним.

Какая разница, что мальчики не умеют говорить, если они так чудесно танцуют.

27. Глэг

Посреди ночи ворс разбудил Эльсу, потому что ему нужно было в кусты. Ну хорошо, не совсем посреди ночи. Просто так кажется, потому что на улице уже темно. Эльса пробормотала, что не надо было пить перед сном столько глэга. Ворс дал понять, что приличные ворсы в такой ситуации могут пописать на шарф Гриффиндора, после чего Эльса схватила шарф и несмотря ни на что согласилась вывести его на прогулку.

Выйдя из шкафа, они увидели, что мама Эльсы и мама мальчика с синдромом стелют постели в гостиной.

— Он просится на улицу, — устало сказала Эльса.

Мама недовольно кивнула.

— Возьми с собой Альфа, — попросила она.

Мама мальчика улыбнулась ей, уронив подушку, которую пыталась заправить в наволочку. Нагнувшись за подушкой, уронила наволочку. И очки. Подняв вещи с пола, она выпрямилась и снова улыбнулась Эльсе.

— Мод сказала, что, видимо, это ты вчера принесла нам письмо от бабушки.

Эльса разглядывала свои носки.

— Я хотела позвонить, но не хотела... Как бы не хотела мешать.

Мама мальчика улыбнулась. И уронила наволочку.

— Она просит прощения. Бабушка то есть.

— Знаю, она у всех просит прощения.

Мама мальчика подняла наволочку.

— Она просит прощения за то, что больше не может нас защитить. И говорит, что на тебя можно положиться. Всегда. А еще она передает, что ты тоже можешь на меня положиться.

Она уронила подушку. Эльса перешагнула порог и подняла ее. Посмотрела на маму мальчика:

— Можно вам задать один вопрос, не совсем вежливый?

— Конечно, — ответила мама мальчика, уронив очки в наволочку.

Эльса ковыряла свою ладонь.

— Как можно жить в постоянном страхе? Как жить, если знаешь, что тебя преследует Сэм, как с этим жить?

— Эльса, милая... — прошептала Эльсина мама, виновато улыбаясь маме мальчика, но та лишь махнула рукой, мол, ничего страшного.

Это привело к тому, что наволочка с очками улетела в другой конец комнаты и приземлилась на ворса, который сидел на пороге, держась лапами за мочевой пузырь. Эльса подняла наволочку. Мама мальчика благодарно улыбнулась, надевая очки.

— Твоя бабушка говорила, что иногда нужно рисковать, иначе ты не человек, а грязь под ногтями.

— Она украла это из «Братьев Львиное Сердце».

— Знаю.

Мама мальчика, улыбаясь, перевела взгляд на Эльсину маму, как будто хотела сменить тему. Скорее ради Эльсы, а не ради себя.

— Вы уже знаете, кто у вас будет? — спросила она, показывая на живот и одновременно роняя очки.

Смущенно улыбувшись, Эльсина мама покачала головой:

— Узнаем, когда родится.

— Это будет Полукто, — сказала Эльса, стоя на пороге.

Ее мама опустила глаза:

— Да. Мы пока не узнавали пол. Джордж не хочет... ну... вы понимаете. Мы будем рады в любом случае!

Мама мальчика оживленно закивала головой.

— Я тоже узнала пол, только когда сын родился. Я хотела узнать все сразу!

Мама Эльсы вздохнула с облегчением. Так бывает, когда ждешь ребенка: все небеременные считают своим долгом задавать тебе вопросы о предстоящих родах таким тоном, какой обычно бывает на допросе у следователей из отдела по борьбе с наркоторговлей. Мама широко улыбнулась:

— Да, я тоже так считаю. Какая разница, кто, — главное, чтобы ребенок родился здоровым!

В ту же секунду мамино лицо виновато дернулось. Она посмотрела в сторону шкафа, где спал мальчик с синдромом.

— Извините. Я не хотела сказать, что... — пролепетала мама, но мама мальчика тотчас ее перебила:

— Что вы, не стоит. Ничего страшного. Я знаю, что люди говорят. Но он абсолютно здоров. Просто в нем всего в избытке, если можно так

сказать.

— Люблю, когда все в избытке! — радостно воскликнула Эльса. Но сразу смутилась, прокашлялась и тихо добавила: — Если это, конечно, не вегетарианский бургер. Потому что помидоры в нем лишние.

И вдруг мамы начали хохотать так, что стены тряслись от смеха. И стало ясно, что смех нужен им сейчас больше всего на свете. Вообще-то Эльса не собиралась никого смешить, но надо признать, получилось неплохо.

Альф поджидал их на лестнице. Интересно, как он узнал? На улице было так темно, что если бросить снежок, то потеряешь его из виду, как только отпустишь. Они тихонько прокрались под окнами Бритт-Мари, чтобы та не заметила ворса, и не отходили от дома, даже завернув за угол, куда темнота не могла запустить свою лапу. Ворс пятился в кусты, давая понять, что не отказался бы от газетки, чтобы скоротать время. Эльса и Альф деликатно отвернулись.

Эльса прокашлялась.

— Спасибо, что помог мне с «рено».

Альф хмыкнул. Эльса сунула руки в карманы.

— Кент ужасный придурок. Его самого нужно от-ра-вить!

Альф медленно повернул голову:

— Не говори так.

— Почему это?

— Нельзя так говорить, черт побери.

— Почему? Он же правда придурок!

— Может, и правда. Только при мне его так не называй.

Эльса фыркнула:

— Ты сам все время зовешь его «чертовым идиотом»!

Альф кивнул:

— Мне можно. А тебе нет.

Эльса с негодованием взмахнула руками и плюнула в снег. По крайней мере, ей казалось, что негодование выглядит именно так.

— С какой стати?

Куртка скрипнула.

— Потому что я имею право так говорить о своем младшем брате. А ты нет.

Прошло много разнообразных вечностей, прежде чем Эльса смогла переварить информацию.

— Я не знала, — выдавила она наконец.

Альф хмыкнул. Эльса прокашлялась.

— Раз вы братья, почему вы тогда все время ругаетесь?

— Люди себе братьев не выбирают, — буркнул Альф.

Эльса не знала, что на это сказать. Она думала про Полукого. Ее обуревали мрачные мысли, и она решила сменить тему.

— Почему у тебя нет подружки? — с неподдельным любопытством спросила она.

— Не твое дело, — с неподдельной неприязнью ответил Альф.

— Ты когда-нибудь был влюблен?

Куртка скрипнула, Альф разочарованно посмотрел на Эльсу:

— Я взрослый человек, твою мать. Конечно, был. Все когда-нибудь, черт побери, были влюблены.

— Сколько тебе было?

— В первый раз?

— Да.

— Десять.

— А во второй?

Куртка скрипнула снова. Взглянув на часы, Альф двинулся к подъезду.

— Не было никакого второго раза.

Эльсе хотелось задать еще много вопросов. Но тут-то они его и услышали. Точнее, первым услышал ворс. Крик. Вылетев из кустов, ворс черным копьём метнулся в темноту. Раздался лай. Эльса и раньше слышала, как он лает, но теперь поняла, что это были цветочки. Жалкое тьяканье по сравнению с тем, что было сейчас. От этого громового лая дребезжали мозги и сотрясались бетонные стены. Это был не лай, а боевой клич ворса.

Мгновение — и Эльса оказалась на месте. Бегаёт она быстрее, чем Альф.

В паре метров от подъезда стояла побелевшая от ужаса Бритт-Мари. В снегу валялся пакет с покупками. Из него выкатились леденцы на палочке и комиксы. На расстоянии вытянутой руки от нее стоял Сэм. Эльса не видела его лица, но страх, парализовавший Бритт-Мари, ей был знаком. В руке у Сэма блеснул нож.

Между ними стоял ворс, подняв хвост кверху, словно хлыст, в попытке защитить Бритт-Мари. Передние ноги уперлись в снег, как бетонные сваи, зубы поблескивали. Сэм замер, он обдумывал ситуацию. Затем медленно повернулся к Эльсе, взгляд его дробил позвоночник в труху. Эльса

почувствовала, что колени вот-вот подогнутся, она рухнет в снег и исчезнет. Лезвие ножа переливалось в рассеянных конусах света, падавших от уличных фонарей. Рука была неподвижна, вся его фигура излучала тихую ненависть. Холодный злой взгляд впился в Эльсу. Хотя нож был направлен в другую сторону.

Тяжкое дыхание Бритт-Мари пульсировало в темноте. Она всхлипнула. Откуда берутся инстинкты, а может, отвага или просто безрассудство? Бабушка всегда говорила, что они с Эльсой немного того и когда-нибудь за это поплатятся.

Эльса внезапно сорвалась с места и бросилась к Сэму. Рука с ножом опустилась, другая рука, словно гигантский коготь, взлетела вверх, чтобы схватить Эльсу на бегу. Но тщетно.

Эльса наткнулась лицом на что-то сухое и черное. Почувствовала запах кожи. Услышала скрип куртки.

Альф стоял перед Сэмом, с вызовом глядя ему в глаза. Эльса следила за его правой рукой. Альф достал из кармана молоток. И покачал им в воздухе. Нож был неподвижен. Альф и Сэм сверлили друг друга взглядами.

Эльса потеряла счет времени. Прошло немало сказочных вечностей. А может быть, даже все. Кажется, она успела умереть. Ужас разорвал ее сердце.

— Полиция скоро будет, — наконец тихо произнес Альф.

Кажется, он почти пожалел об этом. О том, что они не могут покончить с делом прямо здесь и сейчас.

Сэм перевел ледяной взгляд с Альфа на ворса. Шерсть у королевского стража стояла дыбом. Из пасти доносилось громовое рычание. Губы Сэма растянула улыбка, это длилось невыносимо долго. Он отступил назад и исчез во мраке.

В темноте вспыхнули фары полицейского автомобиля, но Сэм был уже далеко. Эльса упала в снег, словно вывалившись из одежды, как из футляра, который остался стоять в той же позе. Сильные руки Альфа подняли ее, он шепотом приказал ворсу скрыться в подъезде, пока его не застала полиция. Послышалось тяжелое дыхание Бритт-Мари и хруст снега под ногами полицейских. Но сама она была уже где-то не здесь.

Эльсе стало ужасно стыдно: от страха она просто закрыла глаза и ушла в себя. Рыцарям Миамаса страх нипочем. Они гордо смотрят в лицо опасности, а не проваливаются в забытье. Но Эльса ничего не могла поделать.

Когда тебе почти восемь, трудно переварить столько реальности зараз.

И даже если тебе почти сколько угодно еще.

Эльса проснулась в бабушкиной кровати. В спальне было жарко. Ворс лежал уткнувшись носом в ямочку у нее на ключице. Эльса погладила его по голове.

— Ты очень храбрый, — шепнула она.

На морде у ворса было написано, что, по его скромному мнению, за это ему полагается немного печенья. Эльса соскочила с потной простыни на пол и выглянула за дверь. В коридоре стояла мама с серым лицом. Она ругала Альфа почем зря. Альф молча слушал и не возражал. Эльса распахнула дверь и бросилась к маме в объятия. Мамины руки тряслись от плача.

— Они не виноваты, они хотели меня защитить! — сказала Эльса.

Ее перебила Бритт-Мари:

— Конечно, это я виновата, кто же еще! Разумеется, милочка, я во всем виновата.

Обернувшись, Эльса увидела, что в прихожей стоят Мод, Леннарт и мама мальчика. Все смотрели на Бритт-Мари. Та сложила руки в замок.

— Он прятался возле подъезда, но я почувствовала запах этого самого сигаретного дыма. Вот я ему и сказала, что в этом кондоминиуме у подъезда не курят, попрошу вас! И тогда он достал его...

Бритт-Мари была не в силах произнести слово «нож», у нее сорвался голос. Она была совершенно раздавлена. У всех есть какая-то тайна, которую от нее скрывают, и она чувствовала себя по-дурацки.

— Вы, конечно, все его знаете. Кто бы сомневался! Но вам и в голову не пришло меня предупредить. Хотя я, между прочим, отвечаю за информирование жильцов в нашем кондоминиуме!

Бритт-Мари поправила складку на юбке. На этот раз реальную складку. Пакет с комиксами и леденцами стоял у ее ног. Мод попыталась накрыть ее руку своей, но Бритт-Мари вырвалась. Мод печально улыбнулась.

— А где Кент? — тихо спросила она.

— У него деловая встреча! — огрызнулась Бритт-Мари.

Альф перевел взгляд с Бритт-Мари на пакет и обратно.

— Где ты так поздно была? — спросил он.

— На Рождество я всегда покупаю детям Кента комиксы и леденцы! Всегда! И я была в магазине! И вообще я не должна перед вами оправдываться, это не я таскаю сюда всяких наркоманов с ножами! Не я!

Мод снова попыталась погладить ее по руке, но Бритт-Мари

отодвинулась. Мод потянулась к ней.

— Мы просто не знали, что сказать. Бритт-Мари, милая... Может, останешься на ночь у нас? Вместе будет безопаснее.

Крепко сцепив руки замком, Бритт-Мари посмотрела на всех, высоко задрав голову:

— Я сплю дома. Вечером придет Кент, и я буду его ждать. Я всегда его жду. Всегда! Такой уж я человек.

У нее за спиной появилась зеленоглазая женщина-полицейский. Бритт-Мари обернулась. Зеленые глаза внимательно изучали ее.

— Очень кстати, мы вас давно ждем! — сообщила Бритт-Мари с благожелательной улыбкой, которая между тем была далеко не благожелательна. Но, встретив взгляд женщины, она отступила назад.

Зеленые глаза молчали. Сзади стоял еще один полицейский, который при виде мамы и Эльсы пришел в полное замешательство. Кажется, он еще не забыл, как эскортировал их к воротам больницы, где они благополучно его покинули.

— Мы возьмем собак и прочедем окрестности, — сказал полицейский-старшекласник, глядя в пол.

Леннарт хотел пригласить его и зеленые глаза на чашечку кофе, и, похоже, старшекласнику гораздо больше хотелось бы выпить кофе, чем прочесывать окрестности вместе с собаками, но, покосившись на зеленые глаза, он помотал головой и снова уставился в пол.

— Мы найдем его, — негромко сказали зеленые глаза, и голос тотчас заполнил всю комнату. Глаза внимательно смотрели на Бритт-Мари.

Бритт-Мари собиралась что-то сказать, скорее всего что-то недоброе: мол, все тут прекрасно знают, кто этот человек с ножом, только ей не говорят; а может, что-то еще более недоброе: мол, в доме никакого порядка. Повсюду бесхозные коляски, записки, кроссворды и курильщики с ножами. Анархия, да и только. Но Бритт-Мари молчала, потому что зеленые глаза явно вселяли в нее неуверенность.

Глаза спросили:

— А что с той бойцовой собакой, по поводу которой нам звонил Кент? Он сказал, что вы нашли на лестнице клочья шерсти. Скажите, Бритт-Мари, вы видели сегодня собаку?

Эльса перестала дышать. И забыла о том, что зеленые глаза откуда-то знают имена Кента и Бритт-Мари.

Бритт-Мари украдкой покосилась на Эльсу, маму, Леннарта с Мод и маму мальчика с синдромом. И в последнюю очередь она посмотрела на

Альфа. Лицо у того было безучастное. Зеленые глаза осмотрели коридор. Ладони у Эльсы вспотели, она сжимала и разжимала кулаки, чтобы руки перестали трястись. Ворс сидел в бабушкиной спальне в каком-нибудь метре от них. Все потеряно, что же делать? Они с ворсом не смогут прорваться через толпу полицейских, которая караулит внизу. Те просто убьют его. Застрелят из ружья. Наверное, все подстроил человек-тень. Он побоялся сразиться с ворсом. А без ворса и Волчьего Сердца замок не спасти.

Бритт-Мари поджала губы, глядя на Эльсу. Расцепила руки, сцепила по-другому, хмыкнула и вдруг надменно заявила:

— Возможно, мы ошиблись, такое вполне может быть. Возможно, это была не собачья шерсть, а что-то еще. И это совершенно не удивительно, кто здесь только не шляется в последнее время, — произнесла она виновато и в то же время с упреком и поправила брошку на цветастом жакете.

Зеленые глаза быстро посмотрели на Эльсу. Затем кивнули, давая понять, что вопрос закрыт.

— Ночью дом будет под наблюдением.

Женщина-полицейский развернулась и ушла вниз по лестнице, а за ней поспешил старшеклассник. Тяжело дыша, Эльсина мама протянула к Бритт-Мари руку, но та отодвинулась.

— Вижу, вам нравится держать от меня секреты. Нравится выставлять меня идиоткой!

— Бритт-Мари, милая... — начала Мод, но Бритт-Мари, покачав головой, взяла свой пакет.

— Я ухожу! Потому что скоро придет Кент! И я его буду ждать! А завтра к нам приедут его дети и мы будем есть рождественский ужин, как все цивилизованные семьи во всех цивилизованных кондоминиумах!

С этими словами она прошествовала к двери. Все так же благожелательно.

Альф проводил ее взглядом. Ворс тоже смотрел ей вслед, стоя в дверях спальни. Теперь ясно, кто Бритт-Мари на самом деле.

Мама тоже зачем-то спустилась вниз. Леннарт поставил кофе. Джордж достал яйца и снова стал варить глэг. Мод принесла печенье. Мама мальчика с синдромом залезла в шкаф, и оттуда послышался его смех. Полезная суперспособность.

Альф вышел на балкон, Эльса пошла за ним. Довольно долго она стояла у него за спиной, потом подошла ближе и посмотрела на улицу.

Женщина-полицейский внизу разговаривала с Эльсиной мамой. Зеленые глаза слегка улыбались — так они улыбались бабушке в полицейском участке.

— Они знакомы? — удивленно спросила Эльса.

— Были знакомы. В твоём возрасте они были лучшими подругами.

Мама все еще была очень сердита. Эльса посмотрела на молоток, который Альф положил на балконе в углу.

— Ты хотел убить Сэма?

Глаза у Альфа сделались грустные и очень искренние.

— Нет.

— Почему мама на тебя так разозлилась?

Кожаная куртка поежилась.

— Просто ей хотелось быть с молотком в руках на моем месте.

Эльса обхватила себя руками, дрожа от холода. Альф накинул ей на плечи скрипучую куртку. Эльса закуталась в нее поплотнее.

— Иногда мне хочется, чтобы кто-нибудь убил Сэма.

Альф молчал. Эльса смотрела на молоток.

— Ну... как бы убил. Я знаю, нельзя думать, будто кто-то заслуживает смерти. Но иногда я сомневаюсь, что такие, как он, заслуживают жизнь...

Альф перегнулся через перила:

— Это по-людски.

— По-людски — желать человеку смерти?

Альф спокойно покачал головой:

— По-людски — сомневаться.

Эльса зябко поежилась и плотнее закуталась в куртку. Ей так хотелось быть храброй.

— Я боюсь, — шепнула она.

— Я тоже, — сказал Альф.

Больше они об этом не говорили.

Дождавшись, пока все уснут, Эльса и Альф вывели ворса на улицу. Эльса знала, что мама видит их из окна. Женщина-полицейский тоже наверняка наблюдает за ними. Прячется где-то в темноте и сторожит — на ее месте должен был быть Волчье Сердце. Эльса старалась как следует разозлиться на Волчье Сердце за то, что его не было в нужный момент. За то, что он предал ее, хотя обещал защищать. Но у нее не получалось.

Эльса и Альф молчали. На дворе стояла ночь накануне сочельника, но какая-то очень странная. «Неслабая рождественская сказка», — подумала Эльса.

Когда они вернулись, Альф ни с того ни с сего остановился возле

квартиры Бритт-Мари. Посмотрел на дверь — в последний раз. Эльса рассматривала гирлянду, которая впервые за долгие годы не пахла пиццей.

— А сколько лет детям Кента? — спросила Эльса.

— Да взрослые уже, — сердито сказал Альф.

— Тогда почему Бритт-Мари думает, что им нужны леденцы и комиксы?

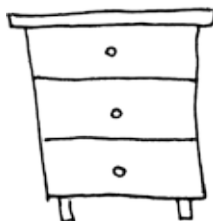
— Бритт-Мари приглашает их каждый год. Но в последний раз они приходили, когда были детьми. И любили комиксы с леденцами.

Шаркающей походкой Альф поднялся наверх, Эльса пошла за ним, а ворс остался на месте. Эльса не сразу поняла почему, при всей своей сообразительности.

Два принца так любили принцессу Миплориса, так долго сражались за ее любовь, что возненавидели друг друга. Принцесса Миплориса, чье сокровище похитила ведьма, живет в королевстве скорби.

А вход в ее замок сторожит ворс — так в сказке и говорится.

28. Картошка

Эльса никогда не подслушивает. Она не из таких.

Тем утром она случайно оказалась на лестнице и услышала разговор Кента и Бритт-Мари. Не нарочно. Вообще-то она искала ворса. И шарф Гриффиндора. А дверь в квартиру Кента и Бритт-Мари была открыта. Оттуда дул холодный сквозняк, потому что Бритт-Мари проветривала костюм Кента. Так что Эльса подслушивать не собиралась. Но, простояв там некоторое время, она поняла, что если сейчас пройдет мимо их двери, то они увидят ее и решат, будто она стояла на лестнице и подслушивала. Поэтому Эльса решила остаться.

— Бритт-Мари!!! — судя по эху, крик Кента доносился из ванной. — Бритт-Мари!!! — продолжал орать Кент так, словно Бритт-Мари была где-то далеко.

— Что? — отозвалась Бритт-Мари, как будто стояла совсем рядом, а именно на пороге ванной.

— Где моя бритва, черт побери?! — снова заорал Кент, даже не извинившись.

— Во втором ящике.

— Зачем ты ее туда положила? Она всегда лежала в первом ящике!

— Она всегда была во втором ящике.

Послышался звук выдвигаемого ящика, немного погодя — жужжание бритвы. Но «спасибо» так и не прозвучало. Бритт-Мари вышла в коридор с костюмом Кента в руках и, перегнувшись за порог, стала счищать с рукава невидимые пылинки. Эльсу она не видела, во всяком случае, Эльсе так показалось. Значит, теперь придется и дальше тут стоять, как будто так и было задумано. Мало ли, может, она проверяла, не облупилась ли на перилах краска или что-то в этом духе. А подслушивать вовсе не собиралась. В общем, все сложно. Бритт-Мари вернулась в квартиру.

— Ты уже говорил с Давидом и Перниллой? — вежливо поинтересовалась она.

— Да-да-да, — отмахнулся Кент.

— Когда они придут?

— Черт их знает.

— Мне же надо планировать, что подать на стол, Кент.

— Да какая разница, решим, когда они придут.

— Самое подходящее время для ужина — шесть часов, — сказала Бритт-Мари, и по голосу было ясно, что она счищает пылинки с костюма.

— Да-да-да, где-то так они и придут — в шесть или в полседьмого, — ответил Кент так, будто ему все равно.

— Так в шесть или в полседьмого? — спросила Бритт-Мари, будто для нее это совсем не все равно.

— Господи, Бритт-Мари, какая, к чертовой матери, разница?

— Если разницы нет, то шесть часов — самое подходящее время, — тихо ответила Бритт-Мари.

— Да-да-да, они примерно так и придут.

— Ты сказал им, что ужин назначен на шесть?

— Мы всегда ужинаем ровно в шесть.

— Но ты сказал об этом Давиду и Пернилле?

— Мы ужинаем ровно в шесть с сотворения мира, об этом все знают.

— Разве это плохо?

— Нет-нет-нет. Шесть часов — в самый раз. Не придут так не придут, — ответил Кент, явно уверенный в том, что никто не придет.

— Я просто хочу собрать за столом всю семью, чтобы всем было весело, — строго сказала Бритт-Мари, и по голосу было слышно, что она в очередной раз счищает что-то с чего-то.

— Мне пора, у меня встреча с Германией, — сказал Кент, выходя из ванной.

— Так когда мне ставить картошку? — крикнула ему вслед Бритт-Мари.

— Когда хочешь, — ответил Кент.

— Не будут же дети есть остывшую картошку, Кент. Так дело не пойдет, — настаивала Бритт-Мари.

— Нет-нет-нет! — застонал Кент.

— Значит, будем ужинать без Давида и Перниллы? Ты это имеешь в виду?

— Да мы просто подогреем еду, когда они придут, твою мать!

— Если я буду знать, во сколько они придут, я прослежу за тем, чтобы

картошка к их приходу была горячей.

— Нет-нет-нет! Тогда сядем за стол, когда все соберутся, если уж это так важно!

— А когда все соберутся?

— Твою мать! Бритт-Мари, ты же знаешь, какие они, эти дети. Они могут прийти в шесть, а могут в половине девятого!

Бритт-Мари молчала несколько напряженных секунд. Затем глубоко вздохнула и произнесла так твердо, как произносят, когда внутри все плачет:

— Кент, мы не можем садиться за стол в половине девятого.

— Да знаю! Но дети могут поесть, когда придут!

— А когда они придут?

— *Не знаю!* Сказали, в шесть. По крайней мере, Пернилла, наверное, придет в шесть. Обычно она не опаздывает. Ну или в четверть седьмого, если будут пробки на выезде. Там ведь все время что-то строят, все перекрыто, — ответил Кент сдавленным голосом, какой бывает у мужчин, которые упорно недооценивают обхват своей шеи, когда завязывают галстук.

— Если мы сядем за стол в шесть, то в четверть седьмого будем есть и Пернилла придет в самый разгар ужина, — сказала Бритт-Мари так, будто в это время помогала Кенту завязать галстук.

— Без тебя знаю! — рявкнул Кент, как рявкнул бы на его месте мужчина, которому помогают завязать галстук.

— Необязательно повышать голос, — сказала Бритт-Мари, в свою очередь повысив голос.

— Где, твою мать, запонки? — спросил Кент, выйдя из ванной с наполовину завязанным галстуком.

— Во втором ящичке комода.

— Разве они лежали не в первом?

— Они всегда лежали во втором.

Эльса так и стояла на лестнице. Разумеется, она не подслушивала. Рядом с входной дверью в прихожей у Кента и Бритт-Мари висело большое зеркало. В него было видно, как Бритт-Мари аккуратно загибает Кенту воротник рубашки поверх галстука. Осторожно чистит его пиджак.

— Когда придешь? — робко спросила она.

— Трудно сказать, ты же знаешь этих немцев. Не жди меня, — уклончиво ответил Кент и поспешил к двери.

— Кинь рубашку в стиральную машинку, когда вернешься.

Пожалуйста, — просила Бритт-Мари, семеня за ним следом и сдувая пылинки с его брюк, как делает женщина, которая все равно будет ждать до последнего.

Кент посмотрел на часы так, как смотрит мужчина, у которого очень дорогие часы. Эльса знает, потому что Кент говорил маме, что его часы стоят больше, чем вся ее «КИА».

— В стиральную машинку, Кент, милый! Как только придешь! — кричала ему вдогонку Бритт-Мари.

Кент молча вышел на лестницу и увидел Эльсу. Ему и в голову не пришло, что Эльса подслушивала, но он ей совершенно не обрадовался.

— Йоу! — ухмыльнулся Кент. Так говорят взрослые, которые думают, будто знают язык детей.

Эльса не отвечала. Она не говорит на таком языке. У Кента зазвонил телефон. Новый телефон. Кажется, Кенту очень хотелось рассказать, сколько он стоит.

— Звонят из Германии! — сообщил Кент и в ту же секунду вспомнил, что Эльса была непосредственным участником вчерашнего инцидента на лестничной клетке, который привел к гибели его прежнего телефона.

Кроме того, он явно помнил про яд и про то, во сколько он ему обошелся. Эльса встряхнула плечами, словно провоцируя противника на боксерском ринге. Кент заорал в динамик своего нового телефона «Yez Klaus!» и поспешил вниз, мрачно нахмутив брови.

Шагнув в сторону лестницы, Эльса остановилась в дверях. В зеркале отразилась ванная комната. Бритт-Мари аккуратно смотала шнур от Кентовой электробритвы и положила ее в третий ящик.

Вышла в прихожую. Увидев Эльсу, сложила руки в замок.

— Так-так, — сказала Бритт-Мари.

— Я не подслушивала! — оправдывалась Эльса.

Бритт-Мари поправила одежду на вешалках и заботливо отряхнула куртки и пальто Кента. Эльса сунула пальцы в карманы джинсов и пробормотала:

— Спасибо.

Бритт-Мари удивленно подняла глаза:

— За что?

Эльса устало вздохнула — так вздыхает почти восьмилетний ребенок, которому приходится благодарить дважды.

— Как за что! За то, что вы не сказали полиции про... — Эльса очень не хотела говорить «ворса».

Но, кажется, Бритт-Мари и так поняла. Она снова сложила руки в замок:

— Понимаешь, Эльса, у всех есть свои правила. Я несу ответственность за своевременное информирование жильцов. У нас принято ставить меня в известность о наличии в доме бойцовой собаки!

— Это не бойцовая собака! — обиделась Эльса.

— Да что ты говоришь, конечно, не бойцовая. Пока кого-нибудь не покусает.

— Никого он не укусит! И он спас вас от Сэма!

Бритт-Мари хотела что-то сказать, но сдержалась.

Потому что знала, что это правда. Эльса тоже хотела что-то сказать, но тоже сдержалась. Потому что знала, что Бритт-Мари уже заплатила по счетам.

Она посмотрела на квартиру, отражавшуюся в зеркале.

— Почему вы положили бритву в другой ящик? — спросила Эльса.

Бритт-Мари с утроенным рвением чистила юбку. Потом сложила руки замком.

— Не понимаю, о чем ты? — переспросила она, хотя, судя по всему, очень даже понимала.

— Кент же сказал, что бритва всегда лежала в первом ящике. А вы ответили, во втором. И когда он ушел, положили в третий.

Бритт-Мари впала в раздумья. Но потом к ее задумчивости добавилось что-то еще. Кажется, она чувствовала себя ужасно одинокой. Наконец она пробормотала:

— Да-да, может, и так. Может, ты и права.

Эльса склонила голову набок:

— Так почему?

Молчание длилось веки вечные всех сказочных вечностей. Наконец Бритт-Мари прошептала, словно забыв об Эльсе:

— Потому что мне нравится, когда он произносит мое имя.

И закрыла дверь.

А Эльса все стояла, уговаривая себя, до чего же противная эта Бритт-Мари. Получалось так себе.

29. Меренги

Нужно во что-то верить. Бабушка всегда так говорила. Чтобы понимать сказки, нужно во что-то верить. «Не важно, во что. Главное — верить, потому что иначе все пойдет к чертовой матери».

Похоже, все вертится вокруг этого.

Шарф Гриффиндора лежал в снегу возле дома. Он упал, когда Эльса бросилась на Сэма. Чуть поодаль стояли зеленые глаза. Солнце уже слегка показалось на горизонте. Снег под ногами хрустел, как попкорн.

— Привет, — сказала Эльса.

Зеленые глаза молча кивнули.

— С вами ни фи́га не поговоришь.

Зеленые глаза улыбнулись, хотя губы были по-прежнему неподвижны.

— Ни фи́га.

Эльса обмотала шарф вокруг шеи.

— Вы знали мою бабушку?

Зеленые глаза покосились на фасад дома, потом на ведущую к нему улочку.

— Твою бабушку все знали.

Эльса достала руки из карманов.

— А мою маму знаете?

Зеленые глаза снова кивнули. Эльса, прищурившись, изучала ее.

— Альф говорит, вы были лучшими друзьями.

Зеленые глаза проверили улицу у Эльсы за спиной.

Затем посмотрели на нее. Кивнули. Интересно, каково это, когда твой лучший друг такого же возраста, как ты. Эльса молча стояла рядом с зелеными глазами и любовалась восходом. Красивый будет сочельник. Несмотря ни на что.

Эльса прокашлялась и пошла к подъезду, но остановилась возле самой

двери.

— Вы всю ночь здесь дежурили? — спросила она.

Зеленые глаза оглядели улицу. Кивнули. Эльса дернула ручку двери.

— Если Сэм вернется, вы убьете его?

Зеленые глаза переместились по снегу и оказались возле Эльсы.

Посерьезнели.

— Надеюсь, нет.

— Почему?

— Моя работа не в том, чтобы убивать.

— А в чем?

— В том, чтобы защищать.

— Его или нас? — спросила Эльса с упреком.

— И вас, и его.

Брови Эльсы слились в одну сплошную линию.

— Но ведь опасен он. А не мы.

Зеленые глаза улыбнулись, но без особой радости.

— Когда я была маленькой, твоя бабушка говорила, что, если работаешь полицейским, тебе не приходится выбирать, кого защищать. Надо защищать всех.

— Она знала, что вы пойдете работать в полицию?

— Я пошла туда из-за нее.

— Почему?

Зеленые глаза опять улыбнулись. На этот раз по-настоящему.

— Когда я была маленькой, я всего боялась. И бабушка велела мне сделать то, чего я боюсь больше всего на свете, и посмеяться над всеми страхами.

Эльса кивнула, словно в подтверждение своим мыслям.

— Так это были вы с мамой.

Белесые ресницы зеленых глаз едва заметно вздрогнули. Эльса показала на горизонт между домами.

— Золотые рыцари, которые спасли гору Сказочников от Щаса и страхов. А потом построили Миаудакас. Это были вы с мамой.

Зеленые глаза скользнули по снегу, улице и фасаду.

— Кем мы только не были в бабушкиных сказках.

Эльса открыла дверь, но снова остановилась.

— Кого вы узнали раньше — маму или бабушку?

— Бабушку.

— Вы одна из тех, кто висит на потолке в ее спальне?

Зеленые глаза посмотрели прямо на Эльсу. И снова улыбнулись, на

этот раз очень искренне.

— А ты умная. Бабушка всегда говорила, что ты самый умный ребенок из всех, что ей довелось повстречать.

Эльса не возражала. Она вошла в подъезд. Красивый будет сочельник. Несмотря ни на что.

Ворса нигде не было — ни в подвальном отсеке, ни в «рено». Эльса знала, что в бабушкином шкафу его тоже нет, а уж тем более в квартире мамы с Джорджем, потому что ни одно живое существо на земле не захочет там быть рождественским утром. Ведь рождественским утром мамина эффективность возрастает как никогда. Этот особый вид рождественской эффективности мама любит больше всего, а ведь мама просто помешана на эффективности.

Поэтому она начинает говорить о рождественских подарках уже в мае. По ее словам, так поступают все дисциплинированные люди, на что бабушка возражает, что все дело в «анальной фиксации». После этого Эльсу обычно просят надеть наушники и долго их не снимать. Но в этом году мама решила добавить в свою жизнь немного инакомыслия и безумия и протянула с подарками до первого августа. Как же она рассердилась, когда Эльса отказалась отвечать, объяснив это тем, что если тебе почти восемь, то за полгода ты можешь измениться коренным образом. Мама хотела как лучше и купила подарок на свое усмотрение. Получилось как всегда: мимо кассы. Эльса это давно поняла, потому что знает, где мама прячет подарки. Если тебе почти восемь, а рождественские подарки покупаются в августе, то у тебя есть достаточно времени, чтобы их отыскать.

Так что в этом году вместо тех заранее купленных подарков Эльса получит три книги, которые так или иначе упоминаются героями «Гарри Поттера». Книги завернуты в оберточную бумагу, которая очень нравится Эльсе. Все это ей уже известно, потому что когда выяснилось, что мамин подарок никуда не годятся и Эльса в октябре сообщила об этом маме, около месяца они ругались, а потом мама сдалась, дала Эльсе деньги и сказала, чтобы она купила себе то, что хочет. Эльса так и сделала. Купила книги и завернула их в самую красивую оберточную бумагу. А затем положила в мамин рассекреченный тайник и похвалила маму за то, что в этом году она так заботливо и предусмотрительно выбирала подарки. За это мама обозвала ее Гринчем.

Однако Эльсе традиция пришлась очень по вкусу.

Эльса позвонила раз десять, прежде чем Альф наконец открыл. На нем был махровый халат и недовольное выражение лица. В руке чашка с надписью «Ювентус».

— В чем дело? — спросил он, не здороваясь.

— Привет! — поздоровалась Эльса, не отвечая на вопрос.

— Я сплю! — рявкнул Альф.

— Сегодня сочельник, — сообщила Эльса.

— Знаю.

— Почему же ты спишь?

— Я всю ночь не спал.

— Почему?

Альф как следует отхлебнул из чашки.

— Что ты здесь делаешь? — ответил он вопросом на вопрос.

— Я первая спросила, — не сдавалась Эльса.

— Разве я звоню к тебе в дверь среди ночи?

— Сейчас уже не ночь. Сейчас сочельник!

— Ах вот оно что.

— Да!

Альф сделал новый глоток. Эльса недовольно ковыряла ботинком половику.

— Не могу найти ворса.

— Понимаю, — невозмутимо кивнул Альф.

— Что понимаешь? — нетерпеливо спросила Эльса.

— Что ты не можешь его найти.

— Почему?

— Потому что он здесь.

У Эльсы вытянулось лицо так, что брови оказались почти на затылке.

— Ворс здесь?

— Да.

— Почему ты мне не сказал?

— Именно это я тебе только что и сказал.

— Как он сюда попал?

— Кент пришел в пять утра, твою мать, не мог же я оставить эту зверюгу на лестнице. Кент бы сразу в полицию позвонил.

Эльса заглянула в квартиру. Ворс сидел на полу и лакал нечто из металлической миски. На миске также стояла надпись «Ювентус».

— Откуда ты знаешь, во сколько вернулся Кент? — спросила она.

— Я был в гараже, когда он припарковал там свой чертов «БМВ», — раздраженно ответил Альф.

— Что ты делал в гараже в такое время? — хладнокровно спросила Эльса.

Альф взглянул на нее так, будто она задала крайне глупый вопрос.

— Ждал его.

Эльса долго смотрела на Альфа.

— И долго ты его ждал?

— Всю ночь, твою мать, до пяти утра! — рявкнул тот.

Эльсе так хотелось обнять его. Но она сдержалась.

Ворс оторвался от миски с очень довольным видом.

С носа у него капало что-то темное. Эльса перевела взгляд на Альфа:

— Альф... ты что... дал ему кофе?

— Да, — сказал Альф, явно не понимая, что здесь не так.

— Но это же ЗВЕРЬ! Зачем ты дал ему КОФЕ? — перешла на крик Эльса.

Альф почесал не обремененную волосами макушку. Поправил халат. Эльса увидела у него на груди огромный шрам. Проследив за ее взглядом, Альф помрачнел.

— Он у меня в гостях, твою мать. Как ты полагаешь, прилично не предложить гостю кофе?

Ворс тоже кивнул, выражая полную солидарность в этом вопросе.

Эльса помассировала виски.

Альф удалился в спальню, закрыв за собой дверь. Вскоре он вернулся в кожаной куртке с шоферским жетоном. Хотя на дворе был сочельник. Придется ворсу пописать в гараже, потому что возле дома полно полиции, а ни один ворс не продержится долго, выпив полную миску кофе.

Бабушке бы это понравилось. Ворс, писающий в гараже. К тому же это окончательно выведет из себя Бритт-Мари.

Дома у мамы с Джорджем пахло меренгами и лазаньей с беарнским соусом — мама решила, что они будут праздновать Рождество всем подъездом. Никто не возражал, отчасти потому что это была отличная идея, отчасти потому что с мамой никто никогда не спорил. Джордж предложил всем приготовить свое любимое блюдо. Ох уж этот Джордж, вечно он так здорово все придумывает, за это Эльса его и не любит.

Любимое блюдо мальчика с синдромом — меренги, поэтому их готовила его мама. Точнее, она роняла все ингредиенты, Леннарт поднимал их с пола, а Мод делала меренги, пока мама и мальчик с синдромом танцевали.

Мод и Леннарт очень хотели, чтобы женщина в черной юбке тоже

принимала участие в этих хлопотах, они всегда следят за тем, чтобы всем было хорошо, поэтому они спросили, не хочет ли она что-нибудь приготовить. Женщина в черной юбке сидела в дальнем углу и выглядела очень смущенной. Она пробормотала, что много лет ничего не готовила. «Когда живешь в одиночестве, готовить приходится редко», — сказала она. Тогда Мод очень расстроилась, стала просить прощения и ругать себя за черствость. И женщине в черной юбке стало так жалко Мод, что она приготовила лазанью с беарнским соусом. Потому что это было любимое блюдо ее мальчиков.

Теперь они сидели за столом и ели меренги и лазанью. Рождество удалось. Несмотря ни на что.

Мод дала ворсу два ведра плюшек с корицей, а Джордж принес из подвала ванночку, в которой Эльсу купали, когда она была маленькой, и налил туда глэг. Ворс принял взятку и согласился в течение часа посидеть в шкафу в бабушкиной квартире. Мама спустилась вниз и пригласила на ужин полицейских. Зеленые глаза уселись рядом с мамой и хохотали. Полицейский-старшекласник тоже был там, он особенно налегал на меренги, а потом заснул, сидя на диване.

Между тем Саманта, будучи существом в высшей степени цивилизованным, быстро заводила новые увлечения, и, дождавшись, когда все о ней забыли, тайком прокралась в бабушкину квартиру — напрямик в шкаф. Только не подумайте, что она пристрастилась к глэгу.

Женщина в черной юбке молча сидела за столом, в самом углу. После еды Джордж мыл посуду, Мод протирала стол, Леннарт сидел с чашечкой кофе на крайний случай перед кофеваркой и следил за тем, чтобы та исправно выполняла свою работу, а мальчик с синдромом вышел за дверь и ушел в бабушкину квартиру. Обрато он вернулся перепачканный крошками от плюшек и шерстью ворса до такой степени, будто его позвали на маскарад и он нарядился грязным ковром. Мальчик взял в комнате Эльсы одеяло и подошел к женщине в черной юбке. Он долго смотрел на нее. И в конце концов встал на цыпочки и ущипнул ее за нос. Женщина в ужасе подскочила, мама мальчика вскрикнула так, как вскрикнула бы на ее месте любая порядочная мать, ущипни ее сын за нос незнакомого человека. Но Мод осторожно взяла ее руку и остановила на полпути к сыну, который тем временем сложил фигу и посмотрел на женщину в черной юбке. Мод терпеливо объяснила:

— Это он так с вами играет.

Женщина в черной юбке во все глаза уставилась на Мод. Потом на

мальчика с синдромом. На свой нос. И вдруг ущипнула за нос мальчика. Тот захохотал так, что стекла в окнах зазвенели.

Он заснул у женщины на коленях, завернутый в одеяло. Когда мама мальчика с виноватой улыбкой пыталась забрать его и сказала женщине в черной юбке, что обычно он себя так бесцеремонно не ведет, та нашла ее руку и шепнула в ответ:

— Если... если вы не против... то я... я бы еще немного его подержала...

Мама мальчика взяла ее руку в свои и кивнула. Женщина в черной юбке прижалась лбом к голове мальчика и сказала:

— Спасибо!

Джордж снова сварил глэг, и все снова встало на свои места, и всем снова стало почти хорошо. Поблагодарив за ужин, полицейские ушли вниз, а Мод с несчастным видом посмотрела на Эльсу и сказала, что понимает, каково это, когда в доме на Рождество полицейские. Эльса взяла ее за руку и ответила:

— Не беспокойтесь, Мод. Это же рождественская сказка. Они всегда кончаются хорошо.

Судя по всему, Мод ей поверила.

Потому что надо во что-то верить.

30. Духи

Сердечный приступ в сочельник случился у одного человека. Но разбилось сразу два сердца. В доме уже никогда не будет по-прежнему.

Началось все с того, что мальчик с синдромом проснулся ближе к вечеру очень голодный. Саманта с ворсом вытряхнулись из шкафа, потому что глэг кончился. Эльса ходила вокруг Альфа, с многозначительным видом кивая на мальчика с синдромом: «Альф, не пора ли съездить за газетой?» Альф хмыкнул и ушел за костюмом рождественского гнома. Эльса с ворсом последовали за ним в гараж. Альф сел в такси. Эльса просунулась в дверцу и спросила, что это он задумал, а Альф завел мотор и крикнул:

- Если уж мне придется быть гномом, сначала съезжу за газетой.
- Думаю, мама вряд ли обрадуется, если я куда-то поеду.
- А тебя никто и не звал, отпусти дверцу, твою мать! — гаркнул Альф и дал задний ход.

Тогда Эльса запрыгнула в машину. А следом за ней ворс. Эльса видела, что это дается ему с трудом, у него словно тело болит после тренировок, но сделала вид, что не замечает этого. Так бывает, когда пожилой человек плохо слышит и его собеседники делают вид, будто ничего такого не замечают. Отчасти потому, что не хочется лишней раз намекать на возраст, отчасти потому, что боятся думать о собственной старости.

Альф проворчал, что нельзя ни с того ни с сего запрыгивать к людям в машины да еще и ждать, что их после этого куда-то повезут, на это Эльса возразила, что такси именно для того и существует. В ответ Альф со злорадной улыбкой включил счетчик и сказал, что за поездки на такси надо платить, но Эльса попросила подарить ей эту поездку на Рождество. Альф довольно долго сидел с кислой миной, но в конце концов уступил.

Альф знал киоск, который открыт в сочельник. Он купил газету. Эльса взяла два мороженых. Ворс съел свое и половину ее мороженого. Если вы знаете, как ворсы любят мороженое, то вы поймете, насколько деликатно он

поступил. Ворс слегка перепачкал мороженым заднее сиденье, но Альф ругался всего минут десять. Если вы знаете, как Альфа бесят ворсы, которые пачкают заднее сиденье мороженым, вы бы оценили, насколько деликатно в свою очередь поступил Альф.

— Можно вопрос? — спросила Эльса, прекрасно понимая, что уже его задала.

Альф поерзал на водительском месте, усаживаясь поудобнее. Примерно как кит в кресле, когда у него собираются брать интервью. Альф не отвечал.

— Почему Бритт-Мари не наядбедничала полиции? — спросила Эльса совершенно равнодушным голосом, давая понять, что отсутствие ответа ее не расстроит.

Альф пробормотал что-то себе под нос. Такси миновало перекресток.

— Что?

— Я сказал, что иногда она и правда ведет себя как старая перечница. Но злой она никогда не была.

— Но она ненавидит собак.

— Она просто их боится. Твоя бабушка постоянно таскала домой бездомных собак. Мы тогда были еще сопливыми ребятишками — Бритт-Мари, Кент и я. И одна из этих дворняг укусила Бритт-Мари, то-то ее мать взбесилась, — выдал Альф непомерно длинную для себя фразу.

Такси свернуло на улицу. Эльса вспомнила бабушкины истории о принцессе Миплориса.

— Значит, ты с десяти лет был влюблен в Бритт-Мари? — спросила она.

— Да, — ответил Альф с убийственной прямоотой. Эльса молчала, потому что знала: только это заставит Альфа говорить дальше.

Это понимают все почти восьмилетние дети.

Она будет ждать столько, сколько понадобится.

После двух светофоров Альф обреченно вздохнул, как бывает, если ты терпеть не можешь рассказывать истории, но приходится. И рассказал сказку о Бритт-Мари. И о себе. Хотя о себе говорить не собирался.

В сказке было очень много отборных ругательств, а кроме того, Эльсе пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы не поправлять речевые ошибки. Но нагородив множество «этих самых» и «твоих матерей», Альф рассказал об их с Кентом детстве, которое проходило в той же квартире, где он сейчас живет. Когда Альфу исполнилось десять, в квартиру этажом выше переехала семья с двумя девочками — ровесницами Альфа и Кента. Их мама была известной певицей, а папа носил костюм и вечно пропадал

на работе. У старшей сестры, Ингрид, был прекрасный голос, Альф и Кент это знали. Ее мама объясняла им, что Ингрид будет звездой. Про вторую дочь она обычно не упоминала. Ее звали Бритт-Мари. Но Альф с Кентом все-таки заметили ее существование. Тут уж ничего не поделаешь.

Когда в доме появилась молоденькая студентка медицинского института, никто толком не помнит. В один прекрасный день она просто въехала в огромную квартиру, которая занимала весь верхний этаж, и, когда мама Альфа и Кента стала выпрашивать, как получилось, что та живет одна в такой большой квартире, молодая студентка ответила, что «выиграла ее в покер». Дома она, понятное дело, бывала нечасто, а если и приходила, то обычно в компании странных друзей или бездомных собак. И вот однажды она привела здоровенную черную псину, которую тоже явно выиграла в покер. Альф, Кент и соседские девочки просто хотели с ней поиграть и не подумали, что собака спит. Она не собиралась кусать Бритт-Мари, просто испугалась от неожиданности. Вот и все.

И после этого собака исчезла. Но мать Бритт-Мари возненавидела молодую студентку и никогда уже не смогла изменить своего отношения. А потом случилась авария. На улице рядом с домом. Мать Бритт-Мари не заметила грузовика. Грохот был такой, что весь дом содрогнулся. Мать открыла переднюю дверцу и качаясь вышла из машины. Она отделалась ссадинами, но на заднем сиденье было тихо. Увидев лужу крови, мать заорала, как сумасшедшая. Молодая студентка выскочила из дома в одной ночной рубашке, с лицом, перепачканным крошками от плюшек с корицей, и увидела на заднем сиденье двух девочек. Своей машины у нее не было, и она могла унести на себе только одну из них. Студентка вскрыла дверцу и поняла, что дышит только одна из сестер, поэтому взвалила ее на себя и побежала. Так она бежала всю дорогу до больницы.

Альф замолчал. Эльса спросила, что же случилось со второй сестрой. Альф молчал три светофора подряд. Затем ответил тяжелым и мрачным голосом:

— Страшное это дело, лишиться ребенка. Эта семья так и не оправилась после аварии. Мать не виновата. Это был несчастный случай, никто здесь не виноват. Но она так и не смогла пережить потерю. Так и не смогла простить твою бабушку.

— За что?

— За то, что она спасла не ту дочь.

Эльсе показалось, что молчание длится не меньше тысячи светофоров подряд.

— Кент тоже был влюблен в Бритт-Мари?

— Мы же братья. Братья во всем соревнуются.

— И Кент выиграл?

Альф издал звук, который с равным успехом можно было принять и за кашель, и за смех.

— Ни черта. Выиграл я.

— И что было дальше?

— Кент переехал. Женился на молодой девчонке. Та оказалась страшной стервой. У них родились дети, близнецы — Давид и Пернилла. Детей он любил, но жена пилила его с утра до вечера.

— А вы с Бритт-Мари?

Светофор. Еще светофор.

— Мы были совсем зеленые. В этом возрасте мозгов еще маловато. Я уехал. Она осталась.

— Куда уехал?

— На войну.

Эльса удивленно посмотрела на Альфа:

— Ты тоже был солдатом?

Альф запустил пятерню в поредевшую шевелюру.

— Эльса, я уже старый. Кем я только не был.

— А что Бритт-Мари?

Светофор.

— Я возвращался домой. Она хотела сделать мне сюрприз. И застала меня с другой.

— У вас было это дело?

— Да.

— Почему?

— Потому что мозгов не хватало.

Светофор.

— А дальше что?

— Я уехал.

— Надолго?

— На хрен знает сколько.

— А Кент?

— Развелся. Переехал к матери. Бритт-Мари так и жила этажом выше. А он ведь ее всегда любил. Когда ее родители умерли, он перебрался в ее квартиру. Потом пошли слухи, что владельцы дома хотят продать его жильцам в собственность. Вот они и стали копить бабки. Поженились, Бритт-Мари хотела детей, но Кенту своих хватало. Так они до сих пор и живут.

Эльса хлопала крышкой бардачка.

— Почему ты тогда вернулся домой с войны?

— Войны заканчиваются. К тому же мать заболела. Кто-то был должен ею заняться.

— А как же Кент?

Ногти Альфа бороздили лоб с такой силой, будто намеревались открыть двери, где по той или иной причине были заперты воспоминания.

— Кент занимался матерью, пока та была жива. Он, конечно, придурок, но всегда был хорошим сыном, этого у него не отнимешь. Пока мать была жива, она ни в чем не нуждалась. Так что мне осталось только похоронить ее.

— А потом?

Альф почесал затылок. Остановился на красный свет. Подумал, как ответить на Эльсин вопрос.

— Потом я... остался.

Эльса посмотрела на него очень серьезным взглядом. Сделала финальный эффектный вздох, и сказала:

— Я тебя очень люблю, Альф. Но ты вел себя как засранец!

Альф снова то ли кашлянул, то ли хихикнул.

— Когда твой дед умер, Бритт-Мари стала заботиться о твоей маме. Бабушка все время была в отъезде, сама знаешь. Бритт-Мари не всегда была старой перечницей.

— Я уже поняла.

— Бабушка тебе об этом рассказывала?

Эльса усмехнулась, как усмеваются те, кто боится проговориться.

— Не совсем. Она рассказывала о принцессе из королевства скорби и двух принцах, которые любили ее так сильно, что возненавидели друг друга. И о ворсах, которых родители принцессы прогнали из королевства, но, когда началась война, принцесса позвала их обратно. И о ведьме, которая украла у принцессы сокровище.

Эльса замолчала. Сложив руки на груди, она смотрела на Альфа:

— Сокровищем была я?

Альф вздохнул:

— Я в этих сказках ни черта не смыслю.

— Попробуй напрячь воображение!

Альф снова тяжело вздохнул:

— Бритт-Мари посвятила всю свою жизнь мужчине, которого вечно не было дома. Она старалась, чтобы его дети ее полюбили. Когда умер твой дедушка и она стала заботиться о твоей маме, она впервые почувствовала себя...

Альф искал подходящее слово. Эльса подсказала:

— Нужной.

— Да.

— А потом мама выросла?

— И переехала. Поступила в университет. В доме стало чертовски тихо, и так продолжалось довольно долго. Потом она вернулась беременная вместе с твоим отцом.

— Бритт-Мари ухватилась за меня как за соломинку, — кивнула Эльса.

— Тут-то твоя бабушка и вернулась домой, — сказал Альф, останавливаясь у знака «Стоп».

Больше они об этом не говорили. Да и что тут скажешь? Альф дотронулся рукой до груди, как будто у него под курткой что-то чесалось. Эльса посмотрела на молнию.

— А шрам у тебя после войны?

Альф отвел взгляд и пожал плечами.

— У тебя огромный шрам на груди, я видела, когда ты был в халате. Тебе нужен новый халат.

Альф то ли кашлянул, то ли усмехнулся.

— На такой войне я не бывал. В меня никогда не стреляли.

— Поэтому ты не сломался?

— Ты о чем?

— Ну, как Сэм. Или как Волчье Сердце.

Альф шумно выдохнул через нос. Почесал череп под редкими волосами.

— Сэм сломался еще до того, как стать солдатом. Не все солдаты такие, как он, твою мать. Этим парням приходится очень несладко после всего дерьма, которое они видят на войне, и дома им нужна помощь. А в этой гребаной стране готовы миллиарды вложить в оружие и военные самолеты, а на пришедших с войны парней нет средств, и никто не хочет слушать их истории.

Альф грустно взглянул на Эльсу:

— Понимаешь, люди должны рассказывать свои истории другим. Иначе мы задохнемся.

Развязка.

— Откуда у тебя шрам?

— Кардиостимулятор.

У Эльсы вырвался восторженный возглас.

— Ты знаешь, что это? — недоверчиво спросил Альф.

Эльса обиженно посмотрела на Альфа:

— У меня много свободного времени.

Альф кивнул.

— Да, ты и впрямь необычный ребенок.

— Хорошо быть необычным ребенком.

— Это факт.

Они выехали на автостраду, и Эльса рассказала Альфу про Железного человека — это один из супергероев, у которого тоже было что-то вроде кардиостимулятора. Хотя скорее это электромагнит, потому что Железный человек был ранен осколком в грудь, и без магнита осколок впился бы в сердце. Кажется, Альф не оценил самые интересные моменты в этой истории, но слушал, не перебивая.

— Но в конце третьего фильма они удалили магнит! — взволнованно продолжала Эльса, а потом, прокашлявшись, смущенно добавила:

— Сорри за спойлер.

Но похоже, спойлер Альфа не особо огорчил. Он, вообще-то говоря, не совсем понимал, что значит спойлер, когда это не деталь автомобиля.

Снова шел снег. Эльса думала о том, что раз уж ты полюбила человека, не зная, что в прошлом тот был полным засранцем, то какой смысл вдруг его разлюбить. Если слишком копаться в чужом прошлом, недолго растерять всех друзей. Вот в чем мораль всей сказки. А у рождественской сказки должна быть мораль.

В щели между сиденьями зазвонил телефон. Альф посмотрел на экран: номер Кента. Альф ехал дальше. Телефон зазвонил снова.

— Ты не ответишь? — спросила Эльса.

— Это Кент. Небось опять хочет потрепаться о всяком дерьме, вроде аудитора и чертовых кондоминиумов, у него одно на уме. До завтра подождет, — пробормотал Альф.

Но телефон все звонил и звонил. Альф не брал трубку. Эльса не выдержала, взяла телефон и ответила на звонок, несмотря на возмущенные возгласы Альфа. В трубке раздался женский голос. Женщина плакала.

Эльса протянула телефон Альфу. Телефон затрясся. Лицо Альфа стало прозрачным.

На дворе был рождественский вечер. Такси круто развернулось. Они поехали в больницу.

Альф не останавливался ни на одном светофоре.

Эльса сидела на банкетке в коридоре и говорила с мамой по телефону, пока Альф в соседнем кабинете беседовал с врачом. Медсестры подумали, будто Эльса внучка Кента, поэтому рассказали, что у него был сердечный приступ, но теперь все хорошо. Кент будет жить.

Рядом с кабинетом стояла молодая женщина с заплаканным красивым лицом. От нее сильно пахло духами. Она слабо улыбнулась Эльсе, и Эльса улыбнулась в ответ. Альф вышел из кабинета и с каменным лицом кивнул женщине. Та прошла в дверь, не встречаясь с ним взглядом.

Пока они шли по коридору и спускались на лифте, Альф молчал. Они вышли на улицу и зашагали к парковке. И тут Эльса увидела Бритт-Мари. Та неподвижно сидела на скамейке, одетая в цветастый жакет, хотя на дворе стояла зима. Она забыла нацепить брошку, и на груди розовело пятно. Щеки у Бритт-Мари посинели от холода, она теребила обручальное кольцо. На коленях лежала белая отутюженная рубашка Кента, от нее пахло свежестырированным бельем.

— Бритт-Мари! — скрипнул в темноте голос Альфа. Он остановился в метре от нее.

Бритт-Мари не ответила. Она осторожно поглаживала рубашку. Смахивала невидимые пылинки. Разглаживала манжеты. Расправляла несуществующие складки.

Бритт-Мари подняла голову. Она постарела. Каждое слово словно оставляло след у нее на лице.

— Я всегда так талантливо притворялась, Альф, — прошептала она.

Альф молчал. Бритт-Мари уткнулась взглядом в снег и покрутила кольцо на пальце.

— Когда Давид с Перниллой были маленькими, они говорили, что я совсем не умею придумывать сказки. Я всегда любила читать сказки по книгам. Они просили: «Придумай сама!» — а я не понимала, зачем что-то придумывать, если все и так уже есть. Нет, сочинять я не любила. Я человек цивилизованный.

Бритт-Мари повысила голос, словно хотела кого-то убедить. Альф тяжело дышал.

— Бритт-Мари... — тихо сказал он, но та резко оборвала его.

— Кент сказал детям, что я не умею сочинять сказки, потому что у меня нет фантазии. Но это не так.

Нет, не так. У меня необыкновенно богатая фантазия. Я так хорошо притворяюсь!

Альф провел рукой по голове и заморгал. Бритт-Мари нежно поглаживала рубашку, словно это младенец, который вот-вот уснет.

— Я взяла с собой чистую рубашку. У меня всегда с собой чистая рубашка, если я знаю, что встречу Кента. Потому что я не пользуюсь духами. Никогда. У меня на них аллергия.

Ее голос звучал все глуше и глуше. Он почти утонул.

— Давид и Пернилла не пришли на рождественский ужин. Они сказали, что заняты. Я их прекрасно понимаю, так было все эти годы, что же тут не понять. Кент позвонил и сказал, что задержится на работе еще на пару часов. Всего лишь на пару часов, у него телефонная конференция с Германией, так он и сказал. Хотя в Германии тоже сочельник, это все знают. Но он так и не пришел. Я звонила ему, мне ведь надо знать, когда ставить картошку. А он не отвечал. А я все звонила и звонила, мне ведь надо знать, когда ставить картошку!

Она с упреком посмотрела на Альфа. Тот молчал. Бритт-Мари нежно гладила ворот рубашки тыльной стороной руки.

— Иначе картошка остынет. Мы же не варвары, чтобы есть холодную картошку.

Руки Бритт-Мари безвольно упали на рубашку.

— Под конец у меня зазвонил телефон, но это был не Кент.

Нижняя губа затряслась.

— Я не пользуюсь духами, в отличие от нее. Поэтому я всегда слежу, чтобы у него были свежие рубашки.

Это все, о чем я прошу, — класть рубашку в стирку, как только он приходит домой. Неужели это так много?

— Бритт-Мари, милая... — начал Альф.

Бритт-Мари судорожно сглотнула и покрутила кольцо.

— Я знаю, что это сердечный приступ, потому что мне позвонила она, Альф. Она сама мне позвонила. Потому что не выдержала, понимаешь. Ей, видите ли, стала невыносима мысль о том, что Кент может умереть в любую минуту, пока она тут сидит, а я ничего не знаю. Ей это, видите ли, невыносимо. Поэтому она решила позвонить мне. Не выдержала.

Сложив ладони, Бритт-Мари закрыла глаза и сказала дрожащим голосом:

— У меня потрясающая фантазия. Просто невероятная. Кент всегда

говорил, что у него ужин с Германией, что самолет задержали из-за снегопада, что ему надо заехать в офис. И я притворялась, что верю. Я так хорошо притворялась, что действительно верила.

Бритт-Мари встала со скамьи. Она стояла на снегу с прямой спиной, держа рубашку в руках. Рубашка была безупречно выглажена. Ни складочки, ни морщинки. Бритт-Мари повернулась и аккуратно повесила рубашку на спинку скамейки. Словно даже сейчас не могла дать волю своим чувствам перед лицом выглаженной рубашки.

— Я невероятно хорошо притворяюсь, — прошептала она.

— Знаю, — сказал Альф.

Они уехали, оставив рубашку висеть на скамье.

Снег кончился. Такси остановилось на красный свет. Все молчали. Мама встретила их у подъезда. Обняла Эльсу. Попыталась обнять Бритт-Мари. Но та ее отодвинула. Не грубо, но решительно.

— Не думай, будто я ее ненавидела.

— Знаю, — тихонько сказала мама.

— Ни ее, ни собаку, ни машину, — продолжала Бритт-Мари.

Мама кивнула, взяв ее за руку. Бритт-Мари закрыла глаза.

— Не думай, будто я всех ненавижу, Ульрика. Вовсе нет. Я просто хотела, чтобы вы ко мне прислушивались. Разве это так много? Я просто не хотела, чтобы машина стояла на моем месте. У меня есть свое место, и я хочу, чтобы его никто не занимал.

Бритт-Мари покрутила кольцо.

— Так нельзя, Ульрика. Это мое место. Нельзя просто взять и занять его...

Мама вела ее вверх по лестнице, крепко и заботливо обхватив спину в цветастом жакете.

Альф так и не пришел, зато появился рождественский гном. Мальчик с синдромом сиял так, как сияет ребенок, услышавший про мороженое, фейерверки, большое ветвистое дерево или глубокую лужу, когда у него высокие резиновые сапоги.

Мод поставила дополнительный прибор и подала еще лазаньи. Леннарт поставил кофе. Джордж вымыл посуду. Мальчик с синдромом и женщина в черной юбке сидели на полу среди подарков и смотрели «Золушку».

Бритт-Мари примостилась в неловкой позе на диване рядом с Эльсой. Они искоса поглядывали друг на друга и молчали, но дело явно шло к примирению. И когда Эльсина мама сказала, что Эльсе больше не надо есть

мармеладных гномов, иначе живот заболит, а Эльса все равно продолжала, — даже тогда Бритт-Мари ничего не сказала.

Когда на экране появилась злая мачеха, Бритт-Мари незаметно встала, поправила складку на юбке и, плача, ушла в коридор, Эльса пошла за ней следом.

Они сидели на сундуке и ели мармеладных гномов.

Потому что можно страдать и есть гномов. Просто страдать при этом гораздо труднее.

31. Ореховый пирог

Пятое письмо приземлилось Эльсе прямо на колени. В буквальном смысле.

Она проснулась в шкафу в бабушкиной квартире. Мальчик с синдромом спал, окруженный мечтами и в обнимку с молокомётом. Ворс немного обслюнявил Эльсину кофту, и она затвердела, как цемент.

Эльса долго лежала в темноте, вдыхая запах стружек и вспоминая цитату из «Гарри Поттера», которую бабушка использовала в одной из своих историй из Просонья. А именно, из книги «Гарри Поттер и орден Феникса». Это, конечно, было сказано с изрядной долей иронии, но чтобы ее разглядеть, нужно, во-первых, знать разницу между книгами и фильмами о Гарри Поттере, а во-вторых, понимать, что такое «ирония». «Гарри Поттер и орден Феникса» — один из наименее любимых Эльсиных фильмов, хотя цитату эту Эльса любит больше всего. Гарри говорит, что у него и его друзей есть одно большое преимущество на войне с Волан-де-Мортом, потому что у них есть то, чего нет у него: «То, за что мы сражаемся».

Ирония в том, что в книге, которую Эльса любит гораздо больше, чем фильм, этой цитаты нет. Хотя «Орден Феникса» не самая любимая ее книга из всей серии. Впрочем, сейчас Эльсе уже не кажется, что никакой иронии здесь нет. Все гораздо сложнее. Над этим надо еще подумать. И в этот самый момент письмо в буквальном смысле слова опустилось к ней на колени. Оно было приклеено скотчем к потолку шкафа. Сколько времени оно там повисело — неизвестно.

Впрочем, в сказках такое в порядке вещей.

Альф стоял в дверях своей квартиры с чашкой кофе — судя по всему, спать он даже не ложился. И смотрел на конверт, где было написано его имя — несоразмерно большими буквами.

— Я нашла его в шкафу. Это от бабушки. Наверное, она просит прощения. Она отправила всем кучу писем с извинениями, — объяснила Эльса.

Альф шикнул на нее и показал на радио у себя за спиной. Эльса дала понять, что не любит, когда на нее шикают, и тогда Альф шикнул снова. Эльсе это совсем не понравилось. По радио передавали сводку дорожных новостей. И только дослушав новости до конца, Альф перестал шикать.

— На автостраде кошмарная авария. Движение перекрыто, уже несколько часов все стоит, — сообщил Альф, будто Эльсе это очень интересно.

Что не факт.

Письмо Альф прочитал — после некоторых препирательств. Ну ладно, положим, препирался он долго, но тем не менее.

— О чем она пишет? — требовательно спросила Эльса, как только Альф оторвал взгляд от письма.

— Просит прощения.

— За что именно?

Альф вздохнул своим фирменным вздохом, который выработался у него за последнее время при общении с Эльсой.

— Это мое письмо, черт побери.

— За то, что говорила, что ты шаркаешь и поэтому у тебя стерлись подошвы?

Судя по реакции Альфа, в письме об этом не было ни слова. Эльса кашлянула:

— Э... Ладно, проехали.

Похоже, Альфу проехать это оказалось нелегко.

— Что не так с моими подошвами?

— Да все в порядке. Подошвы как подошвы. Альф опустил взгляд на свои ботинки.

— У меня замечательные ботинки. Я ношу их уже больше пяти лет!

— Прекрасные ботинки, — соврала Эльса.

Кажется, Альф ей не поверил. Он снова со скептическим видом углубился в письмо. Вздохнул фирменным вздохом.

— Незадолго до ее смерти мы с твоей бабушкой чертовски повздорили. Прямо перед тем, как ее положили в больницу. Она у меня, на хрен, дрель взяла и не вернула, а потом стала говорить, что вернула, хотя я-то пока еще в здравом уме и все помню, твою мать.

Эльса вздохнула так, как за последнее время научилась вздыхать при общении с Альфом.

— Ты слышал про человека, который до смерти заругался?

— Нет, — серьезно ответил Альф. Эльса закатила глаза.

— Господи. Что она пишет про дрель?

— Просит прощения, черт побери. За то, что посеяла дрель.

Альф сложил письмо и засунул обратно в конверт, давая понять, что вопрос исчерпан. Но Эльса даже не думала уходить.

— И? Я же вижу, что письмо длинное. Не надо меня за дурочку держать!

Альф убрал конверт на шляпную полку.

— Она много за что просит прощения, черт возьми.

— Все так сложно?

— У твоей бабушки все было непросто.

Эльса сунула руки поглубже в карманы. Уткнувшись подбородком в грудь, стала рассматривать эмблему Гриффиндора на шарфе. Шов, сделанный мамой на месте дырки после того случая в школе. Мама до сих пор думает, будто шарф порвался, когда бабушка лезла через забор зоопарка.

— Ты веришь в жизнь после смерти? — спросила Эльса, не глядя на Альфа.

— Черт его знает, — ответил Альф ни грустно ни весело, но очень по-альфовски.

— Нет, ну ты меня понял, ты веришь... в рай... или типа того...

Альф отхлебнул кофе и впал в раздумья.

— Все не так просто, твою мать. Давай рассуждать логически. Рай ведь, черт побери, это когда нет хреновой тучи народа, — наконец сформулировал Альф.

Эльса призадумалась. Дельное соображение. Для Эльсы рай — это место, где находится бабушка, но для Бритт-Мари, например, рай целиком и полностью определяется отсутствием бабушки.

— Альф, ты иногда как скажешь — в самую точку. Альф попивал кофе, всем своим видом показывая, что для почти восьмилетнего ребенка это, твою мать, весьма меткое наблюдение.

Эльса хотела расспросить подробнее, что Альф думает о смерти, но не успела. Потом, прокручивая события, она подумает, что поступи она немного иначе, этот день, возможно, не стал бы таким ужасным. Но будет уже поздно.

За спиной Эльсы на лестнице появился папа. Запыхавшийся. Что совсем не в его духе.

Эльса смотрела на папу во все глаза, потом перевела взгляд на радио у Альфа в квартире. Такие глаза бывают у человека, когда ему почти восемь и он вдруг понял, что радионовости про аварии появляются в сказке не просто так. Потому что в сказках случайностей не бывает. Один русский драматург сказал, что если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно выстрелит. Эльса об этом знает. Что ребенок знает такие вещи, не укладывается только в совсем светлых головах. Эльса сразу же поняла, что радио и авария на автостраде как-то связаны со сказкой, в которой все они принимают участие.

— Что-то с... мамой?

Папа кивнул и нервно покосился на Альфа. У Эльсы задрожали губы.

— Она в больнице?

— Да, утром ей позвонили и вызвали на срочную встречу. Что-то вроде кри... — но Эльса не дала ему договорить:

— Она попала в аварию, да? На автостраде?

Папа явно не понимал, о чем речь.

— В какую еще аварию?

— В аварию на автостраде!

Папа энергично помотал головой. Он был в замешательстве.

— Да... нет!

Папа улыбнулся:

— Ты теперь старшая сестра. Пока мама была на встрече, у нее отошли воды!

До Эльсы не сразу дошел смысл того, что он сказал. Не может быть. Она прекрасно знает, что случается, когда у беременных отходят воды, дело не в этом.

— А как же авария? Какое она имеет к этому отношение?

Папа оставался в замешательстве.

— Никакого. Что ты имеешь в виду?

Эльса перевела взгляд с папы на Альфа. Еще немного, и у нее мозги закипят.

— А где Джордж?

— В больнице у мамы.

— Как он туда добрался? По радио ведь сказали, что движение остановлено! — вскрикнула Эльса.

— Трусцой, — чувствовалось, что папа слегка стебается над Джорджем, как это бывает с папами, когда они говорят о новых маминых увлечениях.

На этот раз улыбнулась Эльса.

— Тут с ним никто не сравнится, — прошептала она.

— Это точно, — согласился папа.

Таким образом, радио все же нашло свое место в этой истории, подумала Эльса, и вдруг спохватилась:

— А мы как туда доберемся, если дорога перекрыта?

Папа пребывал в замешательстве. Альф не торопясь заглатывал кофе — что ни глоток, то пустая чашка.

— Езжайте в объезд, твою мать, по старой загородной дороге, — сказал он с некоторым раздражением, когда наконец понял, что папе это даже в голову не приходит.

Папа с Эльсой смотрели на Альфа так, будто тот изрек заклинание на выдуманном языке. Альф устало вздохнул:

— Загородная дорога, твою мать. Мимо старой скотобойни. Там, где фабрика, на которой раньше делали теплообменники, пока эти черти не перенесли все производство в Китай. По ней можно добраться в больницу!

Папа кашлянул. Эльса ковыряла грязь под ногтем. Махнув рукой, Альф опрокинул в себя остатки кофе.

— Вот молодежь пошла, твою мать. Да для вас свет клином на автостраде сошелся, — пробормотал он и ушел за ключами от такси.

Сначала Эльса вместе с ворсом собиралась поехать на такси. Но потом поняла, что папа может обидеться, и они сели в «ауди». Если бы только она в тот момент не передумала, все могло бы пойти иначе и этот день не обернулся бы сплошным кошмаром, каким неизбежно станет через пару часов. Когда случается что-то страшное, всегда думаешь: «если бы я только не...». Но точка невозврата пройдена.

Мод и Леннарт тоже захотели поехать в больницу. Мод взяла с собой печенье, а Леннарт, уже спустившись в подъезд, принял решение взять с собой кофеварку: кто его знает, может, у них там в больнице кофе вообще нет. А если есть, то из автомата со множеством кнопок. У Леннарта кофеварка всего с одной кнопкой. Зато какой замечательной!

Если бы только папа не предложил сбегать наверх за кофеваркой, все могло бы пойти иначе. Возможно, это была очередная точка невозврата.

Мальчик с синдромом и его мама тоже решили ехать в больницу. И женщина в джинсах. Теперь они были одной командой, и Эльсе это ужасно нравилось. Мама вчера сказала, что теперь, когда так много людей живет в бабушкиной квартире, весь дом напоминает то самое место, где живут все

эти Люди Икс, которых так любит Эльса.

«Высшая школа имени Джин Грей», — устало поправила Эльса, закатив глаза. Отчасти — чтобы мама не думала, будто достаточно вспомнить любой пустяк про Людей Икс, чтобы показаться крутой, отчасти потому, что сравнение вообще-то попало в точку.

Эльса позвонила в дверь Бритт-Мари. Никто не открыл. Потом Эльса вспомнит, что замешкалась возле коляски, пристегнутой к лестнице. Кроссворд так и висел на стене. Но кто-то успел вписать туда слова. Все клеточки были заполнены. Простым карандашом.

Если бы только Эльса подольше там задержалась, все могло бы сложиться иначе. Но она пошла дальше.

Кажется, ворс на мгновение тоже помешкал возле двери Бритт-Мари. Что, в общем, неудивительно, ворсы иногда сомневаются, кого в этой сказке они призваны защищать. Если разобраться, то по-хорошему в сказке ворс должен защищать принцессу, а Эльса была самым что ни на есть обычным рыцарем. Но даже если ворс на мгновение усомнился, он никак этого не показал. Он пошел дальше за Эльсой. Потому что дружба есть дружба.

Если бы он остался, все могло бы пойти иначе. Но ворс не остался.

Альф убедил полицейских сделать кружок по кварталу и проверить, что «все под контролем». Эльса так никогда и не узнала, что именно он им сказал, но Альф, если хочет, убедит кого угодно. Возможно, он сказал им, что видел следы на снегу. Или слышал что-то подозрительное от жильцов соседнего дома. Во всяком случае, полицейский-старшеклассник уселся в машину, а вместе с ним — после долгих сомнений — и зеленоглазая женщина. Эльса встретила с ней взглядом. Стоило рассказать в тот момент про ворса, все, возможно, пошло бы иначе. Но Эльса не рассказала. Потому что хотела защитить его. Потому что дружба есть дружба.

Альф вернулся в дом и спустился в гараж, чтобы выехать на такси. Как только полицейский автомобиль завернул за угол, Эльса, ворс и мальчик с синдромом вышли на улицу и двинулись в сторону «ауди», припаркованной возле дома. Сначала дети, потом ворс.

Остановившись на полпути, ворс вздыбил шерсть на загривке.

Это длилось секунду, не больше, но Эльсе показалось, что прошла целая вечность. Потом она вспомнит, что успела передумать миллиард мыслей за эту секунду, но в то же время не успела ничего сообразить.

Они сели в машину, и Эльса уловила какой-то знакомый и умиротворяющий запах. Что это? Сквозь открытую дверь она посмотрела на ворса и, еще не поняв толком, что происходит, подумала: ворс не хочет запрыгивать в машину, потому что ему больно. Эльса знала, что ему больно — так, как было больно бабушке в последние дни ее жизни, когда болело все тело.

Эльса запустила руку в карман, где лежало печенье. Если твой друг ворс, у тебя в кармане всегда есть по меньшей мере одно печенье на крайний случай. Но Эльса не успела достать его, потому что внезапно ее осенило, что это за запах. Пахло табачным дымом.

После этого не прошло ни одной вечности, ни единой секунды. Из тени на заднем сиденье вынырнул Сэм. Его ледяная ладонь зажала Эльсе рот. Рука обвилась вокруг подголовника и крепко сдавила шею, жесткие волоски впивались в подбородок сквозь шарф Гриффиндора, словно острые камешки в пятки летом на скалах. Эльса успела подумать, что рука такая холодная, будто по жилам течет не кровь, хотя на самом деле ничего она не успела.

Она заметила секундное замешательство в глазах Сэма при виде мальчика с синдромом. Тот понял, что преследовал не того ребенка. Эльса подумала о том, что тени из сказок не собирались убивать Избранного. Они лишь хотели похитить его. Чтобы он стал их собственным. Они были готовы убить любого, кто преградит им дорогу.

И тут челюсти ворса сжали запястье Сэма железной хваткой — как раз в тот момент, когда он схватил мальчика. Воздух разрезал пронзительный вопль.

У Эльсы на все про все была секунда, когда Сэм отпустил ее. В зеркале заднего вида мелькнул нож.

В глазах почернело.

Эльса словно видела картинку со стороны: она бежит, держа мальчика за руку и думает только о том, как добежать до подъезда. Успеть закричать, чтобы услышали папа и Альф.

Эльса видела, как мелькают на снегу ее ноги, будто сами по себе, независимо от ее воли. Тело двигалось машинально. Через несколько шагов Эльса услышала душераздирающий, полный боли вой ворса, и отпустила руку мальчика, а может, это он ее отпустил. Стук сердца отдавался даже в глазах. Мальчик поскользнулся и упал. Эльса слышала, как открылась задняя дверь «ауди». Из нее показалась рука Сэма с окровавленным ножом.

Прошла целая сказочная вечность, а может, одно бесконечное мгновение. Все кончено, они ни за что не успеют. И все же она сделала это. Другого выхода не было. Она схватила всех мальчиков, которых в состоянии была унести, и изо всех сил помчалась вперед.

Бегают Эльса хорошо. Но все равно не успеть. За спиной послышался хрип: Сэм всем телом навалился на мальчика, — удар по локтю отдался в плечо, а потом и в сердце, когда Эльса поняла, что мальчика вырвали у нее из рук. Она зажмурилась. Последним, что она почувствовала, был удар в лоб. Последним, что услышала, — крик Мод. Последним, что увидела, — папины руки и бетонный пол. Мир завертелся перед глазами, а потом, качаясь, приземлился. Наверное, это и есть смерть. Ты словно падаешь в никуда.

Раздался хлопок, затем эхо. «Эхо», — успела подумать она. Значит, они в помещении. Глаза свербели так, будто в них насыпали гравия. Эльса слышала легкий топот мальчика с синдромом, бегущего вверх по лестнице — шаги мальчика, который много лет знал, что это может случиться. Она слышала испуганный голос мамы мальчика, которая старалась успокоиться и взять себя в руки. Мама бежала вслед за мальчиком, как может бежать только мама, привыкшая жить в постоянном страхе.

За ними закрылась дверь в бабушкину квартиру, было слышно, как щелкнул замок. Папины руки не просто поддерживали ее, они пытались ее удержать. Отчего — непонятно. И тут сквозь окно в двери Эльса увидела тени. Рядом был Сэм. Он неподвижно стоял за дверью. По лицу Сэма вдруг пробежало какое-то нетипичное для него чувство, и сначала Эльса решила, что это ей привиделось.

Сэм был испуган.

Взмах ресниц, и Сэма накрыла огромная тень, куда больше его самого. Тяжелые кулаки Волчьего Сердца обрушились на него, как пулеметная очередь, эти ярость и мрак не смогли бы описать ни в одной сказке. Волчье Сердце не просто бил Сэма, он втапывал его в снег. Не для того, чтобы обезвредить. Не для того, чтобы защитить.

А для того, чтобы уничтожить.

Папа схватил Эльсу и побежал вверх по лестнице, прижимая ее к себе, чтобы Эльса не видела. Кто-то вырвался из подъезда, Мод с Леннартом умоляли Волчье Сердце больше не бить, прекратить, прекратить.

Но глухие удары не смолкали, как будто кто-то ронял и ронял на пол пакет с молоком. Волчье Сердце не слышал их. Если верить сказке, Волчье

Сердце ушел в глухие леса задолго до начала Бесконечной войны, потому что знал, на что он способен.

Вырвавшись, Эльса бросилась вниз. Мод и Леннарт перестали кричать еще до того, как она спустилась. Волчье Сердце занес кулак-кувалду так высоко над Сэмом, что дотронулся до протянутой лапы облакона, прежде чем упасть вниз.

Вполне возможно, прошла целая вечность. Вполне возможно, Эльсе стоит подумать насчет других способов исчисления времени в серьезных ситуациях. Потому что так дальше не пойдет. Слишком уж все запуталось, это факт.

Но Волчье Сердце застыл с поднятым кулаком. Между ним и лежавшим на снегу окровавленным человеком, который сжимал нож, вдруг выросла женщина, такая маленькая и хрупкая, что казалось, ветер дул сквозь нее. В руке у нее был невзрачный комочек голубоватой пыли из бельевой сушилки, а на безымянном пальце белела полоса от кольца. Она смотрела на Волчье Сердце так, будто каждая клеточка ее тела приказывала ей бежать отсюда что есть мочи. Но она продолжала стоять с таким неукротимым взглядом, который бывает у человека, когда ему нечего больше терять.

Она комкала пыль, перекладывая ее из одной руки в другую, потом сложила руки в замок и, решительно глядя на Волчье Сердце, заявила:

— В нашем кондоминиуме убивать не принято.

Кулак Волчьего Сердца дрожал в воздухе. Грудь ходила ходуном. Но в конце концов рука медленно опустилась и упала вдоль тела.

Бритт-Мари кашлянула. Смахнула с юбки заблудшие снежинки. Разгладила складку. Снова сложила руки в замок и кашлянула.

— Я хотела сказать, в нашем подъезде. В нашем подъезде не принято убивать. Мы так не делаем. Мы люди цивилизованные.

Бритт-Мари так и стояла между Сэмом и Волчьим Сердцем, между тенью и монстром, когда на улице показался полицейский автомобиль. Зеленоглазая женщина-полицейский выскочила оттуда с пистолетом наготове еще до того, как машина остановилась. Волчье Сердце упал на колени, прямо в снег. Вознес руки к небу, закрыл глаза.

Эльса дернула ручку двери и выбежала на улицу. Полицейские заорали на Волчье Сердце. Они пытались помешать Эльсе, но это все равно что удерживать воду в ладонях. Она утекает сквозь пальцы. И даже многие годы спустя ей так и не удалось понять, почему именно в тот момент в памяти всплыли мамины слова Джорджу, когда мама думала, что Эльса

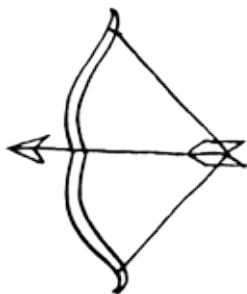
спит. Каково это, когда твоя дочь растёт? Это все равно что держать воду в ладонях.

Ворс неподвижно лежал на земле посередине между подъездом и «ауди». Снег рядом стал красным. Ворс пытался поползти до нее. Он выбрался из машины и полз, пока силы его не покинули. Эльса сбросила с себя куртку и гриффиндорский шарф, подстелила под ворса, легла на снег рядом и обняла его крепко-крепко. От ворса пахло ореховым печеньем. Она шептала ему на ухо: «Не бойся, пожалуйста, не бойся. Волчье Сердце убил дракона, а сказки кончаются, только когда дракон побежден».

Папины нежные руки подняли ее с земли, Эльса закричала так громко, чтобы ворс услышал ее даже на полпути в Просонье:

— ТЫ НЕ УМРЕШЬ! СЛЫШИШЬ?! ТЫ НЕ УМРЕШЬ, ПОТОМУ ЧТО ВСЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СКАЗКИ КОНЧАЮТСЯ ХОРОШО!

32. Мороженое

Смерть оправдать невозможно. Тяжело отпустить того, кого любишь.

Бабушка с Эльсой любили вместе смотреть вечерние новости. Иногда после этих новостей Эльса спрашивала у бабушки, почему взрослые постоянно делают глупости. Бабушка отвечала: это потому, что взрослые тоже люди, а люди по природе своей говнюки. Эльса возражала, что это нелогично, ведь кроме глупостей взрослые успевают сделать и много хорошего. Например, полеты в космос, Организация Объединенных Наций, вакцины, сырорезки. На это бабушка отвечала: «Весь фокус в том, что ни один человек не является полностью говнюком, но и совсем не быть им тоже не может. Важно стараться быть как можно меньшим говнюком — но это как раз самое трудное в жизни».

Однажды после очередного совместного просмотра вечерних новостей Эльса спросила, почему так много хороших людей, которые стараются не быть говнюками, постоянно умирает в разных концах мира, а говнюки остаются в живых. И почему вообще кто-то непременно должен умирать. Бабушка попыталась отвлечь Эльсу мороженым и сменить тему, потому что мороженое нравилось бабушке до смерти. Но, поскольку Эльса была ребенком невероятно упрямым, в конце концов бабушка сдалась. И признала: чтобы кто-то получил место, надо, чтобы другой его уступил.

«Примерно как в автобусе, когда уступаешь место старикам?» — спросила Эльса. Тогда бабушка поинтересовалась, удастся ли сменить тему и переключиться на мороженое, если она согласится и скажет «да». Эльса обещала подумать. Тогда бабушка ответила: «Да-да-да, так и есть!»

И они принялись за мороженое.

Смерть оправдать невозможно. Тяжело отпустить того, кого любишь. В

самых древних сказках Миамаса говорится о том, что ворс может умереть, если его сердце разорвется. Потому что вообще-то ворсы бессмертны, убить их может только горе. Говорят, когда ворсы были в изгнании, после того как один из них укусил принцессу, они так скорбели, что потеряли бессмертие. «Поэтому сотни ворсов пали в последней битве Бесконечной войны, — говорила бабушка. — Война разрывает всякое сердце».

Об этом думала Эльса, сидя в ветеринарной лечебнице. Много чего успеваешь передумать, пока сидишь под дверью у врача. Пахло птичьим кормом.

Бритт-Мари сидела рядом, сложив руки в замок на коленях и глядя на клетку с какаду в другом конце комнаты. Какаду, похоже, Бритт-Мари не понравился. Эльса не очень разбиралась в языке какаду, но неожиданно почувствовала полную солидарность с Бритт-Мари.

— Вам вовсе не обязательно здесь сидеть, — сказала Эльса сердитым охрипшим голосом.

Бритт-Мари смахнула с жакета невидимые соринки от птичьего корма и ответила, не спуская взгляда с какаду:

— Мне это вовсе не трудно. Не волнуйся, дружок. Я никуда не спешу.

Вредности в голосе Бритт-Мари почти не ощущалось. Сейчас полицейские допрашивали папу и Альфа, Бритт-Мари допросили первой, поэтому она предложила посидеть с Эльсой у ветеринара, пока не появятся новости о состоянии ворса. На самом деле Бритт-Мари не такая вредная. Просто ей трудно говорить по-другому.

— А знаете, если бы вы всегда говорили таким милым голосом, то, может, люди бы к вам относились гораздо лучше. Все зависит от вас! — Эльса старалась говорить как можно дружелюбнее. Получилось так себе.

Она вытерла слезы ладонью. Главное — не думать о ворсе и смерти. Только это не так-то просто. Бритт-Мари поджала губы и сложила руки замком на коленях.

— Да-да, понимаю, чего еще от вас ждать. В вашей семье всегда так думали. Ничего удивительного.

Эльса вздохнула:

— Я ничего плохого в виду не имела.

— Ни в коем случае, я все понимаю. Вы никогда не имели в виду ничего плохого.

Эльса обмотала руки гриффиндорским шарфом и набрала побольше воздуха в легкие.

— Вы очень храбрая. Как вы только не побоялись встать между Сэмом

и Волчьим Сердцем, — тихо сказала она.

Бритт-Мари смахнула к себе в ладонь со стола невидимые зернышки из птичьего корма, а может, еще какие невидимые крошки. Она сидела, зажав их в кулак, и искала глазами невидимую корзину для мусора.

— В нашем подъезде не принято убивать. Разве мы варвары? — быстро проговорила она, чтобы Эльса не услышала, как дрожит ее голос.

Они молчали. Так бывает, когда люди пытаются помириться второй раз за два дня, но не хотят произносить это вслух.

Бритт-Мари хорошенько взбила подушку, лежавшую рядом с ней на диване.

— Не думай, будто я ненавидела твою бабушку, — сказала она, не глядя на Эльсу.

— Не думайте, будто она ненавидела вас, — сказала Эльса, не глядя на Бритт-Мари.

Бритт-Мари снова сложила руки и прикрыла глаза.

— Я никогда не хотела, чтобы наш дом стал кондоминиумом. Этого хочет Кент, а для меня главное, чтобы он был счастлив. Он хочет продать квартиру, заработать денег и переехать. А я переезжать не хочу.

— Почему?

— Это мой дом.

Ну как после этого можно не любить Бритт-Мари?

Особенно если тебе почти восемь.

— Почему вы с бабушкой все время ругались? — спросила Эльса, хотя заранее знала ответ.

— Она считала меня... старой перечницей, — ответила Бритт-Мари, не сказав о главном.

— А почему вы такая старая перечница? — спросила Эльса, вспомнив о принцессе, сокровище и ведьме.

— Видишь ли, Эльса, есть люди, которым не безразлично, что происходит вокруг. И это совершенно нормально! Как только появляются люди, которым не безразлично, твоя бабушка называет их «старыми перечницами» — но разве можно жить по-другому? Это не жизнь, а существование, — сказала Бритт-Мари милым голосом старой перечницы.

— Вы очень глубокий человек, если познакомиться с вами поближе, — сказала Эльса.

— Спасибо, — ответила Бритт-Мари, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не стряхнуть невидимые пылинки с Эльсиной куртки.

Вместо этого она лучше взбила подушку, хотя вот уже много лет как

взбивать там было нечего. Эльса обмотала пальцы гриффиндорским шарфом.

— Я вспомнила об одном дяденьке из стихотворения, который говорит, что раз его типа никто не любит, то пусть хотя бы ненавидят. Лишь бы на него обратили внимание, — сказала Эльса.

— Доктор Глас, — кивнула Бритт-Мари.

— «Википедия», — поправила Эльса.

— Это из «Доктора Гласа», — не сдавалась Бритт-Мари.

— Это сайт?

— Пьеса.

— А-а.

— Что такое «Википедия»?

— Сайт.

Бритт-Мари сложила руки на коленях.

— Вообще-то «Доктор Глас» — это роман. Но я его не читала. Но есть и спектакль, — неуверенно сказала Бритт-Мари.

— А-а.

— Люблю театр.

— Я тоже.

Бритт-Мари кивнула. Эльса тоже.

— Доктор Глас — хорошее имя для супергероя.

Про себя Эльса подумала, что это имя больше бы подошло его немезису, но, кажется, Бритт-Мари не читает серьезной литературы на регулярной основе, и Эльса не хотела все усложнять. Бритт-Мари кивнула. И процитировала по памяти: «Нам хочется, чтобы нас любили или хотя бы почитали, хотя бы боялись, хотя бы поносили и презирали. Нам хочется внушать людям хоть какое-нибудь чувство. Душа содрогается от пустоты и жаждет общения любой ценою»^[5].

Эльса не до конца поняла, но кивнула. В знак согласия.

— А вам чего хочется?

Бритт-Мари потянулась к коленям, но не стала ничего смахивать.

— Видишь ли, Эльса, быть взрослым непросто, — уклончиво сказала она.

— Ну, знаете ли, ребенком быть тоже не так уж и просто, — упрямо ответила Эльса.

Бритт-Мари слегка дотронулась до белой полоски от кольца.

— Ранним утром я любила стоять на балконе. Я рано вставала. До того, как проснется Кент. Твоя бабушка это знала и однажды налепила

снеговиков. Поэтому я разозлилась. Она знала мою тайну и воспользовалась этим, чтобы сделать из меня посмешище.

— Какую тайну? — спросила Эльса.

Бритт-Мари крепко сцепила руки.

— Я была не похожа на твою бабушку. Никуда не ездила. Всегда сидела на одном месте. Но иногда ранним утром мне нравилось стоять на балконе, когда дует ветер. Я знаю, что это глупо, все считают, что это глупо, ничего удивительного.

Она поджала губы.

— Но мне нравилось чувствовать ветер в волосах. А что такого?

Эльса подумала, что Бритт-Мари все-таки не совсем засранка. Даже скорее совсем не.

— Вы так и не ответили на вопрос, чего бы хотели вы, — сказала она, продолжая наматывать шарф.

Пальцы Бритт-Мари неуверенно шарили по юбке, словно человек, который идет через весь танцпол, решившись наконец пригласить на танец того, кто нравится. Она тихо сказала:

— Я хочу, чтобы кто-нибудь вспомнил о том, что я есть. О том, что я здесь была.

К сожалению, последней фразы Эльса не слышала, потому что в дверях появился ветеринар. Взгляд у него был такой, что у Эльсы зашумело в ушах. Не успел он и рот раскрыть, как Эльса проскочила мимо него и бросилась дальше. За спиной у нее раздался крик, но она продолжала бежать по коридору, распахивая все двери, одну за другой. По дороге ее схватила медсестра, но Эльса вырвалась и помчалась дальше. Она проверяла все двери, пока не услышала вой ворса. Он будто знал, что Эльса спешит к нему, и звал ее. Она нашла нужную комнату. Ворс лежал на холодной кушетке, живот был затянут в бандаж. Все перепачкано кровью. Зарывшись лицом глубоко-глубоко в его шерсть, Эльса шепотом повторяла снова и снова: «Не умирай!»

Бритт-Мари осталась в комнате ожидания. Совсем одна. Даже какаду унесли. Если бы она сейчас встала и ушла, никто бы этого не заметил. Кажется, именно об этом она сейчас и подумала. Бритт-Мари смахнула со стола что-то невидимое, поправила складку на юбке, встала и ушла.

Ворс закрыл глаза. Морда у него была такая, будто он улыбался. Слышал ли он Эльсу в этот момент? Чувствовал ли, как огромные слезы каплют на его шерсть? Тяжело отпустить того, кого любишь. Особенно

если тебе почти восемь и приходится привыкать, что все, кого ты любишь, рано или поздно уходят.

— Не умирай. Слышишь, не умирай, я с тобой. Ты мой друг. Настоящий друг не может просто взять и умереть, понимаешь? Друзья не умирают, — шептала Эльса, пытаясь убедить скорее себя, а не ворса.

Похоже, ворс это понимал. Он пытался высушить ее слезы своим теплым дыханием. Эльса лежала рядом на краю кушетки, как лежала вместе с бабушкой в ту ночь, когда та не вернулась назад из Миамаса.

Эльса останется здесь навсегда. А гриффиндорский шарф будет навсегда похоронен в шерсти ворса.

Ворс дышал все медленнее, сердце под черной шерстью билось все реже. За спиной у Эльсы послышался голос женщины-полицейского. Зеленые глаза стояли в дверях и смотрели на зверя и девочку. Эльса обернулась. В зеленых глазах было сочувствие человека, который не любит говорить о смерти.

— Нам придется забрать твоего друга в участок, — сказали глаза.

Эльса поняла, что речь идет о Волчьем Сердце.

— Вы не имеете права сажать его в тюрьму! Это была самозащита! — зарычала Эльса, так что все тяжелые капли скорби, собравшиеся на губах, разлетелись по комнате, как тайфун.

Зеленые глаза покачали головой:

— Нет, Эльса. Это было не так. Он защищал не себя.

Зеленые глаза попятились к двери. Они с нарочитой растерянностью взглянули на часы, словно вдруг вспомнили о том, что прямо сейчас должны быть совсем в другом месте. И надо же, вот совпадение, тот, кого строго-настрого приказали срочно доставить в участок, в этот самый момент как раз оказался без стражи, так что теперь мог поговорить с ребенком, который провожал ворса в последний путь. Бывает же такое.

Зеленые глаза исчезли за дверью. На пороге стоял Волчье Сердце. Эльса вскочила с кушетки и обняла его, не думая о том, будет ли он купаться в антибактериальном геле, когда вернется домой.

— Ворс не умрет! Скажи ему, чтобы не умирал! — шептала Эльса.

Волчье Сердце едва дышал, неуверенно растопырив в воздухе руки, словно ему на футболку плеснули ядовитую жидкость. Эльса вспомнила, что его куртка так и лежит у них дома.

— Мы вернем твою куртку! Мама ее очень хорошо постирала и повесила в шкаф в специальном чехле, — виновато шептала Эльса, не разжимая объятий.

Волчье Сердце явно давал понять, что был бы очень рад, если бы она его отпустила. Но Эльсе было наплевать.

— Только больше никогда не дерись! — приказала она, уткнувшись лицом в футболку. Эльса подняла голову и вытерла слезы.

— Я не про то, что драться вообще нельзя. Я пока для себя не решила этот вопрос. Чисто с точки зрения нравственности. Но тем, кто так хорошо это умеет, драться нельзя! — всхлипнула Эльса.

И тут Волчье Сердце повел себя очень странно. Он вдруг взял и тоже обнял Эльсу.

— Ворс. Очень старый. Очень старый ворс, Эльса, — прорычал он на тайном языке.

— Сколько можно, почему все вокруг умирают! — рыдала Эльса.

Волчье Сердце взял ее за руки. Легонько пожал указательные пальцы. Его трясло, будто он держал раскаленное железо, но он все же не отпускал ее. Так бывает, когда понимаешь, что в жизни есть вещи поважнее детских микробов.

— Очень старый ворс. Очень устал, Эльса.

Эльса лишь отчаянно замотала головой и крикнула, что никому больше не позволит умирать. Тогда Волчье Сердце отпустил одну ее руку и, порывшись в кармане, вручил ей какую-то мятую бумажку. Рисунок. Видно было, что это дело рук бабушки, — рисовала она так же криво, как и писала.

— Это карта, — судорожно дыша, Эльса развернула бумажку. Так дышат, когда слезы кончились, но ты продолжаешь плакать.

Волчье Сердце потер ладони. Эльса погладила буквы.

— Здесь написано, что это карта седьмого королевства, — сказала она скорее себе, чем ему.

Эльса снова легла рядом с ворсом. Так близко, что шерсть немного кололась через футболку. Из холодных ноздрей доносилось теплое дыхание. Ворс спал. Во всяком случае, Эльса на это надеялась. Она поцеловала его в нос, так что слезы остались на мохнатых щеках.

Волчье Сердце тихонько кашлянул.

— Было в письме. В бабушкином письме, — сказал он на тайном языке и кивнул на карту.

Волчье Сердце посмотрел на Эльсу. А Эльса посмотрела на Волчье Сердце — сквозь мокрую пелену. Тот снова кивнул на карту.

— Мипардонус. Седьмое королевство. Мы с твоей бабушкой... хотели

построить.

Эльса внимательно изучила карту, дрожавшую от затихающих вздохов ворса. На карте было изображено Просонье, только с нарушенными пропорциями — у бабушки всегда с этим были проблемы.

— Седьмое королевство находится там, где лежат руины Мибаталоса, — прошептала она.

Волчье Сердце потер ладони.

— Мипардонус можно строить только на Мибаталосе. Бабушкина идея.

— Что значит Мипардонус? — спросила Эльса, прижавшись щекой к ворсу.

— Мамин язык. Значит «я прощаю», — ответил Волчье Сердце.

Слезы у него на щеках были огромные, будто ласточки. Гигантская пятерня мягко опустилась на голову ворсу. Ворс приоткрыл глаза и посмотрел на Волчье Сердце.

— Очень старый, Эльса. Очень-очень устал, — прошептал Волчье Сердце.

Он тихонько дотронулся до раны, которую оставил в густой шерсти нож Сэма.

— Очень больно, Эльса. Очень-очень больно.

Тяжело отпустить того, кого любишь. Особенно если тебе почти восемь.

Эльса прижалась к ворсу, обняла его крепко-крепко. Он взглянул на нее в последний раз, едва приоткрыв глаза. Улыбнувшись, она шепнула: «Ты мой самый первый и лучший друг». Ворс из последних сил лизнул ее в лицо. От него пахло бисквитным тестом. Эльса засмеялась, слезы капали на кушетку.

Облаконь приземляется в Просонье. Эльса изо всех сил обнимает ворса и шепчет: «Ты выполнил свое задание. Не нужно больше защищать замок. Защищай бабушку. Защищай сказки!» Ворс лижет ее в лицо последний раз.

И убегает.

Эльса смотрит на Волчье Сердце. Тот щурится на солнце так, как человек, который не был в Просонье несколько сказочных вечностей. Эльса показывает на руины Мибаталоса.

— Надо привести сюда Альфа. Он мастер на все руки. По крайней мере, шкаф он мастерски перестроил. В седьмом королевстве шкафы не помешают, как думаешь? Бабушка будет сидеть на лавочке в Миамасе и

ждать, пока мы управимся. Как дедушка Сухарика в «Братях Львиное Сердце». Это такая сказка, я читала ее бабушке, так что я точно знаю, она будет нас ждать на лавочке, она всегда крадет из чужих историй. Бабушка знает, что «Братя Львиное Сердце» — моя любимая книга!

Эльса плакала. Волчье Сердце тоже. Они сделали все, что могли. Построили слова о прощении на руинах из слов о войне.

Ворс умер в тот же день, когда родился брат Эльсы. Когда брат подрастет, она непременно ему об этом расскажет. Историю о своем лучшем друге. О том, что иногда надо уступить место другому. Ворс как бы уступил брату свое место в автобусе.

Эльса непременно скажет брату, что ему не надо грустить и чувствовать себя виноватым.

Потому что ворсы не любят ездить в автобусе.

33. Младенец

Самое сложное в сказках — это концовка. Но что поделаешь, все сказки когда-то кончаются. Справедливости ради стоит сказать, что некоторые из них не кончаются очень долго. Взять, к примеру, вот эту. Опытные сказочники давно дали бы понять, что пора закругляться. Но проблема в том, что в конце сказки все герои обычно должны «жить долго и счастливо». Вот здесь-то и начинаются сложности чисто технического характера. Ведь те, кто уже успел пожить долго и счастливо, покидают остальных. И приходится жить долго и счастливо без них.

А это непросто. Тем, кто остался и должен жить дальше, приходится очень и очень непросто.

Когда они ехали из ветлечебницы, уже стемнело. Завтра Эльсин день рождения. Когда она в детстве просила ей что-то разрешить, а у мамы не хватало денег или имелись сомнения, что страховка это покроет, или это было просто-напросто невозможно, мама всегда клятвенно обещала Эльсе, что позволит ей это в день рождения.

И когда наконец наступал тот самый день рождения, бабушка напоминала Эльсе про все, что мама наобещала в течение года, за что мама на нее страшно сердилась. Но бабушка есть бабушка.

Накануне Эльсинаго дня рождения они с бабушкой делали снежных ангелов рядом с домом. Это была любимая традиция Эльсы и к тому же единственная ночь в году, когда бабушка не ругалась на ангелов.

Они ехали на такси вместе с Альфом. Не потому, что Эльса не хотела ехать вместе с папой на «ауди», а потому, что Альф ужасно разозлился на себя, поскольку он вместе с такси был в гараже, когда Сэм напал на Эльсу. Он рвал на себе волосы, что не он заступился за Эльсу. Все это рассказал ей папа — без малейшего замешательства. Папа может его сбросить, когда это действительно нужно.

По дороге Альф с Эльсой почти не разговаривали. А о чем говорить,

если сказать в общем-то нечего. Но, когда Эльса сообщила, что перед тем, как ехать в больницу, ей надо заглянуть домой, Альф не спросил зачем. Он просто молча поехал к дому. Такой уж он человек, этот Альф.

— Ты умеешь делать снежных ангелов? — спросила Эльса, когда такси затормозило около дома.

— Мне шестьдесят четыре года, — рявкнул Альф.

— Ну и что, — сказала Эльса.

Тогда Альф заглушил мотор, вышел из такси и гаркнул:

— Мне шестьдесят четыре года! Но так было не всегда. Конечно, умею, твою мать!

И они стали делать снежных ангелов. Девяносто девять штук. Потом они об этом особо не говорили. Бывают друзья, которым не надо особо разговаривать.

Женщина в джинсах увидела их с балкона. И засмеялась. У нее получалось все лучше и лучше.

Папа уже ждал их у входа в больницу. Мимо прошел врач, который на мгновение показался Эльсе знакомым. Увидев Джорджа, она побежала к нему через всю приемную и бросилась в объятия. На нем были спортивные шорты поверх легинсов, в руках стакан ледяной воды для мамы.

— Спасибо, что ты добежал до больницы! — сказала Эльса, обнимая Джорджа.

Джордж просто опешил.

— Бегаю я неплохо, — робко ответил он.

Эльса кивнула.

— Знаю. А все потому, что ты не такой, как все.

И они с папой пошли навещать маму. А Джордж так и стоял, держа в руках стакан холодной воды, пока та не нагрелась до комнатной температуры.

Папа посмотрел на Эльсу так, что было видно: он ревнует, но старается не подавать виду. Не подавать виду он тоже умеет.

Рядом с маминной палатой стояла медсестра, которая не хотела пропускать Эльсу, потому что у мамы были сложные роды. Она так и сказала. Голос у медсестры был очень решительный, она четко произносила каждое слово. Эльса кивнула. Папа тоже.

— Вы, наверное, новенькая? — деликатно поинтересовался он.

— При чем тут это? — высморкнула из себя медсестра, как будто в

разгаре сезона гриппа.

— Совсем ни при чем, — деликатно согласился папа, хотя это было очень даже при чем.

— На сегодня посещения кончились! — постановила медсестра голосом, не допускающим возражений, развернулась на каблуках и ушла в палату.

Папа и Эльса терпеливо ждали за дверью — было у них такое чувство, что не все еще потеряно. Все-таки мама не просто мама, а дочь бабушки. Папа с Эльсой не забыли тот случай с серебристой машиной, произошедший незадолго до рождения Эльсы. Когда мама рождает детей, с ней лучше не связываться.

Секунд через тридцать-сорок по коридору разнесся такой вопль, что картины на стенах задрожали, будто вот-вот упадут.

— СЕЙЧАС ЖЕ ПУСТИТЕ МОЮ ДОЧЬ, ИНАЧЕ Я ВАС ЗАДУШУ СТЕТОСКОПОМ И ПЕРЕВЕРНУ ВСЮ БОЛЬНИЦУ К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ!

Вообще-то папа с Эльсой думали, что дело решится быстрее, чем за тридцать-сорок секунд. На этот раз уже через три или четыре секунды слышится новый вопль:

— МНЕ ПЛЕВАТЬ, ЧТО У ВАС НЕТ СТЕТОСКОПА! Я НАЙДУ ЕГО И ВАМ НЕ ПОЗДОРОВИТСЯ!

Из палаты вышла медсестра. Ее уверенность слегка испарилась. У нее за спиной появился врач, который показался Эльсе знакомым, и приветливо сказал, что «они могли бы сделать исключение». Врач улыбнулся Эльсе. Набрав в легкие побольше воздуха, Эльса переступила порог палаты.

Мама была вся опутана разными шлангами и трубочками. Они обнялись, стараясь ничего не повредить.

А вдруг один из шлангов — электрический шнур, и если его выдернуть, мама выключится, как лампа? Мама гладила Эльсу по голове.

— Мне тоже очень-очень-очень жалко, что ворс нас покинул, — сказала она.

Эльса долго сидела молча на краю кровати. Слезы на щеках высохли. Она думала о том, что пора придумать новый способ исчисления времени. Честно говоря, сказочные вечности стали какими-то ненадежными. Может быть, есть что-то попроще? Например, взмахи ресниц. Или взмахи крыльев колибри. Кто-то должен об этом подумать. Надо будет дома посмотреть в «Википедии».

Эльса посмотрела на маму. Мама выглядела счастливой. Эльса

погладила ее по руке. Мама накрыла ее руку своей и не отпускала.

— Эльса, милая, я знаю, что я не безупречная мама.

Эльса прижалась лбом к маминому лбу.

— Не все должно быть безупречно, мам.

Они сидели так близко, что мамины слезы капали Эльсе на нос.

— Я много работаю. Я злилась на бабушку, что ее вечно нет дома, а теперь веду себя точно так же...

Эльса вытерла нос себе и маме гриффиндорским шарфом.

— Все в порядке, мам. Супергерои не безупречны.

Мама улыбнулась. Эльса тоже.

— Мам, можно у тебя кое-что спросить?

— Конечно.

— А что у меня от дедушки?

Вопрос застал маму врасплох. Так бывает с мамами, которые думают, будто могут заранее предусмотреть все вопросы своих детей, и вдруг понимают, что ошиблись. Эльса пожалала плечами.

— Ну, понимаешь, я не такая, как все, — это я в бабушку. Я педант — в папу. Что такое педант, я знаю, уже смотрела в «Википедии», — это у меня тоже в папу. Он любит все проверять. Я со всеми ссорюсь — в бабушку. А в чем же тогда я в дедушку?

Мама задумалась. Эльса фыркнула носом.

— Бабушка никогда не рассказывала сказки о дедушке...

Мама взяла в ладони Эльсино лицо, а Эльса вытерла ей слезы гриффиндорским шарфом.

— Думаю, она рассказывала о дедушке, просто ты этого не замечала, — прошептала мама.

— Так что у меня от дедушки?

— Его смех.

Эльса втянула руки в свитер и повертела пустыми рукавами.

— Он много смеялся?

— Он смеялся всегда, не переставая. Поэтому он любил твою бабушку.

Она всегда давала повод посмеяться. От души.

Эльса легла на кровать рядом с мамой и пролежала там по меньшей мере миллиард взмахов крыльев колибри. Сколько это на самом деле, сказать трудно. Все зависит от колибри.

— Все-таки бабушка никогда не была полной засранкой. Но в то же время нельзя сказать, что она совсем ею не была, — сказала Эльса.

Мама захохотала. Эльса тоже. Дедушкин смех. А потом они еще долго лежали и говорили про супергероев. Мама сказала, что теперь Эльса стала

старшей сестрой, а малыши всегда боготворят старших сестер. Это дает очень большую власть. И суперсилу. Надо про это помнить.

— Когда у тебя много силы, то и ответственности тоже гораздо больше.

Эльса сразу же села в кровати и выпрямилась.

— Ты читала «Человека-паука»?

— Я смотрела в «Гугле», — гордо ответила мама.

Мамино лицо снова исказилось от чувства вины. Так бывает у мам, когда они вдруг вспоминают, что время идет, а главная тайна до сих пор не раскрыта.

— Эльса... милая... первое бабушкино письмо. Его получила не ты. Сначала было еще одно. Бабушка передала его мне. За день до смерти...

Вид у мамы был такой, будто она готовится прыгнуть в ледяную прорубь. Ей совершенно не хочется прыгать, но теперь уже поздно, ты стоишь на краю, все ждут, отступить нельзя. Вот такое лицо было у мамы. Чтобы понять это, нужно самому хоть раз оказаться на краю проруби перед прыжком.

Но Эльса только кивнула и беззаботно пожала плечами. И снисходительно потрепала маму по щеке, как треплют маленьких детей, которые по незнанию допустили оплошность.

— Знаю, мама. Знаю.

Мама глупо таращилась на Эльсу:

— Как? Откуда?

Эльса терпеливо вздохнула:

— Так и быть, расскажу. Догадалась я, правда, не сразу, но это все-таки не квантовая физика. Во-первых, бабушка не была настолько безответственной, чтобы отправить меня охотиться за сокровищами, не сказав об этом тебе. Во-вторых, только мы с тобой умеем водить «рено», ты же знаешь, он не такой, как все. Мне иногда приходилось вести его, пока бабушка ела кебаб, а тебе — когда она была подшофе. Значит, припарковать его на место Бритт-Мари мог только один из нас. И это была не я. Я не дурочка, считать умею.

Мама хохотала во все горло так долго, что Эльса всерьез забеспокоилась о колибри.

— Тебе известно, что ты самый ушлый ребенок на свете? — спросила

мама.

— А то! — простонала Эльса.

А про себя подумала, что ей, конечно, очень приятно такое слышать, но все-таки маме надо больше общаться с людьми.

— Что пишет бабушка? — спросила Эльса.

Мама сжала губы:

— Просит прощения.

— Потому что была плохой мамой?

— Да.

— Ты простила ее?

Мама улыбнулась, и Эльса снова вытерла ее щеки гриффиндорским шарфом.

— Я пытаюсь простить нас обеих. Но я как «рено». У меня долгий тормозной путь.

Эльса обняла ее и не отпускала до тех пор, пока колибри не выбилась из сил и не ушла заниматься своими делами.

— Бабушка спасала чужие жизни, потому что в детстве ее саму спасли. Я узнала об этом только из письма. Бабушка сама была сиротой, — прошептала мама.

— Прямо как Люди Икс, — кивнула Эльса.

— Ты наверняка уже знаешь, где спрятано следующее письмо? — улыбнулась мама.

Что за вопрос. Конечно, знает. Эльса знала об этом всегда. Главное достоинство нашей сказки отнюдь не в том, что она полна неожиданных поворотов. Эльса совсем не дурочка.

Мама снова засмеялась. Строгая медсестра не выдержала и вошла в палату сообщить о том, что если они сейчас же не прекратят смеяться, то шланги могут выскочить. Новенькая, что с нее возьмешь.

Эльса встала. Мама ласково пожала ее руку.

— Знаешь, как мы назовем Полукогого? Не Эльвир. Совсем по-другому. Мы с Джорджем поняли, как только нам его показали. Уверена, что тебе понравится. — Мама произнесла новое имя.

Она права. Эльсе оно нравится. Очень.

Спустя несколько минут она смотрела на него сквозь стекло. Он лежал в маленькой пластиковой коробочке. Или в большом контейнере для завтрака. Трудно сказать, на что это больше похоже. Малыш был тоже опутан шлангами, губы синие, а личико такое, будто он весь день бежал против ветра, но медсестры сказали, что это не опасно. Эльсе это не

понравилось. Обычно так говорят, когда имеют в виду обратное. Эльса сложила ладони рупором и прошептала:

— Не бойся, Полукто! Теперь у тебя есть сестра. Все наладится. Все будет хорошо.

Эльса перешла на тайный язык:

— Я постараюсь тебе не завидовать. Я очень долго тебе завидовала, но теперь у меня появился приятель — Альф. У него тоже был младший брат, и они ругались всю жизнь. Не хочу, чтобы мы с тобой ругались всю жизнь, понимаешь? Надо работать над этим уже сейчас.

Кажется, Полукто все понял. Эльса прижалась лбом к стеклу.

— А еще у тебя есть бабушка. Она настоящий супергерой. Я тебе все про нее расскажу, когда мы вернемся домой. Молокомёт я отдала мальчику с синдромом, увы. Но я сделаю новый специально для тебя. Я возьму тебя с собой в Просонье, мы будем есть мечты, танцевать, смеяться, плакать. А еще мы будем храбрыми и научимся прощать. Мы полетим на облаконе, и бабушка будет ждать нас на лавочке в Миамасе и курить. А однажды к нам придет дедушка. Мы услышим его издали, потому что он очень громко смеется. Так громко, что, наверное, нам придется построить для него восьмое королевство. Надо спросить у Волчьего Сердца, как будет «я смеюсь» на языке его мамы. И ворс тоже там будет. Тебе он понравится. Лучше ворса друга нет.

Полукто посмотрел на нее из своей коробочки. Эльса вытерла стекло гриффиндорским шарфом.

— У тебя отличное имя. Самое лучшее. Я расскажу тебе о мальчике, в честь которого ты был назван. Тебе он понравится.

Эльса еще постояла возле стекла, думая о том, что идея с колибри все-таки не самая классная. Пожалуй, пока что придется оперировать вечностями. Так проще. К тому же это напоминает о бабушке. Удерживает ее здесь.

Прежде чем уйти, Эльса снова сложила руки рупором и прошептала на тайном языке:

— Ты мой брат, и это самое великое приключение, Гарри. Самое-самое!

Будет так, как сказала бабушка. Все наладится. Все будет хорошо.

Когда Эльса вернулась в палату, врач, показавшийся ей знакомым, стоял рядом с маминой кроватью. Он молча ждал, понимая: Эльсе понадобится время, чтобы вспомнить, где она его видела. Наконец жетон провалился в отверстие и Эльса вспомнила, — как она могла забыть!

— Вы аудитор, — недоверчиво сказала она. — И пастор. Из церкви. Я видела вас на бабушкиных похоронах, вы были в костюме пастора!

— Да, я много кем был, — спокойно ответил врач с таким выражением на лице, какого отродясь ни у кого не было, пока поблизости находилась бабушка.

— И врачом? — спросила Эльса.

— Врачом в первую очередь, — ответил тот и протянул руку: — Марсель. Старый друг твоей бабушки.

— Эльса, — представилась Эльса.

— Я понял, — улыбнулся Марсель.

— Вы были бабушкиным адвокатом, — сказала Эльса так, будто помнила детали телефонного разговора в начале сказки, где-то в конце второй главы.

— Я много кем был, — повторил Марсель и протянул ей какую-то бумагу.

Текст, распечатанный на принтере, ворд, ни одной ошибки, — сразу ясно, что это писал сам Марсель, а не бабушка. Но внизу было что-то приписано бабушкиным почерком. Марсель сцепил руки замком — не без сходства с Бритт-Мари.

— Дом, в котором вы живете, принадлежал бабушке. Ты, наверное, и сама догадалась.

Эльса кивнула. Она совсем не дуручка, что нет, то нет. Марсель показал на документ.

— Бабушка говорила, что выиграла его в покер, хотя точно сказать не могу.

Эльса читала про себя, выпятив губы.

— И что? Он теперь мой? Весь наш дом?

— Пока тебе не исполнится восемнадцать, домом будет распоряжаться твоя мама. Но бабушка позаботилась о том, чтобы ты могла делать с ним все что угодно. Если захочешь, например, можешь продать квартиры в собственность. А если не захочешь, не продавай.

Брови Эльсы подползли к самой кромке волос.

— А зачем вы тогда сказали, что если все в доме смогут друг с другом договориться, то квартиры перейдут в собственность?

Марсель сложил руки.

— Если ты будешь против, то считай, что договорились не все. Бабушка была уверена, что, если все придут к единому мнению, ты исполнишь их волю и никогда не сделаешь плохо никому из своих соседей. Поэтому она все подстроила так, чтобы ты могла узнать их получше,

прежде чем прочитаешь завещание.

Марсель положил руку ей на плечо.

— Это большая ответственность, но бабушка запретила мне передавать это дело кому-то другому. Она говорила, что ты «умнее, чем все эти психи вместе взятые». И добавляла, что королевство состоит из своих подданных. Сказала, что ты поймешь.

Эльса погладила бабушкину подпись в конце документа:

— Понимаю.

— Я объясню тебе все детали, это очень сложный документ, — с готовностью предложил Марсель.

Эльса откинула волосы с лица:

— Бабушку тоже простой не назовешь.

И тут Марсель заржал. По-другому не скажешь. Он ржал как конь. Даже с большой натяжкой нельзя было назвать это хохотом или смехом. Эльсе это очень понравилось. Она не смогла сдержаться и спросила прямым текстом:

— У вас с бабушкой было это дело?

— ЭЛЬСА! — в ужасе воскликнула мама, так что шланги чуть не выскочили из разъемов.

Эльса обиженно развела руками:

— Пф! Уже и спросить нельзя?

Она требовательно посмотрела на Марсея:

— Так было или не было?

Марсель сложил руки в замок. Он погрузился, но все же выглядел счастливым. Так бывает, когда ты ел очень большое мороженое и вдруг обнаружил, что оно кончилось.

— Она была моей самой большой любовью. И не только моей. Мужчины сходили по ней с ума. Да и женщины тоже.

— Бабушка тоже тебя любила?

Марсель не сердился. И не был расстроен. На лице его отразилась зависть. Он сказал:

— Нет, милая Эльса. Она любила тебя. Ее самой большой любовью была ты.

Марсель ласково потрепал ее по щеке. Посмотрел так, как смотрят, когда видят любовь всей своей жизни в глазах ее внучки. И ушел.

Эльса, мама и письмо остались наедине с секундами, вечностями и взмахами крыльев колибри. Мама дотронулась до Эльсиной руки и спросила как бы невзначай, как будто ей только что пришло это в голову:

— А что в тебе от меня?

Эльса молчала. Мама выглядела очень несчастной.

— Ну, сама знаешь. Ты сказала, что одно у тебя от бабушки, другое от папы. Вот я и подумала, что...

Мама замолчала. Ей стало стыдно, такое случается с мамами, которые вдруг понимают, что перешагнули ту жизненную отметку, за которой дочери для них становятся важнее, чем они сами для дочерей. Эльса взяла ее лицо в свои ладони и мягко сказала:

— Все остальное, мам. Все остальное во мне от тебя.

Папа вез Эльсу домой. Он выключил магнитолау, чтобы не мучить Эльсу своей музыкой, и остался ночевать вместе с Эльсой в бабушкиной квартире. Они спали в шкафу, где пахло стружками. Шкаф оказался папе в самый раз: он смог вытянуться там так, что касался одной стены пальцами ног, а другой — пальцами рук. Шкаф это умеет.

Когда папа заснул, Эльса прокралась на лестницу и спустилась вниз. Она остановилась у детской коляски, которая так и была пристегнута к перилам. Эльса рассматривала кроссворд, который кто-то заполнил простым карандашом. В каждом из слов была буква, пересекавшаяся с пятью нижними словами. А в тех, в свою очередь, было пять букв, обведенных жирной рамочкой.

Э.Л.Б.С.А.

Эльса опустила взгляд на кодовый замок, болтавшийся на железном тросе. На нем было пять колесиков на замке, где значились не цифры, а буквы.

Эльса набрала свое имя. Замок открылся. Коляска покатила вперед. На полу лежало бабушкино письмо Бритт-Мари.

Разумеется, Эльса все время об этом знала. Эльса вовсе не дурочка.

34. Бабушка

В Просонье не принято говорить «пока». Там говорят «до встречи». Жители Просонья придают этому большое значение, они считают, что ничто и никто никогда не умирает окончательно. А лишь превращается в историю: небольшой грамматический сдвиг, время меняется с настоящего на прошедшее. В Просонье вообще очень любят время. В сказках время не менее важно, чем магия или меч.

Похороны в Миамасе могут продолжаться неделями, потому что ни одно другое событие в жизни не рождает столько историй. В первый день это, как правило, истории о горе и тоске, которые через сутки плавно перетекают в такие истории, которые невозможно рассказывать без смеха. Истории о том, как однажды хранитель времени прочитал в инструкции на упаковке крема: «нанесите на лицо, избегая области вокруг глаз», вне себя от гнева он позвонил производителю и сказал, что лицо, черт побери, это и есть область вокруг глаз. Или о том, как хранитель времени попросил дракона сделать к празднику в замке карамельную корочку поверх крем-брюле, но не проследил, чтобы дракон сначала простудился. Или вот, было дело, хранитель времени стоял на балконе в распахнутом халате и стрелял в народ из пейнтбольного ружья.

Вот такие истории.

Пока миамасцы рассказывают их, они так громко хохочут, что истории поднимаются в воздух, наподобие небесных фонариков, и медленно кружат возле могилы. Пока все истории и все времена не сливаются воедино. Они смеются до тех пор, пока не запомнят, что именно это остается, когда мы уходим.

Смех.

— Полукто оказался мальчиком. Его будут звать Гарри! — гордо

сказала Эльса, счищая с камня снег. — Альф говорит, нам повезло, потому что у девочек в нашем роду поршни в башке клинит. — Эльса хмыкнула, заключив поршни в башке в воздушные кавычки, и пошаркала дальше, изображая Альфа.

Холод щипал щеки. Эльса щипала холод. Папа копал снег, поддевая лопатой верхний слой земли. Эльса плотнее закуталась в шарф Гриффиндора и развеяла прах ворса на бабушкиной могиле. Поверх пепла она насыпала крошек от плюшек с корицей.

Она крепко-крепко обняла каменное надгробие и прошептала:

— До встречи!

Теперь их истории будет рассказывать Эльса. Они с папой пошли к «ауди», держась за руки. И Эльса рассказала первую из историй. Папа внимательно слушал. Он убавил звук в магнитоле еще до того, как Эльса села в машину. Эльса пристально посмотрела на папу.

— Ты расстроился вчера, когда я обняла Джорджа? — спросила она.

— Нет, — ответил папа.

— Не хочу, чтобы ты расстраивался.

— А я и не расстраиваюсь.

— Совсем ни капельки?

— А что, должен?

— Ну мог бы немного.

— Пожалуй, я правда немного расстроился.

— Нет, знаешь, все-таки слишком сильно не надо.

— Извини.

— Не расстраивайся так, чтобы меня потом мучила совесть. Разве что самую малость, а то мне кажется, что тебе это безразлично!

— Я очень расстроился.

— А по тебе и не скажешь!

— Может, я просто не показываю?

Эльса придирчиво обдумала его слова и наконец согласилась:

— Good.

Папа неуверенно кивнул, стараясь лишний раз не предостерегать Эльсу от использования английских слов, когда в ее родном языке есть для них подходящий эквивалент. «Ауди» выехала на автостраду. Эльса хлопала крышкой бардачка.

— Вообще-то он ничего. В смысле Джордж.

— Ага.

— Я знаю, что ты так не думаешь.

— Джордж вполне себе ничего.

— Почему мы тогда никогда не празднуем вместе Рождество?
— Ты о чем?
— Я думала, вы с Лизеттой не приходите к нам на Рождество, потому что ты не любишь Джорджа.
— Ничего против него не имею.
— Но?
— Что «но»?
— В этом месте должно быть «но». Разве ты не собирался это сказать?
Папа вздохнул:
— Но... мы с Джорджем такие разные, если говорить о... характере. Он очень...
— Веселый?
Папа поморщился:
— Понимаешь, Джордж в высшей степени человек открытый.
— А ты в высшей степени закрытый?
Папа в замешательстве теребил руль.
— Почему ты не считаешь, что это из-за мамы?
— Что?
— Мы с таким же успехом можем не приходиться к вам на Рождество, потому что мама не любит Лизетту.
— Правда?
Папа вздохнул:
— Нет.
— Лизетту все любят.
— Знаю, — мрачно вздохнул папа, как вздыхают, когда кто-то упоминает крайне раздражающую черту твоей жены.
Эльса посмотрела на него долгим взглядом:
— За это она тебя любит, да? Потому что ты человек закрытый?
Папа улыбнулся:
— Если честно, я и сам не знаю, за что она меня любит.
— А ты ее любишь?
— Очень! — выпалил папа.
И тотчас пришел в замешательство.
— Ты, наверное, хочешь спросить, почему мы с твоей мамой перестали друг друга любить?
— Я хочу спросить, почему вы вообще начали.
— Думаешь, наш брак был совсем неудачным?
Эльса пожала плечами.
— Понимаешь, вы очень разные. Мама не любит «Эппл». А ты не

любишь «Звездные войны».

— На свете полно людей, которые не любят «Звездные войны».

— Пап, «Звездные войны» не любишь только ты!

Папа смиренно кивнул.

— Мы с Лизеттой тоже очень разные.

— Она любит «Звездные войны»?

— Должен признать, я никогда у нее не спрашивал.

— Как ты мог?

Папа отчаянно теребил руль.

— Понимаешь, разные мы в другом. В этом я почти уверен.

— Почему же вы тогда вместе?

— Может быть, потому, что мы принимаем друг друга такими, какие мы есть?

— А с мамой вы все время пытались друг друга переделать?

Папа погладил ее по лбу:

— Какая ты у нас умная, Эльса, иногда мне становится не по себе.

Эльса моргнула. Вдохнув поглубже, она с разбегу сказала:

— Пап, помнишь те эсэмэсы от мамы в последний день перед каникулами? О том, что не надо меня забирать. Это я их писала. Я наврала, чтобы доставить бабушкино письмо...

— Я догадался, — кивнул папа, погладив ее по волосам.

Эльса подозрительно посмотрела на папу. Тот улыбнулся:

— Там не было ни единой ошибки. Поэтому я догадался.

А снег все шел и шел. Стояла сказочная зима, которая, казалось, не кончится никогда. «Ауди» остановилась возле их дома, Эльса серьезно посмотрела на папу.

— Я бы хотела жить у вас с Лизеттой чаще, чем раз в две недели. Даже если вы этого не хотите.

— Милая, ты... я... ты можешь жить у нас сколько захочешь! — запинаясь, выдавил папа.

— Нет. Только раз в две недели. Я знаю, это все потому, что я не такая, как все, я разрушаю семейную гармонию. Но теперь у мамы с Джорджем есть Гарри. Мама не может круглые сутки думать обо всех, никто не может все время быть безупречным. Даже мама!

— Что?.. Семейная гармония? Откуда у тебя такие слова?

— Я много читаю.

Папа дышал так, как дышат папы, которым приходится говорить с ребенком о разводе, — независимо от того, как давно он случился. Он

дышал так, будто воздух вот-вот закончится.

— Я не хотел отрывать тебя от дома, — прошептал он.

— Не хотел отрывать от мамы?

— Мы все не хотели отрывать тебя от бабушки. Последние слова бесследно исчезли в воздухе.

Снежинки густо кружились перед лобовым стеклом, как тюлевая занавеска на сквозняке.

Эльса взяла папу за руку. Папа крепко сжал ее руку в своей.

— Трудно, наверное, осознать, что ты не можешь защитить своего ребенка от всего, — сказала Эльса, потрепав папу по щеке.

Папа не отпускал ее руку.

— Я человек амбивалентный и я знаю, что для папы это не лучшее качество. Я думал, что, прежде чем ты станешь оставаться у нас на подольше, мне надо привести свою жизнь в порядок. Думал, что сделаю это ради тебя. Это долг любого родителя, я внушал себе, что это надо сделать ради ребенка. Больно думать о том, что дети растут, не дожидаясь, пока родители найдут время привести свою жизнь в порядок...

Папа закрыл глаза. Потом снова открыл. Эльса обняла его.

— Пап, вовсе не обязательно быть безупречным отцом. Просто будь моим папой. Не позволяй маме проводить со мной больше времени только потому, что мама супергерой.

Папа зарылся носом в Эльсины волосы.

— Мы не хотели, чтобы ты все время чувствовала себя в гостях, — сказал папа.

— Кто вам вбил это в голову?

— Мы много читаем.

— Иногда просто диву даюсь: как таким умным людям приходят в голову такие глупости, — усмехнулась Эльса. — Не беспокойся, пап, когда я буду у вас жить, мы придумаем что-нибудь скучненькое!

Когда Эльса сообщила, что будет праздновать свой день рождения у них с Лизеттой, потому что мама с Джорджем и Гарри еще не вернутся из больницы, папа изо всех сил старался скрыть ужас. Но, когда Эльса сказала, что уже позвонила Лизетте и обо всем договорилась, скрывать ужас стало почти невозможно. Папа немного успокоился, только когда Эльса разрешила ему сделать приглашения на праздник. Он тотчас стал прикидывать, какой шрифт подходит для этого лучше всего. Шрифт на папу всегда действует успокаивающе.

— После обеда все должно быть готово! — распорядилась Эльса, и папа пообещал, что успеет управиться.

Забегая вперед, скажем, что карточки были готовы в начале марта. Но это уже другая история.

Эльса собралась было выпрыгнуть из машины, но вдруг подумала, что папа теперь еще в большем замешательстве и расстройстве, чем раньше. Может быть, ему станет немного лучше, если ненадолго включить его дурацкую музыку? Эльса прибавила звук в магнитоле. Но оттуда звучала не музыка. Только спустя две-три минуты Эльса поняла, что это.

— Это же последняя глава «Гарри Поттер и философский камень»!

— Да, аудиокнига, — смущенно признался папа. Эльса посмотрела на магнитола. Папа вцепился в руль, хотя «ауди» стояла на месте.

— Когда ты была маленькая, мы всегда читали вместе. Я всегда знал, на какой главе мы остановились. А теперь ты сама очень быстро читаешь. Я даже не всегда знаю, что именно. Я подумал, что раз «Гарри Поттер» так много для тебя значит, мне надо вникнуть в него, — покраснев, папа уставился на клаксон. Эльса молчала. Папа прокашлялся.

— Жалко, что вы помирились с Бритт-Мари. Пока я слушал эту книгу, мне пришло в голову, что ей можно дать кличку «Та-Кого-Нельзя-Называть». Думал, ты будешь смеяться...

Да, действительно жалко. Ничего смешнее папа еще не придумывал. Он и сам вошел во вкус. Папа возбужденно показал на магнитола жестом, для него крайне нехарактерным, и сказал:

— А ты знаешь, что про Гарри Поттера есть фильм?

Эльса снисходительно потрепала его по щеке.

— Пап, я тебя люблю. Правда. Но иногда мне кажется, ты с луны свалился.

— Ты знала? — удивился папа.

— Это все знают, пап.

Папа кивнул. Он перестал быть несчастным. Он почти успокоился.

— Я не особенно часто смотрю кино. Но этот фильм про Гарри Поттера мы могли бы посмотреть вместе. Он длинный?

— Пап, там всего семь книг. И восемь фильмов, — тихо сказала Эльса.

И вид у папы снова стал совершенно несчастным.

Эльса обняла его и выпрыгнула из «ауди». Сквозь снежную пелену пробивались лучи солнца. Альф в стоптанных башмаках и с лопатой для снега проковылял из подъезда. Эльса вспомнила традицию Просонья, по которой именинник всем дарит подарки в свой день рождения. На следующий год она подарит Альфу новые ботинки. Потому что в этом он

получит дрель.

У Бритт-Мари было открыто. В зеркало Эльса увидела, что Бритт-Мари в цветастом жакете с брошкой заправляет кровать. На пороге стоят два чемодана. Бритт-Мари разгладила последнюю складку на покрывале и, тяжело вздохнув, вышла в прихожую.

Она посмотрела на Эльсу. Эльса посмотрела на Бритт-Мари. Обе не знали, что сказать, а потом хором выпалили:

— У меня письмо!

Вслед за этим они одновременно спросили: «Что?» и «Как?».

И впали в замешательство.

— У меня для вас письмо от бабушки! Оно было приклеено к полу под коляской на лестнице! — сказала Эльса.

— Да-да. У меня для тебя тоже письмо. Оно лежало в фильтре сушилки в прачечной, — сказала Бритт-Мари.

Склонив голову набок, Эльса посмотрела на чемоданы.

— Уезжаете?

Бритт-Мари нервно сложила руки в замок. Похоже, ей очень хотелось смахнуть пылинку с Эльсиной куртки.

— Да.

— Куда?

— Не знаю.

— Что вы делали в прачечной?

Бритт-Мари поджала губы.

— Видишь ли, нельзя вот так просто взять и уехать, не застелив постели и не почистив фильтр сушильной машины. Это недопустимо. А вдруг со мной что-то случится? Не хочу, чтобы люди думали, будто я варвар, который не застилает постели. Нет.

Эльса усмехнулась. Лицо Бритт-Мари осталось непроницаемым. Но, возможно, она просто не подает виду и усмехается про себя.

— Это ведь вы пели песенку для пьянчуги, когда она орала на лестнице по ночам?

— Что ты сказала?

Эльса пожала плечами.

— Я слышала эту песню всякий раз, когда пьянчуга ходила на лестницу. Она от нее успокаивалась и шла спать. Ваша мама была учителем пения. Вряд ли пьянчуга может так хорошо петь. Надо просто немного пораскинуть мозгами. Я ведь не дурочка.

Бритт-Мари судорожно сжимала руки. Терла белую полоску на месте кольца.

— Видишь ли, Эльса, нельзя допускать, чтобы граждане в состоянии алкогольного опьянения бродили по ночам в нашем подъезде. Цивилизованные люди так не делают. Давид с Перниллой любили, когда я пела им эту песню перед сном. Они уже, конечно, не помнят, но им очень нравилось, как я пою. Да-да, это правда.

— Бритт-Мари, вы все-таки совсем даже не полная засранка, — улыбнулась Эльса.

— Спасибо, — неуверенно ответила Бритт-Мари, словно это была ловушка.

И они обменялись письмами. На Эльсином письме было написано «ЭЛЬСЕ». На письме Бритт-Мари — «Старой перечнице». Эльсе не пришлось упрашивать Бритт-Мари, та сама прочитала свое письмо вслух. У Бритт-Мари это здорово получается.

Письмо, разумеется, было длинное. Бабушке, само собой, хватало за что извиняться перед людьми, но никто из людей даже близко не имел такого количества оснований перед ними извиняться, как Бритт-Мари. Бабушка просила прощения за ту историю со снеговиком. За комья пыли в сушилке. За то, что стреляла в Бритт-Мари с балкона из пейнтбольного ружья, которое только что купила и хотела опробовать. Однажды, когда Бритт-Мари была в своем лучшем платье, бабушка попала ей в задницу, а там уже пятно брошкой не скроешь. Потому что цивилизованные люди на заднице брошки не носят. Бабушка писала, что теперь в полной мере осознала свою вину.

Но больше всего бабушка просила прощения в конце письма, и когда Бритт-Мари дошла до этого места, слова застряли у нее в горле, так что Эльсе пришлось заглянуть в листок и дочитать самой.

Прости, что я не когда ни говорила тебе: Кент тебя не достоин, ты заслуживаешь лучшего! Правда! Хоть ты и старая перечница!

Аккуратно сложив письмо, Бритт-Мари попыталась улыбнуться как ни в чем не бывало.

— С правописанием у твоей бабушки всегда были проблемы, да-да.

— Она писала как безграмотная курица лапой, — ответила Эльса.

И тут Бритт-Мари улыбнулась самой настоящей улыбкой, почти как все нормальные люди. Эльса погладила ее по руке:

— Бабушка знала, что вы решите кроссворд.

Бритт-Мари с растерянным видом теребила письмо.

— Как ты догадалась, что это я?

— Буквы в клеточках написаны карандашом. Бабушка всегда говорила, что вы из тех, кто не может уехать в отпуск, не застелив кровати, или заполнить кроссворд ручкой, не выпив перед этим пару бокалов вина. А я никогда не видела, чтобы вы пили вино.

Бритт-Мари смахнула невидимые пылинки с бабушкиного письма и упрямо ответила:

— Иначе буквы нельзя стереть. Мы же не варвары.

— Конечно нет. Совсем не варвары. Нет-нет, — передразнила Эльса.

Она посмотрела на конверт в руках Бритт-Мари. В нем было что-то еще. И это что-то слегка позвякивало. Бритт-Мари осторожно отогнула краешек конверта и вытянула шею, как будто боялась, что из конверта выпрыгнет бабушка собственной персоной и закричит: «УУУУУУУ!»

Наконец Бритт-Мари запустила туда руку и достала бабушкины ключи от «рено».

Эльса и Альф помогли ей спустить чемоданы. «Рено» завелся с первой попытки. Бритт-Мари вздохнула самым глубоким вздохом, на который способно млекопитающее. В салон заглянула Эльса и сквозь грохот мотора прокричала:

— Кстати, я обожаю комиксы и леденцы на палочках!

Бритт-Мари хотела было что-то ответить, но слова застряли в горле. Эльса засмеялась и пожала плечами.

— Это я так, на всякий случай. Если у вас вдруг лишние заваялись.

Бритт-Мари смахнула с цветастого жакета вполне реальные капельки. Эльса захлопнула дверцу.

Бритт-Мари отправилась в путь. Куда — она пока и сама не знала. Навстречу большому миру и ветру, который играет в волосах. Отныне она будет решать кроссворды только ручкой.

Но, как говорится в сказках, это уже совсем другая история.

Альф еще стоял в гараже и смотрел ей вслед, когда она скрылась из виду. А потом весь вечер и все следующее утро яростно чистил снег.

Эльса сидела в шкафу, который сохранил бабушкин запах. Да и весь дом пахнул бабушкой. Этот дом, он такой, его запах невозможно забыть ни через десять, ни через двадцать, ни даже через тридцать лет. И конверт с бабушкиным последним письмом пахнет домом. Вот из чего состоит этот

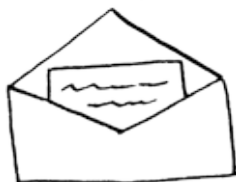
запах: табак, обезьяна, кофе, пиво, лилии, моющее средство, кожа, резина, мыло, гель, протеиновые батончики, ментол, вино, снюс, стружки, пыль, плюшки с корицей, дым, бисквитное тесто, магазин одежды, воск, какао, тряпка, мечты, елка, пицца, глёт, картошка, меренги, духи, ореховый пирог, мороженое, младенец. Так пахнет бабушка. Самый лучший запах самой лучшей бабушки с легким приветом.

Имя Эльсы было написано на конверте почти ровно — бабушка явно очень старалась. Получилось так себе.

Письмо начиналось с пяти простых слов: «Прости, что мне пришлось умирать».

Наступил день, когда Эльса простила бабушку.

Эпилог

(Если не знаете, что это, загляните в «Википедию».)

.....

Рыцерию Эльсе

Прости, что мне пришлось умереть. Прости, что я стала старой и заболела этим дурацким раком. Прости, что оставела тебя. Прости, что иногда я была почти полной засранкой. Я люблю тебя в вечности десяти тысяч сказок. Надеюсь, ты передашь наши сказки Полукому! Защищай замок!! Защищай своих друзей и они защитят тебя. Отныне замок принадлежит тебе. Ты самая храбрая, умная и сильная. Ты лутшая из нас. Рости и не бойся быть не такой как все, и некаму ни пазволяй грести тебя под одну грибенку, потомучто все супергерои не такие как все! А если станут преставать, бей их по выключатилю!! Живи, смейся, мечтай, и превози новые скаски в Мьямас. Я тебя жду. А может и дедушка тоже там. Черт его знает. Меня ждет настоящие преключение. Прости, что я была такой чокнутой. Я люблю тебя. Черт бы меня побрал, как я тебя люблю!!

Да, с правописанием бабушка никогда не дружила.

Ох уж и нелегко писать эпилоги. Это факт. Потому что в эпилоге должен быть ответ на все вопросы. Но если рассказчик сам не до конца знает, как было дело, или, например, немного устал и проголодался, то эпилог только поставит множество новых вопросов. Одни скажут, что все случившееся с героями этой сказки после того, как она закончилась, невероятно сложно, а другие с большой вероятностью скажут, что все очень просто. Жизнь ведь она такая — невероятно сложная и очень простая одновременно. Для того и существуют статусы Фейсбука.

Свой восьмой день рождения Эльса праздновала у папы с Лизеттой. Папа выпил три стакана глёга и танцевал елочный танец. «Танцевал» — это сильно сказано. В кавычках, конечно. Лизетта с Эльсой смотрели «Звездные войны». Оказалось, что Лизетта знает все реплики наизусть. Мальчик с синдромом и его мама тоже пришли вместе со всеми и много смеялись — ведь только так можно победить страхи. Мод напекла печенья, Альф был в плохом настроении, Леннарт подарил папе с Лизеттой новую кофеварку с одной кнопкой. Папе это очень понравилось.

Жизнь наладится. Все будет хорошо.

Гарри крестили в небольшой часовне на кладбище, где были похоронены бабушка и ворс. Мама настояла на том, чтобы открыть двери часовни, хотя на улице был страшный холод. Но маме хотелось, чтобы всем было видно.

— Как будут звать мальчика? — спросил пастор, он же адвокат, он же врач; он же — как выяснилось впоследствии — немного подрабатывал библиотекарем.

— Гарри, — ответила мама.

Пастор кивнул и подмигнул Эльсе.

— Будут ли у него крестные?

Эльса громко фыркнула:

— Не нужны ему никакие крестные! У него есть старшая сестра!

Понятно, что люди в реальном мире таких вещей не понимают. Но в Миамасе не принято выбирать крестных, вместо них выбирают смехачей. Смехач — главный человек в жизни ребенка после родителей и бабушки и еще нескольких людей, которые, с бабушкиной точки зрения, особой важности не имеют. Разумеется, выбор смехача не доверяют родителям, слишком это серьезное дело. Смехача назначает сам ребенок. Когда в Миамасе рождаются дети, все друзья семьи собираются вокруг колыбельки, рассказывают истории, строят рожи, танцуют, поют и травят шутки. Тот, кто первым рассмешит ребенка, и становится его смехачом. В Миамасе детский смех считается критерием безошибочным, и смехач потом лично отвечает за то, чтобы ребенок смеялся как можно чаще, громче и в тех ситуациях, которые нервируют родителей больше всего на свете. Эта одна из самых ответственных миссий смехача.

Эльса, конечно, знает, что все станут говорить, будто Гарри еще слишком маленький и пока не понимает, что у него есть старшая сестра. Но они-то с Гарри прекрасно помнят, кому он впервые улыбнулся, когда Эльса

держала его на руках.

Они вернулись домой, и жизнь потекла своим чередом. Раз в неделю Альф садился в такси и отвозил Леннарта с Мод к большому зданию, где они поднимались в маленькую комнату и очень долго ждали. Наконец открывалась маленькая дверка, и к ним выходил Сэм в сопровождении двух огромных охранников.

Леннарт доставал термос с кофе, Мод — банку с печеньем. Ведь печенье — это самое главное.

Найдется немало людей, которые скажут, что не стоило этого делать. Не стоило его навещать. Такие, как Сэм, не достойны того, чтобы жить, не говоря уже о печенье. И возможно, они правы. А возможно, совершенно не правы. Все сложно. Но Мод вам ответит, что в первую очередь она бабушка, во вторую — свекровь, а в третью — мать. И именно так поступают бабушки, свекрови и мамы. Они всегда сражаются на стороне добра и печенья. А Леннарт будет пить кофе и соглашаться с Мод. Если в этот момент неподалеку окажется Саманта, он непременно добавит, что кофе — напиток для взрослых. Мод по-прежнему печет печенье, чтобы выжить в подступающем мраке, — чтобы найти силы жить, чтобы починить сломанное. Лучшее оружие Мод — это мечты.

Поэтому Мод печет мечты. Во всех непонятных ситуациях ешьте печенье. Хотите верьте, хотите нет. В обоих случаях вы будете правы. Такова жизнь — слишком сложная и одновременно слишком простая.

Поэтому и существует печенье.

На Новый год вернулся Волчье Сердце. Полиция сочла его действия самозащитой, хотя все знали, что он защищал не себя. Хотите верьте, хотите нет.

Он снова поселился в своей квартире. А женщина в джинсах осталась в своей. Каждый, как мог, учился жить дальше с самим собой, а не просто существовать. Ходить на встречи кризисных групп. Рассказывать свои истории. Чтобы не задохнуться. Они не знали, смогут ли они на этом пути починить все сломанное, но все же шли дальше. А по воскресеньям ужинали у Эльсы, Гарри и мамы с Джорджем. Иногда к ним присоединялась женщина-полицейский с зелеными глазами. Она оказалась прекрасным рассказчиком. Мальчик с синдромом так и не стал говорить, но научил всех танцевать свой удивительный танец.

Однажды утром Альф проснулся от жажды. Он поднялся, сварил кофе и уже собрался было вернуться в спальню, как в дверь постучали. Альф открыл. Отхлебнул из чашки. И долго смотрел на брата. Кент стоял перед ним, опираясь на костыль, и не отводил взгляда.

— Я вел себя как идиот, — пробормотал Кент.

— Да уж, — пробормотал в ответ Альф.

Пальцы Кента нервно сжимали костыль.

— Моя фирма лопнула полгода назад.

На пороге повисла куцая тишина, вобравшая в себя все ссоры, какие обычно бывают у братьев.

— Кофе хочешь? — буркнул Альф.

— Если есть готовый, давай, — буркнул Кент.

Они пили кофе. По-братски. А потом, сидя на кухне, сравнивали открытки, присланные Бритт-Мари. Она писала каждому раз в неделю. Как это свойственно женщинам вроде Бритт-Мари.

Раз в месяц в комнате для собраний по-прежнему проходили встречи жильцов. На встречах все по-прежнему ругались. Потому что это был самый обычный дом. Грубо говоря. Бабушка с Эльсой и не хотели, чтобы было иначе.

Каникулы кончились, и Эльса снова пошла в школу. Она крепко завязала шнурки на кроссовках и тщательно затянула лямки на ранце — такие, как она, об этом не забывают. В ее классе появился новенький по имени Алекс. Он тоже был не такой, как все. Эльса и Алекс тотчас подружились. Так, как могут подружиться только новоиспеченные восьмилетки. Больше они ни от кого не бегали. Когда первый раз в четверти их вызвали в кабинет директора, у Эльсы был синяк под глазом, а у Алекса ссадина на лице. Вздохнув, директор сказал маме Алекса, что мальчику нужно «адаптироваться». В ответ она хотела огреть его глобусом. Но мама Эльсы ее опередила.

Ну как после этого можно ее не любить?

Прошла пара дней. И пара недель. К Эльсе и Алексу примкнули другие дети, которые были не такими, как все. Они вместе держались в коридоре и на школьном дворе. Вскоре детей стало так много, что получилась целая армия, и никто больше не решался преследовать их. Разве можно быть таким, как все, когда не таких, как все, явное большинство?

Осенью мальчик с синдромом пошел в первый класс. На школьный

маскарад он пришел в костюме принцессы. Какие-то старшеклассники стали над ним смеяться, и мальчик заплакал. Тогда Эльса с Алексом взяли мальчика, пошли на парковку и позвонили папе. И он приехал с полной сумкой одежды.

Они вернулись в школу, переодевшись принцессами. Точнее, это были костюмы Человека-паука, переодевшегося принцессой.

После этого они стали супергероями мальчика.

Потому что каждый семилетний ребенок заслуживает иметь своего супергероя. Это факт. А кто не согласен, тому надо проверить голову.

Благодарности

Неде. Никогда не забывай, я пишу для того, чтобы рассмешить тебя. (Извини за мокрые полотенца на полу в ванной.) Ашегетам.

Бабушке, которая ни капельки не сумасшедшая, но всегда пекла самое вкусное печенье, какое только может вообразить семилетний ребенок.

Дедушке, который всегда верил в меня как никто другой.

Сестре, которая сильнее льва.

Маме, которая научила меня читать.

Астрид Линдгрен, благодаря которой я полюбил это дело.

Библиотекарям из моего детства, которые увидели перед собой боявшегося высоты мальчика и подарили ему крылья.

Отдельное спасибо

Мину Оби-Вану Никласу Натт о Дагу. Моему редактору Юну Хэггблуму. Моему агенту Юнасу Аксельссону. Ванье Винтер (за всестороннюю языковую поддержку). Фредрику Сёдерлунду (за то, что одолжил мне Щаса). Юхану Силлену (который первый все понял). Керсти Форсберг (за то, что однажды дала мальчику шанс). Нильсу Ульссону (за две потрясающие обложки). Всем, кто так или иначе связан с выходом книги «Вторая жизнь Уве» в издательствах *Forum, Månocket u Bonnier.*

Агентствам *Audio, Bonnier Agency, Tre Vänner u Partners in Stories.* Заранее особое спасибо всем педантам от лингвистики, которые найдут ошибки в названиях семи королевств (привет грамматике!).

Самое большое спасибо

Тем, кто читает эту книгу. Без вашего предполагаемого одобрения мне, скорее всего, пришлось бы искать себе нормальную человеческую работу.

notes

СНОСКИ

«Хаос — сосед Бога» — пьеса известного шведского драматурга Ларса Нурена. — *Здесь и далее — прим. перев.*

Да, да, Клаус! Да! Обсудим это на встрече во Франкфурте! (*ломаный английский*).

Да, да, Клаус! Да! Обсудим это во Франкфурте! (ломаный английский).

Перевод Н. Полилова.

Яльмар Сёдерберг, «Доктор Глас». Перевод Валентины Мамоновой.